ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ
XI-начало XII века

ЕѴА· Ѡ ИОАНА· ГЛА· А·

ИСКОНИ БѢ СЛОВО
И СЛОВО БѢ ОТЪ
БГА· И БЪ БѢ
СЛОВО· СЕ БѢ
ИСКОНИ У

ЖИВОТЪ БѢ СВѢТЪ
ЧЛОВѢКОМЪ· И СВѢ
ТЪ ВЪ ТЬМѢ СВЬТИ
ТЬСА· И ТЬМА ЕГО
НЕ ОБАТЪ· БЫСТЬ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИХЛ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

НАЧАЛО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XI –
начало
XII века

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

Р1
П15

Вступительная статья
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Составление
и общая редакция
Л. А. ДМИТРИЕВА
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Оформление
художника
В. ВАГИНА

П $\frac{70301\text{-}434}{028(01)\text{-}78}$ 61-78

ВЕЛИЧИЕ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Чтобы почувствовать духовные богатства древней русской литературы, необходимо взглянуть на нее глазами ее современников, ощутить себя участником той жизни и тех событий. Литература — часть действительности, она занимает в истории народа определенное место и выполняет огромные общественные обязанности.

Перенесемся мысленно в начальные века русской истории, в эпоху нераздельного существования восточнославянских племен, в XI—XIII века.

Русская земля огромна, поселения в ней редки. Человек чувствует себя затерянным среди непроходимых лесов или, напротив, среди слишком легко проходимых для его врагов бескрайних просторов степей: «земли незнаемой», «дикого поля», как называли их русские. Чтобы проехать из конца в конец Русскую землю, надо много дней провести на коне или в ладье. Бездорожье весной и поздней осенью отнимает месяцы от этого трудного общения людей.

В беспредельных пространствах человек с особенной силой стремился к общению, стремился отметить свое существование. Человек ставит высокие и светлые церкви на холмах или на крутых берегах рек, чтобы издали обозначить места своих поселений. Эти церкви отличаются удивительно лаконичной архитектурой — они рассчитаны на то, чтобы быть видными со многих точек, служить маяками на дорогах. Они словно вылеплены заботливой рукой, хранят в неровностях своих стен тепло и ласку человеческих пальцев. В таких условиях гостеприимство становится одной из основных человеческих добродетелей. Сам киевский князь Владимир Мономах призывает в своем «Поучении» «привечать» гостя. Частые переезды с места на место принадлежат к немалым добродетелям, а в иных случаях переходят даже в страсть к бродяжничеству. В своих танцах и в своих песнях человек стремится к тому же покорению пространства. О русских протяжных песнях хорошо сказано в «Слове о полку Игореве»: «дѣвици поютъ на Дунаи,— вьются голоси чрезъ море до Киева». Русские создали даже обозначение для особого вида храбрости — храбрости в пространстве, храбрости в движении — «удаль».

В огромных просторах люди с особенной остротой ощущали и ценили свое единство, — и в первую очередь единство языка, на котором они говорили, на котором пели, на котором рассказывали предания глубокой старины, опять-таки свидетельствовавшие об их единстве. В тогдашних условиях даже само слово «язык» приобретает значение «народ», «нация». Роль литературы также становится особенно значительной. Она служит той же цели

объединения, выражает народное самосознание единства. Она — хранительница истории, преданий, а эти последние были своего рода средствами освоения пространства, отмечали святость и значительность того или иного места: урочища, кургана, селения и проч. Исторические предания сообщали и стране историческую глубину, были тем «четвертым измерением», в рамках которого воспринималась и становилась «обозримой» вся обширная Русская земля. Ту же роль играли летописи и жития святых, исторические повести и рассказы об основании монастырей.

Вся древняя русская литература, вплоть до XVII века, отличалась глубоким историзмом. Литература уходила корнями в ту землю, которую занимал и веками осваивал русский народ. Литература и Русская земля, литература и русская история были теснейшим образом связаны. Литература была одним из способов освоения окружающего человека мира. Недаром автор похвалы книгам и Ярославу Мудрому писал в летописи: «Се бо суть реки, напояющие вселенную...», а князя Владимира I сравнивал с земледельцем, вспахавшим землю, Ярослава же с сеятелем, «насеявшим» землю «книжными словесы». Писание книг — это возделывание земли, и мы уже знаем какой — Русской, населенной русским «языком» — русским народом. И подобно труду земледельца переписка книг была на Руси извечно «святым» делом. Тут и там бросались в землю ростки жизни, зерна, которые предстояло пожинать будущим поколениям.

И вот, потому что переписывание книг — святое дело, книги могли быть только на самые важные темы. Все они в той или иной мере представляли «учение книжное». Литература не носила развлекательного характера, она была школой, а ее отдельные произведения в той или иной мере поучениями.

Чему же учила древняя русская литература? Оставим в стороне те религиозные и церковные вопросы, которыми она была занята. Светская стихия древней русской литературы была глубоко патриотичной. Она учила деятельной любви к родине, воспитывала гражданственность, стремилась к исправлению недостатков общества.

Если в первые века русской литературы, в XI—XIII века, она призывала князей прекратить раздоры и твердо выполнять свой долг защиты родины, то в последующие — в XV, XVI и XVII века — она заботится уже не только о защите родины, но и о разумном ее преобразовании. Вместе с тем на протяжении всего своего развития литература была училищем истории. И она не только сообщала сведения по истории,— она также стремилась определить место русской истории в мировой, открыть смысл существования человека и человечества, открыть назначение Русского государства.

Русская история и сама Русская земля объединяла все произведения русской литературы в единое целое. В сущности, все памятники русской литературы благодаря своим историческим темам были гораздо теснее связаны между собой, чем в новое время. Их можно было расположить в порядке хронологии, а все в целом они излагали одну историю — русскую и тоже — мировую. Теснее были связаны между собой произведения и в результате отсутствия в древней русской литературе сильного авторского начала. Литература была традиционна, новое создавалось как продолжение уже

существовавшего и в тех же эстетических принципах. Произведения переписывались и переделывались. В них сильнее отражались читательские вкусы и читательские требования, чем в литературе нового времени. Книжки и их читатели были ближе друг к другу, чем в новое время, а в произведениях сильнее представлено коллективное начало. Древняя литература по характеру своего бытования и создания стояла ближе к фольклору, чем к личностному творчеству нового времени. Произведение, раз созданное автором, затем в бесчисленных переписываниях изменялось писцами, переделывалось, в различной среде приобретало различные идеологические окраски, дополнялось, обрастало новыми эпизодами и т. д.: поэтому почти каждое произведение, дошедшее до нас в нескольких списках, известно нам в различных редакциях, видах и изводах.

Древнерусский автор то сам непосредственно, от своего лица, ратует за правду в своих поучениях и «словах», то создает образы борцов за справедливость, за независимость своей родины, за осуществление идеалов на земле — в летописях, исторических повестях, в житиях святых и бытовых повестях. Его идеалы не всегда одинаковы. Они то воспитаны религиозными представлениями времени, то, уклоняясь от этих представлений, рисуют нам князей и воинов, обороняющих Русскую землю от врагов, побеждающих врагов или терпящих от них поражение, но всегда преданных своему долгу в неравной борьбе с более сильным противником. Они рисуют нам «бояр думающих» и «мужей храбрствующих». Но когда бы писатель ни жил, кого бы ни описывал, за что бы ни ратовал, — перед нами во всех произведениях выступает деятельный, бескомпромиссный и верный своим идеалам герой. Эта бескомпромиссность в борьбе за лучшее будущее стала одной из самых характерных черт русской литературы во все века ее существования.

В тесной связи с этими высокими идеалами, в строгом соответствии с предназначением древней русской литературы, с ее историзмом определился и тот художественный стиль, который был для нее так характерен. Стиль этот был достоин той исторической миссии, которую выполняла древнерусская литература: это стиль монументального историзма.

История человеческой культуры знает периоды, когда человек открывает в мире какие-то стороны, до того им не замечавшиеся. Обычно это периоды возникновения нового взгляда на мир, появления нового мировоззрения и нового великого стиля в искусстве и литературе. Каждый вновь появляющийся стиль — это своего рода новый взгляд на мир. Это не только эстетическое обобщение в произведении, но новое эстетическое восприятие действительности. Человек открывает в окружающей его вселенной какую-то не замечавшуюся им ранее стилистическую систему — научную, религиозную, художественную. В свете этой системы он воспринимает все окружающее, и обычно это открывает собой период радостного удивления перед миром. Восхищение перед миром становится как бы чертой мировоззрения и начального этапа новой «стилистической формации».

Так было и в раннем периоде древнерусской культуры. Об оптимистическом характере первого (домонгольского) периода русского христианства писали многие. В качестве объяснения приводилось отсутствие в древнерусском христианстве аскетизма. Но дело не ограничивается оптимистичностью раннего древнерусского христианства: само отсутствие в нем аскетизма требовало бы объяснения, в свою очередь.

Ранний феодализм пришел на Руси на смену родовому обществу. Это был огромный скачок, ибо Русь миновала историческую стадию рабовладельческого строя. Христианство пришло на смену древнерусскому язычеству,— язычеству, типичному для родового общества. В древнерусском язычестве гнездился страх перед могуществом природы, сознание бессилия человека перед стихийными силами. Христианство в своей богословской концепции мира ставило человека в центр природы, а природу воспринимало как служанку человека, открывало в природе «мудрость» мироустройства и божественную целесообразность. Это хотя и не освобождало человека полностью от страха перед силами природы, все же коренным образом меняло отношение человека к природе, заставляло его задумываться над смыслом устройства вселенной, смыслом человеческой истории, открывало в них предвечный замысел и нравоучение человеку. Первые русские произведения полны восхищения перед мудростью вселенной, но мудростью не замкнутой в себе, а служащей человеку. Владимир Мономах пишет в «Поучении»: «Что есть человѣкъ, яко помниши й? Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдес твоихъ; — и пакы речемъ: велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалить, не прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и добротъ, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт, и земля на водах положена, господи, твоимъ промысломъ! Звѣрье розноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человѣка, како образи розноличнии въ человѣчьскыхъ лицих,— аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лиць образом, по божии мудрости».

Церковная и нецерковная литература домонгольского периода полна и другими приглашениями «подивиться» или «почудиться» окружающему человека миру. На пути такого антропоцентрического восприятия мироздания менялись и отношения между художником и его произведением, между зрителем и объектом искусства. И это новое отношение уводило человека от канонически признанного церковью. Человек осознавал свое назначение и свою значительность в окружающем его мире.

Бог прославляется человеческими делами. «И кто не удивится, възлюблении, яко богу прославитися нашими делесы?» — говорит Феодосий Печерский в «Слове о терпении и любви». Но и бог, в свою очередь, прославляет человека церквами, иконами и церковною службою. Отсюда, с одной стороны, приглушенность личного начала в творчестве, ибо в человеческом творении прежде всего проявляется не личностное начало, а боговдохновенность и богосозданность, но отсюда же, с другой стороны, величие и

монументальность произведений искусства и литературы, их прославляющий человека характер.

Феодосий Печерский утверждает: «...на честь бо намъ стлъпи (столпы) суть и стены церковныа, а не на бесчестие». Для человека — клепание в била (звон в железные доски), призывающее его ко святой службе, для человека пение церковное, для него и образы, и кадило, к нему обращенное, и чтения Евангелия и житий святых.

Нечто подобное находим мы и в одном из первых произведений русской литературы — в «Слове о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона. В своем «Слове» Иларион обращается к умершему князю Владимиру Святославичу с риторическим призывом встать из гроба и взглянуть на честь, которая ему оказана: «Отряси сонъ, взведи очи, да видиши какоя тя чьсти господь тамо сподобил, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ». Называя эту «честь», Иларион указывает на потомство Владимира — его сыновей, на цветущее благоверие, на град Киев «величьствомъ сияющь», на «церкви цветущии». Церковь Благовещения — это не только честь богу и Владимиру, но и честь всем горожанам Киева. Искусство, следовательно, служит человеку, «воздает ему честь», славит его и возвышает.

Обращенность искусства к его создателям и ко всем людям стало стилеформирующей доминантой всего монументального искусства и всей литературы домонгольского периода. Именно отсюда идет импозантность, торжественность, церемониальность всех форм искусства и литературы этого времени.

Литературный стиль всего домонгольского периода может быть определен как стиль монументального историзма. Люди этого времени стремились увидеть во всем значительное по содержанию, мощное по своим формам. Стиль монументального историзма характеризуется стремлением рассматривать изображаемое как бы с больших расстояний — расстояний пространственных, временных (исторических), иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее красивое представляется большим, монументальным, величественным. Развивается своеобразное «панорамное зрение». Летописец видит Русскую землю как бы с большой высоты. Он стремится вести повествование о всей Русской земле, сразу и легко переходит от события в одном княжестве к событию в другом — на противоположном конце Русской земли. Летописец все время перебрасывает свой рассказ из Новгорода в Киев, из Смоленска во Владимир и т. п. Это происходит не только потому, что летописец соединял в своем повествовании источники различного географического происхождения, но и потому еще, что именно такой «широкий» рассказ отвечал эстетическим представлениям своего времени.

Стремление соединить в своем повествовании различные географические пункты характерно и для сочинений Владимира Мономаха — особенно для его биографии.

Действие «Сказания о Борисе и Глебе» также происходит как бы в пути, переходит из одного места Русской земли в другое. На севере — это Новгород, где новгородцы препятствуют Ярославу бежать за море к варягам.

На юге — это печенежская степь, куда Владимир посылает Бориса с войском. На западе — это пустыня между Польшей и Чехией, куда бежит и где погибает злою смертью Святополк Окаянный. На востоке — это Волга, куда отправляется Глеб. Действие «Сказания» как бы охватывает всю Русскую землю.

Характерно, что писатели XI—XII веков воспринимают победу над врагом как обретение «пространства», а поражение — как потерю пространства, несчастье — как «тесноту». Жизненный путь, если он исполнен нужды и горя, — это прежде всего «тесный путь».

Многочисленные упоминания различных географических точек в произведениях этого времени далеко не случайны. Древнерусский писатель как бы стремится отметить побольше различных мест совершившимися в них историческими событиями. Земля для него свята, она освящена этими историческими событиями. Он отмечает и то место на Волге, где конь Бориса запнулся в поле и сломал себе ногу, и Смядынь, где Глеба застала весть о смерти отца, и Вышгород, где были затем похоронены братья, и т. д. Автор как бы торопится связать с памятью о Борисе и Глебе побольше различных мест, урочищ, рек и городов. Это особенно знаменательно в связи с тем обстоятельством, что культ Бориса и Глеба непосредственно служил идее единства Русской земли, прямо подчеркивал единство княжеского рода, необходимость братолюбия, строгого подчинения младших князей старшим.

Эти священные места — как бы маяки, населяющие Русскую землю. Пространство как бы нуждается в том, чтобы оно было как можно больше населено историческими воспоминаниями и церковными реликвиями. И не случайно автор «Сказания о Борисе и Глебе» говорит, что оба брата были просты и смиренны, на «высокая мѣста и жилища (селения. — *Д. Л.*) въселистася». Священные места в Русской земле представляются автору как некие возвышенности, вышки, созданные людьми. Они расставлены по всей Русской земле. Борис и Глеб — защитники не одного какого-либо города в Русской земле, но всех: в отличие от Дмитрия Солунского, говорит автор «Сказания», обращаясь к Борису и Глебу, — «вы не о единомь бо градѣ, ни о дъву, ни о вьси (одном селе. — *Д. Л.*) попечение и молитву въздаета, нъ (но) о всеи земли Русьскѣи». Говоря о чудесах, происходящих от места их погребения, автор подчеркивает, что чудеса эти совершались над всеми, приходящими из самых дальних стран: «Не нашему единому языку тъкъмо подано бысть бъгъмь, нъ и вьсеи земли спасение...» Человек стремится подчинить себе, освоить как можно более обширные пространства.

Мы привыкли соединять в своих представлениях монументализм с неподвижностью и косностью, но монументализм XI—XIII веков был монументализмом движения, монументализмом динамическим.

Владимир Мономах постоянно подчеркивает многочисленность и быстроту своих походов. Летописец в «Повести временных лет» также больше всего говорит о походах, о движениях масс войск. Быстрота передвижения — это как бы символ власти над пространством. Монументальность XI—XIII веков — это прежде всего сила, а сила — это масса в движении.

Для динамического стиля характерно динамическое же описание явлений природы, из ряда вон выходящих явлений: грозы (грозы зимой, грозы во время битвы), нашествий саранчи, засухи, наводнения, обратного течения воды в Волхове, землетрясения.

Но движение в пространстве — это и движение во времени. Отсюда особый историзм эстетических представлений Древней Руси. События современности оцениваются и приобретают особую значительность на фоне событий прошлого. Отсюда огромный интерес авторов к этому прошлому, интерес к истории. История — доминирующая тема в литературе домонгольского периода и в древнерусской литературе вообще. Настоящее воспринимается как продолжение прошлого. Прошлое живо в настоящем, как бы объясняет это настоящее.

Слагая свою хвалу Ярославу Мудрому в «Слове о Законе и Благодати», митрополит Иларион славит одновременно его отца и дедов. Ярослав — наследник славы своих предков. Сама слава воспринимается как нечто движущееся в огромных географических пределах, достигающая дальних стран. Она также монументальна, динамична и органически слита со славой «дедней и отней» (отцовской).

Сами представления о времени были в Киевской Руси иными, чем у нас. Мы воспринимаем прошлое как нечто находящееся позади нас, а будущее — как находящееся перед нами. Древнерусские представления о времени исключали нас самих из восприятий времени. Прошлое находится впереди какого-то причинно-следственного ряда, настоящее и будущее — в конце его, позади. «Передние князи» — это давние, первые князья. «Задние» события — последние. Поэтому «переднее»— прошлое было и самым важным, как начало событийного ряда, как его объяснение, первопричина. От этого и «внуки» казались только наследниками славы и политики своих дедов и прадедов. Они могли наследовать «путь» дедов или растерять их наследство и, как следствие, лишиться славы дедов.

Еще одна важная особенность отличала стиль монументального историзма: церемониальность. Литература домонгольской Руси не столько изображала события, сколько вводила их в церемониальные формы. Житие святого — это торжественный парад его жизни, воздание ему почестей писателем. Как и всякие церемонии, литературное «обряжение мира» происходит в традиционных и исторических формах. Торжественные, церемониальные одежды — всегда традиционны, всегда восходят к прошлому.

Традиционные приемы, которыми сообщается о тех или иных событиях, — это не только дань уважения к прошлому, но это и своеобразный этикет, а писатель в известном роде церемониймейстер, занятый заботой о том, чтобы обо всем было сказано в приличествующих случаю выражениях, чтобы дух событий был понят в своей традиционности. Понять что-либо означало для писателя увидеть в предмете своего повествования какие-то значительные аналогии в прошлом.

Но писатель заботился и о том, чтобы его герои вели себя подобающим образом, чтобы ими были произнесены все необходимые слова. «Сказание о Борисе и Глебе» от начала и до конца обставлено речами действующих лиц, как бы церемониально комментирующих происходящее. Борис и Глеб

перед своим убиением произносят длиннейшие речи и молитвы, демонстрирующие их беззлобие, покорность богу и подчинение своему старшему брату Святополку.

И еще одна черта эстетической формации монументального историзма — это его ансамблевый характер.

Средневековое искусство — системное искусство, системное и единое. Оно объединяло видимый мир и невидимый, сотворенное человеком со всем космосом. Оно стремится заполнить своими произведениями пространство, утвердить присутствие человека в мире, объединить этот мир. Искусство — это мирное покорение и церемониальное обряжение окружающего мира. Это столь же характерно для изобразительного искусства и зодчества, как и для литературы.

Произведения литературы ее первого периода — это не замкнутые в себе и не обособленные мирки. Каждое из них как бы тяготеет к соседним, уже существовавшим до него; и это — несмотря на все различие существующих жанров. Каждое новое произведение есть прежде всего дополнение к уже имеющимся, но дополнение не по форме, а по теме, по сюжету. Оно призвано заполнить как бы некоторые, остающиеся еще, не отмеченные этими своеобразными «маяками» точки в пространстве человеческой истории.

Все это было возможным потому, что вымысел был крайне ограничен в древнерусской литературе и литература примыкала к действительности и оформляла ее. Единство тем в литературе определялось единством самой действительности, из которой эти темы черпались.

Литература претендовала говорить только о том, что существует или существовало. Вымышленные герои отсутствовали в древней литературе. Если в литературе и рассказывалось о чудесах и явно не могущих произойти событиях, то авторы выдавали их за действительность, а читатели обязаны были им верить.

Вымышленная тема в принципе замкнута в себе, но когда литература претендует говорить только о действительном, называть только исторически существовавшие факты и рассказывать только о действительно живших героях, то в такой литературе нет замкнутости сюжетов. Эта литература едина единством человеческой истории. Тем самым создается реальная почва для ансамблевого строения литературных произведений этого времени. В летописи могут быть соединены произведения самых различных жанров — лишь бы все эти разножанровые произведения были связаны единством ее исторической темы, располагались друг за другом в исторической последовательности. Рассказ, основанный на дружинном предании о походе на греков, дополняется документом — текстом договора с греками. Рассказ о борьбе Ярослава Мудрого за престол дополняется материалами жития его братьев и т. п. Так строится не только летопись. Три произведения Владимира Мономаха — это тоже «ансамбль». Они объединены единством морально-политической программы. «Сказание о Борисе и Глебе» — это житие, дополняемое их «чудесами», церковными службами им и проч. Это все своеобразные литературные «ансамбли», но и вся литература в целом — это тоже «ансамбль».

И летопись, и Житие Бориса и Глеба, и сочинения Мономаха, и Киево-Печерский патерик, и проповеди Феодосия Печерского, а также его Житие — все они в той или иной мере имеют единую тему — события русской истории. Все они объединены единством монументально-исторического стиля и служат единой патриотической идее. Тяготение к ансамблевому строению сказалось и в первых книгах, из дошедших до нас,— Изборнике Святослава 1073 года и Изборнике 1076 года. Это сборники различных произведений — своеобразные библиотеки в одном большом томе.

Ощущение всех литературных произведений как некоего огромного литературного ансамбля — ансамбля, распространяющегося на весь мир и на всю его историю, в котором отдельные произведения согласуются друг с другом не по жанру, а по своим темам, составляет замечательную черту монументальной литературы Древней Руси. Литература вся составлена как бы из огромных, грубо отесанных каменных глыб. Эстетика дистанций, о которой мы писали выше, заставляет и нас взглянуть на весь грандиозный ансамбль древнерусской литературы с некоей дистанции, чтобы увидеть в нем некое большое художественное единство, как бы одно произведение многих и многих авторов-тружеников.

Монументальный ансамбль древней литературы создан «в честь человеку». Он создан в честь человеку, чтобы прославить мир, красоту и гармонию мироздания. Литература имела своею целью окружить человека церемониальными формами, этикетно обрядить и украсить мир и историю. Она полна поэтому пышности и парадности; она празднична и оптимистична, несмотря даже на все преступления и несчастья, которые совершаются в мире и которые описывает литература. Убиты Борис и Глеб, но их убийство оборачивается торжеством идеала. День смерти Бориса и Глеба стал «Великим праздником» всей Русской земли. Смерть Бориса и Глеба явилась торжеством идей братолюбия. Чтобы воспринять именно так злосчастные события 1015 года, надо было обладать особым, величавым отношением к миру и глубочайшим оптимизмом. Через столетие или больше такое же торжество духа древнерусские люди увидят в поражении войск Игоря Святославича Новгород-Северского, в трагической, но славной битве на Калке, в стойкости погибающих под натиском полчищ Батыя рязанцев. Они создадут легенду о невидимом граде Китеже, о Руси, не погибшей и не покоренной жестоким врагом. Ни смерть, если она была достойной, ни поражение, если в нем не было измены мужеству, ни любое несчастье, если оно было перенесено без ропота, — не были унизительны и не воспринимались как падение.

Торжественность литературы Древней Руси была далеко не только внешней. Это было глубокое ощущение всем народом своей значительности.

Литература первого столетия ее существования была оптимистически обращена к будущему. Этот глубокий оптимизм ее символичен. Это великое начало великой литературы.

Стиль монументального историзма продолжает доминировать и в послемонгольский период. Он не исчезает сразу, заменяясь каким-либо другим стилем. На него постоянно наслаиваются черты нового. Постепенно увеличивается его динамизм. Во второй половине XIV и в XV веках этот динамизм

сказывается не только в крупном, в явлениях большого масштаба, но и в мелком. В живописи это выражается в том, что человеческие фигуры и лица как бы схвачены в какой-то определенный момент, в данное мгновение. Люди изображаются в неожиданных ракурсах. Уже нет в этих изображениях той длительности «пребывания», какого-то отзвука неподвижной вечности. На монументальность наслаивается экспрессивность, эмоциональность, психологичность. То же мы видим и в литературе: монументальность осложняется, приобретает эмоциональные формы; выдвигается личностное начало, психологизм, динамизм осложняет стиль, появляется стиль «плетения словес», в котором начинает доминировать контекст над значением отдельных слов. В XVI веке, в пору возрастания централизованного начала в государственной жизни, возрождается монументализм в формах, которые лишены старой непосредственности, и этот монументализм сохраняется в XVII веке в отдельных жанрах.

Но как бы ни изменялся и ни осложнялся стиль монументального историзма в древней русской литературе, он оставался в ней в тех или иных явлениях литературы вплоть до перехода к новому времени. Отсюда ясно, что первому веку в истории русской литературы принадлежит исключительная и определяющая роль. Именно в этот век возникли все ее наиболее характерные особенности — стилистические и, как мы видели выше, идейные.

Как же возникла древняя русская литература? Откуда черпала она свои творческие силы?

Появление русской литературы в конце X — начале XI века — «дивлению подобно». Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании.

Как произошло чудо рождения столь зрелой литературы Руси, которая еще совсем недавно вообще не обладала письменностью? Русь обязана этим необыкновенно удачному стечению обстоятельств.

Русь приняла христианство из Византии, а восточно-христианская церковь разрешала христианскую проповедь и богослужение на своем национальном языке. Поэтому в истории литературы Руси не было ни латинского, ни греческого периодов. С самого начала в отличие от многих западных стран Русь обладала литературой на своем литературном языке, понятном народу.

Второе очень значительное обстоятельство состояло в том, что за век до крещения Руси христианство уже было распространено в родственной по языку Болгарии. Болгария пережила уже золотой век своей литературы — век царя Симеона. Богатая болгарская переводная и оригинальная литература перешла на Русь и здесь стала органической частью литературы русской. На Руси не только переписывались древнеболгарские произведения, но и просто распространялись болгарские рукописные книги. Древнеболгарский язык лишь немногим отличался от русского. Он составил в русской литературе как бы ее второй, возвышенный слой. Он дал русской литературе многие слова с отвлеченным значением. Соединение

языка древнеболгарского с обиходным древнерусским дало русскому литературому языку богатую синонимику и богатые оттенки значений.

Не довольствуясь обильной литературой, перешедшей на Русь из Болгарии, отчасти из Моравии, на Руси при Ярославе Мудром создается собственная переводческая школа. Летопись записала о Ярославе Мудром следующее: «И собра писцѣ многы и перекладаше от грек на словѣньское писмо».

На Руси уже в XI веке были переведены с греческого такие произведения, как византийская Хроника Георгия Амартола, «Повесть о взятии Иерусалима» Иосифа Флавия; были сделаны переводы с латинского, древнееврейского, сирийского.

И все-таки объяснение быстрому появлению на Руси зрелой литературы лежит не только в области связей с сильными и старыми литературами, не только в переносах из Болгарии целых произведений и рукописных книг. Основное заключалось в том, что сама русская почва была хорошо подготовлена для создания искусства слова. «Дарам волхвов» из далеких стран предшествовали «дары своих пастухов» — представителей неученой мудрости народа.

Ко времени появления на Руси литературных произведений Византии и Болгарии на огромной русской территории было уже развито искусство устной речи.

В Начальной русской летописи отразились устные предания, топонимические легенды, исторические песни, славы, певшиеся князьям, пословицы и поговорки. Кроме последних (пословиц и поговорок), фольклорные произведения вошли в летопись лишь своими сюжетами, но и это свидетельствовало о богатстве устного творчества народа. В летописи отразилась точность отдельных формулировок и высота исторического самосознания. Вспомните хотя бы рассказ о смерти Олега от своего коня, рассказ о мести Ольги древлянам, о походах Святослава и многое другое.

Но дело не только в фольклоре. В летописи отразились различные формы устной речи. Краткие речи, с которыми князья обращались к своим дружинам перед битвой, свидетельствуют не только о высоко развитом чувстве воинской чести и о воинском долге, но и об умении в немногих словах выразить емкое содержание ободрения и воодушевления воинам. «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» Или: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». Это знаменитые речи Святослава.

Не менее выразительны речи, которые произносились князьями на вече, или речи представителей народа, обращенные к князьям. Вот что говорили киевляне Владимиру Мономаху в 1097 году: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую».

Отправляя послов, князья поручали им произнести те или иные слова. Естественно, что эти речи должны были быть краткими, запоминающимися и содержательными.

Наконец, формы судопроизводства, законодательных установлений «Русской Правды» также должны были быть краткими, ясными, однозначными и выразительными.

Одним словом, разнообразные и богатые формы общественной жизни и публичных выступлений заставляли ценить точность слова, учили обращаться с ним бережно и экономно, учили высоким нормам развитого общественного сознания во всех сторонах публичной жизни.

Не всякому народу досталась на долю и такая способность подняться над узостью национализма в своем высоком патриотическом сознании. Причинами тому были особые формы существования Русского государства. В союзе Руси на равных основаниях участвовали и восточнославянские племена и финно-угорские народы: меря, весь и чудь. В Киеве был «Чудин двор», в Новгороде целый район — «Чудин конец». В составе русского войска, ходившего походом на Константинополь, плечом к плечу со славянами сражались варяги и чудь.

Благодаря своей национальной уживчивости древние русичи обитали целыми поселениями в Константинополе, в греческом Херсонесе в Крыму, на Афоне, на полуострове Тихань на озере Балатон в Паннонии и во многих других местах. Кочевые народы тюркского происхождения свободно расселялись на территории Древней Руси и принимали здесь христианство.

Русь не была отгорожена Китайской стеной ни от южных, ни от западных, ни от восточных или северных соседей. Это была мировая и мирная держава, не опасавшаяся своего поглощения соседними культурами.

Формированию идейного содержания русской литературы способствовали и те произведения болгарской литературы, которые были перенесены на Русь в X—XI веках. Основатели болгарской письменности и болгарской литературы ученые братья Кирилл и Мефодий, а также их ученики ощущали себя не только болгарами, но и представителями всего славянства. Их проповедь была обращена ко всем славянским народам. Именно это широкое сознание себя «народом среди народов» было свойственно и всем лучшим произведениям древнерусской литературы: «Повести временных лет», житиям первых русских святых, Киево-Печерскому патерику, «Хождению черниговского игумена Даниила в Святую Землю» и многим другим. Это замечательное сознание единства русского народа со всем человечеством, приобретая разные формы, станет существенной особенностью русской литературы на всем протяжении ее существования.

Остановимся на некоторых произведениях древней русской литературы первого века ее существования.

«Слово о Законе и Благодати» первого киевского митрополита из русских («русина») Илариона, поставленного по воле киевского князя Ярослава Мудрого, посвящено сложнейшей историософской проблеме. Оно говорит о месте Руси во всемирной истории, об исторической роли русского народа.

Оно полно гордости успехами христианской культуры на Руси, и как удивительно, что при всем том оно лишено национальной ограниченности. Иларион не ставит русский народ выше других народов, но говорит о равноправности всех народов мира, приобщившихся к христианству.

Это совершеннейшее произведение и по глубине своего содержания и по той блестящей форме, в которую оно облечено: последовательность, логичность, легкость переходов от темы к теме, ритмичность организации речи, разнообразие образов, художественный лаконизм делают «Слово» Илариона одним из лучших произведений мирового ораторского искусства. И произведение это — не перепев византийских образцов, ибо это не просто богословская проповедь того типа, который был распространен в Византии, а богословско-политическое выступление, которых не знало византийское ораторство, и при этом на национально-русскую тему.

Совсем другого характера «Повесть временных лет». Это произведение многих авторов-летописцев. Последний из них, Нестор, придал Начальной летописи художественную и идейную законченность и дал ей название, которое в полном виде звучит так: «Се повѣсти времяньныхъ (прошлых) лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть».

В произведении этом выдержано художественное единство, но единство особого, средневекового типа. Сейчас мы требуем от художественного произведения полного единообразия стиля, жесткого единства идей, полного отсутствия швов и различий в отдельных частях. Если различия есть, — они входят в некое объединяющее их строгое единство. Художественное единство в Древней Руси понималось гораздо шире. Это могло быть единство ансамбля, создававшегося в течение ряда десятилетий и сохранявшего авторские особенности в каждом из своих разновременных слоев. Переходя от темы к теме, произведение соблюдало и те особенности стиля, которые по литературному этикету средневековья приличествовали каждой из тем. В рассказах о самых древних событиях русской истории летописец отражал свойственные дошедшим до него легендам простодушие, краткость и то, что мы сейчас назвали бы фабульностью. В рассказе о крещении Руси и о первых христианах-мучениках летописец применяет всю церковную церемониальность изложения. С другой стороны, совершенно особый характер носит летописный рассказ об ослеплении князя Василька Теребовльского. Здесь летописцу нужно было поразить читателя ужасом совершенного преступления, и этот рассказ полон своеобразного средневекового натурализма, в котором детально описываются самые ужасные подробности.

Историческое сознание, выраженное в «Повести временных лет», очень высокого уровня. Первые летописцы не просто записывали события, свидетелями которых они были, — они восстанавливали древнейшие события русской истории по самым разнообразным, письменным и устным, источникам. Они были своеобразными исследователями, взвешивали различные версии одного и того же события. К своей работе они привлекали греческие хроники и греческие жития святых, документы, сохранившиеся в кня-

жеских архивах (тексты договоров с греками), церковные записи, родовые предания, легенды и проч. Восстанавливая ход русской истории, летописцы стремились связать эту историю Руси с историей мировой, понять ее как часть всемирной истории, выяснить происхождение славян и отдельных восточнославянских племен. С педагогической ясностью описывает летописец географическое расположение Руси, начиная свое описание с водораздела Волги, Днепра, Западной Двины, и, следуя их течению, описывает — в какое море каждая из этих рек впадает и в какие страны можно плыть по каждому из морей.

В целом «Повесть временных лет» представляла для своего времени своеобразную историческую энциклопедию. Из нее можно было узнать и о происхождении славянской азбуки, и об основах христианской религии, и о происхождении рода русских князей, и о многом другом.

А какой великолепный ансамбль представляют собой сочинения киевского князя Владимира Мономаха! Они включены в один из списков «Повести временных лет» (так называемый Лаврентьевский) под 1097 годом и известны под названием «Поучения» Владимира Мономаха. На самом деле «поучением» может быть признано только первое из них; за этим первым следует автобиография Мономаха, где он рассказывает о своих «путях» (походах) и «ловах» (охотах); за автобиографией следует письмо Мономаха своему исконному врагу Олегу Святославичу («Гориславичу») — родоначальнику князей Ольговичей. Все три произведения написаны в различной манере, соответственно тем различным жанрам, которые они представляют, но все три связаны одной сильной политической идеей, — и как связаны! На этой идее сочинений Владимира Мономаха стоит остановиться особо. В сущности, она очень проста, но в своей простоте поражает современного читателя высоким чувством патриотического долга.

Во времена Мономаха Русь уже переживала интенсивный процесс феодального дробления со всеми свойственными этому дроблению опасностями для силы и независимости Русской земли. Феодальное дробление было результатом интенсивного экономического и культурного роста отдельных феодальных княжеств, при котором каждая из растущих областей выражала тенденцию к обособлению и самостоятельности. Этот процесс был естественным и даже необходимым, но он вел к военному ослаблению Руси и к многочисленным междоусобным войнам. Надо было предотвратить распад Руси. Ослаблению экономических связей надо было противопоставить сознание политического и исторического единства Русской земли. Надо было воззвать к самым высоким патриотическим чувствам русских людей и дать личный пример забвения обид. Высокий долг падал на церковь и литературу. И вот Владимир Мономах, а немного спустя его сын Мстислав Великий (внук последнего англосаксонского короля Гаральда, потерпевшего страшное поражение от Вильгельма Завоевателя в битве при Гастингсе 1066 года; отец Мстислава Мономах был женат на дочери Гаральда) покровительствуют летописанию, создают культ князей братьев Бориса и Глеба, стремятся к тому, чтобы каждый из князей владел своим уделом и чтобы князья вступали в договорные и союзные отношения между собой.

Мало этого, Мономах пишет собственные сочинения, где пропагандирует строгое соблюдение взаимных обязательств и взаимную уступчивость князей. В первом из своих сочинений он иллюстрирует свою идею богословскими соображениями. Между прочим, он прибегает к следующему примеру из мира природы. Весной птицы летят из рая и расселяются по всей земле. Каждая птица находит свое место, и каждая довольствуется своим уделом: и слабые птицы, и сильные. В следующем сочинении — своей автобиографии — Мономах стремится показать необходимость соблюдать принципы довольства наследственными уделами личным примером, но не боится говорить и о тех нарушениях своего принципа, которые допускал сам. Но самый изумительный пример уступчивости дает Мономах в своем письме к Олегу. События, послужившие поводом к письму, разыгрались в 1096 году. В междоусобной битве был убит сын Мономаха Изяслав. Старший сын Мономаха Мстислав послал письмо Олегу с требованием отступиться от незаконно захваченных Олегом владений и предложением примирить Олега с Мономахом. Олег отказался, двинул войска против Мстислава, был наголову им разбит и бежал за пределы Руси. Мономах пишет не просто убийце своего сына: Олег в какой-то краткий промежуток примирения крестил Изяслава, был его крестным отцом и, по представлениям средневековья, должен был поэтому считаться больше, чем сыноубийцей. О чем же пишет Мономах разбитому в бою убийце своего сына? Он прощает его. Он предлагает ему вернуться на принадлежащие ему земли, он утешает его. Он пишет ему, что жизнь человеческая в руках божьих, и просит его только отпустить молодую вдову Изяслава, чтобы он мог утешить ее. Письмо Мономаха свидетельствует об очень высоких нравственных представлениях Мономаха и о его готовности от многого отказаться ради мирного утверждения принципа — «пусть каждый князь владеет княжеством своего отца».

Другой памятник, очень характерный для начального этапа древнерусской литературы, — «Житие Феодосия Печерского».

«Житие Феодосия Печерского» представляет собой совершенно особый и уже вполне законченный тип повествования. И это удивительно, так как оно принадлежит тому же Нестору, который придал окончательное и совсем другое оформление Начальной русской летописи, созданной на основе предшествующих летописей «Повести временных лет». Умение подчиняться требованиям жанра — признак писательской зрелости в средние века.

«Житие Феодосия», хотя и являлось по существу первым русским житием, сообщило завершенность биографическому жанру. Рассказ о человеке ведется в этом произведении путем выделения только некоторых моментов его жизни: тех, в которых он достигает как бы наивысшего своего самопроявления.

Из «Жития Феодосия» мы узнаем многое об окружающем его быте и целиком погруженных в этот быт людях. Здесь и быт богатого провинциального дома в Васильеве,— дома, руководство его властной матерью. Кое-что мы можем узнать о положении слуг в этом доме. Бегство Феодосия в Киев рисует нам торговый обоз с тяжело нагруженными товарами телегами. Его отношения с Изяславом позволяют заглянуть в княжеские хоромы во

время пира. Узнаем мы и о разбойничьих шайках, бродивших вокруг Киева, о суде и судьях, о писании книг в монастыре Великим Никоном и о помощи ему Феодосия в их переплетании. Вводит нас жизнеописатель в монастырскую и княжескую пова́рни, в крестьянский хлев, в пекарню, в монастырские кельи. Но описание быта ведется очень сдержанно, — только в той мере, в какой это необходимо для сюжета, — сюжет же всегда поднимается над незначительностью и суетностью «мимотекущей» жизни. В обстановке временного усматривается вечное, в случайном — значительное. Благодаря этому быт оказывается обряжен в церемониальные формы высоких церковных добродетелей. Это как бы те ветхие и бедные реликвии, которые лежат в драгоценнейших сосудах и которым поклоняются пришедшие в монастырь странники. Бедность монастырской жизни, которая рисуется в «Житии Феодосия», драгоценнее всякого земного богатства, потому-то она так и подчеркивается. В целом «Житие Феодосия» нашло идеальное выражение монументальному стилю в описании «частной» жизни отдельного человека. В последующем развитии русской литературы рассказ о жизни человека постоянно стал слагаться из отдельных эпизодов, рисующих эту жизнь значительной и как бы предопределенной свыше.

Я привел только немногие примеры русских литературных произведений XI — самого начала XII века, но русская литература этого периода очень богата и разнообразна. В каждом из ее произведений можно найти черты эпохи, индивидуальные черты их авторов, разнообразие жанров. Упомяну еще некоторые произведения XI века: это поучения Феодосия Печерского, в которых он высказывает вполне оригинальные взгляды, это поучения новгородца Луки Жидяты (сокращение от имени Жидислав), рассчитанные на самую простую аудиторию и этим резко отличающиеся от произведений Илариона и Феодосия, это сборники изречений, вроде «Стословца» Геннадия, церковные послания, молитвы и проч., и проч.

Начало древней русской литературы определило собой ее характер и на последующее время. Знаменательно, что влияние «Повести временных лет» оставалось действенным в течение полутысячелетия. В полном или сокращенном виде она переписывалась в начале большинства областных и великокняжеских летописей. Ей подражали последующие летописцы. Для политических прославлений образцовым в течение многих веков оставалось «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, для житийной литературы типа «мартирий» (рассказов о мученичествах) — жития Бориса и Глеба, для житийных биографий — «Житие Феодосия Печерского», для церковных поучений — поучения того же Феодосия и т. д.

В дальнейшем русская литература обогащается новыми жанрами, усложняется по содержанию; ее общественные функции приобретают все более и более разветвленные формы и многообразное применение, литература становится все публицистичней, но не утрачивает от этого своей монументальности и средневекового историзма.

Д. С. Лихачев

НАЧАЛО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XI – начало XII века

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЬНЫХ ЛѢТ, ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ *ЗЕМЛЯ,* КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

Древнерусский текст

Се начнемъ повѣсть сию.

По потопѣ *трие* сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся въстокъ Симови: Персида, Ватрь, *доже* и до Индикия в долготу, и в ширину *и до Нирокурия,* якоже рещи от въстока и до полуденья, и Сурия, и *Мидия* по Ефратъ рѣку, Вавилонъ, Кордуна, асуряне, *Месопотамиа,* Аравия Старѣйшая, Елмаисъ, Инди, *Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия вся.*

Хамови же яся полуденьная страна: Еюпетъ, Ефивопья, прилежащия ко Индомъ, другая же Ефивопья, из нея же исходить рѣка ефиопьская Чермна, текущи на въстокъ, *Фива, Ливия,* прилежащи до Куриниа, Маръмарья, *Сурьти, Ливия* другая, Нумидья, Масурия, Мавританья *противу сущи* Гадирѣ. Сущимъ же ко востокомъ имать Киликию, Памъфилию, Писидию, *Мисию,* Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, *Мисию* другую, Троаду, *Еолиду,* Вифунию, Старую Фругию; и *островы* неки имать: Саръдани, Критъ, Купръ, и рѣку Гѣону, зовемую *Нилъ.*

Афету же яшася полунощныя страны и *западныя:* Мидия, Алъванья, *Арменьа* Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галатъ, *Кольхись,* Воспории, Меоти, Дереви, *Сармати,* Тавриани, *Скуфиа,* Фраци, Макидонья, *Далматия, Малоси,* Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонисъ наречеся, Аркадъ, Япиронья, Илюрикъ, Словѣне, *Лухитиа,* Анъдриокия, Оньдрѣятиньская пучина. Имать же и островы: Вротанию, Сикилию, Явию, *Родона,* Хиона, Лѣзовона, Кофирана, *Закунфа,* Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть *Асийскыя* страны, нарицаемую Онию, *и* рѣку Тигру, *текущую* межю Миды и Вавилономь; до Понетьского моря, на полънощныя страны, Дунай, Дьнѣстръ и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски, и оттудѣ доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волъга, яже

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ, ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ И КАК ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Перевод

Так начнем повесть сию.

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Инди, Аравия Сильная, Колия, Комагина, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирт, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся против Гадира. В его владениях на востоке находятся также: Киликия, Памфилия, Писидия, Мизия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мизия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия и острова некии: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Босфор, Меоты, Деревия, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пеления, которая называется также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Китира, Закинф, Кефаллиния, Итака, Корсика, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север: Дунай, Днестр, Кавкасинские горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая

идеть на востокъ, в часть Симову. В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, моръдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, *лѣтьгола,* любь. Ляхове же, и пруси, чюдь пресѣдять к морю Варяжьскому. По сему же морю сѣдять варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, *готе,* русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие, *ти же* присѣдять от запада къ *полуденью* и съсѣдяться съ племянемъ Хамовым.

Сим *же* и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже в жребий братень, *и живяху* кождо въ своей части. Бысть языкъ единъ. И умножившемъся человѣкомъ на земли, *и* помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и созда столпъ то за 40 лѣт, *и* не свершенъ бысть. И сниде господь богъ видѣти градъ и столпъ, и рече господь: «Се родъ единъ и языкъ единъ». И съмѣси богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ богъ вѣтромъ великимъ разраши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту *и въ ширину локот 5433 локти,* и в лѣта многа хранимъ останокъ.

По размѣшеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ прияша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне.

По мнозѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хровате бѣлии и серебь и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския, *и* сѣдшемъ в них и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; *инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане,* рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, *и* прозвашася своимъ имянемъ,

течет на восток в страны Сима. В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Сима, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие,— они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба,— было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не свершили его. И сошел господь бог видеть город и столп, и сказал господь: «Вот род един и народ един». И смешал бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами,

и сдѣлаша градъ и нарекоша и́ Новъгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по *Семи,* по Сулѣ, и *нарекошася* сѣверъ. *И* тако разидеся словѣньский языкъ, тѣмже и грамота прозвася словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, *и* по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое *Нево, и* того озера внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в *Понтъ море,* в не же втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго *лѣса,* и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское. Тѣмже и из Руси можеть ити *по Волзѣ* в Болгары и въ Хвалисы, *и на* въстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима *же и* до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святый Оньдрѣй, братъ Петровъ, якоже рѣша.

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, *увѣдѣ,* яко ис Корсуня близь устье Днѣпрьское, *и* въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское, *и* оттоле поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. *И* заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? — яко на сихъ горах восияеть благодать божья; имать градъ великъ *быти* и церкви многи богъ въздвигнути имать». *И* вьшедъ на горы сия, благослови я̑, *и* постави крестъ, и помоливъся богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють *и* хвощются, и удивися имъ. *И* иде въ *Варяги,* и приде в Римъ, *и* исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ Словеньскую землю идучи ми сѣмо. Видѣхъ бани древены, и пережьгуть е̑ рамяно, *и* совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ уснияныმь, и возмуть на ся прутье младое, *и* бьють ся сами, и того ся добьють, *одва вылезут лѣ живи,* и облѣются водою студеною, *и* тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Ты слышаще дивляхуся. Оньдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в *Синопию.*

Полем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху каждо съ своим

и построили город, и назвали его Новгородом. А другие селили по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским,— по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет город великий, и воздвигнет бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были

родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. *И* быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, *и* сестра ихъ Лыбедь. *Сѣдяше* Кий на горѣ, гдѣже ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града *лѣтъ* и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра; тѣмь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемь, приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ от царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, *и* възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, *и* хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии; еже и донынѣ наречють *дунайци* городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; *и* братъ его Щекъ, и Хоривъ, и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, *а* в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, *иже* сѣдять на верхъ Волги, *и* на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять кривичи. Таже сѣверъ от нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдять весь, а на Ростовьскомъ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ меря же. *А* по Оцѣ рѣцѣ, где *втечеть* в Волгу, мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, морътва свой языкъ. Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морътва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, *нерома,* либь: си суть свой языкъ имуще, от колена Афетова, иже *живуть* въ странахъ полунощныхъ.

Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, *живущю* на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре, *и* сѣдоша по Дунаеви, *и* населници словѣномъ быша. Посемь придоша угри бѣлии, *и* наслѣдиша землю словѣньску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времяна быша

уже поляне, и жили они родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу,— мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы,— эти говорят на своих языках, они — потомство Иафета, живущее в северных странах.

Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и наследовали землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена существовали

и обри, *иже* ходиша на *Ираклия* царя и мало его не яша. Си же *обри* воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женамъ *дулѣбьскимъ:* аще поѣхати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повести обърѣна, *и* тако мучаху дулѣбы. Быша бо обърѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ обўринъ. *И* есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ; их же нѣсть племени ни наслѣдъка. По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри черниии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ.

Поляномъ же жиущемъ особѣ, якоже рекохомъ, *сущимъ* от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а *деревляне* от словѣнъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣх,— Радим, а *другий* Вятко,— и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, *и* прозвашася радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи. И *живяху* в мирѣ поляне, и деревляне, *и* сѣверъ, и *радимичи,* вятичи и хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне, а улучи *и* тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру *оли* до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху: не *хожаше* зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, *живуще* скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже *и* всякий звѣрь, ядуще все нечисто, *и* срамословье в них предъ отьци и предъ снохами, *и* браци не бываху въ них, *но* игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская *пѣсни,* и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. *И* аще кто умряше, творяху *трызну* надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть й на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и *поставляху* на столпѣ на путех, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая кривичи *и* прочии погании, не вѣдуще закона божия, но творяще сами собѣ законъ.

и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина,— и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: «Погибли как обры»,— их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры мимо Киева, но было это уже после — при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; вот почему греки называли их «Великая Скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — кто что даст. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Глаголеть Георгий в лѣтописаньи. «Ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане *законъ* беззаконьникомъ отечьствие мнится. От них же первие сирии, *живуще* на конець земля, законъ имуть *отець* своих обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зло дѣяти весьма. Законъ же и у *вактриянъ,* глаголеми врахмане и островьници, еже от прадѣдъ показаньемь *и* благочестьемь мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакоя же злобы творяще, страха ради многа и *божия вѣры.* Ибо явѣ *таче* прилежащимъ к нимъ *индиом* — убийстводѣйици, сквернотворяще, гнѣвливии паче естьства; ли в *нутрьнѣйши* странѣ ихъ человѣкъ ядуще и страньствующихъ убиваху, паче же ядять яко пси. Етеръ же законъ халдѣемъ *и* вавилонямъ: матери поимати, съ братними чады блудъ дѣяти, и убивати. *И* всякое *бестудьное* дѣянье яко *добродѣтелье мнятся* дѣюще, любо далече страны своея будуть.

Инъ же законъ гилиомь: жены в них орють, зижуть храми *и* мужьская дѣла творять, но любы творять елико хощеть, не въздержаеми от мужий своихъ весьма, *ли зазрятъ;* в нихъ же суть храбрыя жены ловити звѣрь *крѣпкыи.* Владѣють же жены мужи своими *и* добляють ими. Во Врѣтаньи же мнози мужи съ *единою* женою спять, и *многыя* жены съ единымъ мужемъ похотьствують: безаконьная *яко* законъ отець творять независтьно ни въздержаньно. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скотъ бесловесный единою лѣтомъ къ *вѣшнимъ* днемъ оземьствени будуть; и сочтаются с *окрестными* мужи, яко *нѣкоторое* имъ торжьство и велико празденьство время *то* мнять. От них заченшимъ въ чревѣ, пакы разбѣгнутся отсюду вси. Во время же *хотящимъ* родити, аще родится отроча, погубять; еще *дѣвическъ* полъ, то въздоять *и* прилѣжнѣ *въспитають».*

Якоже се и при насъ нынѣ половци законъ держать отець своих: кровь проливати, а *хвалящеся* о *семъ, и* ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы, *и* поимають мачехи своя *и* ятрови, и ины обычая отець своихъ. Мы же, хрестиане, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея, быша обидимы древлями *и* инѣми околними. И *наидоша я̀* козарѣ, сѣдящая на горах сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше *же* поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ *старѣйшинымъ,* и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань *нову».* Они же рѣша имъ: «Откуду?». Они же рѣша: «Въ лѣсѣ

Говорит Георгий в своем летописании: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые — сирийцы, живущие на краю света. Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх божьей веры. Иначе — у соседних с ними индийцев. Эти — убийцы, скверностворцы и гневливы сверх всякой меры; а во внутренних областях их страны — там едят людей, и убивают путешественников, и даже едят как псы. Свой закон и у халдеян и у вавилонян: матерей брать на ложе, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны. Другой закон у гилий: жены у них пашут, и строят дома, и мужские подвиги совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдясь; есть среди них и храбрые женщины, умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и повелевают ими. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, и многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые. Амазонки же не имеют мужей, но, как бессловесный скот, однажды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестными мужчинами, считая то время как бы некиим торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве,— снова разбегутся из тех мест. Когда же придет время родить и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то вскормят ее и прилежно воспитают».

Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов, и берут своих мачех и невесток, и выполняют иные обычаи своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

Вслед за тем, по смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), притесняли полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу

на *горахъ,* надъ рѣкою Днѣпрьскою». Они же рѣша: «Что суть вѫдали?». Они же показаша мечь. *И* рѣша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемь одиною стороною, *рекше* саблями, а сихъ оружье *обоюду* остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странах». Се же сбыся все: не от своея воля рекоша, но отъ божья повелѣнья. Яко *и* при Фаравонѣ, цари еюпетьстѣмь, *егда* приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина фараоня: «Се хощеть смирити область Еюпетьскую»; якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисѣя, а первое быша работающе имъ. Тако и си: владѣша, и послѣже *самѣми* владѣють; якоже и бысть: володѣють *бо* козары русьскии *князи и* до днешнего дне.

Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо *увѣдахомъ,* яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь. Тѣмже отселе почнем и числа положимъ, яко «От Адама до потопа лѣт *2242;* а от потопа до Оврама лѣт 1000 и 82, а от Аврама до исхоженья Моисѣева *лѣтъ 430; а от исхожениа Моисѣова* до Давида лѣт 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломоня до плѣненья Ярусалимля лѣт 448; а от плѣненья до Олексанъдра лѣт 318; а отъ Олексанъдра до рожества Христова лѣт *333; а отъ Христова рождества до Коньстянтина лѣт 318;* от Костянтина же до Михаила сего лѣт 542». А от перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя, лѣт 29; а от перваго лѣта Олгова, *понелиже* сѣде в Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣт 31; а от перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святьславля лѣт *33;* а от перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣт 28; а Ярополкъ княжи лѣт 8; а Володимеръ *княжи* лѣт 37; а Ярославъ княжи лѣт 40. Тѣмже от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60.

Но мы на *прежнее* возъвратимся *и* скажемъ, што ся *здѣя в лѣта* си, якоже преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа.

Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365.

Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на болгары. Болгаре же увидѣвше, *яко* не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ створи с болгары.

Въ лѣто 6367. *Имаху* дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнех, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ. А козари имаху

на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны,— саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Станут они когда-нибудь собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. Так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот унизит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1 год, а от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, а от пленения до Александра Македонского 318 лет, а от Александра до рождества Христова 333 года, а от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила сего 542 года. А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, потому что он сел в Киеве, до первого года княжения Игоря 31 год, а от первого года княжения Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года княжения Святослава до первого года Ярополкова 28 лет; а княжил Ярополк 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет; от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы,— как уже начали: с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку годá.

В год 6361 (853). В год 6362 (854). В год 6363 (855). В год 6364 (856). В год 6365 (857).

В год 6366 (858). Царь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, узнав об этом, не смогли противостать им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Царь же крестил их князя и всех бояр и заключил мир с болгарами.

В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали

на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма.

Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369.

Въ лѣто 6370. Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, *и* быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. *И* рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». *И идоша* за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи *русь,* яко се друзии зовутся *свие,* друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Рѣша *руси* чюдь, словѣни, и кривичи *и весь:* «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжитъ и володѣти нами». И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша; старѣйший, Рюрикъ, *сѣде Новѣгородѣ,* а другий, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ. *И* от тѣхъ *варягъ* прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. По двү же лѣту Синеусъ умре *и* братъ его Труворъ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, *въ* Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, *но* боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок. И *упрошаста и* рѣста: «Чий се градокъ?». Они же рѣша: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градоко сь, и изгибоша, и мы сѣдимъ, *родъ ихъ, платяче дань козаромъ». Аскольдъ* же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи варяги *съвокуписта,* и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же *княжащу* в Новѣгородѣ.

Въ лѣто 6371. Въ лѣто 6372. Въ лѣто 6373.

Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на греки, и прииде въ 14 *лѣто* Михаила царя. Царю же отшедшю на огаряны, дошедшю же ему Черные рѣкы, вѣсть епархъ посла к нему, яко русь на Царьгородъ идеть, и вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяномъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша. Царь же едва въ градъ вниде, *и* с патреярхомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святѣй богородицѣ Влахѣрнѣ всю нощь молитву створиша, та же божественую святы богородицю ризу с *пѣсними* изнесъше, *в мори скуть* омочивше. Тишинѣ сущи *и* морю укротившюся, абье буря въста с вѣтромъ, и волнамъ вельямъ въставшемъ засобь,

с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы,— вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус,— на Белоозере, а третий, Трувор,— в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864). В год 6373 (865).

В год 6374 (866). Отправились Аскольд и Дир войной на греков и пришли туда в четырнадцатый год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, совершили много убийств христиан и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой богородицы и омочили в море ее полу. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны,

безбожныхъ Руси *корабля* смяте, *и* к берегу приверже, и изби я́, яко *мало* их от таковыя бѣды избѣгнути *и* въсвояси возъвратишася.

Въ лѣто 6375.

Въ лѣто 6376. *Поча* царствовати *Василий.*

Въ лѣто 6377. *Крещена* бысть вся земля Болъгарьская.

Въ лѣто 6378. Въ лѣто 6379. Въ лѣто 6380. Въ лѣто 6381. Въ лѣто 6382. Въ лѣто 6383. Въ лѣто 6384. Въ лѣто 6385. Въ лѣто 6386.

Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, от *рода ему* суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, *бѣ* бо дѣтескъ вельми.

Въ лѣто 6388. Въ лѣто 6389.

Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю, *весь,* кривичи, и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои. Оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои. *И* придоста къ горамъ хъ киевьскимъ, и *увѣда* Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, *и* похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ, к родомъ своимъ». Асколдъ же и Диръ придоста, выскакав же вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», *и* вынесоша Игоря: «*А* се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, *и* несоша на гору, и *погребоша* я́ на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ *Олъма* церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. *И* сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ *русьскимъ». И* бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. *Сей* же Олегъ нача городы ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и *устави* варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ.

Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати деревляны, и *примучивъ а̀, имаше* на них дань по чернѣ кунѣ.

Въ лѣто 6392. Иде *Олегъ* на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: «Азъ имъ противенъ, а вамъ не чему».

Въ лѣто 6393. Посла къ радимичемъ, рька: «*Кому* дань даете?». Они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте». И въдаша

чтобы разметать корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой.

В год 6375 (867).

В год 6376 (868). Начал царствовать Василий.

В год 6377 (869). Крещена была вся земля Болгарская.

В год 6378 (870). В год 6379 (871). В год 6380 (872). В год 6381 (873). В год 6382 (874). В год 6383 (875). В год 6384 (876). В год 6385 (877). В год 6386 (878).

В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу — родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6388 (880). В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли: Аскольда — на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Отправился Олег на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их, и вам им платить незачем».

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали

Ольгови по щьлягу, якоже *и* козаромъ *даяху*. И бѣ обладая Олегъ поляны, и деревляны, и *сѣверяны,* и радимичи, а съ уличи и тѣверци имяше рать.

Въ лѣто 6394.

Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и брат его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6.

Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398. Въ лѣто 6399. Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402. Въ лѣто *6403*. Въ лѣто *6404*. Въ лѣто *6405*.

Въ лѣто 6406. Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, пришедъше къ Днѣпру и сташа вежами; бѣша бо ходяще, аки се половци. *Пришедше* от *въстока* и устремишасяチересъ горы великия, *уже прозвашася горы Угорьскиа,* и почаша воевати на *живущая* ту *волохи* и словѣни. Сѣдяху бо ту преже словѣни, и *волохове* прияша землю словеньску. Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю *ту,* и сѣдоша съ словѣны, покоривше я̀ подъ ся, *и* оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня. *И* начаша воевати на *мораву* и на *чехи*. Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словѣни, *иже* сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и *морава, и* чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая русь. Симъ бо первое преложены книги *моравѣ,* яже *прозвася* грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ.

Словѣномъ *живущимъ* крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ, и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги. Не разумѣемъ *бо* ни гречьску языку, ни латыньску; ȍни бо ны онако учать, а ȍни бо ны и онако. Тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ их». Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣньскихъ князь. И рѣша философи: «Есть мужь в Селуни, именемъ Левъ. Суть у него сынове разумиви языку словѣньску, хитра 2 сына у него философа». Се слышавъ царь, посла по ня в Селунь ко *Львови,* глаголя: «Посли к намъ въскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина». Се *слышавъ* Левъ, въскорѣ посла я̀, и придоста ко цареви, и рече има: «Се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя *книги;* сего бо желаютъ». *И* умолена быста царемъ, и *послаша* я̀ въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Къцьлови

Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394 (886).

В год 6395 (887). Царствовал Леон, сын Василия, который прозывался Львом, и брат его Александр, царствовавший двадцать шесть лет.

В год 6396 (888). В год 6397 (889). В год 6398 (890). В год 6399 (891). В год 6400 (892). В год 6401 (893). В год 6402 (894). В год 6403 (895). В год 6404 (896). В год 6405 (897).

В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, пришли к Днепру, и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и стали завоевывать живших там волохов и славян. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем Славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать против греков и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать против моравов и чехов. Был един народ славянский: и те славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которых теперь называют русь. Для них ведь, моравов, первоначально созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещенными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас и объяснил святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их». Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к царю, и сказал им царь: «Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их царь и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу.

Сима же пришедъшема, начаста съставливати писмена азъбуковьная словѣньски, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. *И* ради быша словѣни, яко слышиша виличья божья своимь языкомь. Посем же *преложиста* Псалтырь, и Охтаикъ, и прочая книги. *Нѣции же начаша хулити словеньскиа книги,* глаголюще, яко «Не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ еврѣи, и грекъ и латинъ, по *Пилатову* писанью, еже на крестѣ господни написа». Се же слышавъ папежь римьский, похули тѣх, иже ропьщють на книги словѣньския, река: «Да ся исполнить книжное слово, яко «Въсхвалять бога вси *языци»;* другое же: «Вси възъглаголють языки величья божья, якоже дасть имъ святый духъ отвѣщевати». Да аще хто хулить словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ от церкве, донде ся *исправить:* ти бо суть волци, а не овца, яже достоить от плода знати я́ *и* хранитися ихъ. Вы же, чада, божья послушайте ученья и не отрините наказанья церковного, якоже вы наказалъ Мефодий, учитель вашь». Костянтинъ же възратився въспять, и иде учитъ болгарьскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ. Посем же Коцелъ князь постави *Мефодья* епископа въ Пании, на столѣ святого Онъдроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь от гречьска языка въ словѣнескъ 6-ю мѣсяць, наченъ от марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Оконьчавъ же, достойно хвалу и славу богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью, настольнику *Анъдроникову.* Тѣмже словѣньску языку учитель есть *Анъдроникъ* апостолъ. В Моравы бо ходилъ и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же *доходилъ* апостолъ Павелъ; ту бо бѣша словене первое. Тѣмже и словеньску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо русь, тѣмъже и нам руси учитель есть Павелъ, понеже учил есть языкъ *словѣнескъ* и поставилъ есть епископа и намѣсника *по* себѣ Андроника словеньску языку. А словеньскый языкъ и рускый одно есть, от варягъ бо прозвашася русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. Полями же прозвани быши, зане в поли сѣдяху, а язык словенски един.

В лѣто 6407. В лѣто 6408. В лѣто 6409.

В лѣто 6410. Леон царь ная угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарьску пленоваху. Семионъ же *увѣдѣвъ,* на угры взвратися, и угре противу поидоша и победиша болгары, яко одва Семионъ въ Деръстръ убежа.

В лѣто 6411. Игореви же възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и *слушаше* его, и приведоша ему жену от Пьскова, именемъ *Олгу.*

Когда же братья эти пришли,— начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии божьем на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же люди стали хулить славянские книги и говорили, что-де «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто ропщет на славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: «Пусть восхвалят бога все народы», и другое: «Пусть все народы восхвалят величие божие, поскольку дух святой дал им говорить». Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, дети, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодия оставил в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого Андроника, одного из семидесяти апостолов, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; ибо учитель славянскому народу — апостол Андроник. До моравов же доходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — апостол Павел, из тех же славян — и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе для славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозвались потому, что сидели в поле, а язык был им общий — славянский.

В год 6407 (899). В год 6408 (900). В год 6409 (901).

В год 6410 (902). Леон-царь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, возвратился на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Доростол.

В год 6411 (903). Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

В лѣто 6412. В лѣто 6413. В лѣто 6414.

В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы. Игоря *оставив* Киевѣ, поя *же* множество варяг, и словенъ, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая скуфь. *И* съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. *И* прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнникы, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа *зла* творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспя парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убояшася, и рѣша, выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемъся *по дань,* якоже хощеши». И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его — бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци и рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны от бога». И заповѣда Олегъ *дань* даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли *по* 40 мужь.

И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олегъ же мало отступи от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со *Леономъ* и Александромъ, посла к нима въ градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И рѣша греци: «Чего хощеши, *дамы* ти». И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти *уклады* на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы; по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще. «Да приходячи русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже *придутъ* гости, *да* емлют мѣсячину на 6 мѣсяць, хлебъ, вино, и мясо, и рыбы и *овощь*. И да творят им мовь, елико хотят. Поидучи же *домовь, в* Русь, да емлют у царя вашего *на путь* брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико надобе». И яшася греци, и рѣста царя и боярьство все: «Аще придуть русь бес купли, да не взимают мѣсячины: да запретить князь словомъ своим приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей. Приходяще русь да витают у святого Мамы,

В год 6412 (904). В год 6413 (905). В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы и плодами. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное: да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Мамонта

и *послеть* царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть *мѣсячное* свое,— первое от города Киева, и *паки* ис Чернигова и ис Переславля, и прочии гради. И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружьа, мужь 50, и да творят куплю, якоже имъ надобе, *не платяче* мыта ни в чем же».

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, целовавше *сами* крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «*Исшийте* парусы паволочиты руси, а словеномъ *кропиньныя*», и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех, показуа побѣду, и поиде от Царяграда. И *воспяша русь* парусы паволочиты, а словене кропинны, и раздра á вѣтръ; и рѣша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ *паволочиты*». И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вѣщий: бяху бо людье погани и невѣигласи.

В лѣто 6416. В лѣто 6417. В лѣто 6418.

В лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западе *копейным* образом.

Въ лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити ряд межю Русью и Грекы, и посла *глаголя:*

«Равно другаго свещания, бывшаго при тѣх же царьхъ Лва и Александра. Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, *Руаръ,* Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояръ, к вам, Лвови и Александрови и Костянтину, великим о бозѣ самодержьцем, царемъ греческым, на удержание и на извещение от многих лѣт межи хрестианы и Русью бывьшюю любовь, похотѣньем наших великих князь и по повелѣнию от всѣх, иже суть под рукою его сущих руси. Наша свѣтлость болѣ инѣх *хотящи* еже о бозѣ удержати *и* извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, *не* точью просто *словесемъ,* и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружьем своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему.

Суть, яко *понеже* мы ся имали о божьи вѣре и о любви, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами, грекы, да любим друг друга от всеа душа и изволениа, и не вдадим,

и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное,— сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота, в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные»,— и было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так:

«Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его,— светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в боге самодержцам, царям греческим, на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению всех, кто находится под рукою его, русских. Наша светлость, превыше всего желая в боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую неоднократно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по божьей вере и дружбе: первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим

елико наше изволение, быти от сущих *подъ* рукою наших *князь* свѣтлых никакому же соблазну или винѣ; *но* потщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, грекы, исповеданием и написанием со клятвою извещаемую любовь непревратну и *непостыжну*. Тако же и вы, грекы, да храните *таку* же любовь ко княземъ нашим свѣтлым рускым и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, *несоблазну и* непреложну всегда и во вся лѣта.

А о главах, аже ся ключит проказа, *урядимъ ся* сице: да елико явѣ будеть показании явлеными, да имѣют вѣрное о тацѣх *явление;* а ему же начнуть не *яти* вѣры, да кленется часть та, иже ищеть неятью вѣры; да егда кленеться по вѣре своей, и будеть казнь, якоже явиться согрешенье.

О сем, аще кто убьет или хрестьанина русин, или хрестьянинъ русина, да умрет, идѣже аще сотворит убийство. Аще ли убежит сотворивый убийство, да аще есть домовит, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть, толицем же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовит сотворивый убой и убежавъ, да держиться тяжи, дондеже обрящеться, и да умреть.

Аще ли ударит мечем, или *бьеть* кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому; аще ли не имовит тако сотворивый, да вдасть елико можеть, да соиметь *съ* себе и ты самыа порты, в них же ходит, да о процѣ да ротѣ ходит своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребывает тяжа отоле не взыскаема.

О сем, аще украдеть что *любо русин* у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у русина, и ятъ будеть в том часѣ тать, егда татбу сътворит, от погубившаго что любо; аще приготовиться тать творяй, и убьенъ будеть, да не взищеться смерть его ни от хрестьанъ, ни от Руси; но паче убо да возмет свое, иже *будеть* погубил. Аще *вдасть* руцѣ свои украдый, да ят будеть тѣм же, у него же будеть украдено, и связанъ будеть, *и* отдасть тое, еже смѣ створити, и сотворить триичи.

О сем, аще кто от хрестьянъ или от Руси мученьа образом искусъ творити, и *насильемъ* явѣ возмет что любо дружне, да въспятить троиче.

Аще вывержена будет лодьа вѣтром великим на землю чюжю, и обращуться тамо иже от нас руси, *да* аще кто *иметь* снабдѣти лодию с рухлом своимъ *и* отослати паки *на* землю хрестьаньскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже придет въ бестрашное мѣсто; аще ли таковая лодьа

произойти, поскольку это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей; но постараемся, как только можем, сохранить с вами в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, открытым объявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных совершиться злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а какому злодеянию не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет — русский христианина или христианин русского,— да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст пять литр серебра по закону русскому; если же сделавший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина или, с другой стороны, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и (в обоих этих случаях) будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он украл, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится (на грабеж) и явно насильно возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и (хозяин) соберется снабдить ладью товаром своим и отправить вновь в Греческую землю, то проводим ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта ли

от буря, *или* боронениа земнаго боронима, не можеть *възвратитися* въ своа си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоа лодьа мы, русь, допроводим с куплею их поздорову. Ти аще ключиться близъ земля Грецкаа. Аще ли ключиться тако же проказа лодьи руской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продают рухло тоя лодьи, и аще что можеть продати от лодьа, *воволочим* мы, русь. Да егда ходим в Грекы или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему, да пустим с честью проданное рухло лодьи их. Аще ли лучится кому от лодьи убеену быти от нас руси, или что взято любо, да повинни будуть то створшии прежереченною епитемьею.

О тѣх, аще полоняникъ обою страну держим есть или от руси, или от грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящеться ли русинъ, ли греченинъ, да *искупять и* възратят искупное лице въ свою сторону, и возмут цѣну его купящии, или мниться в куплю над нь челядиннаа цѣна. Тако же аще от рати ятъ будеть от тѣх грекъ, тако же да *возратится* въ свою страну, и *отдана* будет цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля.

Егда же *требуетъ* на войну ити, и сии хотять *почтити* царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотят остати у царя вашего своею волею, да будуть.

О Руси *о* полонении множаиши. От коеа любо страны пришедшим в Русь и продаемым въ хрестьаны, и аще же и о хрестьанех о полоненых от коеа любо страны приходящим в Русь, се продаеми бываюіть по 20 золота, и да приидут в Грекы.

О том, аще украден будеть челядинъ рускый, или ускочит, или по нужи продан будеть, и жаловати начнут Русь, *да* покажеться таковое *о челядинѣ* и да поимуть *й* в Русь; но и гостие *аще* погубиша челядинъ и жалують, да ищуть, обретаемое да поимуть ѐ. Аще ли кто искушенья сего не дасть створити местникъ, да погубить правду свою.

И о работающих *въ* Грекох руси у хрестьанськаго царя. Аще кто умреть, не *урядивь* своего имѣнья, ци своих не имать, да възратит имѣние к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будет писал наследити имѣнье его, да наследит ѐ.

О взимающих куплю руси.

от бури или противного ветра задерживается и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим с куплею их поздорову. — Это если случится около Греческой земли. Если же приключится такое же зло русской ладье, то проводим ее в Русскую землю, и пусть (свободно) продают товары той ладьи (еще в Греции), так что если можно что продать из той ладьи, то пусть (беспрепятственно) вынесем (на греческий берег) мы, русские. И когда приходим (мы, русские) в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то (мы, греки) пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из нас, русских, прибывших с ладьею, быть убиту или что-нибудь будет взято из ладьи, то пусть будут виновники присуждены к вышесказанному наказанию.

Об этих: если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если действительно окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками,— все равно, пусть возвратится он в свою страну и отдана будет за него цена его, как уже сказано выше, существующая по обычным торговым расчетам.

Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть будет исполнено их желание.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны,— все эти должны продаваться по двадцати златников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут,— возьмут его. Если же кто-либо из тяжущихся не позволит произвести дознание,— тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет (из них), не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то пусть возьмет завещанное ему тот, кому написал умирающий наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских, взимающих куплю.

О различных *ходящихъ* во Греки и удолжающих... Аще злодѣй *не* възратиться в Русь, да жалують русь хрестьаньску царству, и ятъ будет таковый, и възвращен будет, не хотя, в Русь. Си же вся да створять русь грекомъ, идѣже аще ключиться таково.

На утверженье же *и неподвижение* быти меже вами, хрестьаны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановым написанием на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго бога *вашего,* извѣсти и дасть нашим послом. Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от бога суща, яко *божие* здание, по закону и по *покону* языка нашего, не преступити нам, ни *иному* от страны нашея от уставленых главъ мира и любви. И таковое написание дахом царства вашего на утвержение обоему пребывати таковому совещанию, на утвержение и на извещение межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентября 2, *индикта 15,* в лѣто создания мира 6420».

Царь же Леонъ почти послы руские дарми, златом, и паволоками и фофудьями, и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту, и полаты златыа и в них сущаа богатество, злата много и паволокы и камьнье драгое, и страсти господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я̑ к вѣре своей и показующе им истиную вѣру. И тако отпусти а̑ во свою землю с честию великою. Послании же Олгом посли приидоша ко Олгови, и поведаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси.

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, *иже* бѣ поставил кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашал волъхвовъ *и* кудесникъ: «От чего ми есть *умрети?*» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нем, от того ти умрети». Олегъ же приим въ умѣ, си рѣче: «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». И повелѣ кормити *й* и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣт не видѣ его, дондеже на Грекы иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «*Кде* есть конь мъй, его же *бѣхъ* поставил кормити и блюсти его?». Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волъсви, но *все то лъжа есть:* конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своею рукою,— скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Царь же Леон почтил русских послов дарами — золотом, и паволоками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и договор положили между Греческою землею и Русскою и установили не преступать клятвы — ни грекам, ни руси.

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь,— от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года,— на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его

кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?». И въступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа *изо* лба, *и* уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людье вси плачемь великим, и несоша и погребоша *его* на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, *словеть* могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣтъ княжениа его 33.

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается *чародѣйство.* Якоже *бысть во* царство Доментианово, нѣкий волхвъ, именем *Аполоний, Тиянинъ,* знаемъ беаше, шествуа и творя всюду *и* въ градѣх и в селех бѣсовьскаа чюдеса. От Рима бо пришед въ Византию, умоленъ бывъ от живущих ту, сотворити сиа: отгнавъ множество змий и скоропий изъ града, яко *не* врежатися человѣком от них; ярость *коньскую* обуздавъ, егда схожахуся боаре. Тако же и во Антиохию пришед, и умолен бывъ от них, томимомъ бо антиахияном от скоропий и от комаръ, сотворивъ мѣдянъ скоропий и погребе его в земли, и малъ столпъ мраморен постави *надъ* ним, и повелѣ трость держати человѣкомъ, и ходити по городу и звати, тростем трясомом: «Бес комара граду». И тако исчезнуша из града скоропиа и комарье. И спросиша же пакы *о належащемь* на градѣ *трусѣ,* въздохну, списа на дщице сеа: «Увы тобѣ, оканный граде, яко потрясешися много, и огнем одержимъ будеши, *оплачеть* же тя и *при* березѣ *сый Оронтии*». О нем же и великий Настасий божьа града рече: «Аполонию же даже и донынѣ на нѣцех мѣстех собываються *створенаа,* стоащаа *ова* на отвращение животенъ четверногъ, птица, могущи вредити *человѣкы,* другыя же на воздержание струамъ рѣчнымъ, невоздержанно текущим, но ина нѣкаа на тлѣнье и вред человѣкомъ сущаа на побѣжение стоать. Не точью бо за живота его така и таковая сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамениа творяху во имя его на прелщение оканным человѣкомъ, бошею крадомымъ на таковаа от дьявола». Кто убо что *речеть о творящихся* волшвеным прелщением дѣлех? Яко таковый гораздъ бысть волшеством, яко воину зазряще ведый Аполоний, яко неистовъ на ся философескую хитрость имуще; подобашеть бо ему рещи якоже «Азъ словом точью *творихъ,* их же хотяше», а не свершением творити повелеваемаа от него. *Та же* и вся ослабленьемъ божьимъ и творением бесовьским бываеть, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа вѣры, аще тверда есть *и* искрь пребывающи господеви, *и не* влекома врагом *мечетных* ради чюдес и сотонинъ дѣлъ, *творимыхъ* от врагъ и слугъ злобы. Еще же, но именемъ господнимъ, и *пророчествоваша* нѣции, яко

голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Не удивительно, что от волхвования сбывается чародейство. Так было и в царствование Доментиана: тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса — в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, его упросили живущие там сделать следующее: он отогнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на сонмище бояр. Так и в Антиохию пришел, и упрошенный людьми теми — антиохиянинами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона, и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и выкликивать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!» И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его еще об угрожавших городу землетрясениях, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город, много тебя будет трясти земля, и огнем будешь попален, оплачет тебя и Оронтия на берегу». Об Аполлонии этом и великий Анастасий Иерусалимский сказал: «Чудеса, произведенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: некоторые из них сотворены, чтобы отогнать четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы такие чудеса, но и по смерти, у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебство? Ведь вот, искусен был на волшебное обольщение и никогда не считался Аполлоний с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словом только творю я то, что хотел», и не совершать действий ожидаемых от него. То все попущением божиим и творением бесовским случается,— всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и пребывает подле господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Бывает же, что некоторые и именем господа пророчествуют, как

Валам, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша, яко Июда и сынове *Скевавли*. Убо и не на достойных *благодать дѣтельствует* многажды, да етеры свидѣтельствуеть, ибо Валам обоих бѣ *щюжь* — житьа изящна и вѣры, но обаче *свѣдѣтельствова* в нем *благодать* инѣх ради смотрениа. *И* Фараонъ таковый бѣ, но и тому будущаа предпоказа. И Навходоновсоръ законопреступный, но и сему пакы во мнозѣх сущих последи же родъ откры, тѣмъ авляа, яко мнози, прекостни имуще умъ, пред образомъ Христовымъ знаменають иною козныю на прелесть человѣкомъ, не *разумѣвающимъ* добраго, якоже бысть Симонъ волхвъ, и *Менандръ и ини таковы, ихъ* ради поистѣнѣ рече: «Не чюдесы прелщати *подобаеть*...».

В лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Олзѣ. В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И деревляне затворишася от Игоря по Олговѣ смерти.

В лѣто 6422. Иде Игорь на деревляны, и побѣдивъ а̀, и возложи на *ня* дань болши Олговы. В то же лѣто прииде Семионъ Болгарьский на Царьград, и сотворивъ миръ, и прииде восвоаси.

В лѣто 6423. Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семионъ, пленяа Фракию, греки же послаша по печенѣги. Печенѣгом пришедшим и хотящимъ на Семеона, расваришеся греческыа воеводы. Видѣвше печенѣзи, яко сами на ся *рѣть* имуть, отъидоша въсвоасы, а болгаре со грекы *соступишася*, и пересѣчени быша грекы. Семионъ же приа град Ондрѣнь, иже первое Арестовъ град нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже во 3-хъ реках купався недуга избы ту, сего *ради* град во имя свое нарече. Последи же Андрианъ кесарь и̓ обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовем Ондрѣянемъ градомъ.

В лѣто 6424. В лѣто 6425. В лѣто 6426. В лѣто 6427.

В лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекох. А *Игорь* воеваше на печенѣги.

В лѣто 6429. В лѣто 6430. В лѣто 6431. В лѣто 6432. В лѣто 6433. В лѣто 6434. В лѣто 6435. В лѣто 6436.

В лѣто 6437. Приде Семевонъ на Царьградъ, и поплѣни Фракию и Макидонью, и приде ко Царюграду въ силѣ въ велицѣ, в гордости, и створи миръ с *Романомъ* царемъ, и възратися въсвояси.

В лѣто 6438. В лѣто 6439. В лѣто 6440. В лѣто 6441.

В лѣто 6442. *Первое приидоша угре на Царьград, и пленоваху всю Фракию; Романъ сотвори миръ со угры.*

Валаам, и Саул, и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам был чужд и праведного жития и веры, но тем не менее свидетельствовала в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго. Таков был и Симон Волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было по истине сказано: «Не чудесами прельщать...»

В год 6421 (913). По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся домой.

В год 6423 (915). Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, попленяя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собрались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвояси, а болгары сразились с греками, и иссечены были греки. Симеон же захватил Адрианополь, который первоначально назывался городом Ореста — сына Агамемнона: ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни — оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил цезарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

В год 6424 (916). В год 6425 (917). В год 6426 (918). В год 6427 (919).

В год 6428 (920). У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов.

В год 6429 (921). В год 6430 (922). В год 6431 (923). В год 6432 (924). В год 6433 (925). В год 6434 (926). В год 6435 (927). В год 6436 (928).

В год 6437 (929). Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и с гордостию, и сотворил мир с Романом-царем, и возвратился восвояси.

В год 6438 (930). В год 6439 (931). В год 6440 (932). В год 6441 (933).

В год 6442 (934). Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В лѣто 6443. В лѣто 6444. В лѣто 6445. В лѣто 6446. В лѣто 6447. В лѣто 6448.

В лѣто 6449. Иде Игорь на Греки. *И* послаша болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдий 10 тысящь. Иже придоша, и приплуша, и почаша воевати Вифиньскиа страны, и воеваху по Понту до *Ираклиа* и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше, и Судь весь пожьгоша; их же емше, овѣхъ растинаху, другия аки страньь поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть *имъ*. Много же святыхъ церквий *огневи* предаша, манастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало *от* обою страну взяша. Потомъ же пришедъшемъ воемъ от въстока, Памъфиръ деместикъ съ 40-ми тысящь, Фока же патрекий съ макидоны, Федоръ же стратилатъ съ фраки, с ними же и *сановници* боярьстии, обидоша русь около. Съвѣщаша русь, изидоша, въружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша грьци. Русь же възратишася къ дъружинѣ своей къ вечеру, на ночь влѣзоша в *лодьи* и отбѣгоша. Феофанъ же сустрѣте я̓ въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ руския. И бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочии възъвратишася въсвояси. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнѣмь огни: «Якоже молонья,— рече,— иже на небесѣхъ, грьци имуть у собе, и се *пущающе* же жагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ». Игорь же, пришедъ, нача совкупляти воѣ многи, и посла по варяги многи за море, вабя ѐ на греки, паки *хотя* поити на ня.

В лѣто 6450. Семеонъ иде на храваты, и побѣженъ бысть храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, болъгаромъ.

В лѣто 6451. Паки придоша угри на Царьградъ, *и* миръ створивше съ *Романомъ,* возъвратишася въсвояси.

В лѣто 6452. Игорь же, совкупивъ вои многи — варяги, русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги *наа* и тали у нихъ поя, поиде на Греки в лодьях и на конихъ, хотя мьстити себе. Се слышавше корсунци, послаша къ Раману, глаголюще: *«Се идутъ* русь, бе-щисла корабль, покрыли суть море корабли». Тако же и болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «Идуть *русь,* и наяли суть к собѣ печенѣги». Се слышавъ царь посла к Игорю лучиѣ боляре, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамь и еще к той дани». Тако же и къ печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же, дошед Дуная, созва дружину, и нача думати, *и* повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина *Игорева:*

В год 6443 (935). В год 6444 (936). В год 6445 (937). В год 6446 (938). В год 6447 (939). В год 6448 (940).

В год 6449 (941). Пошел Игорь походом на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили — одних распинали, в других же, расстанавливая их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и с обеих сторон Суда захватили немало богатств. Затем пришли с востока воины — Панфир-деместик с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, и окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись — и так оставшиеся их возвратились домой. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную,— говорили они,— имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них походом.

В год 6450 (942). Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарами.

В год 6451 (943). Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились восвояси.

В год 6452 (944). Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев — и нанял печенегов, и заложников у них взял,— и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева:

«Да аще сице глаголеть царь, то что хочемъ боле того: не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вѣсть; кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? Ли с моремъ кто свѣтенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй: обьча смерть всѣмъ». Послуша ихъ Игорь, и повелѣ печенѣгомъ воевати Болъгарьску землю; а самъ埋 у грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възвратися въспять, и приде къ Киеву въсвояси.

В лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы к Игореви построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману. Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велѣша глаголати *и* псати обоихъ рѣчи на харатьѣ.

«Равно *другаго* свѣщанья, бывшаго при цари Раманѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ. Мы от рода рускаго съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обьчии сли: Вуефастъ Святославль, *сына Игорева*; Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; Улѣбъ Володиславль; Каницаръ Передъславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улѣблѣ; Прасьтѣнъ Туръдуви; Либиаръ Фастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ; Кары Тудковъ; Каршевъ Туръдовъ; Егри Евлисковъ; *Воистъ* Воиковъ; Истръ Аминодовъ; Прастѣнъ Берновъ; Явтягъ Гунаревъ; Шибридъ Алданъ; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ; Сфирка...; Алвадъ Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купець: Адунь, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Туръбидъ, Фуръстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игелъдъ, Туръбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилен, Апубькcарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь, послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людий Руския земля. И от тѣх заповѣдано обновити ветъхий миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола *разореный* от многъ лѣтъ, и утвердити любовь межю Греки и Русью.

И великий князь нашь Игорь, и боляре его, и людье вси рустии послаша ны къ Роману, и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ царемъ гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмь болярьствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, дондеже съяеть солнце и весь миръ стоить. И иже помыслить от страны Руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да приимуть месть от бога вседержителя, *осуженье* на погибель въ весь вѣкъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи от бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, от стрѣлъ и от иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущий.

«Если так говорит царь, то чего нам еще нужно,— не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В год 6453 (945). Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию.

«Список с договора, заключенного при царях Романе, Константине и Стефане, христолюбивых владыках. Мы — от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря; Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянника Игоря; Улеб от Володислава; Каницар от Предславы; Шихберн Сфандр от жены Улеба; Прастен Тудоров; Либиар Фастов; Грим Сфирьков; Прастен Акун от племянника Игоря; Кары Тудков; Каршев Тудоров; Егри Евлисков; Воист Войков; Истр Аминодов; Прастен Бернов; Явтяг Гунарев; Шибрид Алдан; Кол Клеков; Стегги Етонов; Сфирка...; Алвад Гудов; Фудри Туадов; Мутур Утин; купцы Адунь, Адулб, Иггивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фуростен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турберн, Моне, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубексарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья, и от всех людей Русской земли. И им поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь, и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману, Константину и Стефану, к великим царям греческим, заключить союз любви с самими царями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. А кто с русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ни от бога ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь.

А великий князь руский и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, якоже имъ уставлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣлъ есть князь *вашь* посылати *грамоты* ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ *посли* и гостье, да *приносять* грамоту, пишюче сице: яко «послахъ корабль *селико*». И от тѣхъ да увѣмы *и* мы, оже съ миромь *приходять*. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будуть *намъ*, да держимъ и хранимъ, донделе възвѣстимъ князю *вашему*. Аще ли руку не дадять, и противятся, *да* убьени будуть, да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть русь без купли, да не взимають мѣсячна. Да запрѣтить князь сломъ своимъ и приходящимъ руси сде, да *не* творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы, да послеть царство *наше*, да испишеть имяна ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое от города Киева, паки изъ Чернигова и *ис* Переяславля *и исъ прочих городовъ*. Да входять в городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, *и* паки да исходять; *и мужь* царства *нашего* да хранить я̑, да аще кто от Руси или от Грекъ *створить* криво, да оправляеть то. Входяще же русь в *градъ*, да *не творять пакости и* не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ; и от тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть, да показываеть цареву мужю, и *ть я* запечатаеть и дасть имъ. И отходящеи руси отсюда *взимають* от насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть преже, и да возъвращаются съ спасениемъ въ страну свою; да не имѣють власти зимовати у святаго Мамы.

Аще ускочить челядинъ от Руси, по нь же придуть въ страну царствия *нашего*, и *у* святаго Мамы аще будеть, да поимуть й; аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за чалядинъ.

Аще ли кто от людий царства *нашего*, ли от города *нашего*, или от инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ, и принесеть что, да въспятять й опять; а еже что принеслъ будеть все цѣло, и да возьметь от него золотника два *имечнаго*.

Аще ли кто покусится от руси взяти что от людий царства *нашего*, иже то створить, покажненъ будеть вельми;

А великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли, сколько хотят, и с послами и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: «Послал столько-то кораблей». И из этих грамот мы узнаем, что пришли они с миром. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернутся в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину — послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по пятьдесят, и торгуют, сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по пятидесяти золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, а у святого Мамонта зимовать да не имеют права.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну нашу, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане по их вере, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде,— по две паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут из него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан;

аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо; и аще створить *то же* грьчинъ русину, да прииметь ту же казнь, якоже приялъ есть и онъ.

Аще ли ключится украсти русину от грекъ что, или грьчину от руси, достойно есть да *возворотить ѐ* не точью едино, но и цѣну его; аще украденое обрящеться *продаемо,* да вдасть и цѣну его сугубо, и *тъ* показненъ будеть по закону гречьскому, *и* по *уставу* и по закону рускому.

Елико хрестеянъ от власти нашея плѣнена приведуть русь, ту аще будеть уноша, или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть и́; *аще ли есть средовѣчь, да вдасть золотникъ* 8 и поимуть и́; аще ли будеть старъ, или дѣтещь, да вдасть златникъ 5.

Аще ли обрящутся русь работающе у грекъ, аще ли суть плѣньници, да *искупають* ѐ русь по 10 златникъ; аще ли купилъ *и́ будетъ* грьчинъ, подъ хрестомь достоить ему, да возметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немь.

А о Корсуньстѣй странѣ. Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости князь руский, да воюеть на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ, *и* тогда, аще просить вой у насъ князь руский, да воюеть, да дамъ ему, елико ему будеть требѣ.

И о томъ, аще обрящють русь кубару гречьскую въвержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидять ея. Аще ли от нея возметь кто что, ли человѣка поработить, или убьеть, да будеть повиненъ закону руску и гречьску.

Аще *обрящють* въ вустьѣ Днѣпрьскомь русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никакоже.

И да не имѣють власти русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Ельферья, но егда придеть осень, да идуть въ домы своя в Русь.

А о сихъ, оже то приходять чернии болгаре *и* воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю рускому, да ихъ не *пущаеть: пакостять* странѣ его.

Ци аще ключится проказа *нѣкака* от грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать власти казнити я̀, но повелѣньемь царства нашего да прииметь, якоже будеть створилъ.

Аще убьеть хрестеянинъ русина, или русинъ хрестеянина, да держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьють и́.

Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовитъ, да возмуть имѣнье его ближьнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ *створивый убийство* и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется, аще ли обрящется, да убьенъ будеть.

если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит то же наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому и по уставу и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую при выкупе пусть наши дают десять золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им восемь золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него пять золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по десяти золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену — сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, и если с другой стороны попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать,— дам ему, сколько ему будет нужно.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-нибудь возьмет из него что-либо или обратит кого-нибудь из него в рабство или убьет, то будет подлежать суду по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев в устье Днепра за ловлей рыбы, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому — чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков — наших царских подданных,— да не имеете права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского или русский нашего подданного, то да задержат убийцу родственники убитого и да убьют его.

Если же убежит убийца и скроется, а будет он обладать собственностью, то пусть родственники убитого возьмут имущество его; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его, пока не найдется, а когда найдется, да будет убит.

Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ русинъ грьчина, или грьчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатить сребра литръ 5 по закону рускому; аще ли есть неимовитъ, да како можеть в только же проданъ будеть, яко да и порты, в нихъ же *ходить,* да и то с него сняти, а о процѣ да на роту ходить по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущенъ будеть.

Аще ли хотѣти начнеть наше царство от васъ вои на противящася намъ, да *пишемъ* къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хочемъ: и оттоле увѣдять ины страны, каку любовь имѣють грьци съ русью.

Мы же *свещание се* написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, *на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша. А отходяче послом царства нашего* да допроводять къ великому князю рускому Игореви и к людемъ его; и ти, приимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, напсахомъ *на* харатью сию, на ней же суть имяна наша написана.

Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити от него ничтоже; а иже преступить се от страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи от бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ.

А некрещении русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и *прочаа* оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ боляръ и от всѣх людий от страны Руския въ прочая лѣта и воину.

Аще ли же кто от князь или от *людий* руских, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ своимъ оружьемь умрети, и да будеть клятъ от бога и от Перуна, яко преступи свою клятву.

Да аще будеть добрѣ *устроилъ миръ* Игорь великий князь, да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяеть и весь миръ стоить, в нынешния вѣки и в будущая».

Послании же сли Игоремъ придоша к Игореви со слы гречьскими, *и* повѣдаша вся рѣчи царя Рамана. Игорь же призва слы гречьския, рече имъ: «Глаголите, что вы казалъ царь?». И рѣша сли цареви: «Се посла ны царь, радъ есть миру, хощеть миръ имѣти со княземъ рускимъ и любъве.

Если же ударит мечом, или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный пять литр серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших противников, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем: и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей,— на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой — имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, — пусть доставят их к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, в предлежании честного креста и хартии этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны — князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, — да не получит он помощи от бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские слагают свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что написано на хартии этой, будет соблюдаться Игорем, и всеми боярами, и всеми людьми Русской страны во все будущие годы и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой,— да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И если утвердит князь Игорь клятвою договор этот,— да хранит любовь эту правую, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие».

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что приказал вам царь?» И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, обрадованный миром, хочет он иметь мир и любовь с князем русским.

Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водитъ тебе и мужь твоихъ». Обѣщася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, *и* покладоша оружье свое, и *щиты* и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ руси; а хрестеяную русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ Ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды, и козарѣ: се бо бѣ сборная церки, мнози бо бѣша варязи хрестеяни. Игорь же, утвердивъ миръ съ греки, отпусти слы, одаривъ *скорою,* и чалядью и воскомъ, и отпусти я̀; сли же придоша ко цареви, *и* повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь *южг* къ грекомъ.

Игорь же нача княжити въ *Кыевѣ,* миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, *и* нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань.

В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: «Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». *И* послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой *дани, и* насиляше имъ и мужи его. Возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. *Идущу* же ему въспять, размысливъ, рече дружинѣ своей: «Идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то *вся* ны погубить». *И* послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, *и* есть могила его у Искоръстѣня града в Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, *и* воевода бѣ Свѣнелдъ,— то же отець Мистишинъ. Рѣша же деревляне: «Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ». И послаша деревляне лучьшие мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьския, и на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и *Никифоровъ,* а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть *нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть* дворъ демьстиковъ за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ,

Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы, и хазар,— это была соборная церковь, так как много было христиан — варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском, и отпустил их; послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить к Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани.

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым подъемом. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви святой Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем.

И повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и возва я̀ Ольга къ собѣ *и рече имъ*: «Добри гостье придоша». И рѣша деревляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради придосте сѣмо?». Рѣша же древляне: «Посла ны Дерьвьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь нашь за Малъ»; бѣ бо имя ему Малъ, князю дерьвьску. Рече же имъ Ольга: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а ныне идѣте в лодью свою, и лязите в лодьи величающеся, *и* азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣх, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи»; и отпусти я̀ в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, *ни пѣши идемъ,* понесѣте ны в лодьи». Рѣша же кияне: «Намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгини наша *хочетъ* за вашь князь»; и понесоша я̀ в лодьи. Они же сѣдяху в перегъбѣх въ великихъ сустугахъ гордящеся. И принесоша я̀ на дворъ к Ользѣ, *и,* несъше, вринуша ѐ въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?». Они же рѣша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати я̀ живы, и посыпаша я̀.

И пославши Ольга къ деревляномъ, рече имъ: «Да аще мя *просите* право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Се слышавше деревляне, *избраша* лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: «Измывшеся придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я̀ отъ дверий, ту изгорѣша вси.

И посла къ деревляномъ, рькущи сице: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многи в градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, *и* възвариша. Ольга же, поимши *мало* дружины, легъко идущи приде къ гробу его, *и* плакася по мужи своемъ. И повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, *и* яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними. *И* рѣша деревляне к Ользѣ: «Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?».

И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле, — пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье»,— и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя»,— и понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своем муже». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?»

Она же рече: «Идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего». *И* яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ *своей* сѣчи *деревляны;* и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

Начало княженья Святославля, *сына Игорева.* В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Дерьвьску землю. *И* изидоша деревляне противу. *И сънемъшемася* обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ *на* деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, *и* удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «Князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своих. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ *на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ*, а деревляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, *и* не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хочете досѣдѣти? А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «Ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «Азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему. А уже не хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, *и* смирившися с вами поиду опять». Рекоша же деревляне: «Што хощеши у насъ? Ради даемъ медомь и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дайте ми от двора по 3 голуби да *по* 3 воробьи. Азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужь мой, сего прошю у васъ мало. Вы бо есте изънемогли в *осадѣ,* да сего у васъ прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: «Се уже *есте* покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, *а я заутра отступлю от града,* и *поиду* въ градо *свой*». Деревляне же ради бывше, внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ *къ коемуждо* голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо ихъ. И повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ.

Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз — когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить,— хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти,— идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев.

Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, *голуби* въ голубники, врабьѣве *же* подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идеже не *горяше* и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а̊. Яко взя градъ и пожьже и̊, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ их *остави* платити дань.

И възложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя *Вышегороду* к Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; *и* суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

В лѣто 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; *и* ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивше, възратися къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ въ любъви.

В лѣто 6456. В лѣто 6457. В лѣто 6458. В лѣто 6459. В лѣто 6460. В лѣто 6461. В лѣто 6462.

В лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь *Костянтинъ, сынъ Леоновъ;* и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю̊ добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова к ней, и рекъ ей: «Подобна еси царствовати въ градѣ с нами». Она же, разумѣвши, рече ко царю: «Азъ погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся»; и крести ю̊ царь с патреархомъ. Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю̊ патреархъ о вѣрѣ, *и* рече ей: «Благословена ты в *женах* руских, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави. Благословити тя хотять сынове рустии *и* в послѣдний родъ внукъ твоих». И заповѣда ей о церковномь уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья; *и* поклонившися патреарху, глаголющи: «Молитвами твоими, владыко, да схранена буду от сѣти неприязньны». Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя цариця, мати Великаго Костянтина. *И* благослови ю̊ патреархъ, и отпусти ю̊. И по крещеньи возва ю̊ царь, и рече ей: «Хощю тя пояти собѣ женѣ». Она же рече: «Како хочеши мя пояти, *крестивъ* мя самъ и нарекъ мя *дщерею?* А *въ* хрестеянехъ

Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись — где голубятни, где клети, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы ни горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов; и сохранились места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани, и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви.

В год 6456 (948). В год 6457 (949). В год 6458 (950). В год 6459 (951). В год 6460 (952). В год 6461 (953). В год 6462 (954).

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан

того нѣсть закона, а ты сам вѣси». И рече царь: «Переклюкала мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю̀, нарекъ ю̀ дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: «Людье мои погани и сынъ мой, дабы мя богъ съблюлъ от всякого зла». И рече патреархъ: «Чадо вѣрное! Во *Христа* крестилася еси, и во *Христа* облечеся, Христосъ имать схранити тя: якоже схрани Еноха в первыя роды, и потомъ Ноя в ковчезѣ, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисѣя от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Данила от звѣрий, тако и тя избавить от неприязни и от сѣтий его»; *и* благослови ю̀ патреархъ, и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица ефиопьская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамянья: тако же и си блаженая Ольга искаше доброѣ мудрости *божьа*, но она человѣчески, а си божья. «Ищющи бо мудрости обрящють»; «Премудрость на исходищихъ поется, на путехъ же дерьзновенье водить, на краихъ же забральныхъ проповѣдаеть, во вратѣхъ же градныхъ дерзающи глаголеть: елико бо лѣтъ *незлобивии* держатся по правду...». Си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростью, *что есть луче всего* въ свѣтѣ семь, налѣзе бисеръ *многоцѣненъ*, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: «Желанье благовѣрныхъ *наслажаетъ* душю»; и «Приложиши сердце твое в разумъ»; «Азъ любящая мя люблю, и ищющии мене обрящуть мя». Господь рече: «*Приходящаго* ко мнѣ не *изжену* вонъ».

Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь греческий, глаголя, яко «Много дарихъ тя. Ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ и скъру, и вои в помощь». Отвѣщавши Ольга, и рече къ сломъ: «Аще ты, рьци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в *Суду*, то тогда ти дамь». И отпусти слы, съ рекъши.

Живяше же Ольга съ сыном своимъ Святославомъ, и учашеть й мати креститися, и не *брежаше* того ни *во* уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. «Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть»; «Не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящии», и не вѣдять славы господня; «*Одебелѣша* бо сердца ихъ, ушюма тяжько слышати, *а* очима видѣти». Рече бо Соломанъ: «*Дела* нечестивыхъ *далече* от разума», «Понеже звахъ вы, и не послушасте мене, прострохъ словеса, и не внимасте, но отмѣтасте моя свѣты, моихъ же обличений не внимасте»; «Възненавидѣша бо премудрость, а страха господня

не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения вернуться, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха в древнейшие времена, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков в печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев. Произошло это как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать премудрость Соломона, и увидела свидетельства его многомудрия: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) — человеческой, а эта — божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на перекрестках возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество...» Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг — Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души»; и: «Наклонишь сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня». Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда-де возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск, и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом, и учила его мать принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть»; «Ибо не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме, и не ведают славы господней»; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались меня, направил слова и не внимали мне, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха божьего

не изволиша, ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же мои обличенья». Якоже бо Ольга часто глаголашеть: «Азъ, сыну мой, бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь». Онъ же не внимаше того, глаголя: «Како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? А дружина *моа* сему смѣятися начнуть». Она же *рече* ему: «Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити». Он же не послуша матере, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, в бѣду впадаеть, якоже рече: «Аще кто отца ли матере не послушаеть, *то* смерть прииметь». Се же к тому гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече: «*Кажай* злыя приемлеть собѣ досаженье, *обличаяй* нечестиваго поречеть *собѣ*; обличенья бо нечестивымъ *мозолие* суть. Не *обличай* злыхъ, да не *възненавидять* тебе». Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: «Воля божья да будеть; аще богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ Рускиѣ, да възложить имъ *на* сердце обратитися къ богу, якоже и мнѣ богъ дарова». И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.

В лѣто 6464. В лѣто 6465. В лѣто 6466. В лѣто 6467. В лѣто 6468. В лѣто 6469. В лѣто 6470. В лѣто 6471.

В лѣто 6472. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ *ядяше*, ни шатра имяше, но подъкладъ *постлавъ* и сѣдло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. *И* посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?». Они же рѣша: «Козаромъ по щьлягу от рала даемъ».

В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася *битися, и бывши* брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя. *И* ясы побѣди и касогы.

В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай *на* Болгары. *И* бившемъся обоимъ, одолѣ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, *и* сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцѣх.

В лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша *печенѣзи* градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града

не избрали для себя, не приняли совета моего, презрели все обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь — тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не послушает — в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе обиду, обличающий же нечестивого опорочит себя; ибо обличения нечестивых — язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля божья; если захочет бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, руководя сыном до его возмужалости и до его совершеннолетия.

В год 6464 (956). В год 6465 (957). В год 6466 (958). В год 6467 (959). В год 6468 (960). В год 6469 (961). В год 6470 (962). В год 6471 (963).

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах,— такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было

вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собравшеся людье оноя страны Днѣпра в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. *И* въстужиша людье въ градѣ и рѣша: «*Нѣсть* ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и речи имъ: аще *не подступите заутра,* предатися имамъ печенѣгомъ?» И рече единъ отрокъ: «Азъ преиду». И рѣша: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и *ристаше* сквозѣ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?». Бѣ бо умѣя печенѣжьски, и мняхуть и́ своего. *И* яко приближися к рѣцѣ, *свергъ* порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде. Видѣвше же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше с оноя страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и́ в лодью и привезоша и́ къ дружинѣ. И рече имъ: «Аще не *подступите* заутра къ городу, предатися хотять людье печенѣгомъ». Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: «Подъступимъ заутра в лодьях, и, попадше княгиню и княжичѣ, умчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть заутра, всѣдъше в *лодьи противу* свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к *лодьямъ.* Видѣвъ же се князь печенѣжьский, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: «Кто се приде?». И рече ему: «*Людье* оноя страны». И рече князь печенѣжьский: «А ты князь ли еси?». Онъ же рече: «Азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣх, *и* по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бе-щисла множьство». Се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенѣжьский къ Прѣтичю: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. *И отступиша* печенѣзи от града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенѣзи, *и* матерь твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины своея, ни матере, стары суща, и дѣтий своих?» То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собра вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ.

В лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити *в* Переяславци *на* Дунаи, яко то есть середа *земли* моей, яко ту вся благая сходятся:

ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага:

от Грекъ злато, паволоки, вина *и* овощеве розноличныя, *изъ Чехъ* же, из *Угорь* сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челяд». Рече ему Волга: «Видиши мя *болну* сущю; камо хощеши отъ мене ити?» — бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему; «Погребъ мя *иди,* ямо же хочеши». По трех днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомь, *и* несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не *творити* трызны над собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу.

Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли, аки *деньница* предъ солнцемь и аки зоря предъ свѣтомъ. Си бо сьяше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцехъ свѣтящеся, аки бисеръ в калѣ: кальни бо бѣша *грѣхомъ*, неомовени крещеньемь святымь. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся *греховныя одежа* ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ к ней: «Радуйся, руское познанье къ богу, начатокъ примиренью быхомъ». Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят рустие сынове аки началницю: ибо по смерти моляше бога за Русь. Праведныхъ бо душа не умирают, якоже рече Соломанъ: «*Похваляему* праведному възвеселятся людье», бесъсмертье бо есть память его, яко от бога познавается и от человѣкъ. Се бо вси человѣци прославляють, *видяще лежащю* в тѣлѣ на многа лѣта; рече бо пророкъ: «Прославляющая мя прославлю». О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше: «В память *вечную* праведникъ будеть, от слуха зла не убоится; готово сердце его уповати *на* господа, утвердися сердце его и не подвижется». Соломанъ бо рече: «Праведници въ вѣки *живуть*, и отъ господа мьзда имь есть и строенье вышняго. Сего ради приимуть царствие красотѣ и вѣнець добротѣ от руки господня, яко десницею покрыеть я̀ и мышцею защитить я̀». *Защитилъ* бо есть сию блажену Вольгу от противника и супостата дьявола.

В лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в деревѣхъ. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя собѣ: «Аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ». И рече к нимъ Святославъ: «А бы *пошелъ* кто к вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ *Добрынѣ,* отець же бѣ има Малъкъ Любечанинъ, *и* бѣ Добрына уй Володимеру. И рѣша ноугородьци Святославу: «Вѣдай ны Володимера». Онъ же рече имъ: «Вото вы есть». И пояша ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимиръ съ *Добрынею, уемъ* своимь, Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Веселится народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на господа; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от господа и попечение о них у всевышнего. Посему получат они царство красоты и венец доброты от руки господа, ибо он покроет их десницею и защитит их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславець, и затворишася болгаре въ градѣ. И излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и *одоляху* болъгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!». И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити *и* взяти градъ вашь, яко и сей». И рѣша грьци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша грьци, льстяче подъ Русью; *суть бо греци лстивы и до сего дни.* И рече имъ Святославъ: «Есть насъ 20 тысящь». И прирече 10 тысящь, бѣ бо руси 10 тысящь *толко.* И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу руси. Видѣвше же русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». И рѣша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грьци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже *стоять* и до днешняго дне *пусты.* И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?». И рѣша ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ и́, любьзнивъ ли есть злату, ли *паволокамъ*?». И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, влемъ дары, приде къ Святославу. *И* повѣдаша Святославу, яко придоша грьци с поклономъ. И рече: «Въведѣте я̀ сѣмо». Придоша, и поклонишася ему, *и* положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко «Придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не *возрѣ* на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искуси и́ еще, посли ему оружье». Они же *послушаша* его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, приимъ, нача хвалити, и любити, и *цѣловати* царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша боляре: «Лютъ се мужь *хочеть* быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши»;

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном. И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь»,

за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. *И* даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя, яко «Род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславець с *похвалою* великою. Видѣв же мало дружины своея, рече в собѣ: «Еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене», бѣша бо многи погибли на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле *дружины*».

И посла слы ко цареви въ *Деревьстръ*, бо бѣ ту царь, рька сице: «Хочю имѣти миръ с *тобою* твердъ и любовь». Се же слышавъ *царь* радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия дары, и поча думати съ дружиною своею, рька сице: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ. Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои *множайша,* поидемъ Царюгороду». Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я̆, и рече царь: «Да глаголють сли рустии». Они же рѣша: «Тако глаголеть князь нашь: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта». Царь же радъ бысть *и* повелѣ писцю писати вся рѣчи *Святославли* на харатью. Нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писець писати. Глагола сице:

«Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь князи рустѣмь, и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, в лѣто 6479. Азъ Святославъ, князь руский, якоже кляхъся, и утвержаю на свѣщанье семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со *всякимъ* великимь царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновеными цари, и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Якоже кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья. Аще ли *от* тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ *не* съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ *золоти,* яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ.

ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины». И отправил послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: «Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем.

Се же имѣйте во истину, якоже *сотворихомъ* нынѣ къ вамъ, *и* написахомъ на харатьи сей и своими печатьми запечатахомъ».

Створив же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьях къ порогомъ. И рече ему воевода отень *Свѣналдъ*: «Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенѣзи в порозѣх». И не послуша его *и* поиде в лодьяхъ. И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще: «Се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ *маломъ* дружины». Слышавше же се печенизи, заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у них брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Веснѣ же приспѣвъши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжьский, и убиша Святослава, *и* взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, *оковавше* лобъ его, и пьяху *из него*. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣх лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8.

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

В лѣто 6482.

В лѣто 6483. Ловъ *дѣющю* Свѣналдичю, именемъ Лютъ; ишедъ бо ис Киева, гна по звѣри в лѣсѣ. И узрѣ и́ Олегъ, и рече: «Кто се есть?». И рѣша ему: «Свѣналдичь». И заѣхавъ, уби и́, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о *томъ* бысть *межю* ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на братъ свой и прими волость его», хотя отмьстити сыну своему.

В лѣто 6484.

В лѣто 6485. *Поиде* Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олегъ, и *ополчистася*. Ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бяше чересъ гроблю мостъ ко *вратомъ* градньмъ, тѣснячеся, другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искатъ брата своего; *и* искавъше его, не обрѣтоша. И рече единъ деревлянинъ: «Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополкъ искатъ брата, и влачиша трупье изъ гробли от утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга высподи трупья, *вынесоша* и́, и положиша и́ на ковърѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, *и рече Свеналду:* «Вижь, сего ты *еси* хотѣлъ!». И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручего. И прия власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена грекини бѣ, и бяше была черницею; бѣ бо привелъ ю̀ отець его Святославъ, и вда ю̀ за Ярополка,

Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его».

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополк походом на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало туда, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!» И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка,

красоты ради лица ея. Слышав же се Володимъръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море. А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

В лѣто 6486. В лѣто 6487.

В лѣто 6488. Приде Володимиръ съ варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: «Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: «Володимеръ ти *идеть* на тя, *пристраивайся* противу битъся». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти *дщерь* твою собѣ женѣ». Онъ же рече *дщери* своей: «Хочеши ли за Володимера?». *Она* же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, *дщери Рогъволожѣ,* князя полотьскаго. Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время *хотячу* Рогънѣдь вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ; *и* стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «Поприяй ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не язъ бо почалъ братью бити, но онъ. Азъ же того убоявъся придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримь: «Азъ буду тобѣ в сердце и въ приязньство». О злая лесть человѣческа! Якоже Давыдъ глаголеть: «Ядый хлѣбъ мой, възвеличилъ есть на мя лесть». Се бо лукавьствоваше на князя свего лестью. И паки: «Языки своими льстяхуся. Суди имъ, боже, да отпадуть от мыслий своих; по множьству нечестья ихъ *изрини а̀,* яко прогнѣваша тя, господи». И паки *той* же рече Давыдъ: «Мужь въ крови льстивъ не припловить дний своих». Се есть *совѣтъ* золъ, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на *погубленье,* горьше суть бѣсовъ таковии. Якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови тои. Се бо Блудъ затворися съ *Ярополкомо,* льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристрянити къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка,

красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978). В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: «Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе». О злая ложь человеческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь: потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, так как,

гражаны же не бѣ льзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и́, замысли лестью, веля ему *ни* излазити на брань изъ града. *Рече* же Блудъ Ярополку: «Кияне слются къ Володимеру, глаголюще. «Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка». Побѣгни за градь». И послуша его Ярополкъ, *и* изъбѣгъ пред нимъ, затворися въ градѣ Родьни на усть *Рси* рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немь, *и* есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «Видиши, колько войн у брата твоего? Нама ихъ не *перебороти*. Твори миръ съ братомъ своимъ»; льстя подъ нимъ, се рече. И рече Ярополкъ: «Такъ буди». И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити и́». Володимеръ же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣде ту *с вои и* съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: «Поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму». Поиде же Ярополкъ, *и* рече ему Варяжько: «Не ходи, княже, убьють тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши *вои*»; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и́ два варяга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. *Варяшко же, видѣвъ, яко убъенъ бысть Ярополкъ,* бѣжа съ двора в Печенѣги, и *много воева Володимера с печенѣгы,* одва приваби и́, заходивъ к нему ротѣ. Володимеръ же залеже жену братьню грекиню, и бѣ непраздна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю́ не по браку, *прелюбодѣйчичь* бысть убо. Тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо от двою отцю,— от Ярополка и от Володимера.

Посемь рѣша варязи Володимеру: «Се градъ нашь; мы прияхомъ и́, да хочемъ имати окупъ на них, по 2 гривнѣ от чековѣка». И рече им Володимеръ: «Пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць». *И* ждаша за мѣсяць, и не дасть имь, и рѣша варязи: «Сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки». Онъ же рече имъ: «Идѣте». И избра от нихъ мужи добры, смыслены и *храбры,* и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: «Се идут к тебѣ варязи, не мози их держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я́ разно, а сѣмо не пущай ни единого».

опасаясь горожан, открыто его убить он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». Беги же из города». И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим», — так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, приведу-де к тебе Ярополка: приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира.

Однажды, уже после, сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его захватили,— хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного».

И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь. *И* жряху имъ, наричюще я̀ богы, *и* привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, *и* оскверняху землю *требами* своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся.

Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу.

Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоить сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 *дщери*; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в *Бѣлѣгородѣ*, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ несытъ блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя. Бѣ бо женолюбець, якоже и Соломанъ: бѣ бо, рече, у Соломана женъ 700, а наложниць 300. Мудръ же бѣ, а наконець погибе; се же бѣ невѣголосъ, а наконець обрѣте спасенье. «Велий господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть конца!». Зло бо есть женьская прелесть, якоже рече Соломанъ, покаявся, о женах: «Не вънимай злѣ женѣ, медъ бо каплеть от устъ ея, жены любодѣици, во время наслажаеть твой гортань, послѣди же горчае золчи *обрящеши... Прилѣпляющиися* ей *вънидутъ съ смертью* въ вадъ... На пути животьныя не находить, блудная же теченья ея неблагоразумна». Се же рече Соломанъ о прелюбодѣицах; *а* о добрыхъ женах рече: «*Дрожайши* есть каменья многоцѣньна. Радуется о ней *мужь* ея. Дѣеть бо мужеви своему благо все житье. Обрѣтши *волну и ленъ,* творить благопотребная *рукама* своима. *Бысть* яко корабль, куплю *дѣющи, издалеча* сбираеть *собѣ* богатьство, и *въстаеть* от нощи, и даеть брашно *дому* и дѣла *рабынямъ*. Видѣвши стяжанье купоΒаше: от дѣлъ руку своею насадить тяжанье. Препоясавши крѣпко чресла своя, *утвердить мышци своа* на дѣло. И вкуси, яко добро есть дѣлати, и не угасаеть свѣтилникъ ея всю нощь. Руцѣ свои простираеть на полезьная, локъти своя устремляеть на вретено. Руцѣ свои простираеть убогому, плодъ же простре нищему. Не печется мужь ея о дому своемь, егда

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагий бог не хочет гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден вожделением, и вот какие были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик господь, и велика крепость его, и разуму его нет конца!» Женское прельщение — зло; вот как, покаявшись, сказал Соломон о женах: «Не внимай злой жене; ибо мед каплет с уст ее, жены любодейной; мгновение только наслаждает гортань твою, после же горчее желчи найдешь его... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоразумна». Вот что сказал Соломон о прелюбодейках; а о добрых женах сказал он так: «Дороже она многоценного камени. Радуется на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, делает все необходимое руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью, и раздает пищу в доме своем и урочное рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит мышцы свои на дело. Она чувствует, что трудиться хорошо, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои протягивает к полезному, локти свои устремляет к веретену. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что,

гдѣ будеть, вси свои ея одѣни будуть. *Сугуба* одѣнья *сотворить* мужеви своему, очерьвлена и багряна собѣ одѣнья. Взоренъ бываеть во вратѣхъ мужь ея, внегда аще сядеть на сонмищи съ старци и съ жители земли. Опоны створи и отдасть в куплю. Уста же свои отверзе смыслено, в чинъ молвить языкъмь своимъ. Въ *крѣпость* и в лѣпоту *облечеся. Милостини* же ея *въздвигоша* чада ея и обогатиша, и мужь ея похвали ю́. Жена бо разумлива благословена есть, боязнь бо *господню* да похвалить. Дадите ей от плода устьну ея, да хвалять во вратѣх мужа ея».

В лѣто 6489. Иде *Володимеръ* к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червенъ и ины грады, *иже* суть и до сего дне подъ Русью. В сем же лѣтѣ и вятичи побѣди, и възложи на *ня* дань от *плуга,* якоже и отець его имаше.

В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня Володимиръ, и победи я̏ второе.

В лѣто 6491. Иде Володимеръ на *ятвягы,* и побѣди *ятвягы,* и взя землю их. И иде Киеву и творяше *требу* кумиромъ с людми своими. И рѣша старци и боляре: «Мечемъ жребий на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Бяше варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая богородица, юже сдѣла Володимеръ. Бѣ *же* варягъ *той* пришелъ изъ Грекъ, *и* держаше вѣру хрестеяньску. И бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и *сей* бяшеть ему аки тернъ въ сердци, *и* тьщашеся потребити оканьный, и наусти люди. *И* рѣша пришедще послании к нему, яко «Паде жребий на сынъ твой, изволиша бо и́ бози собѣ; да створимъ *требу* богомъ». И рече варягъ: «Не суть *то* бози, *но* древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьют, ни молвят, но суть дѣлани руками в деревѣ. А богъ есть единъ, ему же служат грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, *и* звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, *и* далъ есть ему жити на земли. А си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсомъ». Они же шедше *повѣдаша* людемъ. Они же, веземше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его. Онъ же стояше на сѣнех съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: «Вдай сына своего, да вдамы и́ богомъ». Онъ же рече: «Аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой. А вы чему претребуете *имъ?»*. И *кликнуша,* и посѣкоша сѣни под нима, и тако побиша я̏. И не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я́. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани. Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ *хрестьаньский,* но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в *инѣх* странахъ;

где бы он ни был,— все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее заметен всем у ворот, когда сядет на собрании со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, когда следует говорить языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее; муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо похвалит она страх божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот».

В год 6489 (981). Пошел Владимир на поляков и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань — с каждого плуга, как и отец его брал.

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир и победил их вторично.

В год 6491 (983). Пошел Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и взял их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а простое дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сенях с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили. Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Так пытался он погубить весь род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран.

сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый пророка, глаголюща: «И *нареку* не люди моя люди моя»; о апостолѣх бо рече: «Во всю землю изидоша вѣщанья их, и в конець вселеныя глаголи ихъ». Аще и тѣлом апостоли не суть *сдѣ* были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ, *их* же ученьемь побѣжаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози, якоже попраста и си *отечника, приемша вѣнець* небесный съ святыми мученики и праведники.

В лѣто 6492. Иде Володимеръ на радимичи. Бѣ у него воевода Волъчий Хвостъ, и посла й Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста; сърѣте *радимичи* на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди радимичѣ Волъчий Хвостъ. Тѣмь и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бѣгають». Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

В лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ *Добрынею,* съ *уемъ* своимъ, в лодьях, а торъки берегомъ приведе на коних: и побѣди *болгары.* Рече Добрына Володимеру: «Съглядахъ колодникъ, *и* суть вси в сапозѣх. Симъ дани намъ не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ». И створи миръ Володимеръ съ болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша болгаре: «Толи не будеть межю нами мира, *оли* камень начнеть плавати, а хмель почнет тонути». И приде Володимеръ Киеву.

В лѣто 6494. Придоша болъгары *вѣры* бохъмичѣ, глаголюще, яко «Ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруй в законъ нашь и поклонися Бохъмиту». И рече Володимеръ: «Како есть вѣра ваша?». Они же рѣша: «Вѣруемъ богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, *а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную.* Дасть Бохмитъ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣх красоту възложить на едину, та будеть ему жена. *Здѣ* же, рече, достоить блудъ творити всякъ. На семь свѣтѣ аще *будеть* кто убогъ, то и *тамъ*», и ина многа лесть, ея же нѣ льзѣ псати срама ради. Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему бѣ не любо: обрѣзанье удовъ и о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи *отнудь*, рька: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти». Потом же придоша нѣмьци *от Рима*, глаголюще: «Придохомъ послании от папежа»; и рѣша ему: «Реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть: кланяемся богу, *иже* створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье,

«Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, здесь и пророки ничего не предрекли», не зная, что пророк сказал: «И назову людей не моих моими людьми»; об апостолах же сказано: «По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной — слова их». Если и не были здесь апостолы сами, однако учения их как трубные звуки раздаются в церквах по всей вселенной: их учением побеждаем врага — дьявола, попирая его под ноги себе, как попрали и эти два праведника, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками.

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил радимичей Волчий Хвост. Оттого и дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит,

а бози ваши — древо суть». Володимеръ же рече: «Кака заповѣдь ваша?». Они же рѣша: «Пощенье по силѣ; «Аще кто пьеть или ясть, то все въ славу божью», рече учитель нашь Павел». Рече же Володимеръ нѣмцемъ: «Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть». Се слышавше жидове козарьстии придоша, рекуще: «Слышахомъ, яко приходиша болгаре и хрестеяне, учаще тя *кождо* вѣрѣ своей. Хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю». И рече Володимеръ: «Что есть законъ вашь?». Они же рѣша: «Обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити». Он же рече: «То гдѣ есть земля ваша?». Они же рѣша: «Въ Ерусалимѣ». Онъ же рече: «То *тамо* ли есть?». Они же рѣша: «Разъгнѣвася богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради наших, и предана бысть земля наша хрестеяномъ». Он же рече: «То како вы инѣх *учите, а* сами отвержени от бога и расточени? Аще бы богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте *расточени* по чюжимъ землямъ. Еда *и* намъ тоже мыслите прияти?».

Посемь же прислаша грьци къ Володимеру философа, глаголюще сице: «Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣх человѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на *ня* же пусти господь каменье горюще, и потопи я̑, и погрязоша, яко и сихъ ожидаеть день погибели их, егда придеть богъ судитъ земли и *погубити* вся творящая безаконья и скверны дѣющия. Си бо омывають оходы своя, в ротъ вливають, и по брадѣ мажются, поминають Бохмита. Тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: от совкупленья мужьска и женьска вкушають». Си слышавъ Володимеръ *плюну* на землю, рекъ: «Нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучитъ васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломь с нами разъвращена: служать бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же богъ не преда, но *повелѣ* хлѣбомъ служити, и преда апостоломь приемъ хлѣбъ, *рек:* «Се есть тѣло мое, ломимое за вы...», тако же и чашю приемъ, рече: «Се есть кровь моя новаго завѣта», си же того не творять, суть не *исправили* вѣры». Рече же Володимеръ: «Придоша ко мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмци и грьци вѣрують, его же мы распяхомъ». Философъ же рече: «Въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко богу родитися, а друзии — распяту быти и погребену, а въ 3-й день вскреснути и на небеса *взити*. Они же *тыи* пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбысться прореченье сихъ, съниде на землю, и распятье прия, и въскресъ на небеса̑ взиде, на сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣт, и не

а ваши боги — просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; «если кто пьет или ест, то все это во славу божию»,— как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых напустил господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже бо́льшую...» Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, ломимое за вас...» Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета». Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того; их же самих пророки предсказывали, что родится бог, а другие,— что распят будет и погребен, но в третий день воскресет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, поднялся на небеса, ожидал бог покаяния от них сорок шесть лет, но не

покаяшася, и посла на ня римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работають въ странах». Рече же Володимеръ: «То что ради сниде богъ на землю, и страсть *такову* прия?». Отвѣщав же философъ, рече: «Аще хощеши послушати, да *скажю* ти из начала, чьсо ради сниде богъ на землю». Володимеръ же рече: «Послушаю рад». И нача философъ глаголати сице:

«Въ начало створи богъ небо и землю въ первый день. И в 2-й день створи твердь, яже есть посреди воды. Сего же дне раздѣлишася воды, полъ ихъ взиде надъ твердь, а полъ ихъ подъ твердь. А въ 3-й день створи море, и рѣки, и источники, и сѣмяна. Въ 4-й день солнце, и луну, и звѣзды, и украси богъ небо. Видѣв же первый от ангелъ, старѣйшина чину ангелску, помысли въ себе, рекъ: «Сниду на землю, и преиму землю, и буду подобенъ богу, и поставлю престолъ свой на облацѣх сѣверьскихъ». И ту абье сверже и́ с небесе, и по немь *спадоша* иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый. Бѣ же имя противнику Сотонаилъ, в него же мѣсто постави старѣйшину Михаила. Сотона же, грѣшивъ помысла своего и отпадъ славы *первыя, наречеся* противникъ богу. Посем же въ 5-й день створи богъ киты, и рыбы, гады, и птица пернатыя. Въ 6-й же день створи богъ звѣри, и скоты, и гады земныя; створи же и человѣка. Въ 7-й же день почи богъ от дѣлъ своихъ, иже есть субота. И насади богъ рай на въстоцѣ въ Едемѣ, въведе ту человѣка, его же созда, и заповѣда ему от древа всякого ясти, от древа же единого не ясти, еже есть разумѣти добру и злу. И бѣ Адамъ в раи, видяше бога и славяше, егда ангели славяху. И възложи богъ на *Адама сонъ,* и успе Адамъ, и взя богъ едино ребро у Адама, *и* створи ему жену, и въведе ю в рай ко Адаму, и рече Адамъ: «Се кость от кости моея, а плоть от плоти моея, си наречеся жена». И нарече Адамъ скотомъ и птицамъ имяна, звѣремъ и гадомъ, и самѣма ангелъ повѣда имяна. И покори богъ Адаму звѣри и скоты, и обладаше всѣми, и послушаху его. Видѣвъ же дьяволъ, яко почти богъ человѣка, възавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и приде къ Евзѣ, и рече ей: «Почто не яста от древа, сущаго посредѣ рая?». И рече жена къ змиѣ: «Рече богъ: не имата ясти, *аще* ли, да умрета смертью». И рече змия к женѣ: «Смертью не умрета; вѣдяше бо богъ, яко в он же день яста от него, отверзетася очи ваю, и будета яко и богъ, *разумѣюща* добро и зло». И видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземши снѣсть, и вдасть мужю своему, и яста, и отверзостася очи има, и разумѣста, яко нага еста, и съшиста листвиемь смоковьнымь препоясанье. И рече богъ: «Проклята земля в дѣлѣхъ твоих, и в печали яси вся дни живота своего».

покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так: «В начале, в первый день, сотворил бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь (видимое небо) посреди воды. В тот же день разделились воды — половина их взошла на твердь, а половина пошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день — солнце, луну, звезды, и украсил бог небо. Увидел все это первый из ангелов — старейшина чина ангельского, и подумал: «Сойду на землю, и овладею ею, и буду подобен богу, и поставлю престол свой на облаках северных». И тотчас же был свергнут с небес, и вслед за ним пали те, кто находился под его началом — десятый ангельский чин. Было имя врагу — Сатанаил, а на его место бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись первоначальной славы своей, назвался противником богу. Затем, в пятый день, сотворил бог киты, рыбы, гады и птицы пернатые. В шестой день сотворил бог зверей, скотов, гадов земных; создал и человека. В седьмой же день, то есть в субботу, почил бог от дел своих. И насадил бог рай на востоке в Эдеме, и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева — познания добра и зла — не есть. И был Адам в раю, видел бога и славил его вместе с ангелами. И навел бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену, и ввел ее в рай к Адаму, и сказал Адам: «Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женою». И нарек Адам имена скотам и птицам, зверям и гадам и дал имена даже самим ангелам. И подчинил бог Адаму звери и скоты, и обладал он всеми, и все его слушали. Дьявол же, увидев, как почтил бог человека, стал ему завидовать, преобразился в змия, пришел к Еве и сказал ей: «Почему не едите от дерева, растущего посредине рая?» И сказала жена змию: «Сказал бог: не ешьте, если же съедите, то смертью умрете». И сказал жене змий: «Смертию не умрете; ибо знает бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете как бог, познав добро и зло». И увидела жена, что дерево съедобное, и взяла плод, и дала мужу своему, и ели оба, и открылись очи обоих, и поняли они, что наги, и сшили себе препоясание из листвы смоковницы. И сказал бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться все дни твоей жизни».

И рече господь богъ: «*Егда* како прострета руку, и возмета от древа животьнаго, и живета въ вѣки». И изъгна господь богъ Адама из рая. И сѣде прямо *раа,* плачася и дѣлая землю, и порадовася сотона о проклятьи земля. Се на ны первое паденье и горкий отвѣтъ, отпаденье ангельскаго житья. Роди Адамъ Каина и Авеля; бѣ Каинъ ратай, а Авель пастухъ. И несе Каинъ от плода земли къ богу, и не прия богъ даровъ его. Авель же принесе от агнець первенець, и прия богъ дары *Авелевы.* Сотона же влѣзе в Каина, и пострѣкаше Каина убити Авеля. И рече Каинъ: «*Изидевѣ* на поле» Авелю, *и послуша его Авель, и,* яко *изыдоста,* въста Каинъ и хотяше убити й, и не умяше, како убити й. И рече ему сотона: «Возми камень и удари й».率埗 Вземъ камень и уби й. И рече богъ Каину: «Кде есть братъ твой?». Он же рече: «Еда стражь есмь брату своему?». И рече богъ: «Кровь брата твоего вопьеть ко мнѣ, будеши стеня и *трясыйся* до живота своего». Адамъ же и Евга плачющася бѣста, и дьяволъ радовашеся, рька: «Се, его же богъ почти, азъ створилъ ему отпасти бога, и се нынѣ плачь ему налѣзохъ». И плакастася по Авели лѣт 30, и не съгни тѣло его; и не умяста его погрести. И повелѣньемь божьимъ птенца 2 прилетѣста, единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго, и погребе й. Видѣвша же се Адамъ и Евга, ископаста яму, и вложиста Авелия, и погребоста съ плачемъ. Бывъ же Адамъ лѣт 200 и 30 роди Сифа и 2 *дщери,* и поя едину Каинъ, а другую Сифъ, и от того человѣци расплодишася и умножишася по земли. И не познаша створьшаго *я́,* исполнишася блуда и всякоя нечистоты, и убийства и *зависти,* живяху скотьски человѣци. Бѣ Ной единъ праведенъ в родѣ семь. И роди 3 сыны: Сима, Хама, Афета. И рече богъ: «*Не* имать духъ мой пребывати в человѣцѣхъ», и рече: «Да потреблю, его же створихъ, от человѣка до скота». И рече господь богъ Ноеви: «Створи ковчегъ в долготу локотъ 300, а в ширину 80, а възвышие 30 локотъ»: *египти бо* локтемъ сажень зовуть. Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣт, и повѣдаше Ной, яко быти потопу, и посмѣхахуся ему. Егда сдѣла ковчегъ, и рече господь Ноеви: «Вълѣзи ты, и жена твоя, и сынове твои, и снохи твои, *и* въведи к собѣ по двоему от всѣх скотъ, и от всѣх птиць и от всѣх гадъ». И въведе Ной, яже заповѣда ему богъ. Наведе богъ потопъ на землю, потопе всяка плоть, и ковчегъ плаваше на водѣ. Егда же посяче вода, изълѣзе Ной, и сынове его и жена его. От сихъ расплодися земля. И быша человѣци мнози *и* единогласни, и рѣша другъ къ другу: «Съзижемъ столпъ до небесе». Начаша здати, *и бѣ старешина Неврод,* и рече богъ: «Се умножишася человѣци

И сказал еще господь бог: «Когда простреете руки и возьмете от дерева жизни,— будете жить вечно». И изгнал господь бог Адама из рая. И поселился он против рая, плачась и возделывая землю, и порадовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата, отпадение от ангельского жития. Родил Адам Каина и Авеля; Каин был пахарь, а Авель пастух. И понес Каин в жертву богу плоды земные, и не принял бог даров его. Авель же принес первенца ягненка, и принял бог дары Авеля. Сатана же вошел в Каина и стал подстрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: «Пойдем в поле». И послушал его Авель, и когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не знал, как это сделать. И сказал ему сатана: «Возьми камень и ударь его». Он взял камень и убил Авеля. И сказал бог Каину: «Где брат твой?» Он же ответил: «Разве я сторож брату моему?» И сказал бог: «Кровь брата твоего вопиет ко мне, будешь стонать и трястись до конца жизни своей». Адам и Ева плакали, а дьявол радовался, говоря: «Кого бог почтил, а я того заставил отпасть от бога и вот ныне плач ему наделал». И плакались по Авеле тридцать лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением божьим прилетели два птенца, один из них умер, другой же ископал яму и положил в нее умершего и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем. Когда Адаму было двести тридцать лет, родил он Сифа и двух дочерей, и взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди и множиться на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда, и всякой нечистоты, и убийства, и зависти, и жили люди как скоты. Только Ной один был праведен в роде этом. И родил он трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. И сказал бог: «Не будет дух мой пребывать среди людей»; и еще: «Истреблю то, что сотворил, от человека и до скота». И сказал господь бог Ною: «Построй ковчег в длину триста локтей, в ширину восемьдесят, а в вышину тридцать»; египтяне же называют локтем сажень. Сто лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною господь: «Войди в него ты, и твоя жена, и сыновья твои, и снохи твои, и введи к себе по паре от всех зверей, и от всех птиц, и от всех гадов». И ввел Ной кого приказал ему бог. Навел бог потоп на землю, потонуло все живое, а ковчег плавал на воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на едином языке, и сказали они друг другу: «Построим столп до неба». Начали строить, и был старейшина их Неврод; и сказал бог: «Вот умножились люди

и помысли их суетьни». И сниде богъ, и размѣси языки на 70 и 2 языка. Адамовъ же бысть языкъ не *отъятъ* у Авера: *той* бо единъ *не* приложися къ безумью их, рекъ сице: «Аще бы человѣкомъ богъ реклъ на небо столпъ дѣлати, то повелѣлъ бы самъ богъ словомъ, якоже створи небеса, землю, море, вся видимая и невидимая». Сего ради того языкъ не *пременися;* от сего суть еврѣи. На 70 и единъ языкъ раздѣлишася, и разидошася по странамъ, и кождо своя норовы прияша. По дьяволю *научению* ови *рощениемъ,* кладеземъ и рѣкамъ жряху, и не познаша бога. От Адама же и до потопа лѣт 2242, а от потопа до раздѣленья языкъ лѣт 529. Посемь же дьяволъ в болшее прельщенье вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены; *и* кланяхуся *имъ,* и привожаху сыны своя и дъщери, и *закалаху предъ* ними, и бѣ вся земля осквернена. Началникъ бо бяше кумиротворенью *Серухъ, творяшеть* бо кумиры во имяна мертвыхъ человѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другомъ храбрымъ, и волъхвомъ, и женамъ *прелюбодѣицамъ.* Се же Серухъ роди *Фару,* Фара же роди 3 сыны: Аврама, и Нахора, *и* Арона. Фара же *творяше* кумиры, навыкъ у отца своего. Аврамъ же, *пришедъ въ умъ,* возрѣ на небо, и видѣ звѣзды и небо, и рече: «Воистину *той* есть богъ, *иже сотворилъ небо и землю, а* отець мой прельщаеть человѣки». И рече Аврамъ: «Искушю бога *отца* своего»; и рече: «Отче! Что прельщаеши человѣки, творя кумиры древяны? *Той* есть богъ, иже створи небо и землю». Приимъ Аврамъ огнь, зажьже идолы въ храминѣ. Видѣвъ же Аронъ, брат Аврамовъ, ревнуя по идолѣх, *хотѣ* вымчати идолы, а самъ съгорѣ ту Аронъ, и умре пред отцемъ. Предъ симъ бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отцемь, но отець предъ сыномъ, от сего начаша умирати сынове предъ *отци.* Возлюби богъ Аврама, и рече богъ Авраму: «Изиди из дому отца своего в землю, и ню же ти покажю, и створю тя въ языкъ великъ, благословять тя колѣна земьная». И створи Аврамъ, якоже заповѣда ему богъ. И поя Аврамъ сыновца своего Лота,— бѣ бо ему Лотъ шюринъ и сыновець, бѣ бо Аврамъ поялъ братьню *дщерь* Ароню, Сару. И приде в землю Хананѣйску къ дубу высоку, и рече богъ ко Авраму: «Сѣмени твоему дамь землю сию». И поклонися Аврамъ богу. Аврамъ же *бяше* лѣт 70 и 5, егда изиде от Хараона. Бѣ же Сара неплоды, болящи неплодскимь. Рече Сара Авраму: «Влѣзи къ рабѣ моей». И поемши Сара Агарь, въдасть ю мужю своему и влѣзъ Аврамъ к Огари. Зачатъ и роди сына Агарь,

и замыслы их суетные». И сошел бог, и разделил речь их на семьдесят и два языка. Язык же Адама не был отнят у Евера; этот один из всех остался непричастен к их безумному делу и сказал так: «Если бы бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы то словом своим — так же как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое». Вот почему не переменился его язык; от него пошли евреи. Итак, разделились люди на семьдесят один язык и разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав. По научению дьявола приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам и не познали истинного бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до разделения народов 529 лет. Затем дьявол ввел людей в еще большее заблуждение, и стали они создавать кумиров: одних — деревянных, других — медных, третьих — мраморных, а некоторых — золотых и серебряных; и кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля. Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей: некоторых ставил прежним царям, других — храбрым людям, и волхвам, и женам-прелюбодейкам. Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Авраам же, начав понимать истину, посмотрел на небо, и увидел звезды и небо, и сказал: «Воистину тот бог, который создал небо и землю, а отец мой обманывает людей». И сказал Авраам: «Испытаю богов отца своего», и обратился к отцу: «Отец! Зачем обманываешь людей, делая деревянных кумиров? Тот бог, кто сотворил небо и землю». Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храме. Аарон же, брат Авраама, увидев это и чтя идолов, захотел вынести их, но Аарон тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына; и с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: «Изыди из дома отца твоего и пойди в землю, которую покажу тебе, и сотворю от тебя великий народ, и благословят тебя поколения людские». И сделал Авраам так, как заповедал ему бог. И взял Авраам племянника своего Лота; этот Лот был ему и шурин и племянник, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона — Сару. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал бог Аврааму: «Потомству твоему дам землю эту». И поклонился Авраам богу. Аврааму же было семьдесят пять лет, когда вышел он из Харрана. Сара же была неплодной, болела бесчадием. И сказала Сара Аврааму: «Войди к рабе моей». И взяла Сара Агарь и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына,

и прозва *й* Аврамъ Измаиломь; Аврамъ *бѣ* лѣт 80 и 6, егда родися Измаилъ. Посем же зачении Сара роди сына, и нарече имя ему Исакъ. И повелѣ богъ Авраму обрѣзати отроча, и обрѣза й въ 8 день. Возлюби богъ Аврама и племя его, и нарече я в люди себе, и отлучи я от языкъ, нарекъ я люди своя. Сему же Исаку възмогъшю, Авраму же жившю лѣт 100 и 70 и 5, и умре и погребенъ бысть. Исаку же бывшю лѣт 60, и роди 2 сына, Исава и Якова. Исавъ же бысть лукавъ, а Яковъ праведенъ. *Сей* же Яковъ работа у уя своего изо *дщери* его изъ меньшеѣ лѣт 7, и не дасть ему ея *Лаванъ,* уй его, рекъ: «*Старейшюю* поими». И вдасть ему Лию, старѣйшюю, а изъ другоѣ реклъ ему: *«Работай* другую 7 лѣт». Онъ же работа другую 7 лѣт изъ Рахили. И поя собѣ 2 сестреници, от нею же роди 8 сыновъ: Рувима, Семевона, Львгию, Июду, Изахара, и Заулона, Иосифа и *Веньамина,* и от робу двою: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от сихъ расплодишася жидове. Ияковъ же сниде въ Еюпетъ, сый лѣт 100 и 30, с родомъ своимъ, числомъ 60 и 5 душь. Поживе же въ Еюптѣ лѣт 17 и успе, и поработиша племя его за 400 лѣт. По сихъ же *лѣтехъ* възмогоша людье жидовьстии, и умножишася, и насиляху имъ еюптяне работою: В си же времяна родися Моисѣй въ жидѣхъ, *и рѣша волъсви египетьстии царю: «Родился есть дѣтищь въ жидѣхъ,* иже хощеть погубити Еюпетъ». Ту абье повелѣ царь ражающаяся дѣти жидовьския въметати в рѣку. Мати же Моисѣева, убоявшися сего губленья, вземши младенець, вложи й в карабьицю и несъши постави в лузѣ. В се же время сниде дъщи фараонова Ферьмуфи купатся, видѣ отроча плачюще, взя ѐ и пощадѣ, и нарече имя ему Моисѣй, и вскорми *ѐ*. Бысть отроча красно, и бысть лѣт 4, и приведе *й* дъщи фараоня ко отцю своему. Видѣвъ же Моисѣя фараонъ нача любити отроча. Моисий же, хапаяся за шию, срони вѣнець съ главы царевы, и попра й. Видѣвъ же волъхвъ, и рече цареви: «О царю! Погуби отроча се; аще ли не погубишь, имать погубити всего Еюпта». И не послуша его царь, но паче повелѣ не погубити дѣтий жидовьских. Моисѣеви же възмогъшю, бысть великъ в дому фараони. Бывшю цареви иному, взавидѣша ему боляре. Моисий же, убивъ еюптянина, обидящаго еврѣянина, бѣша изъ Еюпта, и приде в землю *Мадьямьску,* и ходя по пустыни и научися от ангела Гаврила о бытьи всего мира, и о первѣмь человѣцѣ, *и* яже суть была по немъ *и* по потопѣ, и о смѣшеньи *языкъ,* аще кто колько лѣтъ былъ, звѣздное хоженье и число,

и назвал его Авраам Измаилом; Аврааму же было восемьдесят шесть лет, когда родился Измаил. Затем зачала Сара, и родила сына, и назвала его Исаак. И приказал бог Аврааму совершить обрезание отрока, и обрезали его на восьмой день. Возлюбил бог Авраама и племя его, и назвал его своим народом, и, назвав своим народом, отделил его от других племен. И возмужал Исаак, а Авраам жил сто семьдесят пять лет, и умер, и был погребен. Когда же Исааку было шестьдесят лет, родил он двух сыновей: Исава и Иакова. Исав же был лжив, а Иаков — праведен. Этот Иаков работал у своего дяди семь лет, добиваясь руки его младшей дочери, и не дал ее ему Лаван — дядя его, сказав так: «Возьми старшую». И дал ему Лию, старшую, а ради другой, сказал ему, работать еще семь лет. Он же работал еще семь лет ради Рахили. И так взял себе двух сестер и родил от них восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Исахара, Заулона, Иосифа и Вениамина, и от двух рабынь: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от них пошли евреи. Иаков же отправился, когда ему было сто тридцать лет, в Египет, вместе со всем родом своим, числом шестьдесят пять душ. Прожил он в Египте семнадцать лет и умер, а потомство его находилось в рабстве четыреста лет. По прошествии же этих лет усилились евреи и умножились, а египтяне держали их в рабстве. В эти времена родился у евреев Моисей, и сказали волхвы египетскому царю: «Родился ребенок у евреев, который погубит Египет». И тотчас же повелел царь всех рождающихся еврейских детей бросать в реку. Мать же Моисея, испугавшись этого истребления, взяла младенца, положила его в корзину и отнесла и поставила его на заливном лугу. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила, назвала Моисеем и вскормила. Был же тот мальчик красив, и когда исполнилось ему четыре года, привела его дочь фараона к своему отцу. Фараон, увидев Моисея, полюбил мальчика. Моисей, хватаясь как-то за шею царя, сронил с царской головы венец и наступил на него. Волхв, увидев это, сказал царю: «О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то погубит он сам весь Египет». Царь же не только его не послушал, но, больше того, приказал не губить еврейских детей. Моисей возмужал и стал великим мужем в доме фараона. Когда же стал в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убив египтянина, обижавшего еврея, бежал из Египта и пришел в землю Мадиамскую, и когда шел через пустыню, узнал он от ангела Гавриила о бытии всего мира, о первом человеке и о том, что было после него и после потопа, и о смешении языков, и кто сколько лет жил, и о движении звезд и о числе их,

землену мѣру и всѣку мудрость. Посем же явися ему богъ в купинѣ огнемь, и рече ему: «Видѣхъ бѣду людий моихъ въ Еюптѣ, и *низълѣзохъ* изяти я́ от руки еюпетьски, извести я́ от земля тоя. Ты же *иди к* фараону, царю еюпетьску, и речеши ему: Испусти Израиля, да три дни положать *требу* богу. Аще не послушаеть тебе царь еюпетьский, побью и́ всѣми чюдесы моими». Пришедшю Моисѣеви, не послуша *его* фараонъ, и попусти богъ 10 казний *на* фараона: 1. рѣки въ кровь; 2. жабы; 3. мышьцѣ; 4. песья *мухи;* 5. смерть на скотъ; 6. прыщьеве *горющи;* 7. градъ; 8. прузи; 9. тьма *3* дни; 10. моръ в человѣцѣхъ. Сего же ради 10 казний бысть на нихъ, яко 10 мѣсяць топиша дѣти жидовьски. Егда же бысть моръ въ Еюптѣ, рече фараонъ Моисѣеви и брату его Арону: «Отъидѣта въскорѣ». Моисий же, събравъ люди жидовьския, поиде от землѣ Еюпетьски. И ведяше я́ господь путемъ по пустыни къ Черьмному морю, и предъидяше предъ ними нощью столпъ огненъ, а въ день — облаченъ. Слышавъ же фараонъ, яко бѣжать людье, погна по них, и притисну я̀ къ морю. Видѣвъше же людье жидовьстии, воспиша на Моисѣя, ркуще: «Почто изведе ны на смерть?». И возпи Моисѣй къ богу, и рече господь: «Что вопьеши ко мнѣ? Удари жезломъ в море». Створи Моисѣй тако, и раступися вода надвое, и вънидоша сынове Израилеви в море. Видѣвъ же фараонъ, погна по них, сынове же Израилеви преидоша по суху. Яко излѣзоша на брегъ, и съступися море о фараонѣ и о воихъ его. И возлюби богъ Израиля, и идоша от моря 3 дни по пустыни, и придоша в Меренъ. Бѣ ту вода горка, и возъропташа людье на бога, и показа имъ господь древо, и вложи Моисѣй въ воду, и усладишася воды. Посем же паки возропташа на Моисѣя и на Арона, рькуще: «*Луче* ны бяше въ Еюптѣ, *идеже* ядяхомъ мяса, лукъ и хлѣбы до сыти». И рече господь къ Моисѣеви: «Слышахъ гугнанье сыновъ Израилевъ», и вдасть имъману ясти. Посемь же дасть имъ законъ на горѣ Синайстѣй. Моисѣеви въшедшю на гору къ богу, они же, сольявше телчю главу, поклонишася аки богу, ихъ же Моисий *иссѣче 3 тысячи.* И посемь паки *возропташа* на Моисѣя и Арона, *еже* не бысть воды. И рече господь къ Моисѣеви: «Удари жезломъ в камень», рекъ: «Егда и-сего не испустиве воды?». И разъгнѣвася господь на Моисѣя, яко не възвеличи господа, и не вниде в землю обѣтованую сего ради, роптанья онѣхъ ради, но възведе и́ на гору Вамьску, и показа ему землю обѣтованую. И умре Моисий ту на горѣ. И прия власть Иисусъ Навгинъ; *сии* приде в землю обѣтованую, и изби Хананѣйско племя, и всели в нихъ мѣсто сына Израилевы. Умершю же Иисусу, бысть судья в него мѣсто Июда;

и о мере земли, и всякую премудрость. Затем явился Моисею бог в горящем терновом кусте и сказал ему: «Видел я горе людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их из-под власти египетской, вывести их из этой земли. Иди же к фараону, царю египетскому, и скажи ему: «Выпусти Израиля, чтобы три дня совершали они требу богу». Если же не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими». Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил бог на него десять казней: во-первых, окровавленные реки; во-вторых, жаб; в-третьих, мошек; в-четвертых, песьих мух; в-пятых, мор скота; в-шестых, нарывы; в-седьмых, град; в-восьмых, саранчу; в-девятых, трехсуточную тьму; в-десятых, мор на людей. Потому напустил бог на них десять казней, что десять месяцев топили они детей еврейских. Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Аарону: «Поскорей уходите!» Моисей же, собрав евреев, пошел из Египта. И вел их господь через пустыни к Красному морю, и шел впереди них огненный столп ночью, а днем — облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними и прижал их к морю. Когда же увидели это евреи, возопили к Моисею: «Зачем повел нас на смерть?» И воззвал Моисей к богу, и сказал господь: «Что взываешь ко мне? Ударь жезлом по морю». И поступил Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними, сыновья же Израиля перешли море посуху. И когда вышли на берег, сомкнулось море над фараоном и воинами его. И возлюбил бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыне, и пришли в Мерру. Была здесь вода горька, и возроптали люди на бога, и показал им господь дерево, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода. Затем снова возроптали люди на Моисея и на Аарона: «Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта». И сказал господь Моисею: «Слышал ропот сынов Израилевых», и дал им есть манну. Затем дал им закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к богу, люди отлили голову тельца и поклонились ей, как богу. И иссек Моисей три тысячи этих людей. А затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона, так как не было воды. И сказал господь Моисею: «Ударь жезлом в камень». И ответил Моисей: «А что, если не испустит он воду?» И разгневался господь на Моисея, что не возвеличил господа, и не вошел он в землю обетованную из-за ропота людей, но возвел его на гору Вамскую и показал землю обетованную. И умер Моисей на той горе. И принял власть Иисус Навин; этот пришел в землю обетованную, избил хананейское племя и вселил на место их сынов Израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда;

и инѣхъ судий бысть 14, при *нихъ* же, забывше бога, изъведшаго я́ изъ Еюпта, начаша служити бѣсомъ. И разъгнѣвався богъ, предаяшеть я̀ иноплеменьникомъ на расхищенье. Егда ся *начинаху* каяти, и помиловашеть их; егда избавяшеть ихъ, паки укланяхуться на бѣсослуженье. По сих же судяше Илий жрець, и *по* семь Самоилъ пророкъ. И рѣша людье Самоилу: «Постави намъ царя». И разъгнѣвася господь на Израиля, и постави над нимъ царя Саула. Таче Саулъ не изволи ходити в законѣ господни, и избра господь Давыда, и постави царя надъ Израилемъ, и угоди Давыдъ богу. Сему Давыду кляся богъ, яко от племене его родитися богу. Первое нача пророчествовати о воплощеньи божьѣ, рекъ: «И-щрева преже деньница родих тя». Се же пророчествова лѣт 40, и умре. И по немъ пророчествова сынъ его Соломанъ, иже възгради церковь богу, и нарече ю̀ Святая Святыхъ. И бысть мудръ, но наконець попользеся; царьствовавъ лѣт 40 и умре. По Соломанѣ же царствова сынъ его Ровамъ. При семь раздѣлися царство надвое жидовьско: въ Ерусалимѣ едино, а *другое* в Самарии. В Самарии же царьствова Иеровамъ, холопъ Соломань, иже створи двѣ *коровѣ* златѣ, постави едину въ Вефилѣ на холмѣ, а другую въ Еньданѣ, рекъ: «Се бога твоя, Израилю». И кланяхуся людье, а бога забыша. Таче и въ Ерусалимѣ начаша забывати бога и покланятися Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣй, и забыша бога отець своих. И нача богъ посылати к нимъ пророки. Пророци же начаша обличати я̀ о безаконьи их и служеньи кумиромъ. Они же начаша пророки избивати, обличаеми от них. Разъгнѣвася богъ на Израиля и рече: «Отрину от себе, призову ины люди, иже мене послушають. Аще согрѣшать, и не помяну безаконья их». И нача посылати пророки, глаголя имъ: «Прорицайте о отверженьи жидовьстѣ и о призваньи странъ».

Первое же нача пророчествовати Осѣй, глаголя: «Преставлю царство дому Израилева ... Съкрушю лукъ Израилевъ ... И не приложю помиловати паки дому Израилева, но, отмѣтая, отвергуся их», глаголеть господь, *«И будуть* блудяще въ языцѣх». Иеремѣя же рече: «Аще станеть Самоилъ и Моисѣй ... не помилую ихъ». Паки *той* же Иеремия рече: «Тако глаголеть господь: Се, кляхся имянемь моимь великомь ... аще *будетъ* имя мое имянуемо отселе гдѣ в вустѣхъ июдѣйских». Иезикииля же рече: «Тако глаголеть господь *Аданай* ...: Расъсѣю вы, вся останки ваша во вся вѣтры ... Зане святая моя осквернисте всѣми негодованьи твоими; азъ же тя отрину ... и не имамъ тя помиловати паки». Малахѣя же рече: «Тако глаголеть господь: *Уже* нѣсть ми хотѣнья у васъ ... Понеже от въстока и до запада имя мое прославися въ языцѣх, на всякомь мѣстѣ

а иных судей было четырнадцать, при них забыли евреи бога, выведшего их из Египта, и стали служить бесам. И разгневался бог и предал их иноплеменникам на расхищение. Когда же начинали они каяться,— миловал их бог; а когда избавлял их,— снова уклонялись на служение бесам. Затем был судья Илья-жрец, а затем пророк Самуил. И сказали люди Самуилу: «Поставь нам царя». И разгневался господь на Израиля и поставил им царя Саула. Однако Саул не захотел подчиниться закону господню, и избрал господь Давида и поставил его царем Израилю, и угодил Давид богу. Давиду этому обещал бог, что родится бог от племени его. Он первый стал пророчествовать о воплощении божьем, говоря: «Из чрева прежде утренней звезды родил тебя». Так он пророчествовал сорок лет и умер. А вслед за ним пророчествовал сын его Соломон, который создал храм богу и назвал его Святая Святых. И был он мудр, но под конец согрешил; царствовал сорок лет и умер. После Соломона царствовал сын его Ровоам. При нем разделилось еврейское царство надвое: в Иерусалиме одно, а в Самарии другое. В Самарии же царствовал Иеровоам, холоп Соломона; сотворил он два золотых тельца и поставил — одного в Вефиле на холме, а другого в Дане, сказав: «Вот боги твои, Израиль». И поклонялись люди, а бога забыли. Так и в Иерусалиме стали забывать бога и поклоняться Ваалу, то есть богу войны, иначе говоря — Арею; и забыли бога отцов своих. И стал бог посылать к ним пророков. Пророки же начали обличать их в беззаконии и служении кумирам. Они же, обличаемые, стали избивать пророков. Бог разгневался на Израиля и сказал: «Отвергну от себя, призову иных людей, которые будут послушны мне. Если и согрешат, не помяну беззакония их». И стал посылать пророков, говоря им: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании новых народов».

Первым стал пророчествовать Осия: «Положу конец царству дома Израилева... Сокрушу лук Израилев... Уже не буду более миловать дома Израилева, но, отметая, отвергнусь их»,— говорит господь. «И будут скитальцами между народами». Иеремия же сказал: «Хотя бы предстали передо мной Самуил и Моисей... не помилую их». И еще сказал тот же Иеремия: «Так говорит господь: «Вот я поклялся именем моим великим, что не будет имя мое произносимо устами евреев». Иезекииль же сказал: «Так говорит господь Адонаи...: «Рассею вас, и весь остаток ваш развею по всем ветрам... За то, что осквернили святилище мое всеми мерзостями вашими; я же отрину тебя... и не помилую тебя». Малахия же сказал: «Так говорит господь: «Уже нет моего благоволения к вам... Ибо от востока и до запада прославится имя мое между народами, и на всяком месте будут приносить

приноситься кадила имяни моему и жертва чиста, зане велье имя мое въ языцѣхъ». «Сего ради дамъ вас на поносъ и на пришествие во вся языки». Исая же великий рече: «Тако глаголеть господь: Простру руку свою на тя, истлю тя, и расѣю тя, паки не приведу тя». И паки *той* же рече: «Возненавидѣх праздники ваша и начатки мѣсяць ваших, суботъ вашихъ не приемлю». Амосъ же пророкъ рече: «*Слышите* слово господне: Азъ приемлю на вы плачь, домъ Израилевъ падеся и не приложи въстати». Малахия же рече: «Тако глаголеть господь: Послю на вы клятву, и проклену благословенье ваше ... разорю, и не будеть в васъ». И много пророчествоваша о отверженьи их.

Сим же пророкомъ повелѣ богъ пророчествовати о призваньи инѣх странъ въ нихъ мѣсто. Нача звати Исаия, тако глаголя: «Яко законъ от мене *изидеть,* и судъ мой свѣтъ странамъ. Приближается скоро правда моя, изидет ..., и на мышцю мою страны уповають». Иеремия же рече: «Тако глаголеть господь: Положю дому Июдину завѣт новъ ... Дая законы в *разумѣния* их, и на сердца ихъ напишю, *и* буду имъ богъ, и ти будуть мнѣ в люди». Исаия же рече: «Ветхая мимоидоша, а новая възвѣщаю, преже възвѣщанья явлено бысть вамъ. Пойте богу пѣснь нову». «Работающимъ *ми* прозовется имя ново, *еже* благословится по всей земли». «Домъ мой домъ молитвѣ прозовется всѣмъ языкомъ». *Той* же Исаия глаголеть: «Открыеть господь мышцю свою святую предо всѣми языки, и узрять вси концi земля спасенье от бога нашего». Давыдъ *же:* «Хвалите господа вси языци, и похвалите его вси людье».

Тако богу возлюбившю новыя люди, рекъ имъ снити к нимъ самъ, явитися человѣкомъ плотью и пострадати за Адамово преступленье. И начаша прорицати о воплощеньи божьи, первое Давыдъ, глаголя: «Рече господь господеви моему: Сяди одесную мене, дондеже положю враги твои подъножью ногама *твоима*». И паки: «Рече господь ко мнѣ: Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя», Исая же рече: «Ни солъ, ни вѣстникъ, но самъ богъ, пришедъ, спасет ны». И паки: «Яко дѣтищь родится намъ, ему же бысть начало на рамѣ его, и прозовется *имя его* велика свѣта ангелъ ... Велика власть его, и миру его нѣсть конца». И паки: «Се дѣвица въ утробѣ зачнеть, и *прозовуть* имя ему *Еммануилъ*». Михѣя же рече: «Ты Вифлевоме дома Ефрантовъ, *еда не мъногъ* еси быти в тысящахъ Июдовахъ? ис тебе бо изидеть старѣйшина быти въ князехъ во Израили, исходъ его от дний вѣка. Сего ради дасться до времяне ражающая родить, и прочии от братья его обратятся *на* сыны Израилевы». Иеремия же рече: «*Сь* богъ нашь, и не вмѣнится *инъ* к нему. Изобрѣте всякъ путь художьства, *и* дасть

фимиам имени моему и жертву чистую, так как велико будет имя мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов». Исайя же великий сказал: «Так говорит господь: «Простру руку свою на тебя, сгною и рассею тебя, и вновь не соберу тебя». И еще сказал тот же пророк: «Возненавидел я праздники и новомесячные ваши, и суббот ваших не принимаю». Амос же пророк сказал: «Слушайте слово господне: «Я подниму плач о вас, пал дом Израилев и не встанет более». Малахия же сказал: «Так говорит господь: «Пошлю на вас проклятие и прокляну ваше благословение... разрушу его и не будет с вами». И много пророчествовали пророки об отвержении их.

Тем же пророкам повелел бог пророчествовать о призвании на их место иных народов. И стал взывать Исайя, так говоря: «От меня произойдет закон и суд мой поставлю во свет для народов. Правда моя близка и восходит... и на мышцу мою надеются народы». Иеремия же сказал: «Так говорит господь: «Заключу с домом Иудиным новый завет... Давая им законы в разумение их, и на сердцах их напишу, и буду им богом, а они будут моим народом». Исайя же сказал: «Прежнее миновало, а новое возвещу,— прежде возвещания, оно было показано вам. Пойте богу новую песнь». «Рабам моим дастся новое имя, которое будет благословляться по всей земле». «Дом мой назовется домом молитвы всех народов». Тот же пророк Исайя говорит: «Обнажит господь святую мышцу свою перед глазами всех народов,— и все концы земли увидят спасение бога нашего». Давид же говорит: «Хвалите господа все народы, прославляйте его все люди».

Так возлюбил бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним сам, явится человеком во плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении бога, раньше других Давид: «Сказал господь господу моему: «Сядь одесную меня, доколе положу врагов твоих к подножию ног твоих». И еще: «Сказал мне господь: «Ты сын мой; я ныне родил тебя», Исайя же сказал: «Ни посол, ни вестник, но сам бог, придя, спасет нас». И еще: «Младенец родится нам, владычество на плечах его, и нарекут имя ему великого света ангел... Велика власть его, и миру его нет предела». И еще: «Вот, дева во чреве зачнет, и нарекут имя ему Еммануил». Михей же сказал: «Ты, Вифлеем — дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами иудиными? Из тебя ведь произойдет тот, который должен быть владыкою во Израиле и происхождение которого от дней вечных. Посему он ставит их до времени, доколе не родит тех, которые родят, и тогда возвратятся оставшиеся братья их к сынам Израиля». Иеремия же сказал: «Сей есть бог наш, и никто другой не сравнится с ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее

Иякову отроку своему ... По сих же явися на земли, и съ человѣки поживе». И паки: «Человѣкъ есть: кто увѣсть, яко богъ есть? яко человѣкъ умираеть». Захарья же рече: «Не послушаша сына моего, и не услышю их, глаголеть господь». И Осѣй *рече: «Тако глаголеть господь: плоть* моя от нихъ».

Прорекоша же и страсти его, рекуще, якоже рече Исая: «У лютѣ души ихъ! понеже свѣтъ золъ свѣщаша, рькуще: свяжемъ праведника». И паки *той* же рече: «Тако глаголеть господь ... Азъ не супротивлюся, *ни* глаголю противу. Хребетъ мой дахъ на раны, а ланитѣ мои на заушенье, и лица своего не отвратих от стыдѣнья ... заплеванья». Иеремия же рече: «Придѣте, вложимъ древо въ хлѣбъ его, истребимъ от земля животъ его». *Моисѣй* же рече о распятьи его: «Узрите жизнь вашю висящю предъ очима вашима». *И Давыдъ рече:* «Въскую шаташася языци». Исаия же рече: «Яко овца на заколенье веденъ бысть». Ездра же рече: «Благословенъ богъ, руцѣ распростеръ свои, спасъ *Ярусалима*».

И о воскресеньи рекъша, Давыдъ: «Въстани, боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣх странахъ». И паки: «Въста, яко спяй, господь». *И* паки: «Да воскреснеть богъ, и да разидутся врази его». И паки: «Воскресни, господи боже мой, да вознесется рука твоя». Исая же рече: «*Сходящеи* въ страну и сѣнь смертную, свѣтъ восияеть на вы». Захарья же: «И *ты* въ крови завѣта твоего испустилъ еси *ужники* своя ото рьва, не имуща воды».

Много *пророчествоваша* о немь, еже сбысться все».

Рече же Володимеръ: «То *в* кое время сбысться? И было ли се есть? Еда ли топерво *хощеть* быти се?» Онъ же отвѣщавъ рече ему, яко «*Уже* преже сбысться все, егда богъ воплотися. Якоже бо преже рекохъ, жидомъ пророки избивающимъ, царемъ ихъ законы преступающимъ, предасть я̀ в расхищенье, и въ плѣнь ведени быша во Осурию, грѣхъ ихъ ради, и работаша тамо лѣт 70. И посемь възвратишася в землю свою, и не бѣ у нихъ царя, но архиерѣи обладаху ими до Ирода иноплеменьника, иже облада ими.

В сего *же* власть, в лѣто 5500, посланъ бысть Гаврилъ в Назарефъ къ дѣвицѣ Марьи, от колѣна Давыдова, рещи ей: «Радуйся, обрадованая, господь с тобою!» И отъ слова сего зачатъ слово божье в вутробѣ, и породи сына, *и* нарече имя ему Иисусъ. И се волъсви придоша от въстока, глаголюще: «Кде есть рожийся царь жидовескъ? Видѣхомъ бо звѣзду его на въстоцѣ, и придохомъ поклонитися ему». Услышавъ же се царь *Иродъ, смятеся,* и весь Ерусалимъ с нимъ, призвавъ книжники и старци людьския, и въпраша их: «Кде Христосъ ражается?» Они же рѣша ему: «Въ Вифлевомѣ жидовьстѣмь». Иродъ же, се слышавъ, посла, рекъ: «Избийте младенца сущая 2 лѣт». Они же, шедше, избиша младенца.

отроку своему Иакову... После того он явился на земле и жил между людей». И еще: «Человек он; кто узнает, что он бог? ибо умирает как человек». Захария же сказал: «Не послушали сына моего, а я не услышу их, говорит господь». И Осия сказал: «Так говорит господь: плоть моя от них».

Пророкли же и страдания его, говоря, как сказал Исайя: «Горе душе их! Ибо совет зол сотворили, говоря: свяжем праведника». И еще сказал тот же пророк: «Так говорит господь: «...Я не воспротивляюсь, не возражаю. Хребет мой отдал я для нанесения ран, а щеки мои — на заушение, и лица моего не отвернул от поругания и оплевания». Иеремия же сказал: «Придите, положим дерево в пищу его и отторгнем от земли жизнь его». Моисей же сказал о распятии его: «Увидите жизнь вашу висящую перед глазами вашими». И Давид сказал: «Зачем мятутся народы». Исайя же сказал: «Как овца, веден был он на заклание». Ездра же сказал: «Благословен бог, распростерший руки свои и спасший Иерусалим».

И о воскресении сказал Давид: «Восстань, боже, суди землю, ибо ты наследуешь все народы». И еще: «Как бы от сна воспрянул господь». И еще: «Да воскреснет бог, и да расточатся враги его». И еще: «Воскресни, господи бог мой, да вознесется рука твоя». Исайя же сказал: «Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас». Захария же сказал: «И ты ради крови завета твоего освободил узников своих изо рва, в котором нет воды».

И много пророчествовали о нем, что и сбылось все».

Спросил же Владимир: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?» Философ же ответил ему: «Все это уже сбылось, когда воплотился бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали пророков, а цари их преступали законы, преданы были они на расхищение, и выведены в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там семьдесят лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменника Ирода, ставшего над ними властвовать.

В правление этого последнего, в год 5500, послан был Гавриил в Назарет к деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать ей: «Радуйся, обрадованная, господь с тобою!» И от слов этих понесла она в утробе Слово божие, и родила сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: «Где родившийся царь еврейский? Ибо видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему». Услышав об этом, Ирод царь смутился, и весь Иерусалим с ним, и, призвав книжников и старцев, спросил их: «Где рождается Христос?» Они же ответили ему: «В Вифлееме еврейском». Ирод же, услышав это, послал с приказанием: «Избейте младенцев всех до двух лет». Они же пошли и истребили младенцев.

Марья же, убоявшися, съкры отроча. Иосифъ же съ Марьею, поимъ отроча, бѣжа въ Еюпетъ, и бысть *ту* до умертвия Иродова. Въ Еюпте же явися ангелъ Иосифу, глаголя: «Въставъ поими отроча и матерь его, иди в землю Израилеву». Пришедъшю же ему, вселися в Назарефъ. Възрастъшю же ему и бывшю лѣт 30, нача чюдеса творити и проповѣдати царство небесное. И избра 12, яже *ученикы* собѣ нарече, и нача чюдеса велика творити, мертвыя въскрешати, прокаженыя очищати, хромыя ходити, слѣпымъ прозрѣнье творити, и ина многа чюдеса велья, якоже быша пророци прорекли о нѣмь, глаголюще: «То недуги наша ицѣли, и болѣзни подъя». И *крестися* въ Ерданѣ от Иоана, показа новымъ людемъ обновленье. Крестившю же ся ему, и се отверзошася небеса, и духъ сходящь зракомъ голубинымъ на нь, и гласъ глаголя: «Се есть сынъ мой възлюбленый, о нем же благоизволих». *И посылаше* ученики своя проповѣдати царство небесное, покаянье в оставленье грѣховъ. Хотя исполнити пророчество, и нача проповѣдати, яко подобаеть сыну человѣчьскому пострадати, распяту быти и въ третий день воскреснути. Учащю же ему в церкви, архиерѣи *и* книжници исполнишася зависти, искаху убити й, и имъше й, ведоша къ гѣмону Пилату. Пилатъ же, испытавъ, яко без вины приведоша й, хотѣ испустити й. Они же рѣша ему: «Аще сего пустиши, не имаши быти другъ *кесареви*». Пилатъ же повелѣ, да й распнуть. Они же, поимше Иисуса, ведоша на мѣсто краньево, *и* распяша й ту. Бысть тьма по всей земли от 6-го часа до 9-го, и при девятом часѣ испусти духъ Иисусъ. Церковная запона раздрася надвое, мертвии всташа мнози, имъ же повелѣ в рай ити. Сънемше й со креста, положиша й въ гробѣ, и печатьми запечатьлѣша гробъ люди жидовьстии, стражи поставиша, рькуще: «Еда украдуть й ученици его». Онъ же въ 3-й день воскресе. Явися ученикомъ, воскресъ из мертвыхъ, рекъ имъ: «Идѣте во вся *языкы*, и научите вся страны, *крестяще* во имя отца и сына и святаго духа». Пребысть с ними 40 дний, являяся имъ по воскресеньи. Егда исполнися 40 дний, повелѣ имъ ити в гору Елевоньскую. И ту явися имъ, благословивъ я҄, и рече имъ: «Сядѣте въ градѣ Ерусалимѣ, дондеже послю обѣтованье отца моего». И се рекъ, възношашеся на небо. Они же поклонишася ему. *И* възъвратишася въ Ерусалимъ, и бяху воину в церкви. Егда кончашася *дние* 5-десятьнии, сниде духъ святый на апостолы. Приимше обѣтованье святаго духа, *и* разидошася по вселенѣй, учаще и крестяще водою».

Рече же Володимеръ: «Что ради от жены родися, и на древѣ распятся, и водою крестися?». Он же рече ему: «Сего ради,

А Мария, испугавшись, спрятала младенца. Затем Иосиф с Марией, взяв младенца, бежали в Египет, где пробыли до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу ангел и сказал: «Встань, возьми младенца и мать его и иди в землю Израилеву». И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было ему тридцать лет, начал он творить чудеса и проповедовать царство небесное. И избрал двенадцать, и назвал их учениками своими, и стал творить великие чудеса — воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым — и иные многие великие чудеса, которые прежние пророки предсказали о нем: «Тот исцелил недуги наши и болезни наши на себя взял». И крестился он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же он крестился, отверзлись небеса, и дух сошел под видом голубиным, и голос сказал: «Вот сын мой возлюбленный, к нему же мое благоволение». И посылал он учеников своих проповедовать царствие небесное и покаяние для оставления грехов. И собирался исполнить пророчество, и начал проповедовать о том, как подобает сыну человеческому пострадать, быть распяту и в третий день воскреснуть. Когда же учил он в церкви, архиереи и книжники исполнились зависти, и искали убить его, и, захватив его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что привели его без вины, захотел его отпустить. Они же сказали ему: «Если отпустишь этого, то не будешь другом цезарю». Пилат и приказал, чтобы его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место и тут распяли его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, восстали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли его с креста, положили его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: «Как бы не украли ученики его». Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился он ученикам своим и сказал им: «Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя отца и сына и святого духа». Пробыл он с ними сорок дней, приходя к ним после своего воскресения. Когда прошло сорок дней, повелел им идти к горе Елеонской. И тут явился им, и благословил их, и сказал: «Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование отца моего». И сказав это, вознесся на небо. Они же поклонились ему. И возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел дух святой на апостолов. А когда приняли обетование святого духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Владимир же спросил: «Зачем родился он от жены, был распят на дереве и крестился водою?» Философ же ответил ему: «Вот

понеже исперва родъ человѣческий женою съгрѣши, дьяволъ прельсти Евгою Адама, и отпаде рая; тако же и богъ, отместье дая дьяволу, женою *первое* побѣженье бысть дьяволу, женою бо первое испаде Адамъ из рая; от жены же воплотився, богъ повелѣ в рай внити вѣрнымъ. А еже на древѣ распяту быти, сего ради, яко от древа вкушь и испаде породы; богъ же на древѣ страсть прия, да древомь дьяволъ побѣженъ будеть, и от древа животьнаго приимуть праведнии. А еже водою обновленье, понеже при Нои умножившемъся грѣхомъ в человѣцѣхъ, наведе богъ потопъ на землю, и потопи человѣки водою, сего ради рече богъ: «Понеже погубих *водою* человѣки грѣхъ ихъ ради, ныне же паки водою очищю грѣхи человѣкомъ, обновленьемь водою»; ибо жидовьский род в мори очистишася от еюпетьскаго злаго нрава, понеже вода изначала бысть первое; рече бо: «Духъ божий ношашеся верху воды»; еже бо и нынѣ крестяться водою и духомь. *Преображение* бысть первое водою, яко же Гедивонъ преобрази посемь. Егда приде к нему ангелъ, веля ему ити на мадимьянъ, он же, искушая, рече къ богу; положивь руно на гумнѣ, рекъ: «Аще будеть по всей земли роса, а на рунѣ суша...» И бысть тако. Се же преобрази, яко иностраньни бѣша преже суша, а жидове руно, послѣже на странахъ роса, еже есть святое крещенье, а на жидѣх суша. И пророци проповѣдаша, яко водою *обновленье* будеть.

Апостоломъ же учащемъ по вселенѣй вѣровати богу, их же ученье *мы*, грьци, *прияхомъ*, вселеная *вѣруеть* ученью их. Поставилъ же есть богъ единъ день, в не же хощеть судити, пришедъ с небесе, живымъ и мертвымъ, и въздати комуждо по дѣломъ его: праведнымъ царство небесное, и красоту неизреченьну, веселье бес конца, и не умирати въ вѣки; грѣшникомъ мука огнена, и червь неусыпаяй, и муцѣ не будет конца. Сица же будуть мученья, иже не вѣруеть къ богу нашему Иисусу Христу: мучими будут в огни, иже ся не крестить». И се рекъ, показа Володимеру запону, на ней же бѣ написано судище господне, показываше ему о десну праведныя в весельи предъидуща в рай, а о шююю грѣшники идуща в муку. Володимеръ же вздохнувъ рече: «Добро симъ о десную, горе же симъ о шююю». Онъ же рече: «Аще хощеши о десную съ праведными стати, то крестися». Володимеръ же положи на сердци своемъ, рекъ: «Пожду и еще мало», хотя испытати о всѣх вѣрахъ. Володимеръ же, сему дары многи вдавъ, отпусти й с честью великою.

Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: «Се приходиша ко мнѣ болгаре, рькуще: «Приими законъ нашь». Посем же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой. По сихъ придоша жидове. Се же послѣже придоша

зачем! Вначале род человеческий женою согрешил: дьявол прельстил Адама Евою, и отпал тот от рая, так и бог отомстил дьяволу: через жену была первоначальная победа дьявола, так как через жену первоначально был изгнан Адам из рая; через жену же воплотился бог и приказал войти в рай верным. А на дереве он был распят потому, что от дерева вкусил Адам и из-за него был изгнан из рая; бог же на дереве принял страдания, чтобы деревом был побежден дьявол, и деревом жизни спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел бог потоп на землю и потопил людей водою; потому-то и сказал бог: «Водою погубил я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей,— водою обновления»; ибо и евреи в море очистились от египетских злодеяний, ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: дух божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и духом. Первое прообразование тоже было водою, когда Гедеон дал прообраз следующим способом: однажды пришел к нему ангел, веля ему идти к Мадиам, он же, испытуя, обратился к богу; положив руно на гумне, сказал: «Если будет по всей земле роса, а руно сухо...» И было так. Это же прообразовало, что все иные страны были прежде без росы, а евреи — руно, после же на других странах стала роса, которая есть святое крещение, а евреи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление будет через воду.

Когда апостолы учили во всем мире веровать богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их. Установил же бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам — царство небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же — мучение огненное, червь неусыпающий и мýка без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит богу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится». И, сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором написано было судилище господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево — грешников, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запала на сердце мысль эта, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честию великою.

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли

грьци, *хулящe* вси законы, свой же *хвалящe*, и много глаголаша, сказающе от начала миру, о бытьи всего мира. Суть же хитро сказающе, и чюдно слышати их, любо комуждо слушати их, и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступит, то паки, умеръ, *въстанеть*, и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай когождо их службу, и *кто* како служить богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: «Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру их». *Они* же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: «Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ греки». Они же придоша в нѣмци, и съглядавше церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, рад бывъ, и честь велику створи имъ въ *той* же день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: «Придоша русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилос, и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу бога нашего». Си слышавъ патреархъ, повелѣ *созвати* крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я̀ на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье бога своего. Они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша *я̀* царя Василий и Костянтинъ, рѣста имъ: «Идѣте в землю вашю», и отпустиша я̀ с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же рѣша яко «Ходихом въ болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть *добръ* законъ ихъ. И придохомъ в нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И *придохомъ* же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати;

греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и в тот же день сотворил им честь великую. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними»,— и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом,—

токмо то вѣмы, яко онъдѣ богъ с человѣки пребываеть, и есть служба их паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя, всякъ бо человѣкъ, аще *вкусить* сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не *имамъ* сде быти». Отвѣщавше же боляре *рекоша:* «Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя приял*а*, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх человѣкъ». Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «*Гдѣ* крещенье приимемъ?» Они же рекоша: «Гдѣ ти любо». И минувшю лѣту.

В лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, град гречьский, и затворишася корсуняне въ градѣ. И ста Володимеръ об онъ полъ города в лимени, дали града *стрѣлище* едино, и боряхуся крѣпко изъ града. Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди *воа своа,* и повелѣ *приспу сыпати* къ граду. Симъ же *спущимъ,* корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града. Воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И *се* мужь корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: «Кладязи, яже суть за тобою от въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавъ переими». Володимеръ же, се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудет, и самъ ся крещю». И ту абье повелѣ копати преки трубамъ, и преяша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ град и дружина его, и посла Володимеръ ко *царема*, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створих». И *слышавша* царя, быста печальна, *и* въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить хрестеяномъ за поганыя *даяти.* Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати *сестры* своее за тя». Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ от царю: «Глаголите царема тако; яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми *люба* вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тебѣ». Рече же Володимеръ: «Да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя». И послушаста царя *и* посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полонъ,— рече,— иду, *луче* бы ми сде умрети». И рѣста ей *брата:* «Еда како обратить

знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо». И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпа́ли они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это,— крещусь!» И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и люба́ мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит

богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И нынѣ аще, не идеши, то же имуть створити намъ». И одва ю принудиша. Она же, сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чресъ море. И приде къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ. По божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, *и* тужаше велми, *и не домышляшеться, что створити.* И посла к нему царица, рькуще: «Аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаши избыти *недуга* сего». Си слышавъ Володимеръ, рече: «Да аще истина будет, то поистинѣ великъ богъ будет хрестеянескъ». И повелѣ хрестити ся. Епископъ же корсуньский с попы царицины, огласивъ, крести Володимира, Яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье, и прослави бога, рекъ: «Топерво *уведѣхъ* бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоит и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, *инии* же рѣша: *в Василеве*; друзии же инако скажють. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестеяньску, рекуще сице: «Да не прельстять тебе нѣции от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя:

«Вѣрую во единого бога отца, вседержителя, творца небу и земли», до конца вѣру сию. И паки: «Вѣрую въ единого бога отца нерожена, и въ единого сына рожена, въ единъ святый духъ *исходящ*: три собьства свершена, мыслена, раздѣляема числомъ *и собьствьнымь собьствомь,* а не *божествомъ*, *раздѣляеть бо ся не* раздѣлно, и совкупляется неразмѣсно. Отець, богъ отець, присно сый пребываеть во отчьствѣ нероженъ, безначаленъ, начало и вина всѣмъ, единѣмь *нероженьемъ* старѣй сый сыну и духови; от него же рожается сынъ преже всѣх вѣкъ, исходить же духъ святый безъ времене и бес тѣла; вкупѣ отецъ, вкупѣ сынъ, вкупѣ духъ святый есть. Сынъ *подобесущенъ* отцю, роженьемь точью разньствуя отцю и духу. Духъ есть пресвятый, отцю и сыну *подобносущенъ* и *соприсносущенъ*. Отцю бо отецьство, сыну же сыновьство, *святому* же духу исхоженье. *Ни* отець бо въ сынъ ли въ духъ *преступаеть,* ни сынъ во отца и в духа, *ни духъ* въ сынъ ли во отець; неподвижена бо свойствия ... Не трее бози,

тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего, и скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил бога: «Теперь узнал я истинного бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: «Верую во единого бога отца вседержителя, творца неба и земли» — и до конца этот символ веры. И еще: «Верую во единого бога отца нерожденного и во единого сына рожденного, в единый дух святой, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности: ибо разделяется бог нераздельно и соединяется без смешения. Отец, бог отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем сын и дух; от него же рождается сын прежде всех времен, дух же святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть отец, вместе сын, вместе и дух святой. Сын же подобосущен отцу, только рождением отличаясь от отца и духа. Дух же пресвятой подобосущен отцу и сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо отцу отцовство, сыну сыновство, святому же духу исхождение. Ни отец переходит в сына или духа, ни сын в отца или духа, ни дух в сына или в отца: ибо неизменны их свойства... Не три бога,

единъ богъ, *понеже* едино божество въ трехъ лицах. Хотѣньемь же отца и духа свою спасти тварь, отческихъ ядръ, ихъ же не *отступи,* съшедъ, и въ *дѣвичьское* ложе пречистое, аки божье сѣмя, вшедъ, плоть съдушну, словесну же и умну, не преже бывшю, приимъ, изиде богъ воплощенъ, родися неизречьньнѣ и дѣвство мати схрани нетлѣньно, не смятенье, ни размѣшенье, ни измѣненья пострадавъ, но *пребывъ* еже бѣ, бысть, еже не бѣ, приимъ рабий зракъ истиною, а не мечтаньемь, всячьски, развѣ грѣха, намъ *подобенъ* бывъ ... Волею бо родися, волею взалка, волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре, истиною, а не мечтаньемь; вся *естьственаа,* неоклеветаны *страсти* человѣчьства. Распятъ же ся, смерти вкуси безгрѣшный, въскресъ въ своей плоти, не видѣвши истлѣнья на небеса взиде, и сѣде одесную отца, придеть же паки съ славою судити живымъ и мертвым; якоже взиде съ *своею* ... плотью, тако *снидеть* ... К симъ едино крещенье исповѣдаю водою и духомь, приступаю къ пречистымъ тайнамъ, *вѣрую* во истину тѣло и кровь ... приемлю церковная преданья, и кланяюся честнымъ иконамъ, кланяюся древу честному, и всякому кресту, святымъ мощемъ, и святымъ *съсудомъ*. Вѣрую же и *седму* сборъ святыхъ отець, иже есть первый въ Никии 300 и 18, иже прокляша Арья, *и* проповѣдаша вѣру непорочну и праву. Вторый сборъ в Констянтинѣградѣ святыхъ отець 100 и 50, иже *прокляша* Макидонья духоборьца *и* проповѣдаша троицю единосущну. Третий же сборъ въ Ефесѣ святыхъ отець 200 на Несторья, его же *проклеше,* проповѣдаша святую богородицю. Четвертый сборъ въ Халкидонѣ святыхъ отець 600 и 30 на Евтуха и Диоскора, ею же прокляша святии отци, исъгласивше *свершена бога и* свершена человѣка *господа* нашего Иисуса Христа. 5-й сборъ во Царѣградѣ святыхъ отець 100 и 60 и 5 на *Оригенова* преданья и на Евагрия, их же прокляша святи отци. 6-й сборъ во Цариградѣ святыхъ отець 100 и 70 на Сергия и Кура, ихъ же прокляша святии отци. 7-й сборъ в Никии святыхъ отець 300 и 50, прокляша, иже ся не поклонят иконамъ».

Не преимай же ученья от латынъ, ихъ же ученье разъвращено: влѣзъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонится, и, поклонився, напишеть крестъ на земли и цѣлует, въставъ простъ, станеть на немь нагами; да легъ цѣлуеть, а вставъ попирает. Сего бо апостоли не предаша; предали бо сут апостоли крестъ поставленъ цѣловат и иконы предаша. Лука бо еуангелистъ, первое напсавъ, посла в Римъ.

но один бог, так как божество едино в трех лицах. Желанием же отца и духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский — на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам (людям)... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле устрашился, по своей воле умер — умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный,— воскрес в собственном теле, не зная тления взошел на небеса, и сел справа от отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет... Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым тайнам, верую воистину в тело и кровь... принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному дереву и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никеи трехсот восемнадцати отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе ста пятидесяти святых отцов, проклявших духоборца Македония, проповедовавшего единосущную троицу. Третий же собор в Эфесе, двухсот святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедали святую богородицу. Четвертый собор в Халкидоне шестисот тридцати святых отцов против Евтуха и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив господа нашего Иисуса Христа совершенным богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде ста шестидесяти пяти святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде ста семидесяти святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее трехсот пятидесяти святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам».

Не принимай же учения от латинян,— учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но стоя кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле и целуют, а встав, становятся на него ногами,— так что, ложась, целуют его, а встав — попирают. Этому не учили апостолы; апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука-евангелист первый написал икону и послал ее в Рим.

«Яко же глаголеть Василий: икона *на* первый образъ приходит». Паки же и землю глаголють *материю.* Да аще имъ есть земля мати, то отець имъ есть небо, искони бо створи богъ небо, таже землю. Тако глаголють: Отче нашь, иже еси на небеси. Аще ли по сих разуму земля есть мати, то почто плюете на матерь свою? Да сѣмо ю лобъзаете, и паки оскверняете? Сего же преже римляне не творяху, но исправляху на всѣх сборѣхъ, сходящеся от Рима и от всѣх престолъ. На первомь бо сборѣ, *иже* на Арья в Никѣи, от Рима Силевестръ посла епископы и презвутеры, от Олексаньдрѣя Офонаси, от Царягорода Митрофанъ посла епископы от себе; тако исправляху вѣру. На второмь же зборѣ от Рима *Дамасъ,* а от Олексанъдрия Тимофѣй, от *Антиохия* Мелетий, Курилъ Ярусалимский, Григорий Богословець. На третьем же сборѣ *Келестинъ* Римьский, Курилъ Олександрьский, Увеналий Ерусалимский. На четвертомь же сборѣ Левонтий *Римьскый,* Анаталий Царягорода, Увеналий Ерусалимский. На пятомь сборѣ Римьский *Вилигий, Евтухий* Царягорода, Аполинарий Олександрьский, Домнинъ *Антиохийскый.* На 6-мь сборѣ от Рима Агафонъ, *Георгий* Царягорода, *Феофанъ Антиохийскый,* от *Александриа* Петръ мнихъ. На 7-мь сборѣ Оньдреянъ от Рима, Тарасий Царяграда, Политианъ Олексаньдрьский, Федоритъ *Антиохийскый,* Илья Ерусалимский. И си вси *со* своими епископы сходящеся *исправляху вѣру.* По семь же сборѣ Петръ Гугнивый со инѣми шедъ в Римъ и престолъ въсхвативъ, и разъврати вѣру, отвергъся от престола Ярусалимска, и Олексаньдрьскаго, *и* Царяграда и Онтиахийскаго. Възмутиша Италию всю, сѣюще ученье свое разно. Ови бо попове одиною женою *оженивъся* служать, а друзии до *7-ми женъ поимаюче* служать, их же блюстися ученья. Пращають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранить тя от сего».

Володимеръ же посемъ поемъ *царицю,* и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя *и* иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь в *Корсуни* на горѣ, *идѣже* съсыпаша средѣ града, *крадуще,* приспу, яже церки стоить и до сего дне. Вся *же ида мѣдянѣ* двѣ капищи, и 4 *кони* мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно грекомъ *Корсунь* опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровращи, овы *исѣщи,* а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневи къ *хвосту* и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа

«Как говорит Василий: чествование иконы переходит на ее первообраз». Больше того, называют они землю матерью. Если же земля им мать, то отец им небо,— изначала сотворил бог небо, также и землю. Так говорят: «Отче наш, иже еси на небеси». Если, по их мнению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Тут же ее лобзаете и оскверняете? Этого прежде римляне не делали, но постановляли правильно на всех соборах, сходясь из Рима и со всех епархий. На первый собор в Никее против Ария папа римский Сильвестр послал епископов и пресвитеров, от Александрии Афанасий, а от Царьграда патриарх Митрофан послали от себя епископов; и так исправляли веру. На второй же собор — от Рима Дамас, а от Александрии Тимофей, от Антиохии Мелетий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. На третьем же соборе — папа римский Келестин, Кирилл Александрийский, патриарх иерусалимский Ювеналий. На четвертом же соборе — папа римский Лев, патриарх константинопольский Анатолий, Ювеналий Иерусалимский. На пятом соборе — папа римский Вигилий, патриарх константинопольский Евтихий, патриарх александрийский Аполлинарий, патриарх антиохийский Домнин. На шестом соборе — от Рима Агафон, Георгий из Константинополя, Феофан Антиохийский, от Александрии монах Петр. На седьмом соборе — от Рима Адриан, Тарасий из Константинополя, Политиан Александрийский, Феодорит Антиохийский, Илия Иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляя веру. После же этого последнего собора Петр Гугнивый вошел с другими в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола иерусалимского, александрийского, константинопольского и антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея враждебное учение. Одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие, до семи раз женившись, служат; и следует остерегаться их учения. Прощают же они и грехи во время приношения даров, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого».

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуни на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил двенадцать

пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, же прелщаше симь образом человѣкы, да възмездье приметь от человѣкъ. *«Велий еси, господи, чюдна дѣла твоя!». Вчера чтимь от человѣкъ, а днесь* поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша й въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы отрѣвайте его от берега; дондеже порогы проидеть, то тогда охабитеся его». Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже й вѣтръ на *рѣнь,* и оттолѣ прослу *Перуня* Рѣнь, якоже и до сего дне словеть. Посемь же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться кто *заутра на* рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть». Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бе-щисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же *по перси* от берега, друзии же *младенци* держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си *видѣти* радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостолъ, ни от мученикъ, не имам уже царствовати въ странах сихъ». Крестившим же ся людемъ, идоша кождо в домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, *рече:* «Христе боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, господи, увѣдѣти тобе, истиньнаго бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовратьну, и мнѣ помози, господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и *люди* на крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. Пославъ, нача поимати у *нарочитые* чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахся.

мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе,— чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб,— будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: «Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивых». Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю и по милости своей помилова богъ, якоже *рече* пророкъ: «*Помилую,* его же аще хощю». Помилова бо ны «Пакы банею бытья и обновленьем духа», по изволенью божью, а не по нашим дѣлом. Благословенъ господь Иисус Христос, иже възлюби новыя люди, Русьскую землю, *и* просвѣти ю крещеньем святымь. Тѣмьже и мы припадаем к нему, глаголюще: «Господи Иисусе Христе! Что ти въздамы о всѣх, яже *въздаси* нам, грѣшником намъ сущемъ? Недоумѣем противу даромъ твоим въздаянья въздати».

«Велий бо еси и чюдна дѣла твоя, величью твоему нѣсть конца. В родъ и родъ въсхвалить дѣла твоя». Реку же съ Давыдомь: «Придѣте, възрадуемъся господеви, въскликнѣмъ богу и спасу нашему. Варимъ лице его въ *исповѣданье*». «Исповѣдающеся ему, яко *благъ,* яко в вѣкы милость его», яко «избавил ны есть от врагъ наших», рекъше от идолъ суетных. И пакы рцѣмъ съ Давыдомь: «Въспойте господеви пѣснь нову, воспойте господеви вся земля. Воспойте господеви, благословите имя его. *Благовестите* день от дне *спасение* его. Възвѣстите во языцѣх славу его, въ всѣх *людехъ* чюдеса его, яко велий господь и хваленъ зѣло», «И величью его нѣсть конца». Колика ти радость! не единъ, ни два спасаетася. Рече бо господь: «Яко радость бывает на небеси о единомь грѣшницѣ кающемься». Се же ни единъ, ни два, но бещисленое множьство к богу приступиша, святымь крещеньемь просвѣщени. Якоже и пророкъ рече: «Въскроплю на вы воду чисту, и очиститеся и от идолъ вашихъ и от грѣхъ ваших». Пакы другий пророкъ рече: «Кто яко богъ отъемьля грѣхы и преступая неправды? Яко хотяй милостивъ есть. *Той* обратить и ущедрит ны, и погрузить грѣхы наша въ глубинѣ». Ибо *апостолъ* Павелъ глаголеть: «Братья! Елико нас крестися въ Иисус Христа, въ *смерть* его крестихомъся; и погребохомся убо с нимь крещеньемь въ смерть; да якоже въста Христос от мертвых съ славою отчею, якоже и мы въ обновленьи житья поидемъ». И пакы: «Ветхая мимоидоша, и се быша новая». «Нынѣ приближися нам спасенье... нощь успѣ, а день приближися». «Им же приведенье обрѣтохом вѣрою въ благодать сию, им же хвалимъся и стоимъ». «Нынѣ же *свободившеся* от грѣха, поработившеся господеви, имате плодъ вашь въ священье». Тѣмже должни есмы работати господеви, радующеся ему. Рече бо Давыдъ: «Работайте господеви съ страхом, и радуйтеся ему с трепетом». Мы же възопьемъ к господу богу нашему, глаголюще: «Благословенъ господь, иже не дасть нас в ловитву зубомъ ихъ! ... Сѣть скрушися,

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по божьему устроению и по милости своей помиловал их бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Вот почему и мы поклоняемся ему, говоря: «Господь Иисус Христос! Чем смогу воздать тебе за все, что воздал нам грешным? Не знаем, какое воздаяние дать тебе за дары твои».

«Ибо велик ты и чудны дела твои: нет предела величию твоему. Род за родом восхвалят дела твои». Скажу вместе с Давидом: «Придите, возрадуемся господу, воскликнем богу и спасителю нашему. Предстанем лицу его со славословием»; «Славьте его, ибо он благ, ибо вовек милость его», ибо «избавил нас от врагов наших», то есть от языческих идолов. И еще скажем вместе с Давидом: «Воспойте господу песнь новую, воспойте господу вся земля; пойте господу, благословляйте имя его, благовествуйте со дня на день спасение его. Возвещайте в народах славу его, во всех людях чудеса его, ибо велик господь и достохвален», «И величию его нет конца». Какая радость! Не один и не два спасаются. Сказал господь: «Радость бывает на небе и об одном покаявшемся грешнике». Здесь же не один и не два, но бесчисленное множество приступили к богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: «Окроплю вас водой чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего, и от грехов ваших». Также и другой пророк сказал: «Кто бог, как ты, прощающий грехи и не вменяющий преступления? ибо хотящий того — милостив. Тот обратит и умилосердится над нами и ввергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть его крестились; и так мы погреблись с ним крещением в смерть; дабы, как Христос воскрес из мертвых славою отца, так и нам ходить в обновленной жизни». И еще: «Древнее прошло, теперь все новое». «Ныне приблизилось к нам спасение... ночь прошла, а день приблизился». «Через него получили мы верою доступ к благодати этой, которой хвалимся и стоим». «Ныне же, когда освободились от греха и стали рабами богу, плод ваш есть святость». Вот почему должны мы служить богу, радуясь ему. Ибо сказал Давид: «Служите господу со страхом и радуйтесь ему с трепетом». Мы же воскликнем к господу богу нашему: «Благословен господь, который не дал нас в добычу зубам их! ... Сеть расторгнулась,

и мы избавлени быхом» от прельсти дьяволя. «И погибе память его с шюмом, и господь в вѣкы пребываеть», хвалимъ от русьскых сыновъ, пѣваем въ троици, а дѣмони проклинаеми от благовѣрных мужь и от вѣрных женъ, иже приняли суть крещенье и покаянье въ отпущенье грѣховъ, новии людье хрестьяньстии, избрании богомь».

Володимеръ *же* просвѣщенъ *самъ*, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, *Мстислава* Тмуторокани. И рече Володимеръ: «Се не добро, еже *мало* городъ около Киева». И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по *Трубежеви*, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучьшиѣ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одолая имъ.

Въ лѣто *6497*. Посемь же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьяньстѣ, помысли создати церковь пресвятыя богородица, *и* пославъ приведе мастеры от Грекъ. И наченшю же здати, и яко скончя зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу *Корсунянину*, и попы корсуньскыя пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты.

Въ лѣто *6499*. Володимеръ заложи градъ Бѣлгородъ, и наруби въ *нь* от инѣхъ городовъ, и много людий сведе во нь; бѣ бо любя градъ сь.

Въ лѣто 6500. Иде *Володимиръ* на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я на *Трубежи на* бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжьскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта». И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, *и* посла биричи по товаромъ, глаголя: «Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжиномь?». И не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужь приведоша, *а у* наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣм воемъ, и приде

и мы избавились» от обмана дьявольского. «И исчезла память их с шумом, но господь пребывает вовек», прославляемый русскими сынами, воспеваемый в Троице, а демоны проклинаются благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещение и покаяние в отпущенье грехов,— новые люди христиане, избранные богом».

И просветился Владимир сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их.

В год 6497 (989). Затем жил Владимир в христианском законе, и задумал создать церковь пресвятой богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуни: иконы, сосуды и кресты.

В год 6499 (991). Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел

единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми й сварящю, и оному мьнущю усние, разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть, *и* посла по нь, и приведоша й ко князю, и князь повѣда ему вся. *Сей* же рече: «Княже! Не вѣдѣ, могу ли *со нь,* и да *искусите* мя: нѣту ли быка велика и силна?». И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо и, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю с мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: «Можеши ся с *нимъ* бороти». И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: «Нѣ ли мужа? Се нашь доспѣлъ». Володимеръ же повелѣ той нощи *облещися* въ *оружие,* и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ. И выступи мужь Володимерь, и узрѣ й печенѣзинъ и посмѣяся,— бѣ бо середний тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я́ к собѣ. И ястася, *и* почаста ся *крѣпко* держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на *бродѣ* томь, и нарече й Переяславль, зане перея славу отроко тъ. Володимеръ же великимь мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

В лѣто 6502. В лѣто 6503.

Въ лѣто 6504. Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню и помолися богу, глаголя: «Господи боже! «Призри с небесе, и вижь. И посѣти винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя», новыя люди си, им же обратилъ еси сердце в разум, познати тебе, бога истинного. И призри на церковь твою си, юже создах, недостойный рабъ твой, въ имя рожьшая тя матере, приснодѣвыя богородица. Аже кто помолиться въ церкви сей, то услыши молитву его молитвы ради пречистыя богородица». И помолившюся ему, рекъ сице: «Даю церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сей, рек: «Аще кто сего посудить, да будет проклятъ». И вдасть десятину Настасу Корсунянину. И створи праздникъ великъ въ тъ день боляром и старцемъ *градским,* и убогим раздая имѣнье много.

По сих же придоша печенѣзи к Василеву, *и Володимиръ с малею дружиною изыде противу.* И съступившимся, и не могъ

к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6502 (994). В год 6503 (995).

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился богу, говоря так: «Господи боже! Взгляни с неба, и воззри. И посети сад свой. И охрани то, что насадила правая рука твоя — новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, заступление ради пречистой богородицы». И, помолившись богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И уставил так, написав заклятие в церкви этой в следующих словах: «Если кто отменит это,— да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатства.

Затем пришли печенеги к Васильеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И схватились, и не смог

стерпѣти противу, подъбѣгъ, ста подъ мостом, одва укрыся противных. И тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевѣ святаго Преображенья, бѣ бо въ тъ день Преображенье господне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздник великъ, варя 300 проваръ меду. И съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣм градомъ, и люди многы, и раздая убогым 300 гривенъ. Праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя богородица, и ту пакы *сотворяше* праздник великъ, сзывая бещисленое множество народа. Видя же *люди* хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣлом. И тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная, слыша бо единою еуангелье чтомо: «Блажени милостивии, яко ти помилованы *будуть*»; и пакы: «Продайте имѣнья ваша и дадите нищим»; и пакы: «Не скрывайте собѣ скровищь на земли, идеже тля тлить и татье подъкоповают, но скрывайте собѣ скровище на небесѣх, идеже ни тля тлить, ни татье крадуть»; и Давыда глаголюща: «Блаженъ мужь милуя и дая»; Соломона же слыша глаголюща: «Вдаяй нищему, богу в заимъ дает». Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку *потребу*, питье и яденье, и от скотьниць кунами. Устрои же и се, рек яко «Немощнии и болнии не могуть долѣсти двора моего», повелѣ пристроити кола, *и* въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь розноличный, медъ въ бчелках, а въ другых квасъ, возити по городу, въпрашающим: «Кде болнии и нищь, не могы ходити?». Тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людем своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляром, и гридем, и съцьскымъ, и десяцьскым, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясъ, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «Зло есть нашим головамъ: да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышавъ Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рек сице, яко «Сребромь и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и *о* уставѣ земленѣм, и бѣ *живя* съ князи околними миромь, и съ Болеславомъ Лядьскымь, и съ Стефаномь Угрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь. И бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ в страсѣ божьи. И умножишася *зело* разбоеве, и рѣша епископи

устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Васильеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение господне. Избегнув опасности, Владимир, точно, построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно. И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет их и воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и взаймы дает»; слышал он и слова Соломона: «Благотворящий бедному дает взаймы богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что «немощные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее делал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — и при князе и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины,— было в изобилии всякое яство. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе божьем. И сильно умножились разбои, и сказали епископы

Володимеру: «Се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?». Он же рече имъ: «Боюся грѣха». Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси от бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ». Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди». И рече Володимеръ: «*Тако буди*». *И живяше Володимеръ* по устроенью отьню и дѣдню.

В лѣто 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани. В се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, *и* придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множьство много. И удолжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ. И створиша вѣче в городѣ и рѣша: «Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нѣту. Да луче ли ны померети? *Въдадимся* печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако свѣтъ створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и *въпрашаше:* «Что ради вѣче было?». И людье повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенѣгом. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя, и рече им: «Слышахъ, яко хочете ся передати печенѣгом». *Они же рѣша:* «Не стерпять людье глада». И рече имъ: «Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите». Они же ради обѣщашася послушати. И рече имъ: «Сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ». Они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь, в немь же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и *вставити* тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду. Они же, шедше, взяша меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши. И повелѣ росытити велми и въльяти в кадь в друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по печенѣгы. И горожане же рѣша, шедше к печенѣгомъ: «Поимѣте к собѣ таль нашь, а вы поидѣте до 10 мужь в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашем». Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотят, пояша у них тали, а сами избраша лучьшиѣ мужи в *родѣхъ* и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лѣт, что можете створити нам? Имѣемъ бо кормлю от землѣ. Аще ли не вѣруете, да узрите своима очима».

Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не наказываешь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, но по проверке». Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам отца и деда.

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время беспрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — Сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами».

И приведоша я́ къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромь и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомь же печенѣзи. И удивишася, и рекоша: «Не имуть вѣры наши князи, аще не ядят сами». Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты от колодязя, *и* вдаша печенѣгом. Они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И, варивше, яша князи печенѣзьстии и подивишася. И поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа от града, въсвояси идоша.

В лѣто 6506. В лѣто 6507.

В лѣто 6508. Преставися Малъфрѣдь. В се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мати Ярославля.

В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отець Брячиславль, сынъ Володимерь.

В лѣто 6510.

В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь.

В лѣто 6512. В лѣто 6513. В лѣто 6514.

В лѣто 6515. Пренесени святии въ святую Богородицю.

В лѣто 6516. В лѣто 6517. В лѣто 6518.

В лѣто 6519. Преставися цариця Володимеряя Анна.

В лѣто 6520. В лѣто 6521.

В лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомь дающю Кыеву двѣ тысячѣ *гривенъ* от года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху. *И* тако даяху *вси* посадници новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше *к Кыеву* отцю своему. И рече Володимеръ: «Требите путь и мостите мостъ»,— хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся.

В лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего; но богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, в се же время бяше у него Борисъ. Печенѣгом идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, в ней же болести и скончася мѣсяца иуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмь, и потаиша и́, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю *двема* клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше в коверъ и́, ужи съвѣсиша на землю; възложьше и́ на сани, везъше поставиша и́ въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людье, бе-щисла снидошася и плакашася по немь, боляре акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша и́ в корсту мороморяну, схраниша тѣло его с плачемь, блаженаго князя.

И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

В год 6506 (998). В год 6507 (999).

В год 6508 (1000). Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава.

В год 6509 (1001). Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира.

В год 6510 (1002).

В год 6511 (1003). Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира.

В год 6512 (1004). В год 6513 (1005). В год 6514 (1006).

В год 6515 (1007). Перенесены святые в церковь святой Богородицы.

В год 6516 (1008). В год 6517 (1009). В год 6518 (1010).

В год 6519 (1011). Преставилась Владимирова царица Анна.

В год 6520 (1012). В год 6521 (1013).

В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем половцы пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем.

Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и сь створи подобно ему. Аще бо бѣ и преже на скверньную похоть желая, но послѣже прилежа к покаянью, якоже апостолъ вѣщаваеть: «Идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать». Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю̑. Мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще быхом имѣли потщанье и мольбы приносили богу за нь, в день преставленья его, и видя бы богъ тщанье наше к нему, прославилъ бы и̑: намъ бо достоить за нь бога молити, понеже тѣмь бога познахом. Но дажь ти господь по сердцю твоему, и вся прошенья твоя исполни, его же желаше царства небеснаго. Дажь ти господь вѣнець с праведными, в пищи райстѣй, веселье и ликъствованье съ Аврамомь и с прочими патриархы, якоже Соломонъ рече: «Умершю мужю праведну, не погыбаеть упованье».

Сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють бога въ молитвахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ, поюще господеви, новии людье, просвѣщени святымь духомь, чающе надежи великаго *бога* и спаса нашего Иисуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неиздреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ.

О убьеньи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь, и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимь, яко братья ихъ бѣша с Борисомь. Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде к нему: «Отець ти *умерлъ*». И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемь своимь паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: «Се дружина у тобе отьня и вои. Поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни». Он же рече: «Не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго: аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто». И се слышавше, вои разидошася от него. Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкъ же, исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая к Борису, глаголаше, яко «С тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамь ти»; а льстя под нимъ, како бы и̑ погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородьскыѣ болярьцѣ, и рече имъ: «Прияете ли ми всѣмъ сердцемь?». Рече же Путьша с вышегородьци: «Можемъ главы своя сложити за тя». Онъ же рече имъ: «Не повѣдуче никомуже, шедше, убийте брата

То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и обращался он прежде к скверной страсти, однако после усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, став христианами, не воздаем ему почестей, равных его делу. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него богу в день его смерти, то бог, видя наше усердие к нему, прославил бы его: нам ведь следует молить за него бога, так как через него познали мы бога. Пусть же господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть даст тебе господь царство небесное вместе с праведными, услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда».

Вот почему память его чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их господу, новые люди, просвещенные святым духом, ожидая надежды нашей, великого бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Об убиении Бориса. Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им подарки. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». И плакался по отце горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Между тем Святополк, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечали же Путша с вышгородцами: «Согласны головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата

моего Бориса». Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо *Соломонъ* рече: «Скори суть пролити кровь... бес правды. Ти бо *обьщаются* крови, сбирають собѣ злая. Сихъ путье суть скончавающих безаконье, нечестьемь бо свою душю емлють». Послании же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню: бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и́. И, ставъ, нача пѣти, глаголя: «Господи! Что ся умножиша стужающии мнѣ. Мнози въстають на мя»; и пакы: «Яко стрѣлы твоя уньзоша во мнѣ, яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть»; и пакы глаголаше: «Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живый, яко погна врагъ душю мою». И кончавъ *ексапсалма,* увидѣвъ, яко послани суть губитъ его, нача пѣти псалтырю, глаголя, яко «Обидоша мя унци тучни... И *соборъ* злобивыхъ осѣде мя. Господи, боже мой, на тя уповах, и спаси мя, и от всѣхъ гонящих *мя* избави мя». Посемь же нача канунъ пѣти. Таче, кончавъ заутреню, помолися, глаголя, зря на икону, на образъ владычень, глаголя сице: «Господи Иисусе Христе! Иже симь образомь явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради наших, тако и мене сподоби прияти страсть. Се же не от противныхъ приимаю, но от брата своего, и не створи ему, господи, в семь грѣха». И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своем. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и́ копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь. Бѣ бо *сей* любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ угърескъ, именемь Георги, его же любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше пред нимь. Избиша же и ины отрокы Борисовы многы. *Георгиеви* же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша *гривну, а главу отвергоша прочь;* тѣмже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Бориса же убивше, оканьнии, увертѣвше в шатеръ, възложивше на кола, повезоша и́, и еще дышющю ему. *Увѣдѣвъ* же се, оканьный Святополкъ, яко еще дыщеть, посла два варяга прикончатъ его. Онѣма же пришедшема и *видѣвшема,* яко и еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь, проньзе и́ къ сердцю. И тако скончася блаженый Борисъ, вѣнець *приимъ* от Христа бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскыми водваряяся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, воспѣвая съ ангелы и веселяся *с ликы* святыхъ. И положиша тѣло его,

моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: «Спешат они на пролитие крови без правды. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастия. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу». Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услыхали, что Борис поет заутреню, так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною»; и еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою». И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные... Скопище злых обступило меня»; «Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня». Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ владыки: «Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, господи, это в грех». И, помолившись богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, из-за шатра, и просунули в него копья, и пронзили Бориса, а вместе с ним пронзили и слугу его, который, защищая, прикрыл его своим телом. Ибо был он любимец Бориса. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи, и отсекли голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положили на телегу и повезли, а он еще дышал. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа бога, сравнявшись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и веселясь со святыми. И положили тело его

принесше отай Вышегороду, у церкве святаго Василья. Оканьнии же си убийцѣ придоша къ Святополку, *аки хвалу* имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступником: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшько, отець же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають, бѣси бо на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми. *Ангели* бо человѣку зла не *творять,* но благое *мыслять* ему всегда, паче же хрестьяномъ помагають и заступають от супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человѣка богомь *почтена,* и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо бога боятся, а золъ человѣкъ ни бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: «Се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?». И *приимъ* помыслъ Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: «Поиди вборзѣ, отець тя зоветь, не сдравить бо велми». Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде Смоленьску, и поиде от Смоленьска, яко зрѣемо, и ста на Смядинѣ в насадѣ. В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ от Святополка». Се слышавъ, Глѣбъ възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: «Увы мнѣ, господи! Луче бы ми умрети съ братомь, нежели жити на свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангелское, умерлъ бых с тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказанья. Да аще еси получилъ дерзновенье у бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть приялъ. Луче *бы* ми было с тобою *умрети,* неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмь *жити*». И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша послании от Святополка на погубленье Глѣбу. И ту абье послании яша корабль Глѣбовъ и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови уныша. Оканьный же посланый Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба. Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно. Принесеся на жертву богови, в воню благоуханья, жертва словесная, и прия вѣнець, вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимь неиздреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемь своимь. «Се коль добро, и коль красно еже жити братома вкупѣ!». Оканьнии же

в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу возымев от людей, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие бывают слуги-бесы; бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы уловляют человека на злое, завидуя ему; и так как видят, что человек от бога в чести,— потому и завидуют, а посылаемые на злое — скоры на его выполнение. Злой человек, усердствуя злому делу, хуже беса, ибо бесы бога боятся, а злой человек ни бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста господня боятся, а человек злой и креста не боится.

Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле запнулся конь его о яму и повредил себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем в свете этом обманчивом жить». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия божия, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостию, которой достиг своим братолюбием. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же

възвратишася въспять, якоже рече Давыдъ: «Да възвратятся грѣшници въ адъ». Онѣм же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку, яко «Створихом повелѣная тобою». Онъ же, се слышавъ, вознесеся сердце его болма, не вѣдый Давыда глаголюща: «Что ся хвалиши о злобѣ, силный? безаконье весь день... умысли языкъ твой».

Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же вземше везоша и́, и положиша и́ у брата своего Бориса у церкве святаго Василья.

И съвкуплена *тѣлома,* паче же душама, у въладыкы всецесаря пребывающа в радости бесконечнѣй, во свѣтѣ неиздреченьнѣмь, подающа ицѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящим странным с вѣрою даета ицѣленье: хромым ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящим цѣлбы, окованым разрѣшенье, темницам отверзенье, печалным *утѣху,* напастным избавленье. И еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сияюща и молящася воину къ владыцѣ о своихъ людех. Тѣмже и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца Христова, молящеся прилѣжно к нима, рекуще: «Радуйтася, страстотерпца Христова, *заступника* Русьскыя земля, яже ицѣленье подаета приходящим к *вама* вѣрою и любовью. Радуйтася, небесная жителя, въ плоти ангела быста, единомысленая служителя, верста единообразна, святымъ единодушьна; тѣмь стражющимъ всѣм ицѣленье подаета. Радуйтася, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита от кладязя воды живоносныя ицѣленья, истѣкають вѣрным людемъ на ицѣленье. Радуйтася, лукаваго змия поправша, *луча* свѣтозарна явистася, яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Русьскую, всегда тму отгоняща, являющася вѣрою неуклоньною. Радуйтася, недрѣманьное око стяжавша, душа на свершенье *божьихъ* святыхъ *заповедей приимша* в сердци своемь, блаженая. Радуйтася, брата, вкупѣ в мѣстѣхъ златозарныхъ, в селѣхъ небесныхъ, в славѣ неувядающей, ея же по достоянью сподобистася. Радуйтася, божьими свѣтлостьми явѣ *облистаема,* всего мира обиходита, бѣсы отгоняюща, недугы ицѣляюща, свѣтилника предобрая, заступника теплая, суща съ богомь, божественами лучами ражизаема воину, добляя страстьника, душа просвѣщающа вѣрнымъ людем. Възвысила бо есть ваю свѣтоносная любы небесная; тѣмь красных всѣхъ наслѣдоваста въ небеснѣмь житьи, славу, и райскую пищю, и свѣтъ разумный, красныя радости. Радуйтася, яко вся напаяюща сердца, горести и болѣзни отгоняща, страсти злыя ицѣляюща, каплями кровными, святыми очервивша багряницю, славная, ту же красно носяща съ Христомь царствуета всегда, молящася за новыя

возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». Когда же они пришли, сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой».

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отвержение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся владыке богу о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтеся, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями богу, единообразной четой, святым единодушной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи из колодца живоносной воды исцеления, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтесь, поправшие коварного змея, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряющие всю Русскую землю, всегда тьму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтесь, заслужившие незасыпающее око, души свои к исполнению святых божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Радуйтесь, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обошедшие, бесы отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что напояете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багряницу, прославленные, ибо, ее нося прекрасно, с Христом царствуете всегда, молясь за новых

люди хрестьяньскыя и сродникы своя. Земля бо *Руска* благословися ваю кровью, и мощьми лежаща *въ церкви* духомь *божественѣ* просвѣщаета, в ней же съ мученикы яко мученика за люди своя молитася. Радуйтася, свѣтлѣи звѣздѣ, заутра въсходящии. Но христолюбивая страстотерпця и заступника наша! покорита поганыя подъ нозѣ княземъ нашим, молящася къ владыцѣ богу нашему мирно пребывати в совокуплении и въ сдравии, *избавляюща* от усобныя рати и от пронырьства дьяволя, сподобита же и нас, поющих и почитающих ваю честное торжьство, въ вся вѣкы до скончанья».

Святополкъ же сь оканьный и злый уби Святослава, пославъ *ко* горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры. И нача помышляти, яко «Избью всю братью свою, и прииму власть русьскую единъ». Помысливъ высокоумъемь своимь, не вѣдый яко «Богь даеть власть, ему же хощеть; поставляеть бо цесаря и князя вышний, ему же хощеть, дасть». Аще бо кая земля управится пред богомь, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяеть, и судью, правяшаго судъ. Аще бо князи правьдиви бывають в земли, то много отдаются согрѣшенья *земли,* аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводить богъ на землю, понеже то глава есть земли. Тако бо Исаия рече: «Согрѣшиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простыхъ людий». «Лютѣ бо граду тому, в немь же князь унъ», любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтникы. Сяковыя бо богъ даеть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, якоже Исаия глаголеть: «Отъиметь господь от Иерусалима крѣпкага исполина, и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, *и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и* разумна, послушлива. Поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими».

Святополкъ же оканный нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другым кунами, и раздая множьство. Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ. Пославъ к новгородцемъ, рече: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити». И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, *и* обльстивъ *я* исѣче. В ту же нощь приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передъславы си: «Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Киевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его повелику». Се слышавъ, печаленъ бысть о отци, *и о братьи,* и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ

христианских людей и сродников своих. Благословилась земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы церковь эту духом божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие! Христолюбивые же страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостойте и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира».

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры. И стал Святополк думать: «Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «бог дает власть кому хочет, ибо поставляет цесаря и князя всевышний тому, кому захочет дать». Если же какая-нибудь страна станет угодной богу, то ставит ей бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает бог на страну ту, потому что князь глава земли. Ибо так сказал Исайя: «Согрешили от головы и до ног», то есть от цесаря и до простых людей. «Горе городу тому, в котором князь юн», любящий пить вино под звуки гуслей вместе с молодыми советниками. Таких князей дает бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исайя: «Отнимет господь у Иерусалима крепкого исполина и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону». «И дам им юношу князя, и обидчика поставлю обладать ими».

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатств. Ярослав же не знал еще об отцовской смерти, и было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав и пошел в село Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать: «Мне уже тех не воскресить». И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил в свой черед. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, берегись его очень». Услышав это, печален был Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине. На другой день, собрав остаток

новгородець, Ярославъ рече: «О, люба моя дружина, юже вчера избихъ, *а нынѣ быша надобе». Утерлъ слезъ, и рече имъ* на вѣчи: «Отець мой умерлъ, а Святополкъ *сѣдить* Кыевѣ, избивая братью свою». И рѣша новгородци: «Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И събра Ярославъ варягъ тысячю, а прочих вой *40 000,* и поиде на Святополка, нарекъ бога, рекъ: «Не я почахъ избивати братью, но онъ; да будеть отместьникъ богъ крове братья моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову *праведную.* Егда и мнѣ сице же створить? Но суди ми, господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде на Святополъка. *Слышавъ же* Святополкъ идуща Ярослава пристрои бе-щисла вой, *руси и печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю об* онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.

Начало княженья Ярославля Кыевѣ. В лѣто 6524. Приде Ярославъ *на Святополка,* и сташа противу *обаполъ* Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ. И воевода нача Святополчь, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти новгородцѣ, глаголя: «Что придосте с хромьцемь симь, *а* вы плотници суще? А приставимъ вы *хоромовѣ* рубити *нашихъ*». Се слышавше новгородци, рѣша Ярославу, яко «Заутра перевеземъся на *ня;* аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ *его*». Бѣ бо уже в заморозъ. Святополкъ стояше межи двѣма озерома, и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею. Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И *выседше* на брегъ, отринуша лодьѣ от берега, и поидоша противу собѣ, и ссупишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромь печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка с дружиною *ко озеру,* и въступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, *видѣв же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярослав.* Святополкъ же бѣжа в Ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни. И бы тогда Ярославъ лѣтъ 28.

В лѣто 6525. Ярославъ иде *в Киевъ,* и погорѣ церкви.

В лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомь на Ярослава с ляхы, Ярославъ же, совокупивъ русь, и варягы и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, *и* приде Волыню, и сташа оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилець и воевода, именемь Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя: «Да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое». Бѣ бо Болеславъ великъ, и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бяше смыслень. И рече Болеславъ къ дружинѣ своей: «Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну». Всѣдъ на конь, вбреде в рѣку и по немь вои его.

новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих». И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и иссечены братья наши,— можем за тебя бороться!» И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов сорок тысяч, и пошел на Святополка, призвав бога в свидетели своей правды и сказав: «Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Пожалуй, и со мной то же сделает? Рассуди меня, господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

Начало княжения Ярослава в Киеве. В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!» Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что «завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами ударим на него». Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли против неприятелей, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И было тогда Ярославу двадцать восемь лет.

В год 6525 (1017). Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви.

В год 6526 (1018). Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка и пришел к Волыню, и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не оскорбляет попрек этот, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его,

Ярослав же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду. Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомь. И рече Болеславъ: «Разведѣте дружину мою по городомъ на покоръмъ», и бысть тако. Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ». Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старостъ по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша варягы, *и* вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы. Болеславъ же бѣ Кыевѣ сѣдя, оканьный же Святополкъ рече: «Елико же ляховъ по *городомъ*, избивайте я̀». И избиша ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью. И людий множьство веде с собою, и городы червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополкъ же нача княжити Кыевѣ. И поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы.

В лѣто 6527. Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множьство вой, и *изыде* противу ему на Льто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: «Кровь брата моего вопьеть к тобѣ, владыко! Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; — тако положи и на семь». Помоливъся, и рекъ: «Брата моя! Аще еста и тѣломь *отошла* отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго». И се ему рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша *поле* Летьское обои от множьства вой. Бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче *сечахуся*, и сступашася трижды, яко по удольемь крови тещи́. К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти *на кони,* и несяхуть и́ на носилѣхъ. Принесоша и́ къ *Берестью*, бѣгающе с нимь. Онъ же глаголаше: «Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ!». Отроци же его всылаху противу: «Еда кто женеть по насъ?». И не бѣ никогоже вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимь. Он же в немощи лежа, *и* въсхопивъся глаголаше: «Осе женуть, *о женуть*, побѣгнѣте». Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой *в томъ мѣсте.* «Его же по правдѣ, яко *неправедна,* суду нашедшю на нь, по *отшествии* сего свѣта прияша мукы, оканьнаго. Показоваше

Ярослав же не успел исполчиться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород. Болеслав же вступил в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам на покорм»; и было так. Ярослав же, прибежав в Новгород, хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассек ладьи Ярославовы, говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком». Стали собирать деньги от мужа по четыре куны, а от старост по десять гривен, а от бояр по восемнадцати гривен. И привели варягов и дали им деньги, и собрал Ярослав воинов много. Когда же Болеслав сидел в Киеве, окаянный Святополк сказал: «Сколько есть поляков по городам, избивайте их». И перебили поляков. Болеслав же побежал из Киева, забрав богатства и бояр Ярославовых и сестер его, а Настаса — попа Десятинной церкви — приставил к этим богатствам, ибо обманом вкрался ему в доверие. И людей множество увел с собою, и города Червенские забрал себе, и пришел в свою землю. Святополк же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам.

В год 6527 (1019). Пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, возложив на Каина стенание и трепет: так возложи и на этого». Помолился и сказал: «Братья мои! Хоть и отошли вы телом отсюда, но молитвою помогите мне против врага сего — убийцы и гордеца». И когда сказал так, двинулись противники друг на друга и покрыли поле Альтинское множеством воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабли все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». Отроки же его посылали посмотреть: «Гонится ли кто за нами?» И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: «Вот уже гонятся, ой, гонятся, бегите». Не мог он вытерпеть на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там бедственно окончил жизнь свою. «Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он

явѣ... посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно вѣгна», и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Есть же могыла его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрадъ золъ. Се же богъ показа на наказанье княземъ русьскым, да аще сии еще сице же створять, *се слышавше, ту же казнь приимут; но и больши сее, понеже, вѣдая се, сътворять* такоже зло убийство. 7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70; понеже бѣ Каинъ не вѣдый мщенья прияти от бога, а Ламехъ, вѣдый казнь, *бывшюю* на прародителю его, створи убийство. «Рече бо Ламехъ къ своима *женама*: мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношю въ язву мнѣ, тѣмьже, рече, 70 мьстий на мнѣ, понеже, рече, вѣдая створихъ се». Ламехъ уби два брата Енохова, и поя собѣ женѣ ею; *сей* же Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и сь бысть.

Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

В лѣто 6528. Родился у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ.

В лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимъръ, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцѣ, и Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже й ту. И побѣди Ярославъ Брячислава и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полотьску.

В лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестию. Въ си же времена Мьстиславу сущю *Тмуторокани*, поиде на касогы. Слышавъ же се, князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «Что ради губивѣ дружину межи собою? Но *снидеве* ся сама боротъ. Да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мьстиславъ: «Тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «Не оружьем ся бьевѣ, но борьбою». И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: «О пречистая богородице, помози ми. Аще бо *одолѣю* сему, сзижю церковь во имя твое». И се рекъ, удари имь о землю. И вынзе ножь, *и* зарѣза Редедю. *И* шедъ в землю его, взя все имѣнье его, *и* жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани.

муки окаянного: показало очевидно... посланная на него богом пагубная кара безжалостно предала его смерти», и по отшествии от сего света, связанный, вечно терпит муки. Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит из нее смрад ужасен. Все это бог явил в поучение князьям русским, чтобы если еще раз совершат такое же, уже слышав обо всем этом, то такую же казнь примут, и даже еще бо́льшую той, потому что совершат такое злое убийство, уже зная обо всем этом. Семь казней принял Каин, убив Авеля, а Ламех семьдесят, потому что Каин не знал, что придется принять мщение от бога, а Ламех совершил убийство, уже зная о казни, постигшей прародителя его. «Ибо сказал Ламех женам своим: «Мужа убил во вред мне и, юношу убив, нанес сам себе беду, потому, сказал он, и семьдесят мщений положено мне, что, зная обо всем, сотворил я это». Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополк — новый Ламех, родившийся от прелюбодеяния и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; так и свершилось.

Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик.

В год 6528 (1020). Родился у Ярослава сын, и нарек имя ему Владимир.

В год 6529 (1021). Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к Судомири-реке, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку.

В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов. Услышав же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

В лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и съ касогы.

В лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмутороканя Кыеву, и не прияша его кыяне. Онъ же, шедъ, сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь *по* дьяволю наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша *жито,* и тако ожиша. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъимавъ волхвы, расточи, а *другыя* показни, рекъ сице: «Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладом, или моромъ, ли ведромь, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже». И възвративъся Ярославъ, приде *Новугороду,* и посла за море по варягы. И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ *сь лѣпъ, и* луда бѣ у него золотомь истъкана. И приде къ Ярославу; *и* иде Ярославъ съ Якуномь на Мьстислава. Мьстиславъ же, слышавъ, взиде противу има к Листвену. Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави сѣверъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ, и дождь. *И* рече Мьстиславъ дружинѣ своей: «Поидемъ на *ня*». И поиде Мьстиславъ и Ярославъ противу собѣ, и сступися чело сѣверъ съ варягы, *и трудишася варязи секуще сѣверъ, и посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи варяги.* И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣв же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземь варяжьскым, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ. Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светъ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены от своих сѣверъ и варягы Ярославлѣ, и рече: «Кто сему не радъ? Се лежить сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла». И посла Мьстиславъ по *Ярослава,* глаголя: «Сяди в своемь Кыевѣ: ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона». И не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смиристася. И сѣдяше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Кыевѣ мужи Ярославли. *В семъ же лѣтѣ* родися *у Ярослава* другый сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

В лѣто 6534. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи миръ с братом своим Мьстиславомь у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли.

В лѣто 6535. Родися 3-й *сынъ* Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

В год 6531 (1023). Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами.

В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде. В тот же год восстали волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: «Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает, за что». И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполчил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек имя ему Изяслав.

В год 6534 (1026). Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.

В год 6535 (1027). Родился третий сын у Ярослава, и дали имя ему Святослав.

В лѣто 6536. Знаменье *змиево* явися на небеси, яко видѣти всей земли.

В лѣто 6537. Мирно бысть.

В лѣто 6538. Ярославъ *Белзы* взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Семь же лѣтѣ иде Ярославъ на чюдь, и побѣди я̍, и постави градъ Юрьевъ. В се же время умре Болеславъ Великый в Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь.

В лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ собраста вой многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы ляхы приведоста, и раздѣливша я̍. Ярославъ посади *своя* по Ръси, и суть до сего дне.

В лѣто 6540. Ярославъ поча ставити городы по Ръси.

В лѣто 6541. Мьстиславичь Еустафий умре.

В лѣто 6542. В лѣто 6543.

В лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре. И положиша и́ *в церкви* у святаго Спаса, юже *бѣ* самъ заложилъ: бѣ бо въздано ея при немь възвыше, яко на кони стояще *рукою* досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломь, черменъ лицем, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣнья на щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли. Иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту. И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоять Кыевъ. Ярославъ събра вои *многы*, варягы и словѣни, приде Кыеву и вниде в городъ свой. И бѣ печенѣгъ бе-щисла. Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину, *и* постави варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ кыяне, а на лѣвѣмь крилѣ новгородци; *и* сташа пред градомь. Печенѣзи *приступати* почаша, и сступишася на *мѣсте,* идеже стоить нынѣ святая Софья, митрополья русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И *побѣгоша* печенѣзи разно, и не вѣдяхуся, камо бѣжати, *и овии бѣгающе* тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в *порубъ,* брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ к нему.

В лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ *святыя Богородица* благовѣщенье, посемь святаго Георгия манастырь

В год 6536 (1028). Знамение змиево явилось в небе, так что видно было его по всей земле.

В год 6537 (1029). Мирно было.

В год 6538 (1030). Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и дал имя ему Всеволод. В тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше, и был мятеж в земле Польской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих, и был среди них мятеж.

В год 6539 (1031). Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на поляков, и вновь заняли Червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их. Ярослав же посадил своих поляков по Роси; там они живут и по сей день.

В год 6540 (1032). Ярослав начал ставить города по Роси.

В год 6541 (1033). Мстиславич Евстафий умер.

В год 6542 (1034). В год 6543 (1035).

В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав дебел телом, прекрасен лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всей его областью Ярослав и стал самовластцем в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав. Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, и исполчил дружину, и поставил варягов посредине, а на правой стороне — киевлян, а на левом крыле — новгородцев; и стал пред градом. Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врозь и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, а остаток их бегает где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу, во Пскове — был тот оклеветан ему.

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах — святой Богородицы благовещения, затем монастырь святого Георгия

и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая ѐ часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо. И списаша книгы многы, ими же поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго. Якоже бо се нѣкто землю *разореть*, другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну,— тако и сь. Отець бо сего Володимеръ *землю* взора́ и *умягчи*, рекше крещеньемь просвѣтивъ. Сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрных людий, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бываеть полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную, се суть исходяща *мудрости*; книгамъ бо есть неищетная глубина: сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и *Соломонъ хваляше ю*, глаголаше: «Азъ, премудрость, вселих свѣтъ *и* разумъ и *смыслъ* азъ призвах. Страхъ господень... Мои съвѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость. Мною цесареве царствують, а силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и мучители держать землю. Азъ любящая мя люблю, ищющи мене обрящють *благодать*». Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своей. Иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть с богомь или святыми мужи. Почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, *и* житья святыхъ отець, въсприемлеть *души* велику ползу.

Ярославъ же *сей*, якоже *рекохом*, любимъ бѣ книгамъ, *и* многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ. Украси ю златомь и сребромь и *сосуды* церковными, в ней же обычныя пѣсни богу въздають в годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ от имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмь есть поручено богомь, и приходити часто къ церквамъ. И умножишася прозвутери *и* людье хрестьяньстии. Радовашеся Ярославъ, *видя* множьство церквий и люди хрестьяны, зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьяньскыми.

В лѣто 6546. Ярославъ иде на ятвягы.

В лѣто 6547. Священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда Володимеръ, отець Ярославль, митрополитомь *Феопемптомъ*.

В лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву.

В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовъшаны, въ лодьяхъ.

и святой Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же черноризцев, и книги любил, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением божественным. Как если бы один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую,— так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя ее, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя сила. Мною цесари царствуют, а сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать». Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, получает душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее золотом, серебром и сосудами церковными, и возносят в ней к богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей, потому что им поручено это богом, и посещать часто церкви. И умножились пресвитеры и люди христианские. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

В год 6546 (1038). Ярослав пошел на ятвягов.

В год 6547 (1039). Освящена была митрополитом Феопемптом церковь святой Богородицы, которую создал Владимир, отец Ярослава.

В год 6548 (1040). Ярослав пошел на Литву.

В год 6549 (1041). Пошел Ярослав на мазовшан в ладьях.

В лѣто 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославль, на Ямь, и *побѣди я*. И помроша кони у вой Володимерь, яко и еще дышющимъ конемъ, съдираху хзы с нихъ: толикъ бо бѣ моръ в коних.

В лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вои *многы*, а *воеводьство* поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ в лодьях, и придоша в Дунай, *и* поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли руси, и княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричь, *воевода Ярославль*. Прочии же вои Володимери *вывержени* быша на брегъ, числомь 6000, и *хотящемъ* поити в Русь, и *не* идяше с ними *никтоже* от дружины княжее. И рече *Вышата*: «Азъ поиду с ними». И высѣде ис корабля *к нимъ*, и *рече*: «Аще живъ буду, *то* с *ними*, аще погыну, то с *дружиною*». И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вѣсть грькомъ, яко избило море русь, и *посла* царь, именемь Мономахъ, по руси олядий 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идут по немь, въспятивъся, изби оляди гречьскыя, и възвратися в Русь, всѣдъше в кораблѣ своѣ. Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша я̀ Цесарюграду, и слѣпиша руси много. По трехъ же лѣтѣхъ, миру бывшю, пущенъ бысть Вышата в Русь къ Ярославу. В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, *яже бѣ полонилъ Болеславъ, победив Ярослава*.

В лѣто 6552. *Выгребоша* 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею̀, и положиша я въ церкви святыя Богородица. В се же лѣто умре Брячиславъ, сы́нъ Изяславль, внукъ Володимерь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье.

В лѣто 6553. Заложи Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ.

В лѣто 6554.

В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди *я̀*, и князя ихъ уби *Моислава*, и покори я̀ Казимиру.

В лѣто 6556. В лѣто 6557.

В лѣто 6558. Преставися жена Ярославля княгыни.

В лѣто 6559. Постави Ярославъ Лариона митрополитомь русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы.

И се да скажемъ, *чего* ради прозвася Печерьскый манастырь. Боголюбивому князю Ярославу любящю Берестовое и церковь ту сущюю святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю,

В год 6550 (1042). Пошел Владимир Ярославич на Ямь и победил их. И пали кони у воинов Владимировых; так, что и с еще дышащих коней сдирали кожу: такой был мор на коней!

В год 6551 (1043). Послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И отправился Владимир в ладьях, и приплыл к Дунаю, и направился к Царьграду. И была буря велика, и разбила корабли русских, и княжеский корабль разбил ветер, и взял князя в корабль Иван Творимирич, воевода Ярослава. Прочих же воинов Владимировых, числом до шести тысяч, выбросило на берег, и, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился к ним с корабля и сказал: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с дружиной». И пошли, намереваясь дойти до Руси. И была весть грекам, что море разбило ладьи руси, и послал царь, именем Мономах, за русью четырнадцать ладей. Владимир же, увидев с дружиною своею, что идут за ними, повернув, разбил ладьи греческие и возвратился на Русь, сев на корабли свои. Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царьград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу. В те времена выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казимир, вместо свадебного дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава.

В год 6552 (1044). Выкопали из могил двух князей, Ярополка и Олега, сыновей Святослава, и окрестили кости их и положили их в церкви святой Богородицы. В тот же год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на столе его, мать же родила его от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалась сорочка, и сказали волхвы матери его: «Эту сорочку навяжи на него, пусть носит ее до смерти». И носит ее на себе Всеслав и до сего дня; оттого и не милостив на кровопролитие.

В год 6553 (1045). Заложил Владимир святую Софию в Новгороде.

В год 6554 (1046).

В год 6555 (1047). Ярослав пошел на мазовшан, и победил их, и убил князя их Моислава, и покорил их Казимиру.

В год 6556 (1048). В год 6557 (1049).

В год 6558 (1050). Преставилась княгиня, жена Ярослава.

В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, в святой Софии, собрав епископов.

А теперь скажем, почему назван так Печерский монастырь. Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и церковь, которая была там, святых апостолов и помогал попам многим,

в них же бѣ презвутеръ, именемь Ларионъ, мужь благъ, книженъ и постникъ. *И* хожаше с Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый, *и* ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя с Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту богу втайне. Посемь же богъ князю вложи въ сердце, и постави й митрополитомь в святѣй Софьи, а си печерка тако ста. И не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь, от града Любча; и възложи сему богъ в сердце въ страну ити. Онъ же устремися в Святую Гору, и видѣ ту монастыря *сущая,* и обиходивъ, възлюбивъ чернечьскый образ, приде в манастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образ мнишьскый. Онъ же послушавъ его, постриже й, нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ чернечьскому образу, и рече ему: «Иди в Русь опять, и буди благословленье от Святыя Горы, *яко* от тебе мнози черньци быти имуть». Благослови й, и отпусти его, рекъ ему: «Иди с миромь». Антоний же приде Кыеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по манастыремъ, и не възлюби, богу *не* хотящю. И поча ходити по дебремъ и по *горамъ*, ища кдѣ бы ему богъ показалъ. И приде на холмъ, идѣ бѣ Ларионъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися в не, и нача молитися богу со слезами, глаголя: «Господи! Утверди мя в мѣстѣ семь, и да будеть на мѣстѣ семь благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постриглъ». И поча жити ту, моля бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то же чересъ день, и воды в мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя день и нощь, в трудѣхъ пребывая, въ бдѣньи и в молитвахъ. Посемь же увѣдѣша добрии человѣци, и приходяху к нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ. И прослу якоже великый Антоний: приходяще к нему *просяху* у него благословенья. Посемь же, преставльшюся великому князю Ярославу, прия власть сынъ его Изяславъ и сѣде Кыевѣ. Антоний же прославленъ бысть в Русьскѣй земли; Изяславъ же, увѣдѣвъ житье его, приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великый Антоний и чтимъ, и начаша приходити к нему братья, и нача приимати и постригати я̑, и собрася братьи к нему числомь 12 *и* ископаша печеру велику, и церковь, и кѣльи, яже суть и до сего дне в печерѣ подъ ветхымь манастыремь. Совъкупленѣ же братьи, рече имъ Антоний: «Се богъ васъ, братья, *совокупи*, и от благословенья есте Святыя Горы, имь же мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ перво от бога, а второе от Святыя Горы». И се рекъ имъ: «Живѣте же *о* собѣ, и поставлю вы игумена, а самъ

среди которых был пресвитер, именем Иларион, муж благостный, книжный и постник. И ходил он из Берестового на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил, ибо был там лес великий. Выкопал он пещерку малую, двухсаженную, и, приходя из Берестового, пел там церковные часы и молился богу втайне. Затем бог положил князю мысль на сердце поставить его митрополитом в святой Софии, а пещерка эта так и возникла. И немного дней спустя оказался некий человек, мирянин из города Любеча, и положил ему бог мысль на сердце идти странничать. И направился он на Святую Гору, и увидел там монастыри, и обошел их, полюбив монашество, и пришел в один монастырь, и умолил игумена, чтобы постриг его в монахи. Тот послушал, постриг его, дал ему имя Антоний, наставив и научив, как жить по-чернечески, и сказал ему: «Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя многие станут чернецами». Благословил его и отпустил, сказав ему: «Иди с миром». Антоний же пришел в Киев и стал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и не возлюбил их, так как бог не хотел того. И стал ходить по дебрям и горам, ища места, которое бы ему указал бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и возлюбил место то, и поселился в ней, и стал молиться богу со слезами, говоря: «Господи! Укрепи меня в месте этом, и да будет здесь благословение Святой Горы и моего игумена, который меня постриг». И стал жить тут, молясь богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды в меру вкушая, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдении и в молитвах. Потом узнали добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний: приходя к нему, просили у него благословения. После же, когда преставился великий князь Ярослав,— приял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же прославлен был в Русской земле; Изяслав, узнав о святой жизни его, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И ведом стал всем великий Антоний и чтим всеми, и стала приходить к нему братья, и начал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии числом двенадцать, и ископали пещеру великую, и церковь, и кельи, которые и до сего дня еще существуют в пещере под старым монастырем. Когда собралась братия, сказал им Антоний: «Это бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословению Святой Горы, по которому меня постриг игумен Святой Горы, а я вас постригал — да будет благословение на вас, первое от бога, а второе от Святой Горы». И так сказал им: «Живите же сами по себе, и поставлю вам игумена, а сам

хочю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединивъся, *жити*». И постави имъ игуменомь Варлама, а самъ иде в гору, и ископа печеру, яже есть подъ новымь манастырем, в ней же сконча животъ свой, живъ в добродѣтели, не выходя ис печеры лѣт 40 *никаможе,* в ней же лежать мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомь живяху *в печере.* И умножившимся братьи в печерѣ *и не имущим ся вмѣстити,* и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь. И приде игуменъ и братья ко Антонью, и рекоша ему: «Отче! Умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити в печеру; да бы богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковьцю внѣ печеры». И повелѣ имъ Антоний. Они же поклонишася ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыя богородица Успенье. И нача богъ умножати черноризцѣ молитвами святыя богородица, и съвѣтъ створиша братья со игуменомь поставити манастырь. И идоша братья ко Антонью, и рѣша: «Отче! Братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити манастырь». Антоний же, радъ бывъ, *рече:* «Благословенъ богъ о всемь, и молитва святыя богородица и сущихъ отець иже в Святѣй Горѣ да будеть с вами». И се рекъ, посла единого от братьѣ ко Изяславу князю, река тако: «Княже мой! Се богъ умножаеть братью, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою». Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой, и вда имь гору ту. Игумен же и братья заложиша церковь велику, и манастырь огородиша столпьемь, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ *почася* Печерскый манастырь, имь же бѣша жили черньци преже в печерѣ, а от того прозвася Печерскый манастырь. Есть же манастырь Печерскый от благословенья Святыя Горы пошелъ. Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство к святому Дмитрию, хотя створити вышний сего манастыря, надѣяся богатьству. Мнози бо манастыри от цесарь и от бояръ и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньемь. Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньем, якоже глаголахъ. Варламу же шедъшю к святому Дмитрию, свѣтъ створше братья, идоша к старцю Антонью и рекоша: «Постави намъ игумена». Онъ же рече имъ: «Кого хощете?». Они же рѣша: «Кого хощеть богъ и ты». И рече имъ: «Кто болий въ васъ, акъ же *Феодосий,* послушьливый, кроткый, смѣреный, да сь будеть вамъ игуменъ». Братья же ради бывше, поклонишася старцю, и поставиша Феодосья игуменом братьѣ числомь 20. *Феодосиеви* же приемшю манастырь, поча имѣти въздержанье,

я хочу уединиться в этой горе, так как и прежде уже привык жить в уединении». И поставил им игуменом Варлаама, а сам пришел к горе и ископал пещеру, что под новым монастырем, и в ней скончал дни свои, живя в добродетели, не выходя никуда из пещеры в течение сорока лет; в ней лежат мощи его и до сего дня. Братия же с игуменом жили в прежней пещере. И в те времена, когда братия умножилась и не могла уже вместиться в пещере, помыслили поставить монастырь вне пещеры. И пришли игумен с братией к Антонию и сказали ему: «Отец! Умножилась братия, и не можем вместиться в пещере; если бы бог повелел, по твоей молитве поставили бы мы церковку вне пещеры». И повелел им Антоний. Они же поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя Успения святой богородицы. И начал бог, по молитве святой богородицы, умножать черноризцев, и совет сотворили братья с игуменом поставить монастырь. И пошли братья к Антонию и сказали: «Отец! Братия умножается, и мы хотели бы поставить монастырь». Антоний же сказал с радостью: «Благословен бог во всем, и молитва святой богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами». И, сказав это, послал одного из братьев к князю Изяславу, говоря так: «Князь мой! Вот бог умножает братию, а местечко мало: дал бы нам гору ту, что над пещерою». Изяслав же услышал это и был рад, и послал мужа своего, и отдал им гору ту. Игумен же и братия заложили церковь великую, и монастырь огородили острогом, келий поставили много, завершили церковь и украсили ее иконами. И с той поры начался Печерский монастырь: оттого, что жили чернецы прежде в пещере, и прозвался монастырь Печерским. Основался же монастырь Печерский по благословению Святой Горы. Когда укрепился монастырь при игумене Варлааме, Изяслав поставил другой монастырь, святого Дмитрия, и вывел Варлаама на игуменство к святому Дмитрию, желая сделать тот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство. Много ведь монастырей цесарями, и боярами, и богачами поставлено, но не такие они, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бдением. Антоний ведь не имел ни золота, ни серебра, но достиг всего слезами и постом, как я уже говорил. Когда Варлаам ушел к святому Дмитрию, братья, сотворив совет, пошли к старцу Антонию и сказали: «Поставь нам игумена». Он же сказал им: «Кого хотите?» Они же ответили: «Кого хочет бог и ты». И сказал им: «Кто из вас больше Феодосия — послушного, кроткого, смиренного,— да будет он вам игумен». Братия же рада была, поклонилась старцу; и поставили Феодосия игуменом братии, числом двадцать. Когда же Феодосий принял монастырь, стал он следовать воздержанию,

и велико *пощенье,* и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомь 100. И нача искати правила чернечьскаго и обрѣтеся тогда Михаилъ, чернець манастыря Студийскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ с митрополитомь Георгиемь, и нача у него искати устава чернець студийских. И обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемь, како пѣти пѣнья манастырьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный *и на* тряпезѣ сѣданье, и что ясти в кыя дни, все съ уставленьемь. Феодосий все то изъобрѣтъ, предасть манастырю своему. От того же манастыря переяша вси манастыреве уставъ: тѣмьже почтенъ есть манастырь Печерьский *старей всѣхъ.* Феодосьеви же живущю в манастыри, и правящю добродѣтелное житье и чернечьское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятъ мя лѣт ми сущю 17 от роженья моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зоветься Печерьский. А о *Феодосьевѣ* житьи *паки* скажемъ.

В лѣто 6560. Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль *старей,* Новѣгородѣ, и положенъ бысть в святѣй Софьи, юже бѣ самъ создалъ.

В лѣто 6561. *У* Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царицѣ грькынѣ.

В лѣто 6562. Преставися великый князь русьский Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, богъ будеть в васъ, и *покорить* вы противныя подъ вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся, то погыбнете сами, *и погубите* землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомь своимь великымъ; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да *той* вы будеть в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, *а Игорю Володимерь,* а Вячеславу Смолинескъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: «Аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай, его же обидять». И тако уряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю..., а Святославу Володимери, *Всеволоду* же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемь паче *всея* братьи, *его же* имяше присно у собе.

и строгим постам, и молитвам со слезами, и стал собирать многих черноризцев, и собрал братии числом сто. И стал искать устава монашеского, и нашелся тогда Михаил, монах Студийского монастыря, пришедший из Греческой земли с митрополитом Георгием,— и стал у него Феодосий спрашивать устав студийских монахов. И нашел у него, и списал, и ввел устав в монастыре своем — как петь пения монастырские, и как класть поклоны, и как читать, и как стоять в церкви, и весь распорядок церковный, и на трапезе поведение, и что вкушать в какие дни — все это по уставу. Найдя этот устав, Феодосий дал его в свой монастырь. От того же монастыря переняли все монастыри этот устав, оттого и почитается монастырь Печерский старше всех. Когда же жил Феодосий в монастыре, и вел добродетельную жизнь, и соблюдал монашеские правила, и принимал всякого, приходящего к нему,— пришел к нему и я — худой и недостойный раб,— и принял меня, а лет мне было от роду семнадцать. Написал я это и определил, в какой год начался Печерский монастырь и чего ради зовется Печерским. А о житии Феодосия скажем после.

В год 6560 (1052). Преставился Владимир, старший сын Ярослава, в Новгороде и положен был в святой Софии, которую воздвиг сам.

В год 6561 (1053). У Всеволода родился сын от дочери царской, гречанки, и нарек имя ему Владимир.

В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и сгонять со стола, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда был... а Святослав во Владимире. Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его всегда при себе.

Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою *богу,* в суботу 1 поста святаго Феодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша й Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни. Плакашася по немь людье; *и, принесше,* положиша й в рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софьѣ. И плакася по немь Всеволодъ и людье вси. Живе же всѣхъ лѣт 70 и 6.

Начало княженья Изяславля Кыевѣ. Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяславли. Игорь Володимери, Вячеславъ Смолиньскѣ. В се же лѣто иде Всеволодъ на торкы *зимѣ к Воиню* и побѣди торкы. В семь же лѣтѣ приходи Болушь с половьци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и возвратишася *половци* вспять, отнюду же пришли.

В лѣто 6564.

В лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолиньскѣ, и посадиша Игоря Смолиньскѣ, из Володимеря *выведше.*

В лѣто 6566. Побѣди Изяславъ голяди.

В лѣто 6567. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша строя своего *Судислава* ис поруба, сидѣ бо лѣт 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемь.

В лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль. В семь же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ *совокупиша* вои бещислены, *и* поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бещислено множьство, на торкы. Се слышавше торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, божьимь гнѣвомь гоними, ови от зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь божьимъ. Тако богъ избави хрестьяны от поганыхъ.

В лѣто 6569. Придоша половци первое на Русьскую землю воеватъ; Всеволодъ же изиде противу имъ мѣсяца февраля въ 2 день. И бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искалъ.

В лѣто 6570.

В лѣто 6571. Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша й въ церкви святаго Георгия. В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ.

В лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимерь, внукъ Ярославль, *и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынь Остромирь, воеводы Новгородьского. И, пришедъ, выгна Глѣба изь Тмутороканa, а самъ сѣде в него мѣсто.*

В лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутороканю. Ростиславъ же отступи кромѣ изъ *града,* не убоявъся

И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою богу в первую субботу поста святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев в сопровождении попов, певших положенные песнопения. Плакали по нем люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакали по нем Всеволод и весь народ. Жил же он всех лет семьдесят и шесть.

Начало княжения Изяслава в Киеве. Придя в Киев, Изяслав сел на столе, Святослав же в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В тот же год зимою пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли.

В год 6564 (1056).

В год 6565 (1057). Преставился Вячеслав, сын Ярослава, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

В год 6566 (1058). Победил Изяслав голядь.

В год 6567 (1059). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он двадцать четыре года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом.

В год 6568 (1060). Преставился Игорь, сын Ярослава. В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, без числа много. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство, и не вернулись до сих пор,— так и перемерли в бегах, божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судом божиим. Так избавил бог христиан от поганых.

В год 6569 (1061). Впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в битве победили Всеволода и, повоевав землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искал.

В год 6570 (1062).

В год 6571 (1063). Судислав преставился, брат Ярослава, и погребли его в церкви святого Георгия. В тот же год в Новгороде Волхов тек в обратном направлении пять дней. Знаменье же это было недоброе, ибо на четвертый год пожег Всеслав город.

В год 6572 (1064). Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмуторокань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмуторокани, а сам сел на его место.

В год 6573 (1065). Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторокани. Ростислав же отступил из города — не потому, что

его, но не хотя противу строеви своему оружья взяти. Святославъ же пришедъ Тмутороканю, посади сына своего пакы Глѣба, *и* възвратися опять. Ростиславъ же пришедъ, пакы выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же сѣде Тмуторокани. В се же лѣто Всеславъ рать почалъ.

В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ *многы* и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье. В си же времена бысть дѣтищь вверьженъ в *Сѣтомль;* его же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша й в воду. Бяшеть бо сиць: на лици ему срамнии удове, иного нелзѣ казати срама ради. Пред симь же временемь и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ, якоже древле, «при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапу по всему граду за 40 дний являтися на вздусѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы *имущемъ одежа*, и полкы обоя являемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахоженье Антиохово, нашествие *рати* на Иерусалимъ. Посемь же при Неронѣ цесари в том же Иерусалимѣ восия звѣзда, на образъ копийный, надъ градомь: се же проявляше нахоженье рати от римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цесари, звѣзда восия на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающи дний 20; посем же бысть звѣздамъ теченье, с вечера до заутрья, яко мнѣти всѣмъ, яко падають звѣзды, и пакы солнце без лучь сьяше: се же проявляше крамолы, недузи человѣкомъ умертвие бяше. Пакы же при Маврикии цесари бысть сице: жена дѣтищь роди безъ очью и без руку, в чересла бѣ ему рыбий хвостъ прирослъ; и песъ родися шестоногъ; въ Африкии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другый о двою главу. Посемь же бысть при Костянтинѣ иконоборци *цари,* сына Леонова: теченье звѣздное бысть на небѣ, отторваху бо ся на землю, яко видящим мнѣти кончину; тогда же въздухъ възлияся повелику; в Сурии же бысть трусъ великъ, земли расѣдшися трий поприщь, изиде дивно и-землѣ мъска, человѣчьскымь гласомь глаголющи и проповѣдающи наитье языка, еже и бысть»: наидоша бо срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздах, ли солнци, ли птицами, ли етеромь чимъ, не *на* благо *бывають;* но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть *проявлють.*

испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять. Святослав же, придя в Тмуторокань, вновь посадил сына своего Глеба и вернулся назад. Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему, Ростислав же сел в Тмуторокани. В том же году Всеслав начал войну.

В те же времена было знаменье на западе, звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было семь дней. Знамение это было не к добру, после того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда была как бы кровавая, предвещая крови пролитье. В те же времена ребенок был брошен в Сетомль; этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и рассматривали мы его до вечера и опять бросили в воду. Был же он такой: на лице у него были срамные части, а иного нельзя и сказать срама ради. Перед тем временем и солнце изменилось и не стало светлым, но было как месяц, о таком солнце невежды говорят, что оно объедено. Знамения эти бывают не к добру, мы потому так думаем, что именно так случилось в древности, «при Антиохе, в Иерусалиме: внезапно по всему городу в течение сорока дней стали являться в воздухе всадники скачущие, с оружием, в золотых одеждах, полки обеих сторон являлись, потрясая оружием: и это предвещало нападение Антиоха, нашествие рати на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре в том же Иерусалиме над городом воссияла звезда в виде копья; это предвещало нашествие римского войска. И снова так было при Юстиниане цесаре: звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, и прозвали ее лампадой, и так блистала она дней двадцать; после же того было звездотечение на небе с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и вновь солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, болезни людям, смерти. Снова, уже при Маврикии цесаре, было так: жена родила ребенка без глаз и без рук, а к бедрам у него рыбий хвост прирос; и пес родился шестиногий; в Африке же двое детей родилось: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Потом же было при царе Константине Иконоборце, сыне Леона, звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие думали, что конец мира; тогда же воздухотечение было сильное; в Сирии же было землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и, дивно, из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом и предсказывавший нашествие иноземцев, как и случилось потом»: напали сарацины на Палестинскую землю. Знамения ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывают; но знамения эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть.

В лѣто 6574. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у касогъ и у инѣхъ *странъ*, сего же убоявшеся грьци, послаша с лестью котопана. Оному же пришедшю к Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшеть и́ Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: «Княже! Хочю на тя пити». Оному же рекшю: «Пий». Он же испивъ половину, а половину дасть князю *пити*, дотиснувъся палцемь в чашю, бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопан же, пришедъ Корсуню, повѣдаше, яко в сий день умреть Ростиславъ, якоже и бысть. Сего же котопана побиша каменьемь корсуньстии людье. Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, взрастомь же лѣпъ и красенъ лицемь, и милостивъ убогымъ. И умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

В лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие,— Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ,— совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и мѣняне затворишася в градѣ. Си же братья взяша Мѣнескъ, *и* исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день; и бяше снѣгъ великъ, *и* поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа. По семь же, мѣсяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ *и* Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не створимъ ти зла». Он же, надѣявъся цѣлованью креста, *перѣха* в лодьи чересъ Днѣпръ. Изяславу же в шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и́ в порубъ съ двѣма сынома.

В лѣто 6576. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, половьци мнози. Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто. И бывши нощи, подъидоша противу собѣ. Грѣх же ради нашихъ пусти богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половьци.

Наводить бо богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако, скрушенымъ имъ, въспомянутся къ богу; усобная же рать бываеть от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; *а* дьяволъ радуется злому убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же *согрешивши* которѣй любо, казнить богъ смертью, ли гладомъ, ли *наведеньемъ* поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми; аще ли покаявшеся будемъ, в нем же ны богъ велить жити, глаголеть бо пророкомъ намъ:

В год 6574 (1066). Когда Ростислав был в Тмуторокани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу,— он вошел к нему в доверие, и Ростислав почтил его. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу, а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, предсказав ему смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди. Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и красив лицом и милостив к убогим. И умер февраля в 3-й день и положен там в церкви святой Богородицы.

В год 6575 (1067). Поднял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в великий мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав вошел первым в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу и двух сыновей его.

В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы.

Наводит бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и только в горе люди вспоминают о боге; междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злому убийству и крови пролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись, ибо бог велит нам жить в покаянии и говорит нам через пророка:

«Обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемь вашимъ, постомъ и плачемъ». Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възвращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмь присно каляющеся, и тако пребываемъ. Тѣмже пророкомъ нам глаголеть: «*Разумѣхъ*,— рече,— яко жестокъ еси, и шия желѣзная твоя», того ради «Удержахъ от васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исше»; «*И* поразихъ вы зноемь и различными казньми; то и тако не обратистеся ко мнѣ». Сего ради винограды вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголеть господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти. «Послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя», и на скоты казнь свою послах, «то и ту не обратистеся», но рѣсте: «Мужаемъся». Доколѣ не насытистеся злобъ вашихъ? Вы бо уклонистеся от пути моего, глаголеть господь, и соблазнисте многы; сего ради «Буду свѣдѣтель скоръ на противьныя, и на прелюбодѣица, и на кленущаяся именемь моимъ во лжю, и на лишающая мьзды *наимника,* насильствующая сиротѣ и вдовици, и на уклоняющая судъ кривѣ. Почто не сдерзастеся о грѣсѣхъ вашихъ? Но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ. Обратитеся ко мьнѣ,— и обращюся к вамъ, глаголеть господь, и азъ отверзу вамъ хляби небесныя и отвращю от васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуеть вамъ, и не имуть изнемощи виногради ващи, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяй богу». *Тѣмже* «Усты чтуть мя, а сердце ихъ далече отстоить мене». Сего ради, их же просимъ, не приемлемъ; «Будеть бо, рече, егда призовете мя, азъ же не *послушаю* васъ». Взищете мене зли, и не обрящете; не всхотѣща бо ходити по путемъ моим; да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ *въ дождя* мѣсто пуская, ово ли мразомь плоды узнабляя и землю зноемь томя, наших ради злобъ. Аще ли ся покаемъ от злобъ наших, то «Акы чадомъ своимъ дасть нам вся прошенья, и *одождить* намъ дождь ранъ и позденъ. И наполнятся гумна ваша пшеницѣ. Пролѣются точила винная и масльная. И въздам вамъ за лѣта, яже пояша прузи, и хрустове, и гусѣниця; сила моя великая, юже послах на вы», *глаголеть* господь вседержитель. Си слышаще, въстягнѣмъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся господи бозѣ нашемь, постомъ, и рыданьем *и* слезами омывающе вся прегрѣшенья *наша,* не словомь нарицяющеся хрестьяни, а поганьскы живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, *ли* единець, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо

«Обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте и плаче». Если мы будем так поступать, простятся нам все грехи; но мы к злу возвращаемся, как свинья, в кале греховном вечно марающаяся, и так пребываем. Устами того же пророка говорит нам господь: «Знаю,— говорит,—что ты жесток и шея твоя железная», поэтому «не пустил к вам дождя, одну землю одождил, а другую не одождил, и иссохло». «И поразил вас зноем и различными казнями, но и тут вы не обратились ко мне». «Потому сады ваши, смоковницы ваши, нивы и дубравы ваши погубил я,— говорит господь,— а злоб ваших не мог в вас изничтожить». «Послал на вас различные болезни и смерти ужасные и на скот послал казнь свою, но и тут не обратились ко мне, но сказали: «Не поддадимся». Доколе не насытитесь злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего,— говорит господь,— и соблазнили многих»; поэтому: «Буду свидетелем скорым против врагов, и прелюбодеев, и клянущихся именем моим ложно, и лишающих мзды наемника, чинящих насилие над сиротами и вдовами и уклоняющих суд от правды. Почему не покаетесь в грехах ваших? Но искажаете законы мои и не соблюдаете их? Обратитесь ко мне — и я обращусь к вам,— говорит господь,— и разверзу вам хляби небесные и отвращу от вас гнев мой, пока не будет у вас всего в изобилии и не станут истощаться ни сады ваши, ни нивы. Но вы обрушили на меня слова ваши, говоря: «Ничтожен служащий богу!» Поэтому: «Устами чтут меня, а сердце их далеко отстоит от меня». Оттого, чего просим, не приемлем. «Будет же так,— говорит,— когда призовете меня, я не стану вас слушать». «Будете искать меня в беде — и не обрящете, ибо не восхотели ходить по путям моим», отчего и затворяется небо или, напротив, жестоко разверзается, град вместо дождя испуская или морозом плоды побивая и землю зноем томя, за наши злодеяния. Если же покаемся в злодеяниях наших, то, «как родным детям своим, даст он нам все просимое и одождит рано или поздно. И наполнятся гумна ваши пшеницею. Прольются давила винные и масляные. И возмещу вам за годы, в которые поели у вас саранча и жуки и гусеницы; сила моя велика, которую я послал на вас»,— говорит господь вседержитель. Слыша все это, обратимся к добру; взыщите праведного суда, избавьте обижаемого; обратимся к покаянию, не воздавая злом на зло, клеветой за клевету, но возлюбим господа бога нашего, постом, и рыданием, и слезами омывая все прегрешения наши, не так, что словом только называемся христианами, а живем, как язычники. Вот разве не по-язычески мы живем, если во встречу верим? Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается, так же поступает и встретив кабана или свинью,— разве это не по-язычески? Это ведь

по дьяволю наученью кобь сию держать; друзии же и закыханью вѣрують, еже бываеть на *здравье* главѣ. Но сими дьяволъ лстить и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны от бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людий много множьство *на них,* яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять; егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви. Да сего ради казни приемлемъ от бога всячскыя и нахоженье ратных, по божью повелѣнью приемлем казнь грѣхъ ради наших.

Мы же на предълежащее *паки* възвратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И *начаша* людие *говорити* на воеводу на Коснячька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «Поидем, высадим дружину свою ис погреба». И раздѣлишася надвое: *половина* ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по Мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ, стояще долѣ. Князю же из оконця зрящю и дружинѣ *стоящи* у князя, рече Тукы, братъ Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; посли, атъ Всеслава блюдуть». И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погреба, отворивше погребъ. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; посли ко Всеславу, атъ призвавше лестью ко оконцю, пронзуть й мечемь». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша к порубу Всеславлю. Изяслав же, се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста з двора, людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша й средѣ двора къняжа. Дворъ жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы.

Посемь же половцемъ воюющим по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и половцем воюющим около Чернигова, Святослав же собравъ дружины нѣколико, изиде на *ня* ко Сновьску. И узрѣша половци идущь полкъ, пристроишася противу. И видѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: «Потягнѣмъ, уже нам не лзѣ камо ся дѣти». *И* удариша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ; и тако бьеми, а друзии потопоша въ *Снови*, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября. И възвратишася с побѣдою в градъ свой Святославъ.

по наущению дьявола держатся эти приметы; другие же в чихание веруют, которое на самом деле бывает на здравие голове! Но дьявол обманывает и этими и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гуслями и русалиями. Видим ведь игрища, на которых топчутся, и людей множество на них, так что давят друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные,— а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви. Потому и казни всяческие принимаем от бога и набеги врагов; по божьему повелению принимаем наказание за грехи наши.

Но возвратимся к своему повествованию. Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, стали у двора Брячислава и сказали: «Пойдем освободим дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по Мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Тукы, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его обманом к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же вырубили Всеслава из поруба — в 15-й день сентября — и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу.

Впоследствии, когда половцы воевали по земле Русской, а Святослав был в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущий полк, и приготовились встретить его. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда нам уже деться». И стегнули по коням, и одолел Святослав со своими тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч; и так их побили, а другие утонули в Снови, а князя их руками взяли в 1-й день ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав.

Всеслав же сѣде Кыевѣ. Се же богъ яви силу крестную: понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ и я й; тѣмже наведе богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный. В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровах, избави мя от рва сего». Богъ же показа силу крестную *на* показанье землѣ Русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ прииметь казнь и на придущемь вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомь бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, *крестъ* бо князем в бранех пособить, въ бранех крестомъ огражаеми вѣрнии людье побѣжають супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляеть от напастий призывающим его с вѣрою. Ничтоже ся боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомь, прогоними бывають. Всеслав же сѣде Кыевѣ мѣсяць 7.

В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомь на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. Заутра же *видѣвше* людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, *и* послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се *ведеть* на ны Лядьскую землю, а поидѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: *зажегше* град свой, ступим въ Гречьску землю». И рече имъ Святославъ: «Вѣ послевѣ к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хощеть с миромь, то в малѣ придеть дружинѣ». И утѣшиста кыяны. Святослав же и Всеволодъ посласта к Изяславу, *глаголюща*: «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити град, то вѣси, яко нама жаль отня стола». То слышавъ Изяславъ, остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляховъ поимъ; посла же пред *собою* сына своего Мьстислава Кыеву. И пришед Мьстиславъ, исѣче *кияны,* иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне; и сѣде Изяславъ на столѣ своемь, мѣсяца мая въ 2 день. И распуща ляхы на покормъ, *и* избиваху ляхы отай; *и* възвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мьстислава Полотьскѣ; он же вскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата *его* Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

Всеслав же сидел в Киеве; в этом бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой темницы». Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная; крестом бывают побеждаемы силы бесовские, крест князьям в сражениях помогает, крестом охраняемы в битвах, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывают от бесов видения, то, осенив лицо крестом, их отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав, и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю: идите же в город отца своего; если не хотите, то поневоле придется поджечь город свой и уйти в Греческую землю». И сказал им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками погубить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим губить города отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если хочешь держать гнев и погубить город, то знай, что нам будет жаль отцовского стола». Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом семьдесят человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил,— без следствия. Когда же Изяслав шел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во 2-й день. И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно; и возвратился Болеслав в Польшу, в землю свою. Изяслав же перегнал торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал.

В лѣто 6578. Родися у Всеволода сынъ, и нарекоша именем Ростиславъ. В се же лѣто заложена бысть церкы святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи.

В лѣто 6579. Воеваша половци у Растовьця и у *Неятина*. В се же лѣто выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. В се же лѣто побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. В си *же* времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше, сице повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли *на Руской,* а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися. Его же невѣгласи послушаху, вѣрнии же *смеяхуться,* глаголюще ему: «Бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть без вѣсти.

Бѣси бо подътокше на зло вводять; посем же насмисаются, ввергъше й в пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ бѣсовьское наущенье и дѣйство.

Бывши бо единою *скудости* в Ростовьстѣй области, встаста два волъхва от Ярославля, глаголюща, яко «Вѣ свѣвѣ, кто обилье держить». И поидоста по Волзѣ; кдѣ *приидуча* в *погостъ,* ту же *нарекаста* лучьшиѣ жены, глаголюща, яко «Си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору». И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавше за плечемь, *вынимаста* любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, *и* имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ у *нею людий инѣхъ* 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: «Выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безъ оружья, осоромять тя». Он же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока с нимь, и поиде к ним *к* лѣсу. Они же сташа, исполчившеся, противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: «Вида идеши на смерть, не ходи». Оному повелѣвшю *бити* я̑, к прочим же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топором. Янь же, оборотя топоръ, удари й тыльемь, повелѣ отроком сѣчи я̑. Они же бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же, вшедъ в град к бѣлозерцем, рече имъ: «Аще не *имете* волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Бѣлозерци же, шедше, яша я́, и приведоша я̑ къ Яневи. И рече има: «Что ради погубиста толико человѣкъ?» Онѣма же рекшема,

В год 6578 (1070). Родился у Всеволода сын, и нарекли имя ему Ростислав. В тот же год заложена была Всеволодом церковь святого Михаила в монастыре.

В год 6579 (1071). Воевали половцы у Ростовца и Неятина. В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа. В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель тебе». Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести.

Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмехаются, ввергнув их в погибель смертную, подучив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии.

Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто запасы держит». И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей триста. В это же время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов, потому что смерды они мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполчились против него. И вот, когда Янь шел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть, не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них промахнулся в Яня топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали,

яко «Ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино; аще ли хощеши, то *предъ* тобою вынемѣве жито, ли рыбу, ли ино что». Янь же рече: «Поистинѣ лжа то; створилъ богъ человѣка от землѣ, сставленъ костьми и жылами от крове; нѣсть в немь ничтоже и не вѣсть ничтоже, но токъмо единъ богъ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ». Он же рече: «Како?». Она же рекоста: «Богъ мывъся в мовници и вспотивъся, *отерся вѣхтемъ,* и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с богомь, кому в немь створити человѣка. И створи дьяволъ человѣка, а богъ душю *во нь* вложи. Тѣмже, аще умреть человѣкъ, в землю идеть тѣло, а душа к богу». Рече има Янь: «Поистинѣ прельстилъ вас есть бѣсъ; коему богу вѣруета?». Она же рекоста: «Антихресту». Он же рече има: «То кдѣ есть?». Она же рекоста: «Сѣдить в безднѣ». Рече има Янь: «Какый то богъ, сѣдя в безднѣ? То есть бѣсъ, а богъ есть на небеси, *сѣдяй* на престолѣ, славим от ангелъ, иже предстоять ему со страхом, не могуще на нь зрѣти. Сих бо ангелъ сверженъ бысть, его же вы глаголета антихрест, за величанье его низъверженъ бысть с небесе, и есть в безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придеть богъ с небесе. Сего имъ антихреста, свяжеть узами и посадить и́, емъ его, с слугами *его* и иже к нему вѣрують. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «Нама бози повѣдають, не можеши нама створити ничтоже». Он же рече има: «Лжють вама бози». *Она же рекоста:* «Нама стати пред Святославомь, а ты не *можеши* створити ничтоже». Янь же повелѣ бити я̀ и *поторгати* брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: «Что вама бози молвять?» Онѣма же рекшема: «Стати нама пред Святославом». И повелѣ Янь вложити рубль въ уста има и привязати я̀ къ упругу, и пусти пред собою *въ* лодьѣ, и самъ по них иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: «Что вам бози молвять?» Она же рѣста: «Сице нама бози молвять, не быти нама *живымъ* от тобе». И рече има Янь: «То ти вама право повѣдали». Она же рекоста: «Но аще *ны* пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю погубиши, многу печаль приимеши и зло». Он же рече има: «Аще ваю пущю, то зло ми будет от бога; *аще ль вас погублю, то мзда ми будеть*». И рече Янь повозником: «Ци кому вас кто родинъ убьенъ от сею?». Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье». Онъ же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же поимше, убиша я̀ и повѣсиша *я̀* на дубѣ: отмьстье *приимша* от бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, в другую нощь медвѣдь въздѣзъ, угрызъ ею и снѣсть. И тако погыбнуста наущеньемь бѣсовьскым, инѣмъ *ведуща,* а *своеа* пагубы на вѣдуче. Аще ли

что «они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине ложь это; сотворил бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только бог знает». Они же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?» Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек,— в землю идет тело, а душа к богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу!» Он же сказал им: «Где же он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а бог на небесах, восседает на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из ангелов был свергнут — тот, кого вы называете антихристом; низвергнут был он с небес за высокомерие свое и теперь в бездне, как вы и говорите; ожидает он, когда сойдет с неба бог. Этого антихриста бог свяжет узами и посадит в бездну, схватив его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а по смерти — там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!» Он же сказал им: «Лгут вам боги». Они же ответили: «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь сотворить ничего». Янь же повелел бить их и выдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?» Они же ответили: «Стать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить рубли в уста им и привязать их к мачте лодки и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь боги молвят?» Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это-то они вам правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если нас пустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пущу, то плохо мне будет от бога, если же вас погублю, то будет мне награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?» Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмщение получили они от бога по правде! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь взлез, загрыз их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы

быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се; идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «Не умрети нама», оному мыслящю убити я̂? Но се есть бѣсовьское наученье; бѣси бо не вѣдять мысли *человѣчьскыя,* но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже; суть бо немощни и худи взоромь.

Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоему новгородцю прити в Чюдь, и приде *к* кудеснику, хотя волхвованья от него. Он же по обычаю своему нача призывати бѣсы в храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше *оцепѣвъ,* и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же, вставъ, рече *новгородцю:* «Бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся». Он же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое. Он же нача опять призывати бѣсы. Бѣси же, метавше имь, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемь же поча прашати его: «Что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста?». Онъ же рече: «*То* есть знаменье небеснаго бога, его же наши бози боятся». Он же рече: «То каци суть бози ваши, где живуть?». *Онъ же рече*: «В безднахъ. Суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще; всходять же и подъ *небо,* слушающе вашихъ боговъ. Ваши бо *бози* на небеси суть. Аще кто умреть от вашихъ людий, то възносимъ есть на небо; аще ли от нашихъ умираеть, то носимъ к нашимъ богом в бездну». Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ сут, ждуще мукы вѣчныя, а праведници въ небеснѣмь жилищѣ водваряются со ангелы.

Сиця ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь. Тѣмже прелщають человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ, несвершенымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ в мечтѣ, и тако волхвуют наученьемь бѣсовьскым. Паче же женами бѣсовьская волъшвенья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же — мужа, тако в си роди много волхвують жены чародѣством, и отравою, и инѣми бѣсовьскыми козньми. Но и мужи прелщени бывають от бѣсовъ невѣрнии, яко се въ *первыя роды,* при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, *иже* творяше волшьствомь псомъ глаголати *человѣчьски,* и сам премѣняшется, ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образ, в мечтаньи. Сице творяше *Аньний и Мамъврий,* волъшвеньемь чюдеса противу Моисиови, но вскорѣ не възмогоста противу Моисиови, но и *Кунопъ* творяше мечтанье бѣсовьско, яко и по водам ходити, *и* ина мечтанья творяше, бѣсомь лстим, на пагубу собѣ и инѣмъ.

ведь знали, то не пришли бы на место это, где им предстояло быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайны его не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом.

Вот и еще расскажем о виде их и о наваждениях их. В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую, и пришел к кудеснику, прося волхвования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и вдруг ударил им бес. И, встав, сказал кудесник новгородцу: «Боги не смеют прийти,— имеешь на себе нечто, чего они боятся». Он же вспомнил, что на нем крест, и, отойдя, положил его вне дома того. Кудесник же начал вновь призывать бесов. Бесы же, подбрасывая его, поведали то, ради чего пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника: «Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?» Он же сказал: «Это знамение небесного бога, которого наши боги боятся». Новгородец же сказал: «А каковы боги ваши, где живут?» Кудесник же сказал: «В безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». Так ведь и есть: грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами.

Такова-то бесовская сила, и обличие их, и слабость. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в мечтании, и так волхвуют научением бесовским. Больше же всего через жен бесовские волхвования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же мужчину, потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством, и отравою, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины неверные бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена. При апостолах ведь был Симон Волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам оборачивался то старым, то молодым или кого-нибудь оборачивал в иной образ, в мечтании. Так творили Ананий и Мамврий: они волхвованием чудеса творили, противоборствуя Моисею, но вскоре уже ничего не могли сделать равное ему; так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходит, и иные наваждения делал, бесом прельщаем, на погибель себе и другим.

Сиць бѣ волхвъ返 всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголеть бо людемъ, творяся акы богъ, *и* многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко «*Провѣде* вся»; и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо, яко «Переиду по Волхову предъ всѣми». И бысть мятежь в градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и облекъся в ризы, ста, рек: «Иже хощеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же, возма топоръ подъ скутом, приде к волхву и рече ему: «То вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера?». Он же рече: «*Провѣде* вся». И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что *ти* хощеть быти днесь?». «Чюдеса велика створю», рече. Глѣбъ же, вынемь топоръ, ростя й, и паде мертвъ, и людье разидошася. Он же погыбе тѣломь, и душею предавъся дьяволу.

В лѣто 6580. *Пренесоша* святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ; митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, *Михаилъ Гургевьский,* Феодосий же игуменъ Печерьскый, Софроний святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый, и вси игумени, и створше праздникъ, праздноваша свѣтло, *и* преложиша я̀ в новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоить и нынѣ. И вземше первое Бориса в древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, вземше на рама своя, понесоша, предъидущем черноризцем, *свеща* держаще в рукахъ, и по них дьякони с кадилы, и посемь презвитери, и по них епископи с митрополитом; по сих с ракою идяху. И принесше в новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, *воня* благы; видѣвше же се, прославиша бога. И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою к нима; и падъ ниць, просяше прощенья. Цѣловавше мощи его, вложиша й в раку камену. Посем же вземше Глѣба в рацѣ каменѣ, вставиша на сани и, емше за ужа, везоша й. Яко быша въ дверех, ста рака и не иде. И повелѣша народу възвати: «Господи помилуй», и повезоша й. И положиша я̀ мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургию, обѣдаша братья на скупь, кождо с бояры своими, с любовью великою. И бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь. Посем же разидошася всвояси.

В лѣто 6581. Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомь на Изяслава. Изиде Изяславъ ис Кыева, Святослав же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ, мѣсяца марта 22,

Такой волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, уверяя, будто наперед знает все, что произойдет, и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И был мятеж в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует богу, пусть ко кресту идет». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И начался мятеж великий между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» — «Чудеса великие сотворю»,— сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу.

В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи — Изяслав, Святослав, Всеволод,— митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен монастыря святого Михаила, Герман игумен святого Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря и все игумены,— и устроили праздник, и праздновали светло, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них (Бориса и Глеба); и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, схватившись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу взывать: «Господи, помилуй», и повезли его. И положили их месяца мая во 2-й день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковью Лазарь. Потом же разошлись восвояси.

В год 6581 (1073). Воздвиг дьявол распрю в братии этой — в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го

и сѣдоста на столѣ на Берестовомь, *преступивша* заповѣдь отню. Святослав же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя, яко «Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не *варивѣ,* имать *насъ прогнати».* И тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяслав же иде в ляхы со имѣньем многым, глаголя, яко «Симь налѣзу вои». Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе. А Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же божью. Велий бо есть грѣх *преступати* заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣт отмьщенье прияша от бога, от племене бо Сифова суть еврѣи, *иже* избивше Хананѣйско племя, всприяша свой жребий и свою землю. Пакы преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предѣла чюжего. В се же лѣто основана бысть церкы Печерьская игуменомь Феодосьемь и епископомь Михаиломь, *митрополиту* Георгию тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу Кыевѣ сѣдящю.

В лѣто 6582. Феодосий, игуменъ печерьскый, преставися. Скажемъ же о успеньи его мало. Феодосий бо обычай имяше, *приходящю* постному времени, в недѣлю Масленую, вечеръ, по обычаю цѣлова̀въ братью всю и поучивъ ихъ, како проводити постное время, в молитвахъ нощных и дневных, блюстися от помыслъ скверньных, от бѣсовьскаго насѣянья. «Бѣси бо, — рече, — насѣвають черноризцем помышленья, похотѣнья лукава, *вжагающе имъ* помыслы, и тѣми врежаеми бывают имъ молитвы; да приходящая таковыя мысли възбраняти знаменьем крестнымъ, глаголюще сице: «Господи Иисусе Христе, боже нашь, помилуй нас, аминь». И к симъ воздержанье имѣти от многаго брашна; въ яденьи бо мнозѣ и питьи безмѣрнѣ въздрастають помысли лукавии, помыслом же въздрастьшим стваряется грѣхъ». «Тѣмже, — рече, — противитеся бѣсовьскому действу и *пронырьству* ихъ, блюстися от лѣности и от многаго сна, бодру быти на пѣнье церковное, и на преданья отечьская и почитанья книжная; паче же имѣти въ устѣхъ Псалтырь Давыдовъ подобаеть черноризцем, — симь бо прогонити бѣсовьское уныньe, паче же имѣти *в* собѣ любовь всѣм меншим и к старѣйшим покоренье и послушанье, старѣйшимъ же к меншимъ любовь и наказанье, и образ бывати собою въздержаньем и бдѣньемь, хоженьем и смѣреньем; тако наказывати *меншая,* и утѣшати я и тако проводити постъ». Глаголеть бо сице, яко «Богъ далъ есть намъ 40 дний сию на очищенье души; се бо есть десятина, даема от *лѣта* богу: дний бо есть от года до года 300 и 60 и 5, а от сихъ дний десятый день въздаяти богови десятину, еже есть постъ 40-тный, в ня же дни очистившися душа, празднуеть

и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что «Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода на Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего божью. Велик ведь грех — преступать заповедь отца своего: ибо в древности покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через четыреста лет отмщение приняли от бога; от племени ведь Сифова пошли евреи, которые, избив хананейское племя, вернули себе свою часть и свою землю. Затем преступил Исав заповедь отца своего и был убит, нехорошо ведь вступать в предел чужой! В этот же год основана была церковь Печерская игуменом Феодосием и епископом Михаилом, а митрополит Георгий был тогда в земле Греческой, Святослав же в Киеве сидел.

В год 6582 (1074). Феодосий игумен Печерский преставился. Скажем же о кончине его вкратце. Феодосий имел обычай с наступлением поста, в воскресенье на масленой неделе вечером, по обычаю прощаясь со всей братией, поучать ее, как проводить время поста: в молитвах ночных и дневных блюсти себя от помыслов скверных, от бесовского соблазна. «Бесы ведь,— говорил,— вкладывают черноризцам дурные помыслы, мысли лукавые, разжигая им желания, и тем испорчены бывают их молитвы; когда приходят такие мысли, следует отгонять их знамением крестным, говоря так: «Господи, Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас, аминь». И еще надо воздерживаться от обильной пищи, ибо от многоядения и пития безмерного возрастают помыслы лукавые, от возросших же помыслов случается грех». «Поэтому,— говорил он,— противьтесь бесовскому действию и пронырству их, остерегайтесь лености и многого сна, бодрствуйте для церковного пения и для усвоения предания отеческого и чтения книжного; больше же всего подобает черноризцам иметь на устах псалмы Давидовы и ими прогонять бесовское уныние, больше иметь в себе любви ко всем меньшим и к старшим покорность и послушание, старшим же к меньшим проявлять любовь, и наставлять их, и давать собою пример воздержания, бдения, трудолюбия и смирения; так учить меньших и утешать их и так проводить пост». «Ибо,— говорил он,— бог дал нам эти сорок дней для очищения души; это ведь десятина, даваемая нами от года богу: дней в году триста и шестьдесят и пять, а от этих дней отдавать богу десятый день как десятину — это и есть пост сорокадневный, и, в эти дни очистившись, душа празднует

свѣтло на Вскресенье господне, веселящися о бозѣ. Постное бо время очищаеть умъ человѣку. Пощенье бо исперва *проображено* бысть: Адаму первое не вкушати от древа единого; постивъ бо ся Моиси дний 40, сподобися прияти законъ на горѣ Синайстѣй и *видѣ* славу божью; постомъ Самоила мати роди; постившеся ниневгитяне гнѣва божья избыша; *постився* Данилъ видѣнья велика сподобися, постивъся Илья акы на небо взятъ бысть в пищю породную; постившеся 3 отроци угасиша силу огньную; постивъся и господь 40 дний, намъ *показа* постное время; постомь апостоли *искорениша* бѣсовьское ученье; постомъ явишася отци наши акы свѣтила в мирѣ, иже сияють и по смерти, показавше труды великыя и вздержанье, яко *сей* великый Антоний, и Еуфимий, и Сава и прочии отци, их же мы поревнуемъ, братья». И сице поучивъ братью, цѣлова въся по имени, и тако изидяше из монастыря, взимая мало коврижекъ; *и* вшедъ в печеру, и затворяше двери печерѣ и засыпаше перстью, и не глаголаше никомуже; аще ли будяше нужьное орудье, то оконцемъ малым бесѣдоваше в суботу ли в недѣлю, а во ины дни пребываше в постѣ и в молитвах, вздержася крѣпко. И приходяше в манастырь в пятокъ на канунъ Лазаревъ; *в сей* бо день кончается постъ 40 дний, начинаем от перваго понедѣлника *наставши* Феодоровы недѣли, кончаваеть же ся в пятокъ Лазаревъ; а страстьная недѣля уставлена есть поститися страстий ради господень. Феодосьеви же пришедшю по обычаю, братью *цѣлова,* и празднова с ними недѣлю Цвѣтную, и дошедъ велика дне Вскресенья, по обычаю празднова свѣтло, впаде в болѣзнь. Разболѣвшю бо ся ему и болѣвшю дний 5, посемь, бывшю вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ; братья же,簡вземше и́ на сани, поставиша и́ прямо церкви. Он же повелѣ звати братью всю, братья же ударивше в било, и собрашася вси. Он же рече имъ: «Братья моя, и отци мои, и чада моя! Се азъ отхожю от вас, якоже яви ми господь в постное время, в печерѣ сущю ми, изити от свѣта сего. Вы же кого хощете игуменом имѣти собѣ, да и азъ благословленье подалъ бых ему?». Они же рекоша *ему*: «Ты еси намъ всѣм отець, да его же изволиши самъ, то намъ буди отець и игуменъ, и *послушаемъ* его, яко и тобе». Отець же нашь Феодоси рече: «Шедше кромѣ мене, нарьцѣте, его же хощете, кромѣ двою брату, Николы и Игната; в прочих кого хощете, от старѣйших и до меншихъ». Они, послушавше его, *отступиша* мало къ церкви, сдумавше, послаша брата два, глаголюще сице: «Его же изволить богъ и твоя честная молитва, его же тобѣ любо, того нарци». Феодосий же рече имъ: «Да аще от мене

светло день воскресения господня, радуясь богу. Ибо постное время очищает ум человека. Пост ведь искони имел свой прообраз: Адам в первые времена не вкушал плодов от запретного древа; пропостившись сорок дней, Моисей сподобился получить закон на горе Синайской и видел славу божию; постясь, Самуила мать родила; постившись, ниневитяне от гнева божия избавились; постясь, Даниил великого виденья сподобился; постясь, Илья как бы на небо взят был в пищу райскую; постясь, трое отроков погасили силу огненную; постился и господь сорок дней, показав нам время поста; постом апостолы искоренили бесовское учение; благодаря посту явились отцы наши в мире как светила, что сияют и по смерти, дав пример трудов великих и воздержания, как и этот великий Антоний, или Евфимий, или Савва и прочие отцы, примеру которых последуем, братия». И так поучив братию, Феодосий прощался с каждым поименно и потом уходил из монастыря, взяв немного хлебцев, и, войдя в пещеру, затворял двери в пещере и засыпал их землею и не говорил ни с кем; когда же бывало к нему какое-нибудь необходимое дело, то через оконце малое беседовал он в субботу или в воскресенье, а в остальные дни пребывал в посте и молитвах, строго воздерживаясь. И снова приходил в монастырь в пятницу, в канун Лазарева дня, ибо в этот день кончается пост сорокадневный, начинающийся с первого понедельника Федоровской недели, кончается же пост в пятницу Лазареву; а в страстную неделю установлено поститься в память страданий господних. И в этот раз Феодосий же, вернувшись, по обычаю приветствовал братию и праздновал с ними Цветное воскресенье, когда же пришел день воскресения, по обычаю праздновал его светло и впал в болезнь. Разболевшись и проболев дней пять, как-то вечером приказал он вынести себя на двор; братия же, положив его на сани, поставила их против церкви. Он же приказал созвать братию всю, братья же ударили в било, и собрались все. Он же сказал им: «Братья мои, и отцы мои, и дети мои! Вот я ухожу от вас, как это открыл мне господь во время поста, когда я был в пещере, что отойти мне от света сего. Вы же кого хотите игуменом иметь у себя? — я бы подал ему благословение». Они же сказали ему: «Ты нам всем отец, и кого пожелаешь сам, тот нам и будет отец и игумен, и будем слушаться его, как и тебя». Отец же наш Феодосий сказал: «Идите без меня и назовите сообща кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих, кого захотите, от старейших и до меньших». Они, послушав его, отошли немного к церкви и, посовещавшись, послали к нему двух братьев сказать так: «Кого захочет бог и твоя честная молитва, кого тебе любо, того и назначь». Феодосий же сказал им: «Если уж от меня

хощете игумена прияти, то азъ створю вам не по своему изволенью, но по божью строенью»; и нарече имъ Иякова презвитера. Братьи же нелюбо бысть, глаголюще яко «Не здѣ есть постриганъ». Бѣ бо Ияковъ пришелъ с Летьца с братом своимъ Паулом. И начаша братья просити Стефана деместника, суща тогда ученика Феодосьева, глаголюще, яко «Се сь взрослъ есть подъ рукою твоею, и у тобе послужилъ есть; сего ны вдай». Рече же имъ Феодосий: «Се азъ по божью повелѣнью нареклъ бяхъ Иякова; се же вы свою волю створити хощете». И послушавъ ихъ, предасть имъ Стефана, да будеть имъ игуменъ. И благослови Стефана, и рече ему: «Чадо! Се предаю ти манастырь, блюди со опасеньемь его, и яже устроихъ въ службах, то держи. Преданья манастырьская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину манастырьску». И посемь вземше й братья, несоша в кѣлью и положиша на одрѣ. И шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде к нему Святославъ с сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема *има* у него, рече ему Феодосий: «Се отхожю свѣта сего, и се предаю ти манастырь на сблюденье, еда будеть что смятенье в немь. И се поручаю игуменьство Стефану, не дай его въ обиду». Князь же цѣловавъ его, и обѣщася пещися манастыремъ, и иде от него. Семому же дни пришедшю, призва Стефана и братью, уже изнемагающю, и нача имъ глаголати сице: «Аще по моемь ошествии свѣта сего, аще буду богу угодилъ, и приялъ мя будеть богъ, то по моемь ошествии манастырь *ся* начнеть строити и прибывати в нем: то вѣжьте, яко приял мя есть богъ. Аще ли по моей смерти оскудѣвати *начнеть* манастырь черноризци и потребами манастырьскими, то вѣдуще *будете,* яко не угодилъ есмъ богу». И се ему глаголющю, плакахуся братья, глаголюще: «Отче! Молися за ны к богу; вѣмы бо, яко богъ труда твоего не презрить». И пресѣдящи братьѣ нощь ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2-ю суботу по Пасцѣ, въ час 2 дне, предасть душю в руцѣ божии, мѣсяця мая въ 3 день, индикта в 11 лѣто. Плакашася по немь братья. Бѣ же Феодосий заповѣдалъ положити ся в печерѣ, идѣже показа труды многы, рек сице: «В ночь похороните тѣло мое», якоже и створиша. Вечеру бо приспѣвшю, братья вземше тѣло его, и положиша й в печерѣ, проводивше с пѣсньми, с свѣщами, честно, на хвалу богу нашему Иисусу Христу.

Стефану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий... такы черньцѣ, яко свѣтила в Руси сьяють, ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣньное, ови на пощенье чресъ день и чресъ два дни, ини же ядуще хлѣбъ с водою, ини зелье варено, друзии сыро. Въ любви пребывающе, меншии покаряющеся старѣйшимъ и не смѣюще пред ними глаголати, но все с покореньемь и с послушаньем великымъ.

хотите игумена принять, то я поступлю не по своей воле, а по божественному промыслу». И назвал им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что «не здесь пострижен». Ибо Иаков пришел с Альты, вместе с братом своим Павлом. И стала братия просить Стефана доместика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что «тот вырос под рукой твоей и у тебя послужил, его нам и назначь». Сказал же им Феодосий: «Вот я по божию повелению назвал вам Иакова, а вы на своей воле настаиваете». Однако послушал их, дал им Стефана, да будет им игуменом. И благословил Стефана, и сказал ему: «Чадо, вот поручаю тебе монастырь, блюди его бережно, и как я уставил службы, так и держи. Преданий монастырских и устава не изменяй, но твори все по закону и по чину монастырскому». И после того взяли его братья, отнесли в келью и положили на постели. И когда настал шестой день и ему было уже очень плохо, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом, и когда они сели у него, сказал ему Феодосий: «Вот, отхожу от света сего и поручаю монастырь тебе на попечение, если будет в нем какое-нибудь смятение. И поручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду». Князь же простился с ним и обещал заботиться о монастыре и ушел. Когда же настал седьмой день, Феодосий, уже изнемогая, призвал Стефана и братию и стал говорить им так: «Если после того, как я покину свет этот, буду я богу угоден и примет меня бог, то монастырь этот начнет устраиваться и пополняться; так и знайте, что принял меня бог. Если же по моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами и монастырскими запасами, то знайте, что не угодил я богу». И когда он говорил это, плакали братья и сказали: «Отче! Молись за нас богу, ибо знаем, что бог созданного тобой не презрит». И просидела братия всю ту ночь у него, и когда настал день восьмой, во вторую субботу по Пасхе, во втором часу дня, отдал душу в руки божьи, месяца мая 3-го, индикта в 11-й год. Плакала по нем братия. Феодосий же завещал положить себя в пещере, где явил труды многие, сказав так: «Ночью похороните тело мое», как и сделали. Когда приспел вечер, братья взяли тело его и положили его в пещере, проводив с песнопениями, со свечами, достойно, на хвалу богу нашему Иисусу Христу.

Когда же Стефан правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием... такие чернецы как светила в Руси сияют: ибо одни были постники крепкие, другие же крепки на бдение, третьи — на преклонение коленное, четвертые — на пощение, через день и через два дня, иные же ели только хлеб с водой, иные — овощи вареные, другие — сырые. В любви пребывая, младшие покорялись старшим и не смели при них говорить, но всегда вели себя с покорностью и с послушанием великим.

Тако же и старѣйшии *имяху* любовь к меншимъ, наказаху, утѣшающе, яко чада възлюбленая. Аще который братъ въ етеро прегрѣшенье впадаше, утѣшаху, и епитемью *единого брата раздѣляху* 3 ли, 4, за великую любовь: тако бо бяше любы в братьи той *и* вздержанье велико. Аще братъ етеръ выидяше из манастыря, вся братья имяху о томъ печаль велику, посылаючи по нь, призываху брата к монастырю, шедше вси кланяхуся игумену, и моляху игумена, и приимаху брата в манастырь с радостью. Таци бо бѣша любовници, и *въздержньници,* и постници от них же намѣню нѣколико мужь чюдных.

Яко се первый Демьянъ презвутеръ, бяше тако постникъ и въздержник, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до смерти своея. Аще кто коли принесяше дѣтищь боленъ, кацѣмь любо недугом одержим, принесяху в манастырь, ли *свершенъ* человѣкъ, кацѣм любо недугомь одержим, приходяше в манастырь къ блаженому Феодосью, повелѣваше сему *Дамьяну* молитву створити болящему; и абье створяше молитву, и масломь помазаше, и приимаху ицѣленье приходящии к нему. Разболѣвшю же ся и конець прияти лежащю ему в немощи, приде ангелъ к нему въ образѣ Феодосьевѣ, даруя ему царство небесное за труды его. Посем же приде Феодосий с братьею, и присѣдяху у него, оному же изнемагающю, възрѣвъ на игумена, рече: «Не забывай, игумене, еже *ми* еси обѣщалъ». И *разумѣ* великый Феодосий, яко видѣнье видѣлъ, и рече ему: «Брате Дамьяне! Еже есмь обещалъ, то ти буди». Он же сомжаривъ очи, предасть духъ в руцѣ божии. Игумен же и братья похрониша тѣло его.

Такъ же бѣ и другый брат, именемь Еремия, иже помняше крещенье землѣ Русьскыя. Сему бѣ даръ дарованъ от бога: проповѣдаше предибудущая, и аще кого видяше в помышленьи, обличаше й втаинѣ, и наказаше блюстися от дьявола. Аще который братъ умышляше ити из манастыря, и узряше й, пришедъ к нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата. Аще *кому* что речаше, ли добро, ли зло, сбудяшется старче слово.

Бѣ же и другый старець, именемь Матфѣй, бѣ прозорливъ. Единою бо ему стоящю в церкви на мѣстѣ своемь, възведъ очи свои, позрѣ по братьи, иже стоять поюще по обѣма странама *на крилосѣ, и* видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ ляха, в лудѣ, и носяща в приполѣ *цвѣтъкъ,* иже глаголется лѣпокъ. И обиходя подлѣ братью, взимая из лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прилняше кому цвѣтокъ, в поющихъ от братья, мало постоявъ и раслабленъ умом, вину створь каку любо, изидяше ис церкви, шедъ в кѣлью, и усняше, и не възвратяшется в церковь до отпѣтья;

Также и старшие любовь имели к младшему, поучали их, утешая, как детей возлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой грех впадал, его утешали, а епитимью, наложенную на одного, разделяли между собой трое или четверо, из великой любви: вот какие были любовь и воздержание великое в братии той. Если брат какой-нибудь удалялся из монастыря, вся братия бывала этим сильно опечалена, посылали за ним, звали его в монастырь, шли всей братией кланяться игумену, и молили игумена, и принимали брата в монастырь с радостью. Вот какие это были люди полные любви, воздержники и постники; из них я назову несколько чудных мужей.

Первый среди них, Демьян пресвитер, был такой постник и воздержник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до смерти своей. Если кто когда приносил в монастырь больного ребенка, каким недугом одержимого, или взрослый человек, каким-либо недугом одержимый, приходил в монастырь к блаженному Феодосию, тогда приказывал он этому Демьяну молитву сотворить над больным, и тотчас же творил молитву и елеем мазал, и получали исцеление приходящие к нему. Когда же разболелся он и лежал при смерти в немощи, пришел ангел к нему в образе Феодосия, даруя ему царствие небесное за труды его. Затем пришел Феодосий с братиею и сели около него; он же, изнемогая, взглянув на игумена, сказал: «Не забывай, игумен, что мне обещал». И понял великий Феодосий, что тот видел видение, и сказал ему: «Брат Демьян, что я обещал, то тебе будет». Тот же, смежив очи, отдал дух в руки божии. Игумен же и братия похоронили тело его.

Был также другой брат, именем Еремия, который помнил крещение земли Русской. Ему был дар дарован от бога: предсказывал будущее и если видел, что у кого-нибудь нечистые помыслы, то обличал его втайне и учил блюстись дьявола. Если кто-нибудь из братьев замышлял уйти из монастыря и Еремия замечал это, то, придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. Если же он кому предрекал что, хорошее или дурное, сбывалось слово старца.

Был же и другой старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда он стоял в церкви на месте своем, поднял глаза, обвел ими братию, которая стояла и пела по обеим сторонам на клиросе, и увидел обходившего их беса, в образе поляка, в плаще, несшего под полою цветок, который называется лепок. И, обходя братию, бес вынимал из-за пазухи цветок и бросал его на кого-нибудь; если прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот, немного постояв, с расслабленным умом, придумав предлог, выходил из церкви, шел в келью и засыпал и не возвращался в церковь до конца службы;

аще ли вержаше на другаго, и не прилняше к нему цвѣтокъ, стояше крѣпок в пѣньи, дондеже отпояху утреню, и тогда изидяше в кѣлью свою. Се же вида старець, повѣдаше братьи своей. Пакы же видѣ старець се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утреню, предъ зорями идоша по кѣльямъ своимъ, *сь* же старець послѣ исхожаше ис церкви. Идущю же ему *единою*, сѣде опочивая подъ биломъ, бѣ бо келья его подале церкве, видѣ се, яко толпа поиде от воротъ, възведъ очи свои, видѣ единого сѣдяща на свиньи, а другыя текуща около его. И рече имъ старець: «Камо идете?». И рече сѣдя на свиньи бѣсъ: «По Михаля по Тольбековича». Старець же знаменася крестнымь знаменьем и приде в кѣлью свою. Яко бысть свѣтъ, и разумѣ старець, рече кѣлейнику: «Иди, впрашай, е ли Михаль в кельи?». И рѣша ему, яко «Давѣ скочилъ *есть* со столпья по заутрени». И повѣда старець видѣнье се игумену и братьи. При сем бо старци Феодосий преставися, и бысть Стефанъ игуменъ, и по Стефанѣ Никонъ, сему и еще сущю старцю. Единою ему стоящю на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона, и видѣ осла, стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игуменъ. Тако же и ина многа видѣнья *провидѣ* старець, и *почи* в старости добрѣ в манастыри семь.

Яко се бысть другый черноризець, именемь Исакий, якоже и еще сущю ему в мирѣ, в житьи мирьстѣмь, и богату сущю ему, бѣ бо купець, родом торопечанинь, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующим и манастыремъ, и иде к великому Антонью в печеру, моляся ему, дабы и̓ створилъ черноризцемъ. И приять и̓ Антоний, *и* взложи на нь порты чернецьскыя, нарекъ имя ему Исакий, бѣ бо имя ему Чернь. *Сей* же Исакий всприятъ житье крѣпко: облече бо ся во власяницю, и повелѣ купити собѣ козелъ, и одра мѣхомъ козелъ, и *възвлече* на власяницю, и осше около его кожа сыра. И затворися в печерѣ, въ единой улици, въ кельици малѣ, яко четырь лакотъ, и ту моляше бога со слезами. Бѣ же ядь его проскура едина, и та же чересъ день, воды в мѣру пьяше. Приносяшеть же ему великый Антоний, и подаваше ему оконцемъ, яко ся вмѣстяше рука, тако приимаше пищю. И того створи лѣт 7, на свѣтъ не вылазя, ни на ребрѣхъ не лѣгавъ, но, сѣдя, мало приимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья; яко трудяшется, сѣдяше на сѣдалѣ своем. Единою же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасившю, внезапу свѣт восья, яко от солнца, в печерѣ, яко зракъ вынимая человѣку. И поидоста 2 уноши к нему красна, и блистаста лице ею, акы солнце, и *глаголаста* к нему: «Исакие! Вѣ есвѣ ангела, а се идеть к тобѣ Христос, падъ, поклонися ему». Он же не разумѣ

если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, тот оставался стоять крепко на службе, пока не отпоют утреню, и тогда уже шел в келью свою. Видя такое, старец поведал об этом братии своей. Другой раз видел старец следующее: как обычно, когда старец этот отстоял заутреню, братия перед рассветом шла по келиям своим, а этот старец уходил из церкви после всех. И вот однажды, когда он шел так, присел он отдохнуть под билом, ибо была его келья поодаль от церкви, и вот видит, как толпа идет от ворот; поднял глаза и увидел кого-то верхом на свинье, а другие идут около него. И сказал им старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тольбековичем». Старец осенил себя крестным знамением и пришел в келию свою. Когда рассвело и понял старец, в чем дело, сказал он келейнику: «Поди спроси, в келье ли Михаль». И сказали ему, что «давеча, после заутрени, перескочил через ограду». И поведал старец о видении этом игумену и братии. При этом старце Феодосий преставился, и Стефан стал игуменом, а по Стефане Никон: все это при старце. Стоит он как-то на заутрене, подымает глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и видит осла, стоящего на игуменовом месте; и понял он, что не вставал еще игумен. Много и других видений видел старец, и почил он в старости почтенной в монастыре этом.

А был еще и другой черноризец, именем Исакий; был он, когда еще жил в миру, богат, ибо был купец, родом торопчанин, и задумал он стать монахом, и роздал имущество свое нуждающимся и монастырям, и пошел к великому Антонию в пещеру, моля, чтобы постриг его в монахи. И принял его Антоний, и возложил на него одеяние чернеческое, и дал имя ему Исакий, а было ему имя Чернь. Этот Исакий повел строгую жизнь: облекся во власяницу, велел купить себе козла, ободрал его мех и надел на власяницу, и обсохла на нем кожа сырая. И затворился в пещере, в одном из проходов, в малой кельице, в четыре локтя, и там молил бога со слезами. Была же пищей его просфора одна, и та через день, и воды в меру пил. Приносил же ему пищу великий Антоний и подавал ее через оконце — такое, что только руку просунуть, и так принимал пищу. И так подвизался он лет семь, не выходя на свет, никогда не ложась на бок, но, сидя, спал немного. И однажды по обычаю, с наступлением вечера, стал класть поклоны и петь псалмы по полуночи; когда же уставал, сидел на своем сиденье. Однажды, когда он так сидел по обыкновению и погасил свечу, внезапно свет воссиял в пещере, как от солнца, точно глаза вынимая у человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных, и блистали лица их, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а там идет к тебе Христос, поклонись ему до земли». Он же, не поняв

бѣсовьскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, *выступивъ* поклонися, акы Христу, бѣсовьску дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «Нашь еси, Исакие, уже»; *и* введше и́ в кѣльицю, и посадиша и́ и начаша садитися около его, и бысть полна келья ихъ и улица печерская. И рече единъ от бѣсовъ, глаголемый Христосъ: «Възмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте, ат ны Исакий спляшеть». И удариша в сопѣли *и* в *гусли,* и в бубны, *и* начаша имъ играти. И утомивше и́, оставиша и́ *оле жыва,* и отъидоша, поругавшеся ему. Заутра же бывшю свѣту и приспѣвшю вкушенью хлѣба, приде Антоний по обычаю ко оконцю, и глагола: «Господи, благослови, отче Исакие!». И не бысть отвѣта; и рече Антоний: «Се уже преставился есть». И посла в манастырь по Феодосья и по братью. И *откопавше,* где бѣ загражено устье, пришедше взяша и́, мертва мняще *и* вынесше положиша и́ пред пещерою. И узрѣша, яко живъ есть. И рече игуменъ Феодосий, яко «Се имать быти от бѣсовьскаго дѣйства». И *положиша* ѝ на одрѣ *и* служаше около его Антоний. В си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ, *и* нача гнѣватися Изяславъ на Антонья *за* Всеслава. И *приславъ Святославъ,* в ночь поя Антонья Чернигову. *Антоний же, пришед к Чернигову,* възлюби Болдины горы; ископавъ печеру, ту ся всели. *И* есть ту манастырь святое Богородици на Болдиных горахъ и до сего *дни.* Феодосий же, увѣдавъ, яко Антоний шелъ Чернигову, шедъ с братьею взя Исакия и принесе и́ к *собѣ* в кѣлью, и служаше около его, бѣ бо раслабленъ тѣломь, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти, но лежаше на единой сторонѣ, подъ ся *поливаше,* многажды и червье въкыняхуся подъ бедру ему с моченья и с полѣванья. Феодосий же сам своима рукама омываше и спряташеть и́, за 2 лѣта *се сотвори около его. Се же бысть дивно чюдно; яко за 2 лѣта лежа си ни хлѣба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни от какаго брашна, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глух лежа за 2 лѣта.* Феодосий же моляше бога за нь, и молитву творяше над нимь день и нощь, дондеже на 3-ее лѣто проглагола, и слыша, и на ногы нача встаяти акы младенець, и нача ходити. И не брежаше в церковь ходити, нужею привлечахуть и́ к церкви; *и тако по малу научиша и́.* И посем научи *и́* на тряпезницю ходити, и *посажаху* и́ кромѣ братьи, *и* положаху пред ним хлѣбъ, и не възмяше его, но ли вложити в руцѣ ему. Феодосий же рече: «Положите хлѣбъ пред ним, а не вкладайте в рукы ему, атъ сам ѣсть», и не *бреже* за недѣлю ясти, и помалу оглядавъся кусаше хлѣба, тако научися ясти, и тако избави *и́* Феодосий от козни дьяволя. Исакий же всприятъ въздержанье пакы жестоко. Феодосью же преставльшюся, и Стефану в него мѣсто бывшю,

бесовского дела и забыв перекреститься, встал и поклонился, точно Христу, бесовскому делу. Бесы же закричали: «Наш ты, Исакий, уже!» И, введя его в кельицу, посадили и стали сами садиться вокруг него, и была полна келья его и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, так называемый «Христос»: «Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте, пусть нам Исакий спляшет». И грянули бесы в сопели, и в гусли, и в бубны, и стали им забавляться. И утомив его, оставили его еле живого и ушли, так надругавшись над ним. На другой день, когда рассвело и подошло время вкушения хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Господи, благослови, отче Исакий». И не было ответа; и сказал Антоний: «Вот, он уже преставился». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. И, прокопав там, где был засыпан вход, вошли и взяли его, думая, что он мертв; вынесли и положили его перед пещерою. И увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий, что «случилось это от бесовского действа». И положили его на постель, и стал прислуживать ему Антоний. В то время случилось прийти князю Изяславу из Польши, и начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава. И Святослав, прислав, ночью отправил Антония в Чернигов. Антоний же, придя в Чернигов, возлюбил Болдины горы; выкопав пещеру, там и поселился. И существует там монастырь святой Богородицы на Болдиных горах и до сего дня. Феодосий же, узнав, что Антоний отправился в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и принес его к себе в келью, и ухаживал за ним, ибо был он расслаблен телом так, что не мог сам ни повернуться на другую сторону, ни встать, ни сесть, но лежал на боку, мочился под себя, так что от мочения и черви завелись у него под бедрами. Феодосий же сам своими руками умывал и переодевал его и делал так в течение двух лет. То было дивное чудо, что в течение двух лет тот ни хлеба не вкусил, ни воды, ни овощей, никакой иной пищи, ни языком не проглаголал, но нем и глух лежал два года. Феодосий же молился богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока тот на третий год не заговорил и не начал слышать и на ноги вставать, как младенец, и стал ходить. Но не стремился посещать церковь, силою притаскивали его к церкви и так понемногу приучили его. И затем научился он на трапезу ходить, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, и не брал его, пока не вкладывали его в руки ему. Феодосий же сказал: «Положите хлеб перед ним, но не вкладывайте его в руки ему, пусть сам ест»; и тот неделю не ел и, только понемногу оглядевшись, стал откусывать хлеб; так научился он есть, и так избавил его Феодосий от козней дьявольских. Исакий же опять стал придерживаться воздержания жестокого. Когда же скончался Феодосий и на его месте был Стефан,

Исакий же рече: «Се уже прелстил мя еси былъ, дьяволе, сѣдяща на едином мѣстѣ; а уже не имам ся затворити в печерѣ, но имам тя побѣдити, ходя в манастырѣ». И облечеся въ власяницю и на власяницю свиту вотоляну, и нача уродство творити, и помагати поча поваром, варя на братью. И на заутреню входя преже всѣх, стояше крѣпко и неподвижимо. Егда же приспѣяше зима и мрази лютии, *стояше* в прабошнях в черевьях в протоптаных, яко примерзняшета нозѣ его *к* камени, и не движаше ногама, дондеже отпояху заутреню. И по заутрени идяше в поварьницю, и *приготоваше* огнь, воду, дрова и придяху прочии повари от братьѣ. Един же *поваръ* бѣ, такоже бѣ именем тѣм же — Исакий, и рече посмихаяся Исакию: «Оно ти сѣдить вранъ черный, иди, ими и́». Он же, поклонивъся ему до землѣ, шедъ, я ворона и принесе ему предо всѣми повары, и ужасошася *и* повѣдаша игумену и братьи, и начаша братья чтити и́. Он же, не хотя славы человѣчскыя, нача уродьство творити *и* пакостити нача ово игумену, ово братьи, ово мирьскым человѣкомъ, да друзии раны ему даяху. И поча по миру ходити, тако же уродом ся творя. Вселися в печеру, в ней же преже былъ, уже бо *бѣ* Антоний преставился, и совъкупи к собѣ уных, и вскладаша на нь порты чернечьскыя, да ово от игумена Никона приимаше раны, ово от родитель тѣхъ дѣтьскых. *Сей* же то все терпяше, приимаше раны и наготу, *и* студень день и нощь. Въ едину бо нощь вжегъ пещь в ыстобцѣ у пещеры, яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами. Оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма, ста на пламени, дондеже изгорѣ пещь, *и* излѣзе. И ина многа повѣдаху о немь, а другое и самовидець бых. И тако взя побѣду на бѣсы, яко мухы ни во что же имяше страшенья ихъ и мечтанья ихъ, глаголашеть бо к нимъ: «Аще мя бѣсте прелстили в печерѣ первое, понеже не вѣдяхъ козний ваших и лукавьства; нонѣ же имамъ господа Иисуса Христа и бога моего и молитву отца моего Феодосья, надѣюся *на Христа,* имам побѣдити *вас*». Многажды бо бѣси пакости дѣяху ему, и глаголаху: «Нашь еси и поклонился еси нашему старѣйшинѣ и намъ». Он же глаголаше: «Вашь старѣйшина антихрестъ есть, а вы бѣсы есте». *И* знаменаше лице свое крестнымъ образом, и тако ищезняху. Овогда же пакы в нощи прихожаху к нему, страхъ ему творяче в мечтѣ, яко се многъ народъ, с мотыками *и* лыскарѣ, глаголюще: «Раскопаемъ печеру сию и сего загребем здѣ». Ини же глаголаху: «Бѣжи, Исакие, хотять *тя* загрести». Он же глаголаше к нимъ: «Аще бысте человѣци *были,* то въ дне бы есте пришли, а вы есте тма и во тмѣ ходите, и тма вы ятъ». И знамена я̀ крестомъ, *и* ищезнуша. Другоици бо *страшахуть* и́ въ образѣ медвѣжи; овогда же лютым звѣремь, ово въломъ, ово змиѣ полозяху к нему, ово ли жабы, *и* мыши

Исакий сказал: «Ты уже было прельстил меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, ходя по монастырю». И облекся в власяницу, а на власяницу надел свиту из грубой ткани и начал юродствовать и помогать поварам, варя на братию. И, приходя на заутреню раньше всех, стоял твердо и неподвижно. Когда же приспевала зима и морозы лютые, стоял в башмаках с протоптанными подошвами, так что примерзали ноги его к камню, и не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел в поварню и приготовлял огонь, воду, дрова, и затем приходили прочие повара из братии. Один же повар, по имени тоже Исакий, в насмешку сказал Исакию: «Вон там сидит ворон черный, ступай возьми его». Исакий же поклонился ему до земли, пошел, взял ворона и принес ему при всех поварах, и те ужаснулись и поведали о том игумену и братии, и стала братия почитать его. Он же, не желая славы человеческой, начал юродствовать и пакостить стал то игумену, то братии, то мирянам, так что некоторые и били его. И стал ходить по миру, также юродствуя. Поселился он в пещере, в которой жил прежде,— Антоний уже умер к тому времени,— и собрал к себе детей, и одевал их в одежды чернеческие, и принимал побои то от игумена Никона, то от родителей тех детей. Он же все то терпел, выносил побои, и наготу, и холод, днем и ночью. В одну из ночей разжег он печку в избушке у пещеры, и когда разгорелась печь, заполыхал огонь через щели, ибо была она ветхой. И не было ему чем заложить щели, и встал на огонь ногами босыми, и простоял на огне, пока не прогорела печь, и тогда слез. И многое другое рассказывали о нем, а иному я сам очевидцем был. И так он победил бесов, как мух, ставя ни во что их запугивания и наваждения, говоря им: «Хоть вы меня когда-то и прельстили в пещере, потому что не знал я козней ваших и лукавства, ныне же со мною господь Иисус Христос и бог мой и молитва отца моего Феодосия, надеюсь на Христа и одержу победу над вами». Много раз бесы пакостили ему и говорили: «Наш ты и поклонился нашему старейшине и нам». Он же говорил: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы». И осенял лицо свое крестным знамением, и оттого исчезали. Иногда же вновь приходили к нему ночью, пугая его видением, будто идет много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыплем его здесь». Иные же говорили: «Беги, Исакий, хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если б вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма, и во тьме ходите, и тьма вас поглотит». И осенял их крестом, и исчезали. Другой раз пугали его то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то вползали к нему змеями, или жабами, или мышами

и всякъ гадъ. *И* не могоша ему ничтоже створити, и рѣша ему: «Исакие! Побѣдил еси нас». Онъ же рече: «Якоже бѣсте мене вы *первое* побѣдили въ образѣ Иисусѣ Христовѣ и въ ангельстѣмь, недостойни *суще* того видѣнья; но се поистѣнѣ являетеся топерво въ образѣ звѣринѣмь и скотьемь, и змеями, и гадом, аци же и сами есте *скверни и зли в видѣнии». И абие погибоша бѣси от него,* и оттолѣ не бысть ему пакости от бѣсовъ, якоже самъ повѣдаше се яко «Се бысть ми за 3 лѣта брань си». Потомь поча жити крѣплѣ и въздерjжанье имѣти, пощенье *и* бдѣнье. И тако живущю ему, скончя житье свое. И разболѣся в печерѣ, и несоша й болна в манастырь, и до осмаго дне о господѣ скончася. Игумен же Иоанъ и братья спрятавше тѣло его, и погребоша й.

Таци ти быша черноризци Феодосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять бога за сдѣ сущюю братью, и за мирьскую братью, и за приносящая въ манастырь, в нем же и донынѣ добродѣтелное житье живуть, обще вси вкупѣ, в пѣньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу богу всемогущему, и Феодосьевами молитвами сблюдаеми, ему же слава *в вѣки,* аминь.

В лѣто 6583. Почата бысть церкы Печерьская надъ основаньемь Стефаномь игуменомь; изъ основанья бо Феодосий почалъ, а на *основании* Стефанъ поча; и кончана бысть на третьее лѣто, мѣсяца иуля 11 день. В се же лѣто придоша сли из нѣмець къ Святославу; Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое. Они же видѣвше бещисленое множьство, злато, и сребро, и паволокы, и рѣша: «Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего». Сице ся похвали Иезекий, царь июдѣйскъ, к *посломъ* царя асурийска, его же вся взята быша в Вавилонъ; тако и по сего смерти все имѣнье расыпася разно.

В лѣто 6584. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ Святославль, ляхомъ в помочь на чехы. Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, от рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ у святаго Спаса. И сѣде по немь Всеволодъ на столѣ, мѣсяца генваря *в 1 день.*

В лѣто 6585. Поиде Изяславъ с ляхы, Всеволодъ же поиде противу ему. Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 дний, и бѣжа Тмутороканю к Романови. Всеволодъ же *иде* противу брату Изяславу на Волынь, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, мѣсяца иуля 15 день, Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ.

В лѣто 6586. *Бѣжа* Олегъ, *сынъ* Святославль, Тмутороканю от Всеволода, мѣсяца априля *10.* В се же лѣто убьенъ бысть

и всякими гадами. И не могли ему ничего сделать, и сказали ему: «Исакий! Победил ты нас». Он же сказал: «Когда-то вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но недостойны были вы того образа, а теперь по-настоящему являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гадов, какие вы и есть на самом деле: скверные и злые на вид». И тотчас погибли от него бесы, и с тех пор не было ему пакости от бесов, как он и сам поведал об этом, что «вот была у меня с ними три года война». Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. В таком житии и кончил жизнь свою. И разболелся он в пещере, и перенесли его больного в монастырь, и через неделю в благочестии скончался. Игумен же Иоанн и братия убрали тело его и похоронили.

Таковы были черноризцы Феодосиева монастыря; сияют они и по смерти, как светила, и молят бога за живущую здесь братию, и за мирскую братию, и за жертвующих в монастырь, в котором и доныне добродетельной жизнью живут все вместе, сообща, в пении, и в молитвах, и в послушании, на славу богу всемогущему, соблюдаемые молитвами Феодосия, ему же слава вечная, аминь.

В год 6583 (1075). Начата была церковь Печерская над основанием Стефаном игуменом; основание ее начал Феодосий, а над основанием продолжил Стефан; и окончена была она на третий год, месяца июля в 11-й день. В тот же год пришли послы от немцев к Святославу; Святослав же, гордясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого воины. Ведь мужи добудут и больше того». Так похвалился Иезекия, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон: так и по смерти Иезекии все имущество его пропало.

В год 6584 (1076). Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря 27-го, от разрезания желвака, и положен в Чернигове, у святого Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в 1-й день.

В год 6585 (1077). Пошел Изяслав с поляками, а Всеволод вышел против него. Сел Борис в Чернигове, месяца мая в 4-й день, и было княжения его восемь дней, и бежал в Тмуторокань к Роману. Всеволод же пошел против брата Изяслава на Волынь; и сотворили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца июля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В год 6586 (1078). Бежал Олег, сын Святослава, в Тмуторокань от Всеволода, месяца апреля в 10-й день. В этом же году убит

Глѣбъ, сынъ Святославль, в Заволочии. Бѣ *же* Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя к церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ, мѣсяца иуля 23 день. Сѣдящю Святополку в него мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславлю, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолиньскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода с половци. Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ, и побѣдиша половци русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть Иванъ Жирославичь, и Тукы, Чюдинь братъ, *Порѣй,* и ини мнози, *мѣсяца августа* въ 25. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове взищеть богъ от руку ею, и отвѣтъ дати има за *погубленыа* душа хрестьяньскы. Всеволодъ же приде к брату своему Изяславу Киеву, *цѣловавшася* и сѣдоста. Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: «Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ? Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю, брату своею? Не блудилъ ли бѣх по чюжимъ землям, имѣнья лишенъ быхъ, не створих зла ничтоже? И нынѣ, брате, не туживѣ. Аще будеть нама причастье в Русскѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба. Азъ сложю главу свою за тя». И се рек, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои от мала до велика. И поиде Изяславъ съ Ярополъкомъ, сыномъ своим, и Всеволодъ с Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша к Чернигову, и черниговци затворишася в градѣ. Олег же и Борисъ *не* бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду. Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ, от Стрежени, и отя врата, и *взяша* градъ околний, и пожгоша и́, людемъ же вбѣгшим въ дънѣшний градъ. Изяслав же и Всеволодъ слышаста, яко идеть Олегъ и Борисъ противу, Изяслав же и Всеволодъ уранивше, поидоста от града противу Олгови. Рече же Олегъ к Борисови: «Не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четыремъ княземъ, но *посливѣ* с молбою къ *стрыема* своима». И рече ему Борисъ: «Ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ»; похваливъся велми, не вѣдый, яко богъ гордымъ противится, смѣренымъ даеть благодать, да не *хвалиться* силный силою своею. И *поидоста* противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ нивѣ, и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла. Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми. Изяславу же стоящю въ пѣшцихъ, и внезапу приѣхавъ единъ, удари и́ копьемъ за плече. Тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. *Продолжене* бывъши сѣчи, побѣже

был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Был же Глеб милостив к убогим и любил странников, радел о церквах, горячо веровал, был кроток и лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за Спасом, месяца июля в 23-й день. Когда сидел вместо него в Новгороде Святополк, сын Изяслава, Ярополк сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске,— привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы Русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Тукы, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели совещаться. Всеволод же поведал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделав никакого зла? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за тебя». И, так сказав, утешил Всеволода и повелел собирать воинов от мала до велика. И отправились в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе. Олега же и Бориса там не было. И так как черниговцы не отворили ворот, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени, и захватил ворота, и взял внешний город, и пожег его, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега. И сказал Олег Борису: «Не пойдем против них, не можем мы противостать четырем князьям, но пошлем лучше с просьбой о мире к дядьям своим». И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех». Похвалился он сильно, не ведая, что бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И пошли навстречу, и когда были они у села на Нежатиной ниве, соступились обе стороны и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося сильно. Когда же Изяслав стоял с пехотинцами, внезапно кто-то подъехал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побежал

Олегъ в малѣ дружинѣ, и одва утече, бѣжа Тмутороканю. Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октямбря въ 3 день. И вземше тѣло его, привезоша й в лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани, повезоша й, съ пѣснми попове и черноризци понесоша й в град. И не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи велицѣ *и* вопли; плака бо ся по немь весь град Киевъ, Ярополкъ же идяше по немь, плачася с дружиною своею: «Отче, отче мой! Что еси пожилъ бес печали на свѣтѣ семь, многы напасти приимъ от людий и от братья своея? Се же погыбе не от брата, но за брата своего положи главу свою». И, принесше, положиша тѣло его в церкви святыя Богородица, вложивъше й в раку мраморяну. Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо в немь лсти, но простъ мужь умом, не вздая зла за зло. Колико бо ему створиша кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не взда противу тому зла. Аще ли кто дѣеть вы: сѣчець исѣче, то не сь то створи, но сынъ его. Пакы же брата его прогнаста й, и ходи по чюжей земли, блудя. И сѣдящю ему пакы на столѣ своемь, Всеволоду пришедшю побѣжену к нему, не рече ему: «Колико от ваю прияхъ?», не вдасть зла за зло, но утѣши, рек: «Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столъ мой и нарек мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя», еже и бысть. Не рече бо ему: «Колико зла створиста мнѣ, и се нонѣ тобѣ ся сключи», не рече: «Се кромѣ мене», но на ся перея печаль братню, показая любовь велику, свершая апостола, глаголюща: «Утѣшайте печалныя». По истинѣ, аще что створилъ есть в свѣтѣ семь, етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но *за* братню обиду. О сяковыхъ бо господь рече: «Да кто положить душю свою за другы своя». Соломон же рече: «Братья в бѣдах пособива бывають». Любы бо есть выше всего. Яко же Иоан глаголеть: «Богъ любы есть, пребываяй в любви, в бозѣ пребываеть, и богъ в немь пребываеть». О семь свершается любы, да достоянье имам в день судный, да якоже онъ есть, и мы есмы в мирѣ семь. Боязни нѣсть в любви, но свершена любы вонъ измещеть боязнь, яко боязнь мученье имать. «Бояй же ся нѣсть свершенъ в любви. Аще кто речеть: любьлю бога, а брата своего ненавижю, ложь есть. Не любяй бо брата своего, его же видить, бога, его же не видить, како можеть любити? Сию заповѣдь имам от него, да любяй бога любить брата своего». В *любви* бо все свершается. Любве ради и грѣси расыпаются. Любве бо ради

Олег с небольшой дружиной и едва спасся, убежав в Тмуторокань. Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день. И взяли тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца, и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И нельзя было слышать пения из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нем весь город Киев, Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: «Отче, отче мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей приняв от людей и от братьи своей. И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою». И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, вложив его в гроб мраморный. Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили,— и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: «Воинов порубил», то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его, и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся?», не воздал злом за зло, но утешил, сказав: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя»,— как и было. Не сказал ведь ему: «Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же», не сказал: «Это не мое дело», но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большему владению, ни к большему богатству, но за братнюю обиду. О таких-то господь сказал: «Кто положит душу свою за други своя». Соломон же говорил: «Братья в бедах помогают друг другу». Ибо любовь превыше всего. Также и Иоанн говорит: «Бог есть любовь; пребывающий в любви — в боге пребывает, а бог в нем пребывает». Так совершается любовь, чтобы имели мы что в день судный, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он. Боязни нет в любви, настоящая любовь отвергает ее, так как боязнь есть мученье. «Боящийся не совершенен в любви». Если кто говорит: «Люблю бога, а брата своего ненавижу», это — ложь. Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить бога, которого не видит? Эту заповедь получили от него, чтобы любящий бога любил и брата своего. В любви ведь все совершается. Любви ради и грехи исчезают. Любви ради

сниде господь на землю и распятъся за ны грѣшныя, вземъ
грѣхы наша, пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовьское. Любве ради мученици проьяша крови своя. Любве же ради сий князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь господню.

Начало княжениа Всеволожа в Киеве. Всеволодъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, *примъ* власть русьскую всю. И посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ.

В лѣто 6587. Приде Романъ с половци къ Воину. Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ с половци. И възвратися Романъ с половци въспять, *и* убиша и́ половци мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ *лежаче тамо,* сына Святославля, внука Ярославля. А Олга емше *козаре* поточиша и́ за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

В лѣто 6588. Заратишася торци переяславьстии на Русь, Всеволодъ же посла *на ня* сына своего Володимера. Володимеръ же, шедъ, побѣди търкы.

В лѣто 6589. Бѣжа Игоревичь Давыдъ с Володаремь Ростиславичемь мѣсяца мая 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани.

В лѣто 6590. Осень умре, половечьскый князь.

В лѣто 6591. Приде Олегъ из Грекъ Тмутороконю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и сѣде Тмуторокани. *И* исѣче козары, иже бѣша свѣтници на *убьенье* брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

В лѣто 6592. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. В се же время выбѣгоста Ростиславича 2 от Ярополка, и *пришедша* прогнаста Ярополка, и посла *Всеволодъ* Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. В се же лѣто Давыдъ зая грькы въ Олешьи, и зая у них имѣнье. Всеволодъ же, пославъ, приведе и́, и вда ему Дорогобужь.

В лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злых свѣтникъ. Се *увѣдавъ,* Всеволодъ посла противу ему сына своего Володимера. Ярополкъ же, оставивъ матерь свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа в Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася лучане. Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а матерь Ярополчю и жену его и дружину его приведе Кыеву, и имѣнье веземъ его.

В лѣто 6594. Приде Ярополкъ из Ляховъ, и створи миръ с Володимеромь, и иде Володимеръ вспять Чернигову. Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдев мало *дний,* иде Звенигороду. И не дошедшю ему града, и прободенъ бысть от проклятаго

и господь сошел на землю и распял себя за нас грешных; взяв грехи наши, пригвоздил себя к кресту, дав нам крест свой, чтобы отгонять им ненависть бесовскую. Любви ради мученики проливали кровь свою. Любви же ради князь сей пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров.

В год 6587 (1079). Пришел Роман с половцами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега хазары, захватив, отправили за море к Царьграду. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора.

В год 6588 (1080). Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков.

В год 6589 (1081). Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в 18-й день. И пришли они к Тмуторокани, и схватили Ратибора, и сели в Тмуторокани.

В год 6590 (1082). Умер Осéнь, половецкий князь.

В год 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил.

В год 6592 (1084). Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год Давыд захватил греков в Олешьи и отнял у них имущество. Всеволод же, послав за ним, привел его и дал ему Дорогобуж.

В год 6593 (1085). Ярополк же хотел идти на Всеволода, послушав злых советников. Узнав это, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял.

В год 6594 (1086). Пришел Ярополк из Польши и сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову. Ярополк же сел во Владимире. И, переждав немного дней, пошел к Звенигороду. И, не дойдя до города, пронзен был проклятым

Нерадьця, от дьяволя наученья и от злыхъ человѣкъ. Лежащю *ему* ту на возѣ, саблею с коня прободе и́, мѣсяца ноямбря въ 22 день. И тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возпи великым гласомь: «Охъ, тот мя враже улови». Бѣжа Нерадець *треклятый* Перемышлю к Рюрикови, и Ярополка вземше отроци на конь передъ ся, Радъко, Вънкина *и* инии мнози, несоша и́ Володимерю, а оттуду Кыеву. *И* изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ с своима сынъма, с Володимеромь и Ростиславомь, и вси боляре, и блаженый митрополитъ Иоан с черноризци и с прозвутеры. И вси кияне великъ плачь створиша над нимь, со псалмы и пѣснми проводиша и́ до святаго Дмитрея, спрятавше тѣло его, с честью положиша и́ в рацѣ мраморянѣ в церкви святаго апостола Петра, юже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую приятъ, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бяше блаженый сь князь тихъ, кротъкъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше бога всегда, глаголя: «Господи боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, от чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, *и* избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражии». Его же прошенья не лиши его благый богъ: въсприя благая она, их же око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова богъ любящимъ его.

В лѣто 6595.

В лѣто 6596. Священа бысть церкы святаго Михаила манастыря Всеволожа митролитомь Иваномь, а игуменьство тогда держащю того манастыря *Лазъреви. Того же лѣта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити. В се же лѣто умре Никонъ игуменъ Печерскый. В се же лѣто възяша болгаре Муром.*

В лѣто 6597. Священа бысть церкви Печерская святыя Богородица манастыря Феодосьева Иоаномь митрополитомъ, и Лукою Бѣлогородьскымь епископомь, Исаиемь, Черниговьскым епископомь, при благородьнѣмь князи Всеволодѣ, *державнемь* Русьскыя земля, и *чаду* его, *Володимерѣ* и *Ростиславѣ,* воеводьство держащю кыевьскыя тысяща Яневи, игуменьство держащю Иоану. В се же лѣто преставися Иоанъ митрополитъ. Бысть же Иоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немь не будеть сякъ. В се лѣто иде Янъка *в Грекы,*

Нерадцем, наученным дьяволом и злыми людьми. Он лежал на возу, и пронзил его саблею с коня месяца ноября в 22-й день. И тогда поднялся Ярополк, выдернул из себя саблю и возопил громким голосом: «Ох, поймал меня враг тот». Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а Ярополка взяли отроки его, Радко, Вонкина и другие, и везли его перед собой на коне к Владимиру, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и с пресвитерами. И все киевляне великое оплакивание сотворили над ним, с псалмами и молитвами проводили его до святого Дмитрия, убравши тело его, с честью положили его в гроб мраморный месяца декабря в 5-й день, в церкви святого апостола Петра, которую сам когда-то начал воздвигать. Многие беды испытав, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный князь этот тих, кроток, смирен и братолюбив, десятину давал святой богородице от всего своего достояния ежегодно и всегда молил бога, говоря: «Господи, боже мой! Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого света и мятежного, от сети вражеской». Просимого им не лишил его милостивый бог: получил он блага те, каких ни око не видело, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал бог любящим его.

В год 6595 (1087).

В год 6596 (1088). Освящена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодовом митрополитом Иоанном, а игумен того монастыря был тогда Лазарь. В том же году пошел Святополк из Новгорода в Туров жить. В том же году умер Никон, игумен Печерский. В тот же год взяли волжские болгары Муром.

В год 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в Феодосиевом монастыре Иоанном митрополитом и Лукою, белгородским епископом, Исаем, черниговским епископом, при благородном, державном князе Русской земли Всеволоде и детях его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь, а игуменство держал Иоанн. В том же году преставился Иоанн митрополит. Был же Иоанн сведущ в книгах и в учении, милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому, богатому и убогому, смиренен же и кроток, молчалив, речист, от святых книг утешая печальных; такой не был прежде на Руси, и после него не будет такой. В тот же год пошла в Греческую землю Янка,

дщи Всеволожа, *реченая* преже. *И* приведе Янка митрополита Иоана скопьчину, его же *видѣвше* людье вси рекоша: «Се *навье* пришелъ». От года бо до года пребывъ, умре. Бѣ же *сей* мужь *не* книженъ, но умомъ простъ и *простоpѣкъ*. В се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила *Переяславьская* Ефрѣмом, митрополитомь тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже в Переяславли митрополья, и пристрои ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою, церковныими *сосуды*. *Сий* бо Ефрѣмъ бѣ скопець, высокъ тѣломъ. Бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Феодора, и посемь святаго Андрѣя у церкве от воротъ и строенье баньное *камено*, сего же не бысть преже в Руси. И град бѣ заложилъ каменъ, от церкве святаго мученика Феодора, *и украси город Переяславьский здании церковными* и прочими зданьи.

В лѣто 6599. Игуменъ и черноризци свѣтъ створше, рѣша: «Не добро есть лежати отцю нашему Феодосьеви кромѣ манастыря *и* церкве своея, понеже *той* есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ». Свѣтъ створше, повелѣша устроити мѣсто, идеже положити мощѣ его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ треми деньми, повелѣ игуменъ рушити, кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Феодосья, его же повелѣнью бых азъ грѣшный первое самовидець: еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь началникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: «Поидевѣ в печеру к Феодосьеви». Азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никомуже, разглядавша, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игуменъ: «Не мози повѣдати никомуже *от братьи, да не увѣдаеть никтоже*; но поими, его же хощеши, да ти поможеть». Азъ же пристроихъ *семь* днии рогалие, ими же копати. И въ вторьник, вечер *в суморок*, пояхъ с собою 2 брата, не вѣдущю никомуже, придох в печеру, и отпѣвъ псалмы, почах копати. *И утрудився* вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуче ся докопати, начах тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же, вземъ рогалью, начах копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: «*Удариша* в било». И азъ в *тъ* чинъ прокопах на мощѣ Феодосьевы. Оному глаголющю ко мнѣ: «Удариша в било»; мнѣ же рекущю: «Прокопахъ уже». Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть, и начах звати: «Господи помилуй!». О се чинь же сѣдяста 2 брата в манастыри, еда игуменъ, утаивъся, нѣ с *кымъ* пренесеть его отай, к печерѣ зряща. Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дугы зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкве, идеже положенъ бысть Феодосий. В се же время видѣ Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игуменъ,—

дочь Всеволода, о которой говорилось прежде. И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыв год, умер. Был же этот человек не книжен, но умом прост и прост речью. В тот же год освящена была церковь святого Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом той церкви, которую он создал великою, ибо прежде была в Переяславле митрополия, и обстроил ее большою пристройкою, украсив ее всяческой красотою, церковными сосудами. Этот Ефрем был скопец, высок телом. Много он тогда зданий воздвиг; докончил церковь святого Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Федора, и затем церковь святого Андрея у ворот, и строение каменное, чего не было раньше на Руси. И город заложил каменный от церкви святого мученика Федора и украсил город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

В год 6599 (1091). Игумен и черноризцы, сотворив совещание, сказали: «Не годится лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и вне церкви своей, ибо он и церковь основал и черноризцев собрал». Посовещавшись, повелели устроить место, где положить мощи его. И когда через три дня наступил праздник Успения богородицы, повелел игумен копать там, где лежат мощи его, отца нашего Феодосия, повелению которого я, грешный, первый был очевидец, о чем и расскажу не по слухам, а как зачинатель всего того. Итак, пришел игумен ко мне и сказал: «Пойдем в пещеру к Феодосию». Я и пришел с игуменом, в тайне от всех, и рассмотрели, куда копать, и обозначили место, где копать,— в стороне от входа. Сказал же мне игумен: «Не смей рассказывать никому из братии, чтобы никто не узнал, но возьми кого хочешь, чтобы тебе помог». Я же приготовил в тот день мотыги, чтобы копать. И во вторник вечером, в сумерки, взял с собою двух братьев, и в тайне от всех пришел в пещеру, и, отпев псалмы, стал копать. И, устав, дал копать другому брату, и копали до полуночи, утомились и не могли докопаться, и начал тужить, что копаем в сторону. Я же, взяв мотыгу, начал усердно копать, а друг мой почивал перед пещерою и сказал мне: «Ударили в било!» И я в это мгновение докопался до мощей Феодосиевых. И когда он мне сказал: «Ударили в било», я сказал: «Уже прокопал». Когда же прокопал, охватил меня ужас, и стал взывать: «Господи, помилуй». В это время сидели в монастыре два брата и смотрели в сторону пещеры: игумен еще не сказал тогда, с кем он будет переносить его тайно. Когда ударили в било, увидели они три столпа, точно светящиеся дуги, и, постояв, передвинулись эти дуги на верх церкви, где был положен потом Феодосий. В это же время Стефан, который раньше был игуменом на месте Феодосия,

в се же время бысть епископъ,— видѣ въ своемь манастыри *чрес* поле зарю велику надъ печерою; мнѣвъ, яко несуть Феодосья, бѣ бо ему възвѣщено преже днемь единѣмъ, и сжаливъси, яко без него *преносять* и, всѣдъ на конь, вборзѣ поѣха, поимъ с собою *Климента*, его же игумена постави в свое мѣсто. И идяста, видуче зарю велику. *И* яко придоста близь, видѣста свѣщѣ многы надъ печерою, и придоста к печерѣ, *и* не видѣста ничтоже, и придоста дну в печеру, нам сѣдящемъ у мощий его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: «Приди да вынемемъ и́». Игумен же приде з двѣма братома; *и* прокопах велми, и влѣзохом, и *видѣхом* лежащь мощьми, но *состави* не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху. *И* взложьше и́ на вариманътью и, *веземше на рамо,* вынесоша и́ предъ пещеру. На другый же день собрашася епископи: Ефрѣмъ Переяславьскый, Стефанъ Володимерьскый, Иоан Черниговьскый, *Маринъ Гурьгевьский,* игумени от всѣхъ манастыревъ с черноризци; придоша и людье благовѣрнии, и взяша мощѣ Феодосьевы с тѣмьяномъ и съ свѣщами. И принесше положиша и́ в церкви своей ему, в притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, в день четвертъкъ, въ час 1 дне, индикта 14, лѣта... *И* праздноваша свѣтло въ тъ день.

Се же повѣмь мало нѣчто, еже ся събысть пророченье Феодосьево. Игуменьство бо Феодосью держащю в животѣ своемь, правящю стадо, порученое ему богомь,— черноризци, не токмо *же* си едины, но и мирьскыми печашеся о душахъ ихъ, како быша спаслися, паче же о духовныхъ сынѣхъ своихъ, утѣшая и наказая приходящая к нему, *другоици* в домы ихъ приходя и благословенье имъ подавая. Единою бо ему пришедшю в домъ Яневъ къ Яневи и к подружью его Марьи,— Феодосий бо бѣ любя я̀, зане же живяста по заповѣди господни и в любви межи собою пребываста,— единою же ему пришедшю к нима, и учашеть я̀ о милостыни къ убогымъ, о цесарьствии небеснѣмь, еже прияти праведником, а грѣшником муку, *и* о смертнѣмь часѣ. И се ему глаголющю о положении тѣла в гробѣ има, рече ему *Яневая:* «Кто вѣсть, кдѣ си мя положать?». Рече же ей Феодосий: «Поистинѣ идѣже лягу азъ, ту и ты положена будеши». Се же сбысться. Игумену же бо преставльшюся преже, о 18 лѣто се сбысться: в се бо лѣто преставися Яневая, именемь Марья, мѣсяца августа 16 день, и пришедше черноризьци, пѣвше обычныя пѣсни, и, принесше, положиша ю̀ в церкви святыя Богородиця, противу гробу Феодосьеву, на шюей странѣ. Феодосий бо положенъ бысть въ 14, а *сия* въ 16.

Се же сбысться пророченье блаженаго отца нашего Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и с расмотреньемь, блюда ихъ и бдя за *ня*, моляся за порученое ему стадо и за люди хрестьяньскыя, за землю Русьскую, иже и по *отшествии* твоемь от сея жизни

а теперь был уже епископом, видел в своем монастыре за полем зарю великую над пещерою; решив, что несут Феодосия, так как за день до того было ему возвещено об этом, и пожалев, что переносят без него, Стефан сел на коня и быстро поехал, взяв с собою Климента, которого он потом поставил вместо себя игуменом. И когда они ехали, видели они великую зарю. И когда приблизились, увидели свечей множество над пещерою, и подошли к пещере, и не увидели ничего, и вошли в глубину пещеры, а мы сидели тогда у мощей. Когда я прокопал, послал я к игумену: «Приходи, вынем его». Игумен же пришел с двумя братьями; и я сильно раскопал, и влезли мы и увидели лежащие мощи; суставы не распались, и волосы на голове присохли. И, положив его на мантию и подняв на плечи, вынесли его перед пещеру. На другой же день собрались епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, игумены из всех монастырей с черноризцами; пришли и люди благоверные и взяли мощи Феодосиевы, с темьяном и со свечами. И, принеся, положили его в церкви его, в притворе, по правой стороне, месяца августа в 14-й день, в четверг, в час дня, индикта 14-го, года... И праздновали светло день тот.

Теперь коротко поведаю о том, как сбылось пророчество Феодосия. Еще когда Феодосий был жив и держал игуменство, управляя стадом черноризцев, порученным ему богом, пекся он не только о них, но и о мирянах — о душах их, как бы им спастись, особенно о духовных сынах своих, утешая и наставляя приходящих к нему, а иногда приходя в дома их и благословение им подавая. Однажды, придя в дом Янев к Яню и к жене его Марье,— ибо Феодосий любил их за то, что они жили по заповеди господней и в любви между собой пребывали,— однажды, зайдя к ним, поучал он их о милостыне убогим, о царствии небесном, которое заслужат праведники, тогда как грешники муку, и о смертном часе. И когда он говорил о положении тел их во гроб, сказала ему жена Яня: «Кто знает, где меня похоронят?» Сказал же ей Феодосий: «Воистину, где лягу я, там и ты похоронена будешь». Что и сбылось. Игумен умер раньше ее, а на восемнадцатый год это и сбылось: ибо в тот год преставилась жена Яня именем Марья, месяца августа в 16-й день, и пришли черноризцы, отпели положенные песнопения и принесли и положили ее в церкви святой Богородицы, против Феодосиева гроба, по левую сторону. Феодосий был похоронен 14-го, а та 16-го.

Так сбылось пророчество блаженного отца нашего Феодосия, доброго пастуха, пасшего словесные овцы нелицемерно, с кротостью и со вниманием, наблюдая за ними и опекая их, молясь за порученное ему стадо и за людей христианских, за землю Русскую, за которых, и по отшествии от сего света,

молишися за люди вѣрныя и за своя ученикы, иже, взирающе на раку твою, поминають ученье твое и въздержанье твое, *и* прославляють бога. Азъ же, грѣшный твой рабъ и ученикъ, недоумѣю, чимь похвалити добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нѣчто: «Радуйся, отче нашь и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, богу послужилъ еси в тишинѣ, въ мнишьскомь житьи, всяко собѣ принесенье божественое принеслъ еси, пощеньемь превозвышься, плотьскых страстий и сласти възненавидѣвъ, красоту и желанье свѣта сего отринувъ, вслѣдуя *стопама* высокомысленымъ отцемь, ревнуя *им*, молчаньем възвышаяся, смѣреньем украшаяся, в словесѣхъ книжных веселуяся. Радуйся, укрѣплься надежею вѣчныхъ благъ, *их же* приимъ, умертвивъ плотьскую похоть, источникъ безаконья и мятежь, преподобне, бѣсовьскых *козней* избѣгъ и от сѣти его. С праведными, отче, почилъ еси, въсприимъ противу трудомъ своимъ възьмездье, отцемь наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью ихъ и нраву ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ правя. Паче же ревноваше великому Феодосью нравомь и житьемь, подобяся житью его и въздержанью ревнуя, послѣдьствуя обычаю его, и преходя от дѣла в дѣло уньшее, и обычныя молбы богу въздая, в воню благоуханья принося кадило молитвеное, темьянъ благовоньный. Побѣдивъ мирьскую похоть и миродержьця князя вѣка сего, супротивника поправъ дьявола и его козни, побѣдникъ явися, противным его стрѣлам и гордымъ помысъломь ставъ супротивно, укрѣпивъся оружьемь крестнымь и вѣрою непобѣдимою, божьею помощью. Молися за мя, отче честный, избавлену быти от сѣти неприязнины, и от противника врага сблюди мя твоими молитвами».

В се же лѣто *бысть* знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца маия 21 день. В се же лѣто бысть: Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змий от небесе, *и* ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша. В се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

В лѣто 6600. Предивно бысть *чюдо* Полотьскѣ в мечтѣ: бываше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. Посемь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди *полоцкыя* и его область. Тѣмь и человѣци глаголаху, яко *навье* бьють полочаны. Се же знаменье поча быти от

молишься за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на гроб твой, вспоминают поучения твои и воздержание твое и прославляют бога. Я же, грешный твой раб и ученик, недоумеваю, как восхвалить доброе твое житие и воздержание. Но скажу немногое: «Радуйся, отче наш и наставник! Мирской шум отвергнув, молчание возлюбив, богу послужил ты в тишине, в монашеском житии, всякое себе божественное приношение принес, постом превознесся, плотские страсти и наслаждения возненавидел, красоту и желания света сего отринул, следуя по стопам высокомысленных отцов, соревнуясь с ними, в молчании возвышаясь и смирением украшаясь, в словесах книжных находя веселие. Радуйся, укрепившись надеждою на вечные блага, приняв которые, умертвив плотскую похоть, источник беззакония и волнений, ты, преподобный, бесовских козней избег и сетей. С праведными, отче, почил, получив по трудам твоим возмездие, став наследником отцов, последовав учению их и нраву их, воздержанию их и правила их соблюдая. Всего более хотел уподобиться ты великому Феодосию нравом и образом жизни, подражая его житию и в воздержании с ним соперничая, последуя его обычаям и переходя от одного хорошего дела к еще лучшему, и положенные молитвы к богу вознося, вместо благоухания принося кадило молитвенное, темьян благовонный. Победив мирскую похоть и миродержца — князя мира сего, врага поправ дьявола и его козни, победителем явился, противостав вражеским его стрелам и гордым помыслам, укрепясь оружием крестным и верою непобедимою, божьею помощью. Молись за меня, отче честный, чтобы избавиться мне от сети вражеския, и от противника-врага соблюди меня твоими молитвами».

В тот же год знамение было на солнце, как будто бы должно было оно погибнуть и совсем мало его осталось, как месяц стало, в час второй дня, месяца мая в 21-й день. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышгородом и были уже закинуты тенета и кличане кликнули, упал превеликий змей с неба, и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхв объявился в Ростове и вскоре погиб.

В год 6600 (1092). Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение

Дрьютьска. В си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. В се же лѣто ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; *и* многа знаменья бываху по мѣстомь; и рать велика бяше от половець и отвсюду; взяша 3 грады: Пѣсоченъ, Переволоку, *Прилукъ*, и многа села воеваша по обѣма странома. В се же лѣто воеваша половци ляхы с Василькомь Ростиславичемь. В се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. В си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты, яко «Продахомъ корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячь». Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши *и* неправды. Се же наведе на ны богъ, веля нам имѣти покаянье и въстягнутися от грѣха, и от зависти и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязнинъ.

В лѣто 6601, индикта I лѣто, преставися великый князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимерь, мѣсяца априля въ 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли сущи тогда страстнѣй и дни сущю четвертку, в онь же положенъ бысть в гробѣ в велицѣй церькви святыя Софья. Сий бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци *и* подаяше требованье имъ. Бѣ же и самъ въздержася от *пьяньства* и от похоти, тѣмь любимъ бѣ отцемь своимъ, яко глаголати отцю к нему: «Сыну мой! Благо тобѣ, яко слышю о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильемь, то егда богъ отведеть тя от житья сего, да ляжеши, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее». Се же сбысться *глаголъ* отца его, якоже глаголалъ бѣ. Сему приимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего, сѣде Кыевѣ княжа. Быша ему печали болше паче, неже сѣдящю ему в Переяславли. Сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему от сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти *ов сея, ово же другие; сей же, омиряя их раздаваша власти* имъ. В сихъ *печали* всташа и недузи ему, *и* приспѣваше старость к симъ. И нача любити смыслъ уных, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити й негодовати дружины своея первыя, и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людий продавати, сему не *вѣдущу* в болѣзнех своихъ. Разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего Володимера Чернигову. Пришедшю Володимеру, видѣвъ й велми болна суща, и *плакася*. Пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меншему, прешедшю же часу, преставися тихо и кротко и *приложися* ко отцемъ своимъ, княживъ лѣт 15 Кыевѣ,

с Друцка. В те же времена было знамение в небе — точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота; и много знамений было по местам; и рать великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел повоевали по обеим сторонам. В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем. В тот же год умер Рюрик, сын Ростислава. В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста семь тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских.

В год 6601 (1093), индикта в 1-й год, преставился великий князь Всеволод, сын Ярослава, внук Владимиров, месяца апреля в 13-й день, а погребен был в 14-й день; неделя была тогда страстная и день был четверг, когда он положен был в гробу в великой церкви святой Софии. Сей благоверный князь Всеволод был с детства боголюбив, любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, так что говорил ему отец его: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насильем, то когда бог пошлет тебе смерть, ложись, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего, и сел княжить в Киеве. Были у него огорчения бо́льшие, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, горе было ему от племянников его, так как начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях появились и недуги, а за ними приспела и старость. И стал он любить образ мыслей младших, устраивая совет с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев его совсем больного, заплакал. В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшего, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, княжив в Киеве пятнадцать лет,

а в Переяславли лѣто, а в Черниговѣ лѣто. Володимеръ же плакавъся с Ростиславомъ, братом своимъ, спрятаста тѣло его. И собрашася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простии людье, *и* вземше тѣло его, со обычными пѣснми положиша и́ въ святѣй Софьи, якоже рекохом преже.

Володимеръ же нача размышляти, река: «Аще сяду на столѣ отца своего, то имам рать съ Святополком взяти, яко есть столъ преже отца его былъ». И, размысливъ, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И минувшую велику дни, прешедши Празднѣй недѣли, в день антипаскы, мѣсяца априля въ 24 день, приде Святополкъ Кыеву. *И* изидоша противу ему кияне с поклоном, и прияша и́ с радостью, *и* сѣде на столѣ отца своего и строя своего. В се же время поидоша половци на Русьскую землю; слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здумавъ с болшею дружиною отнею и строя своего, свѣтъ створи с пришедшими с нимъ, *и* изъимавъ слы, всажа и́ в-истобъку. Слышавше же се половци, почаша воевати. И придоша половци мнози и оступиша Торцийскый град. Святополкъ же пусти слы половецьскыѣ, хотя мира. И не всхотѣша половци мира, и ступиша половци воюючи. Святополкъ же поча сбирати вое, хотя на *ня*. И рѣша ему мужи смыслении: «Не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой». Он же рече: «Имѣю отрокъ своих 700, иже могуть противу имъ стати». Начаша же друзии несмыслении глаголати: «Поиди, княже». Смыслении же глаголаху: «Аще бы *ихъ* пристроилъ и 8 тысячь, не лихо *ти* есть: наша земля оскудѣла есть от рати и от продажь. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помоглъ». Святополкъ же, послушавъ ихъ, посла к Володимеру, да бы помоглъ ему. Володимерь же собра вои свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку. Володимеру же пришедшю Киеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межи собою распря и которы, и *уладившася*, цѣловаста крестъ межи собою, половцемъ воюющим по земли, и рѣша има мужи смыслении: «Почто вы распря *имата* межи собою? А погании губять землю Русьскую. Послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганым любо с миромъ, любо ратью». Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати. И поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю, *и* придоша къ *Стугнѣ*. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на свѣтъ, хотяче поступити чресъ рѣку, и начаша думати. *И* глаголаше Володимеръ, яко «Сдѣ стояче чересъ рѣку, в грозѣ сей, створимъ миръ с ними». И пристояху совѣту

а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же, оплакав его с Ростиславом, братом своим, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простые люди, и, взяв тело его, со всеми полагающимися песнопениями положили его в церкви святой Софии, как уже сказали мы раньше.

Владимир же стал размышлять, говоря: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». И, размыслив, послал по Святополка в Туров, а сам пошел к Чернигову, а Ростислав к Переяславлю. И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего. В это время пошли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, хотя мира. И не захотели половцы мира, и наступали половцы, воюя. Святополк же стал собирать воинов, собираясь против них. И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков своих семьсот, которые могут им противостать». Стали же другие неразумные говорить: «Пойди, князь». Разумные же говорили: «Если бы выставил их и восемь тысяч, и то было бы не плохо: наша земля оскудела от войны и от продаж. Но пошли к брату своему Владимиру, чтобы он тебе помог». Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал по Ростислава, брата своего, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю,— и сказали им мужи разумные: «Зачем у вас распри между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу поганым — либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне. Святополк же, и Владимир, и Ростислав созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир, что «пока за рекою стоим, под угрозой, заключим мир с ними». И присоединились к совету

сему смыслении мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотѣша *совѣта сего*, но рекоша: «Хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки». *И* възлюбиша *съвѣтъ* сь и преидоша Стугну рѣку. Бѣ бо наводнилася велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ, исполчивше дружину, поидоша. И идяше на деснѣй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ. *И*, минувше Треполь, проидоша валъ. И се половци идяху противу, и стрѣлци *противу* пред ними; нашимь же ставшимъ межи *валома*, поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци из валу. И половци, пришедше к валови, поставиша стягы своѣ, и *налегоша* первое на Святополка, и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не стерпяче ратных противленья, и *послеже* побѣже Святополкъ. Потомь наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побѣже и Володимеръ с Ростиславомъ *и вои его*. *И* прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ с Ростиславомъ, *и* нача утапати Ростиславъ пред очима Володимерима. И хотѣ похватити брата своего и мало не утопе самъ. И утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же *пребредъ* рѣку с малою дружиною,— мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша,— и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, *и иде* Чернигову печаленъ зѣло. Святополкъ же вбѣже в Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Киеву. Половци же, видѣвше *одолѣвше*, пустиша по земли воююче, а друзии възвратишася к Торцьскому. Си же ся злоба сключи въ день Възнесенья господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же, искавше, обрѣтоша в рѣцѣ *и*, вземше, принесоша и́ Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради. И собрашася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положиша и́ у церкви святыя Софьи у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскый, противящимъ же ся торкомъ и крѣпко борющимъся из града, убиваху многы от противных. Половци же начаша налѣгати и отъимаху воду, и изнемагати начаша людье в градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: «Аще не пришлеши брашна, предатися имамы». Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкраститися в градъ множьствомь вой ратных. *И стояша* около града недѣль 9, и раздѣлишася надвое: *едини* сташа у града, рать борюще, а друзии поидоша Кыеву, *и* пустиша на воропъ межи Кыевъ и Вышегородъ. Святополкъ же *выиде* на Желаню, и поидоша противу собѣ обои, и съступишася, и укрѣпися брань. И побѣгоша наши пред иноплеменьникы, *и* падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша, *и быша* мертви, паче неже у Трьполя. Святополкъ же приде Киеву самъ третий, а половци возвратишася к Торцьскому. Быша си злая мѣсяца иуля въ 23.

этому разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки». И понравился совет этот, и перешли Стугну-реку. Сильно вздулась она тогда водою. Святополк же, и Владимир, и Ростислав, исполчив дружину, выступили. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посредине же был Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал. И вот половцы пошли навстречу, а стрельцы их перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и двинулись стрельцы из-за вала. А половцы, подойдя к валу, поставили свои стяги, и налегли прежде всего на Святополка, и взломили полк его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. Потом налегли на Владимира, и был бой лютый; побежали и Владимир с Ростиславом и воины его. И прибежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал утопать Ростислав на глазах у Владимира. И захотел подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с малою дружиной,— ибо много пало людей из полка его и бояре его тут пали,— и, перейдя на ту сторону Днепра, плакал по брате своем и по дружине своей и пошел в Чернигов сильно опечаленный. Святополк же вбежал в Треполь, и заперся тут, и был тут до вечера, и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя, что победили, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Случилась эта беда в день Вознесения господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день. Ростислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди печалились о нем сильно, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии около отца его. Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятельских. И стояли около города девять недель, и разделились надвое: одни стали у города, борясь с противником, а другие пошли к Киеву и сделали набег между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и поднялось сражение. И побежали наши от иноплеменников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день.

Наутрия же въ 24, въ святою мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь *великъ* в градѣ, а не радость, грѣхъ ради наших великихъ и неправды, за умноженье безаконий наших.

Се бо на ны богъ попусти *поганыя*, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злых дѣлъ. Симь казнить ны нахоженьемь поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся от злаго пути своего. Сего ради в праздникы богъ нам наводить сѣтованье, якоже ся створи в се лѣто первое зло на Възнесенье господне, еже у Трьполя, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля. Сего ради пророкъ глаголаше: «Преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье». *Сотвори бо ся плачь великъ в* земли *нашей*, опустѣша села наша и городи наши, быхом бѣгаючи пред врагы нашими. Якоже пророкъ глаголаше: «Падете пред врагы вашими, поженуть вы ненавидящии вас, и побѣгнете, никому женущю вас. Скрушю руганье гордыни вашея, и будеть в тщету крѣпость ваша, убьеть вы приходяй *мечь, и* будеть земля ваша пуста, и двори ваши пусти будут. Яко вы худи есте и лукави, и азъ поиду к вамъ яростью лукавою». Тако глаголеть господь богъ израилевъ. *Ибо* лукавии сынове измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемь, да не чюдится никтоже о семь: «Идеже множьство грѣховъ, ту видѣнья всякого показанье». Сего ради вселеная предасться, сего ради гнѣвъ простреся, сего ради земля мучена бысть: ови ведуться полонени, друзии посѣкаеми бывають, *друзии на месть даеми бывають*, горкую смерть приемлюще, друзии трепечють, зряще убиваемых, друзии гладомъ умаряеми и водною жажею. Едино прѣщенье, едина казнь, многовещныя имуще раны, различныя *печали* и страшны мукы, овы вяжемы и пятами пхаеми, и на зимѣ держими и ураняеми. И се притранѣе и страшнѣе, яко на хрестьяньстѣ родѣ страхъ и колѣбанье *и* бѣда упространися. Праведно и достойно есть! Тако да накажемъся, тако вѣру имем, кажеми есмы: подобаше нам *«Преданымъ быти* в рукы языку странну и безаконьнѣйшю всея земля». Рцѣмъ велегласно: «Праведенъ еси, господи, и прави суди твои». Рцѣмъ по оному разбойнику: «Мы достойная, яже сдѣяхомъ, прияхом». Рцѣмъ и со Иовомъ: «Яко господеви любо бысть, тако и бысть; буди имя господне благословено в вѣкы». Да *нахожениемъ* поганых и мучими ими владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахом; прославлени бывше, не прославихом; почтени бывше, не почтохом; освятившеся, не разумѣхом; куплени бывше, не поработахом; породивъшеся, не яко отца постыдѣхомся, согрѣшихом, и казними есмы. Якоже створихом, тако и стражем: городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемъ поля, идеже пасоми бѣша стада конь, овця и волове,

Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших.

Это бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего. Для этого в праздники бог посылает нам сетование, как в этом году случилась на Вознесение господне первая напасть у Треполя, вторая — в праздник Бориса и Глеба; это есть новый праздник Русской земли. Вот почему пророк сказал: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание». И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и были в бегах мы перед врагами нашими. Как сказал пророк: «Падете перед врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побежите, никем не гонимы. Сокрушу наглость гордыни вашей, и будет тщетной сила ваша, убьет вас захожий меч, и будет земля ваша пуста, и дворы ваши будут пусты. Так как вы дурны и лукавы, то и я приду к вам с яростью лукавой». Так говорит господь бог Израилев. Ибо лукавые сыны Измаила пожигали села и гумна и многие церкви запалили огнем, да никто не подивится тому: «Где множество грехов, там видим и всяческое наказание». Сего ради и вселенная предана была, сего ради и гнев распространился, сего ради и народ подвергся мучениям: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на месть, и они принимают горькую смерть, иные трепещут, видя убиваемых, иных голодом умерщвляют и жаждою. Одно наказание, одна казнь, разнообразные имеющая бедствия, различны печали и страшны муки тех, кого связывают и пинают ногами, держат на морозе и кому наносят раны. И тем удивительнее и страшнее, что в христианском роде страх, и колебанье, и беда распространились. Праведно и достойно, когда мы так бываем наказываемы. Так будем веру иметь, если будем наказываемы: подобало нам «преданным быть в руки народа чужого и самого беззаконного на всей земле». Скажем громко: «Праведен ты, господи, и правы суды твои». Скажем по примеру того разбойника: «Мы достойное получили по делам нашим». Скажем и с Иовом: «Как господу угодно было, так и случилось; да будет имя господне благословенно вовеки». Через нашествие поганых и мучения от них познаем владыку, которого мы прогневали: прославлены были — и не прославили его, чествуемы были — и не почтили его, просвещали нас — и не уразумели, наняты были — и не поработали, родились — и не усовестились его как отца, согрешили — и наказаны теперь. Как поступили, так и страдаем: города все опустели; села опустели; пройдем через поля, где паслись стада коней, овцы и волы,

все *тще* нонѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣемъся на милость божью; кажеть бо ны добрѣ благый владыка, «Не по безаконью нашему створи нам и по грѣхомъ нашим въздасть нам»; тако подобаеть благому владыцѣ казати не по множьству грѣховъ. Тако господь створи нам: созда, падшая *въстави*, Адамле преступленье прости, баню нетлѣнья дарова и свою кровь за ны излья. Якоже ны видѣ неправо пребывающа, нанесе нам сущюю рать и скорбь, да *и* не хотяще всяко в будущий вѣкъ обрящем милость; душа бо, сдѣ казнима, всяко милость в будущий вѣкъ обрящеть и лготу от мукъ, не мьстить бо господь дважды о томь. О неиздреченьному человѣколюбью! якоже видѣ ны *неволею* к нему обращающася. О тмами любве, еже к нам! понеже хотяще уклонихомся от заповѣдий его. Се уже не хотяще терпим, се с нужею, *и* понеже неволею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье? Нонѣ же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ в насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по всѣмъ улицам упространися избьеных ради, иже избиша безаконьнии.

Половци воеваша много, и възвратишася к Торцьскому, и изнемогоша людье в градѣ гладомь и предашася ратнымъ. Половци же, приимше град, запалиша й огнем, люди раздѣлиша и ведоша в вежѣ к сердоболем своимъ и сродником своимъ; мъного роду хрестьяньска: стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвше лици, почернѣвше телесы; *незнаемою* страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: «Азъ бѣхъ сего города», и други: «А язъ сея вси»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюче, очи возводяще на небо к вышнему, свѣдущему тайная.

Да никтоже дерзнеть рещи, яко ненавидими богомь есмы! Да не будеть! Кого бо тако богъ любить, якоже ны взлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же! Имъ же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣх почтени бывше, горѣе всѣх сдѣяхом грѣхы. Якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, владычню волю *вѣдуще,* и презрѣвше, в лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный и много и часто бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни.

В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октямбря въ 1 день; а погребенъ бысть ноямбря въ 16, в церкви святыя Богородиця Десятиньныя.

В лѣто 6602. Сотвори миръ Святополкъ с половци и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго. Том же лѣтѣ приде Олегъ с половци ис Тъмутороконя, *и* приде

и все бесплодным ныне увидим; нивы заросшие стали жилищем зверям. Но надеемся все же на милость божию; наказывает нас хорошо благой владыка, «не по беззаконию нашему соделал нам, но по грехам нашим воздал нам». Так подобает благому владыке наказывать не по множеству грехов. Так господь сотворил нам: создал нас и падших поднял, Адамово преступление простил, нетление даровал и свою кровь за нас пролил. Вот и нас видя в неправде пребывающими, навел на нас эту войну и скорбь, чтобы и те, кто не хочет, в будущей жизни получили милость; потому что душа, наказываемая здесь, всякую милость в будущей жизни обрящет и освобождение от мук, ибо не мстит господь дважды за одно и то же. О неизреченное человеколюбие! ибо видел нас, поневоле к нему обращающихся. О безграничная любовь его к нам! ибо сами захотели уклониться от заповедей его. Теперь уже и не хотим, а терпим — по необходимости и поневоле, терпим, но как бы и по своей воле! Ибо где было у нас умиление? А ныне все полно слез. Где у нас было воздыхание? А ныне плач распространился по всем улицам из-за убитых, которых избили беззаконные.

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, в неизвестной стране, с языком воспаленным, голые бродя и босые, с ногами, опутанными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я — из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к вышнему, ве́дающему все сокровенное.

Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы мы богом! Да не будет! Ибо кого так любит бог, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и хуже всех совершили грехи. Ибо больше всех просвещены были, зная волю владычную, и, презрев ее, как подобает, больше других наказаны. Вот и я, грешный, много и часто бога гневлю и часто согрешаю во все дни!

В тот же год скончался Ростислав, сын Мстислава, внук Изяслава, месяца октября в 1-й день; а погребен был 16 ноября, в церкви святой Богородицы Десятинной.

В год 6602 (1094). Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмуторокани и подошел

Чернигову, Володимеръ же затворися в градѣ. Олегъ же приде к граду и пожже около града, и манастырѣ пожже. Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде из града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не *възбраняющю*, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе поганыя на землю Руськую, его же грѣха дабы и́ богъ простилъ, зане же много хрестьянъ изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям. В се же лѣто придоша прузи на Руськую землю, мѣсяца августа въ 26, *и* поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано в днехъ первых в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша. В се же лѣто преставися епископъ Володимерскый Стефан, мѣсяца априля въ 27 день, въ час 6 нощи, бывъ преже игуменъ Печерьскому манастырю.

В лѣто 6603. Идоша половци на Грькы с Девгеневичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь *я̀* Девгенича, и повелѣ и́ слѣпити. В то же лѣто придоша половци, Итларь и Кытанъ, к Володимеру на миръ. Приде Итларь в градъ Переяславль, а Кытанъ ста межи валома с вои; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларь бысть в градѣ с лѣпшею *дружиною*. В то же время бяше пришелъ Славята ис Кыева к Володимеру от Святополка *на нѣкое орудие*; и начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимером о погубленьи *Итларевы* чади. Володимеру же не *хотящу* сего створити, отвѣща бо: «Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ». Отвѣщавше же дружина, *рекоша* Володимеру: «Княже! Нѣту ти в томъ грѣха; да они, всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Руськую и кровь хрестьяньску проливають бесперестани». И послуша ихъ Володимеръ, и в ту нощь посла Володимеръ Славяту с нѣколикою дружиною и с торкы межи валы. *И* выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша. Вечеру сущю тогда суботному, а Итлареви в ту нощь лежащю у Ратибора на дворѣ с дружиною своею и не *вѣдущю,* что ся надъ Кытаномь створи. Наутрия *же*, в недѣлю, заутрени *сущи* годинѣ, пристрои Ратиборъ отрокы въ оружьи, *и* истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего Бяндюка по Итлареву чадь, и рече Бяндюкъ Итлареви: «Зовет вы князь Володимеръ, реклъ тако: обувшеся в теплѣ избѣ *и* заутрокавше у Ратибора, приѣдите ко мнѣ». И рече Итларь: «Тако буди». *И* яко влѣзоша въ истобку, тако запрени быша. Възлѣзше на истобку, прокопаша *верхъ*, и тако Ольбегъ Ратиборичь *примъ* лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя в сердце, и дружину его всю избиша. И тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, в недѣлю сыропустную, въ час 1 дне, мѣсяца февраля въ 24 день.

к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слыхано было в земле Русской с первых ее дней того, что видели очи наши, за грехи наши. В том же году преставился епископ владимирский Стефан, месяца апреля в 27-й день в шестой час ночи, а прежде был игуменом Печерского монастыря.

В год 6603 (1095). Ходили половцы на Греческую землю с Девгеневичем, воевали по Греческой земле; и цесарь захватил Девгеневича и приказал его ослепить. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадь, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?» И отвечала дружина Владимиру: «Княже! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между валов. И, выкрав сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда субботний, а Итларь в ту ночь лежал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что сделали с Кытаном. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир, а сказал так: «Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне». И сказал Итларь: «Пусть так». И как вошли они в истопку, так и заперли их. Взлезши на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, попал Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так бедственно окончил жизнь свою Итларь, в неделю сыропустную, в часу первом дня, месяца февраля в 24-й день.

Святополкъ же и Володимеръ посласта къ Ольгови, *веляща* ему поити на половци с собою. Олегъ же обѣщавъся с нима, и пошедъ, не иде с нима в путь единъ. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, *и* полониша скоты и конѣ, вельблуды и челядь, и приведоста *я̀* в землю свою. И начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедшю ему с нима на поганыя. И *посласта* Святополкъ и Володимеръ къ Олгови, глаголюще сице: «Се ты не шелъ еси с нама на поганыя, иже погубили суть землю Русьскую, а се у тобе есть Итларевичь: любо убий, любо и́ дай нама. То есть ворогъ *нама и* Русьстѣй земли». Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть.

В се же лѣто приидоша половци к Гургеву, и *стояша* около его лѣто все, и мало не взяша его. Святополкъ же омири *я̀*. Половци же *приидоша* за Рось, гюргевци же выбѣгоша и идоша Кыеву. Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, в свое имя нарекъ Святополчь городъ, и повелѣ епископу *Марину* съ *гургевци* сѣсти ту, и засаковцемъ, и прочимъ от инѣхъ градъ; а Гюргевъ зажгоша половци тощь. Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичь из Новагорода Смолиньску; новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. *И* поемше ведоша и́ Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к нам». *И* пошедъ Давыдъ, воротися Смолиньску, и сѣде Смолиньскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде. В се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь, ис Курска к̓ Мурому. *И* прияша и́ муромци, и посадника я Олгова. В се же лѣто придоша прузи, *мѣсяца августа* въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощнымъ странамъ, *ядуще* траву и проса.

В лѣто 6000 и 604. Святополкъ и Володимеръ *посласта* къ Олгови, глаголюща сице: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отець нашихъ, и пред людми градьскыми, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых». Олег же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом». И не въсхотѣ ити к братома своима, послушавъ злых свѣтникъ. Святополкъ же и Володимеръ рекоста к нему: «Да се ты ни на поганыя идеши, ни на свѣтъ к нама, то ты мыслиши на наю и поганым помагати хочеши, а богъ промежи нами будеть». Святополкъ же и Володимеръ *поидоста* на Олга Чернигову; Олег же выбѣже изъ Чернигова, мѣсяца мая въ 3 день, в суботу. Святополкъ же и Володимеръ *гнаста по нем, Олегъ же вбѣже въ Стародубъ и затворися ту; Святополкъ же и Володимеръ* оступиста и́ в градѣ, *и* бьяхутся из города крѣпко, а си приступаху къ граду, и язвени бываху мнози от обоихъ.

Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, обещав и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою. И стали гнев держать на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними вражда.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву и простояли около него лето все и едва не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы же пришли за Рось, юрьевцы же выбежали и пошли к Киеву. Святополк же приказал рубить город на Витичевском холме, по своему имени назвал его Святополчим городом и приказал епископу Марину с юрьевцами поселиться там и засаковцам, и другим из других городов; а покинутый людьми Юрьев сожгли половцы. В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И воротился Давыд в Смоленск и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимиров, из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватил Олегова. В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.

В год 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам». И не захотел идти к братьям своим, послушав злых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: «Так как ты не идешь на поганых, ни на совет к нам, то, значит, ты злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — так пусть бог рассудит нас». И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир гнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и там затворился; Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те ходили приступом на город, и раненых было много с обеих сторон.

И бысть межю ими брань люта, и стояше около града дний 30 и 3, и изнемагаху людье в градѣ. И вылѣзе Олегъ из града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекъше сице: «Иди к брату своему Давыдови, и придѣта Киеву на столъ отець наших и дѣдъ наших, яко то есть старѣйшей град в земли во всей, Кыевъ; ту достойно снятися и порядъ положити». Олег же обѣщася се створити, и на семь цѣловаша крестъ.

В се же время приде Бонякъ с половци *къ* Кыеву, в недѣлю от вечера, и повоева около Кыева, и пожже на Берестовѣмь дворъ княжь. В се же время воева Куря с половци у Переяславля, и Устье пожже, мѣсяца мая 24 день. Олегъ же выйде и-Стародуба, и приде Смолиньску, и не прияша его смолняне, и иде к Рязаню. Святополкъ же и Володимеръ поидоста в своязи. Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, *к Переяславлю*, мѣсяца мая 30 и ста около града, а переяславьци затворишася в градѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сей сторонѣ Днѣпра, и придоста къ Зарубу, *и ту* перебродистася, и не очютиша ихъ половци, богу схраншю ихъ, и, исполчившеся, поидоста к граду; гражане же узрѣвше, ради *быша,* и поидоша к нима, а половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святополкъ же и Володимеръ вбредоста в Трубежь к половцемъ, Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаша, но udариша в конѣ к противнымъ. Се видѣвше половци и побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратных, сѣкуще противьныя. И сдѣя господь въ тъ день спасенье велико: мѣсяца иулия въ 19 день побѣжени быша *иноплеменници,* и князя ихъ убиша Тугоркана и сына его и ини князя; мнози врази наши ту падоша. На заутрье же налѣзоша Тугоркана мертвого, и *взя* и́ Святополкъ, акы тьстя своего и врага; *и* привезше и́ *к* Кыеву погребоша и́ на Берестовѣмь, межю путемъ, идущимъ на Берестово, и другымь, в манастырь *идущимъ*. И въ 20 того же мѣсяца, в пятокъ, *1 час дне*, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, *к* Кыеву внезапу, и мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася *на* манастырь, и въжгоша Стефановъ манастырь, и деревнѣ, и Герьманы. И придоша *на* манастырь Печерьскый, намъ сущим по кѣльямъ почивающим по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскыми, намъ же бѣжащим задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшим на полати. Безбожныѣ же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и *изношаху*, аще что обрѣтаху в кельи; посемь въжгоша домъ святыя владычицѣ нашея Богородицѣ, и придоша к церкви, и зажгоша двери, *яже* къ угу устроении, и вторыя же

И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить». Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

В то же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева, и пожег на Берестове двор княжеский. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег, месяца мая в 24-й день. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани. Святополк же и Владимир пошли восвояси. В тот же месяц пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу, и там перешли вброд, и не заметили их половцы, бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись. Святополк же и Владимир пошли вброд через Трубеж к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались, но ударили по коням и бросились на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов. И содеял господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменники, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца, в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед вратами монастырскими, а мы бежали задами монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сыны Измаиловы вырубили врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери, и выносили, если что находили в келье; затем выжгли дом святой владычицы нашей богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне, и вторые —

к сѣверу, *и* влѣзше в притворъ у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху бога и законъ нашь. Богъ же терпяше, еще бо не скончалися бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмь глаголаху: «Кдѣ есть богъ ихъ? Да поможеть имъ и избавить я!». И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающеся, не вѣдуще, яко богъ кажеть рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено в горну: хрестьяномъ бо многыми скорбьми и напастьми внити в царство небесное, а симъ поганым и ругателем на семь свѣтѣ приимшим веселье и *пространьство*, а на ономь свѣтѣ приимуть муку, с дьяволом уготовании огню вѣчному. Тогда же зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все оканнии половци запалиша огнемь. Тѣмже и мы, послѣдующе пророку Давыду, вопьемъ: «Господи боже мой! положи *я* яко коло, яко огнь пред лицемь вѣтру, иже попаляеть дубравы, тако *поженеши* я бурею твоею, исполни лица ихъ досаженья». Се бо оскверниша и пожгоша святый дом твой, и манастырь матере твоея, и трупье рабъ твоихъ. Убиша бо нѣколико от братья нашея оружьемь безбожнии сынове измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ.

Ищьли бо суть си от пустыня *Етривьскыя*, межю встокомь и сѣвером; ищьли же суть ихъ колѣнъ 4: *торкмене*, и печенѣзи, торци, половци. Мефодий же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 коленъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а срацини от Измаиля творятся сарини, и прозваша *имя* собѣ саракыне, рекше: сарини есмы. Тѣмже хвалиси и болгаре суть от дочерю *Лотову*, иже зачаста от отца своего, тѣмьже нечисто есть племя ихъ. А Измаиль роди 12 сына, от них же суть *торкмени*, и печенѣзи, и торци и кумани, рекше половци, иже исходять от пустынѣ. И по сихъ 8 колѣнъ *к* кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы. ...

Се же хощю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣт, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородець, глаголя сице, яко «Послах отрокъ свой в Печеру, люди, *иже* суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к ним, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и *сосѣдять* с Самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: «Дивьно мы находихом чюдо, его же нѣ есмы слышали преже сих лѣт, се же третьее лѣто поча быти: суть горы заидуче *в* луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тѣх кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще

на северной, и, ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам их и беззакониям их, а они говорили: «Где есть бог их? Да поможет им и спасет их!», и иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что бог учит рабов своих напастями ратными, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианам ведь через множество скорбей и напастей предстоит войти в царство небесное, а эти поганые и оскорбители на этом свете имеют веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом обречены они огню вечному. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, называемом Выдубицким: все это окаянные половцы запалили огнем. Потому-то и мы, вслед за пророком Давидом, взываем: «Господи, боже мой! Поставь их как колесо, как огонь перед лицом ветра, что пожирает дубравы, так погонишь их бурею твоею; исполни лица их досадой». Ибо они осквернили и сожгли святой дом твой, и монастырь матери твоей, и трупы рабов твоих. Убили ведь несколько человек из братии нашей оружием, безбожные сыны Измаиловы, посланные в наказание христианам.

Вышли они из пустыни Етривской между востоком и севером, вышло же их четыре колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что восемь колен убежали, когда иссек их Гедеон, да восемь их бежало в пустыню, а четыре он иссек. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава — хвалисы, а сыны Амона — болгары, а сарацины от Измаила, выдают себя за сыновей Сары, и назвали себя сарацины, что значит: «Сáрины мы». Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил двенадцать сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, которые выходят из пустыни. И после этих восьми колен, при конце мира, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди. ...

Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же — это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слыхали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они в луку морскую, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь

высѣчися; и в горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли секиру, и *они* дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходим пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣмже не доходим ихъ всегда; есть же и подаль на полунощии». Мнѣ же рекшю к Гюрятѣ: «Си суть людье заклепении Александром, Македоньскым цесаремь», якоже сказаеть о них Мефоди *Патарийскый, глаголя: «Александръ, царь Макидоньский,* взиде на всточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя от племене *Афетова*, их же нечистоту видѣвъ: ядяху скверну всяку, комары, и мухы, коткы, змиѣ, и мертвець не погрѣбаху, но ядяху, и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како *умножаться и* осквернять землю, и *загна их на* полунощныя страны *в* горы высокия; *и*, богу повелѣвшю, сступишася о них *горы великия*, токмо не ступишася о них горы на 12 локотъ, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитом; и аще хотят взяти, не възмогуть, *ни огнем могуть* ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь. В послѣдняя же дни по сих изидут 8 коленъ от пустыня *Етривьскыя*, изидуть и си скверннии языкы, *иже* сут в горах полунощных, по повелѣнью божию».

Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхом преже глаголали. Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдови Смолинску, и прити з братом своим Кыеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску и поим вои, поиде к Мурому, в Муромѣ тогда сущю Изяславу Володимеричю. Бысть же вѣсть Изяславу, яко Олегъ идеть к Мурому, посла Изяславъ по воѣ Суздалю, и Ростову, и по бѣлозерци, и собра вои многы. И посла Олегъ слы своѣ к Изяславу, глаголя: «Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего. Да хочю, ту сѣдя, порядъ створити со отцемь твоим. Се бо мя выгналъ из города отца моего. А ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хощеши дати?». И не послуша Изяславъ словес сих, надѣяся на множество вой. Олег же надѣяся на правду *свою*, яко правъ бѣ в семь, и поиде к граду с вои. Изяслав же исполчися пред градом на поли. Олег же поиде к нему полком, и сступишася обои, *и* бысть брань люта. И убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа, мѣсяця семтября въ 6 день; прочии же вои побѣгоша, ови чересъ лѣсъ, друзии в городъ. Олег же вниде в городъ, и прияша и́ горожане. Изяслава же вземше, положиша и́ в манастыри святаго Спаса, и оттуда перенесоша и́ Новугороду, и положиша и́ у святыѣ Софьѣ, на лѣвѣй сторонѣ.

высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они вместо того дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заклепанные Александром, царем Македонским», как говорит о них Мефодий Патарский: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоялся, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по божию повелению сошлись за ними горы великие, только не сошлись горы на двенадцать локтей, и тут воздвиглись ворота медные и помазались синклитом; и если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство синклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Етривской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по повелению божию».

Но мы к предыдущему возвратимся,— о чем ранее говорили. Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск, и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не хотел того Олег сделать, а, придя в Смоленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав Владимирович. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Суздаль, и в Ростов, и за белозерцами и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. То ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты ли мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?» И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполчился перед городом в поле. Олег же пошел на него полком, и сошлись обе стороны, и была сеча лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же взяли и положили в монастыре святого Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви святой Софии, на левой стороне.

Олег же, по приятьи града, изъима ростовци, и бѣлоозерци и суздалцѣ *и покова*, и устремися на Суждаль. И *пришедъ* Суждалю, и суждалци дашася ему. Олег же омиривъ городъ, овы изъима, а другыя расточи, и имѣнья ихъ отъя. Иде Ростову, и ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городом, и дани поча брати. И посла к нему Мьстиславъ солъ свой из Новагорода, глаголя: «Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжей волости не сѣди. И азъ пошлю молится з дружиною своею къ отцю своему, и смирю тя со отцемь моим. Аще и брата моего убилъ *еси*, то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають». Олег же не всхотѣ сего *послушати*, но паче помышляше и Новъгородъ переяти. И посла Олегъ Ярослава, брата своего, в сторожѣ, а сам стояше на поли у Ростова. Мьстислав же сдумавъ с новъгородци, и послаша Добрыню Рагуиловича передъ собою въ сторожѣ; Добрыня же первое изъима даньникы. Увѣдав же Ярославъ се, яко изъимани данници, Ярослав же стояше на Медвѣдици в сторожих, и побѣже той нощи, и прибѣже къ Олгови и повѣда ему, яко идет Мстиславъ, а сторожѣ изъимани, и поиде к Ростову. Мстислав же приде на Волгу и повѣдаша ему, яко Олегъ вспятился к Ростову, и Мстиславъ поиде по нем. Олегъ же приде к Суждалю, и слышавъ, яко идет по нем Мстиславъ, Олег же повелѣ зажещи Суждаль город, токмо остася дворъ манастырьский Печерьскаго манастыря и церкы, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ и с селы. Олег же побѣже к Мурому, а Мстиславъ приде Суждалю, и сѣдя ту посылаше к Олгови, мира прося, глаголя: «Азъ есмъ мний тебе, слися к отцю моему, а дружину, юже еси заялъ, вороти; а язъ тебе во всем послушаю». Олег же посла к нему, с лестью хотя мира; Мстислав же, имы лсти вѣры, и распусти дружину по селом. И наста Феодорова недѣля поста, и приспѣ Феодорава субота, а Мстиславу сѣдящю на обѣдѣ, приде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязмѣ, близь бо бѣ пришелъ без вѣсти. Мстислав же ему имъ вѣру, не постави сторожовъ; но богъ вѣсть избавляти благочестивыя своя от льсти. Олег же *установися* на Клязмѣ, мня, яко, *бояся его*, Мстиславъ побѣгнеть. Къ Мстиславу же собрашася дружина въ тъ день и в другый, новгородци, и ростовци, и бѣлозерци. Мстислав же ста пред градомъ, исполчивъ дружину, и не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олга и стояста противу собѣ 4 дни. И приде Мстиславу вѣсть, яко «Послал ти отець брата Вячеслава с половци». И приде Вячеславъ в четвергъ *по* Феодоровы недѣли, в постъ. И в пяток приде Олегъ, исполчивъся, к городу, а Мстиславъ поиде противу ему с новгородци и с ростовци.

Олег же по взятии города перехватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился на Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, одних похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. Пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посажал посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: «Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своей пошлю просить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Хоть и брата моего убил ты,— не удивительно то: в бою ведь и цари и мужи погибают». Олег же не пожелал его послушать, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторóжу, а сам стал на поле у Ростова. Мстислав же посоветовался с новгородцами, и послали Добрыню Рагуиловича вперед себя в сторóжу; Добрыня же прежде всего перехватал даньщиков. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в сторóже, что даньщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мстислав, а сторóжи схвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мстислав. Олег же пришел к Суздалю и, услышав, что идет за ним Мстислав, повелел зажечь Суздаль город, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: «Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти; а я тебе буду во всем послушен». Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, и пришла Федорова суббота, и когда Мстислав сидел за обедом, пришла ему весть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему, не расставил сторóжей,— но бог знает, как избавлять благочестивых своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой, новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мстислав же стал перед городом, исполчив дружину, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга четыре дня. И пришла к Мстиславу весть, что «послал тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу пришел Олег, исполчившись, к городу, и Мстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами.

И вдасть Мстиславъ стягъ Володимерь половчину, именем Кунуи, и вдавъ ему пѣшьцѣ, и постави и́ на правѣмь крилѣ. И заведъ Кунуй пѣшьцѣ, напя стягъ Володимерь, и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убояся, и ужасъ нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ, *и поиде* Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ поиде противу Вячеславу. Мстислав же перешедъ пожаръ с новгородци, *и ссѣдоша с коней новгородци*, и сступишася на Кулачьцѣ, и бысть брань крѣпка, и нача одалати Мстиславъ. И видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь, нача заходити в тылъ его, и убоявъся побѣже Олегъ, и одолѣ Мстиславъ. Олег же прибѣже к Мурому, и затвори Ярослава Муромѣ, а самъ иде Рязаню. Мстислав же приде Мурому, и створи миръ *с муромци*, и поя своя люди, ростовци и суждалци, и поиде к Рязаню по *Олзѣ*. Олег же выбѣже из Рязаня, а Мстиславъ, пришед, створи миръ с рязанци, и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ Олгови, глаголя: «Не бѣгай никаможе, но пошлися к братьи своей с молбою не лишать тя Русьскыѣ земли. И азъ пошлю къ отцю молится о тобѣ». Олег же обѣщася тако створити. Мстислав же възвративъся вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град, молитвами преподобнаго епископа Никыты. Се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы.

В лѣто 6605. Придоша Святополкъ *и* Володимеръ, *и* Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и *Давыдъ* Святославичь, и брат его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ *Изяславлю*, Володимерь *Всеволожю*, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ *Святославлю*, а им же роздаялъ Всеволодъ городы: Давыду Володимерь, Ростиславичема — Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови». И на том цѣловаша крьст: «Да аще кто отселѣ на кого будет, то на того будем вси и крьст честный». Рекоша вси: «Да будет *на нь хрестъ честный* и вся земля Русьская». И цѣловавшеся поидоша в свояси.

И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси: но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей. И влѣзе сотона *в сердце* нѣкоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыдъ же, емъ вѣру лживым *словесемь*, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей головѣ».

И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Куную, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, и увидал Олег стяг Владимиров и испугался, и ужас напал на него и на воинов его. И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и сошли с коней новгородцы, и соступились на реке Ко́локше, и была сеча крепкая, и стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров и стал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и сотворил мир с муромцами, и взял своих людей, ростовцев и суздальцев, и пошел к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвратившись в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой город, по мольбе преподобного епископа Никиты. Это было на исходе 6604 года, индикта 4-го наполовину.

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теребовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове».

Святополкъ же смятеся умом, река: «Еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ». И рече Святополкъ к Давыдови: «Да аще право глаголеши, богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, богъ будет за тѣмъ». Святополкъ же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будет? И я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ; а Василко сего не вѣдяше и Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери». И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя *постави* на Рудици; вечеру же бывшю приде в товаръ свой. И наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинъ моихъ». Василко же отпрѣся, река: «Не могу ждати: еда будет рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго». И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отъидеть в свою волость, *самъ узриши*, аще ти не займеть град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвавъ *нынѣ* и́, емъ и дажь мнѣ». И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдомъ». Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и́ дѣтьскый его, и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? *Оногды целовали* крьст, рекуще: аще кто на кого будет, то на того будеть крестъ и мы вси». И помысливъ си прекрестися, рекъ: «Воля господня да будет». И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша в-ыстобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «Останися на святокъ». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ *товаромъ* поити переди». Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: «Да заутрокай, брате!» И обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополкъ: «Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю». И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василком сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслъся, и лесть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: «Кде есть брат?» Они же рѣша ему: «Стоить на сѣнех». И вставъ Давыдъ, рече: «Азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди». И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноямьбря; и оковаша и́ въ двои оковы,

Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами,

и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «Брата ти убилъ, а на тя свѣчался с Володимеромъ, и *хощеть* тя убити и грады твоя заяти». И *рѣша* боляре и людье: «Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да прииметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да прииметь *месть* от бога и отвѣчает пред богомь». И *увѣдѣша* игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Увѣдѣв же *се* Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: «Аще ли сего не створишь, а пустишь й, то ни тобѣ *княжити*, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити й, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша й Бѣлугороду, иже град малъ у Киева, яко 10 верстъ в дале, и привезоша й на колѣх, окована суща, ссадиша й с колъ и ведоша й в-ыстобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина, *остряща* ножь, и разумѣ, яко хотят й слѣпити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомь, Сновидъ Изечевичь, конюх Святополчь, и Дьмитръ, конюх Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и *простерша* яста Василка и хотяща й поврещи; и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его поврещи. И се влѣзше друзии повергоша й, и связаша й, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и сѣдоста, и удавиша й рамяно, яко персем троскотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь, и хотя ударити в око, и грѣшися ока, и перерѣза ему лице, и есть рана та *на* Василкѣ и нынѣ. И посем удари й в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше й на коврѣ взложиша на кола яко мертва, повезоша й Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша *попадьи* опрати. Попадья же, оправши, взложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: «Кдѣ се есмъ?» Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городѣ». И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталъ пред богом». Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день.

и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подущать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим и со стенаньями. И вот влезли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись гла́за, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день.

Приде же и Давыдъ с ним, акы нѣкакъ уловъ уловивъ. И посадиша й въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко.

Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣх наших, ни при отцихъ наших, сякого зла». И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земьли и в насъ, в братьи, оже *ввerженъ* в ны ножь. Да аще сего не правимь, то болшее зло встанеть *в* нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмуть земьлю Русьскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «Сего не было в родѣ нашемь». И ту абье *собравша* воѣ, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящю в бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створилъ еси в Русьстѣй земли и ввеглъ еси ножь в ны? Чему еси слѣпилъ брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличил бы й пред нами, и упрѣвъ *бы* й, створилъ ему. А нонѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». И рече Святополкъ, яко «Повѣда ми Давыдъ Игоревичь яко «Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе *хощетъ* убити и заяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие и *Погорину,* а заходилъ ротѣ с Володимером, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери». А неволя ми своее головы блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и велъ й к собѣ». И рѣша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: «Извѣта о семь не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ й. Не в Давыдовѣ городѣ ятъ ни слѣпленъ, но в твоемь градѣ ятъ и слѣпленъ». И се имъ глаголющимъ, разидошася разно. Наутрия же хотящим чресъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути ис Киева, *и* не даша ему кыяне *побѣгнути*, но послаша Всеволожюю и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь, *побарающе* по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу кыянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскиѣ; и брань имѣти с погаными. Се слышавъ, Володимеръ росплакавъся и рече: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити». И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь,

Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас брошен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами. А, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: «Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире». А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И преклонился Владимир на мольбу княгинину, которую почитал как мать,

отца ради своего, бѣ бо любим отцю своему повелику, и в животѣ и по смерти не ослушаяся его ни в чем же; тѣмже и послуша ея, акы матере, и митрополита тако же, чтяше санъ святительскый, не преслуша молбы его.

Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя к митрополитом, и къ епископомъ и къ игуменом, паче же и чернечьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше, акы мати дѣти своя. Аще кого видяше ли шюмна, ли в коем зазорѣ, не осудяше, но вся на любовь прекладаше и *утешаше*. Но мы на свое възвратимся.

Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву, и повѣда вся рѣчи Святополку *и кияном, яко миръ будеть. И начаша межи собою мужи слати, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку*, яко «Се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и́». Святополкъ же емъся по се, и *цѣловаша* крестъ межю собою, миръ створше.

Василкови же сущю Володимери, на прежереченѣмь мѣстѣ, и яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю, Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придох к нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: «Се молвилъ Василко си ночи к Уланови и Колчи, реклъ тако: «Се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда: да же бы мене Давыдъ послушалъ, да бых послалъ мужь свой к Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся с ним что *молвилъ, и не поидеть*». Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: «Оже хощеши послати мужь свой, и воротится Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любъ, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль». Азъ же идох к Василкови, и повѣдах ему вся рѣчи Давыдовы. Он же рече: «Сего есмъ не молвилъ, но надѣюся на богъ. Пошлю *къ Володимеру*, да быша не проліяли мене ради крови. Но сему *ми* дивно, дает ми городъ свой, а мой Теребовль, моя власть и ныне и пождавше»; якоже и бысть; вскорѣ бо прия власть свою. Мнѣ же рече: «Иди к Давыдови и рци ему: Пришли ми Кульмѣя, *а ти* пошлю к Володимеру». И не послуша его Давыдъ, и посла мя пакы река: «Нѣ ту Кулмѣя». И рече ми Василко: «Посѣди мало». И повелѣ слузѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: «Се слышю, оже мя *хочетъ* дати ляхом Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдасть имъ? Азъ бо ляхом много зла творих, и хотѣлъ *есмь* створити и мстити Руськѣй земли. И аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти; но се повѣдаю ти поистинѣ, яко на мя богъ наведе за мое възвышенье;

памяти ради отца своего, ибо сильно любил он отца своего и при жизни его и по смерти не ослушивался его ни в чем; потому и слушал он ее как мать свою и митрополита также чтил за сан святительский, не ослушался мольбы его.

Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал. Но вернемся к своему повествованию.

Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все, сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир.

Когда же Василько был во Владимире, в прежде указанном месте, и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему; и сидела около него дружина его, и, посадив меня, сказал мне: «Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче: «Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, чтобы я послал мужей своих к Владимиру с просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, — и он не пойдет дальше». И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему, с этими отроками и молви ему так: «Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб,— либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемиль». Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда. Он же сказал: «Того я не говорил, но надеюсь на бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но тому мне дивно, что дает мне город свой, но мой Теребовль — мое владение и ныне и в будущем», что и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое. Мне же сказал: «Иди к Давыду и скажи ему: «Пришли мне Кульмея, да пошлю его к Владимиру». И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди немного». И повелел слуге своему идти вон, и сел со мною, и стал мне говорить: «Вот слышу, что хочет меня выдать полякам Давыд; мало он насытился моей кровью,— хочет еще больше насытиться, отдав меня им. Ибо я много зла сделал ляхам и еще хотел сделать и мстить за Русскую землю. И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но скажу тебе по правде, что бог на меня послал это за мою гордость:

яко приде ми вѣсть, яко идут *къ мнѣ* берендичи, и печенѣзи, и торци, и рекох въ умѣ своемь: оже ми будут берендичи, и печенѣзи, и торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою молотшюю, а сама пийта и веселитася. И помыслих: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядьскую, и мьщю Русьскую землю. И посем хотѣлъ есмъ перияти болгары дунайскыѣ и посадити я̍ у собе, И посем *хотѣхъ* проситися у Святополка и у Володимера ити на половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю. Ино помышленье в сердци моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И се кленуся богомь и его пришествием, яко не *помыслилъ* есмъ зла братьи своей ни в чем же. Но за мое възнесенье низложи мя богъ и смири».

Посем же приходящю Велику дни, поиде Давыдъ, хотя перияти Василкову волость; и усрѣте и́ Володарь, брат Василковъ, у Божьска. И не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися в Бужьскѣ, и Володарь оступи и́ в городѣ. И нача Володарь молвити: «Почто зло створивъ и не каешися его? Да уже помянися, колико еси зла створилъ». Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти, глаголя: «Ци я се створилъ, *ци* ли в моем городѣ? Я ся сам боялъ, аще быша и мене яли и створили тако же. Неволя ми было пристати в свѣтъ, ходяче в руку». И рече Володарь: «Богъ свѣдѣтель тому, а нынѣ пусти брат мой, и створю с тобою миръ». И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведъ и́ дасть Володарю, и створися миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теребо́вли, а Давыдъ приде Володимерю. И наставши веснѣ, приде Володарь и *Василько* на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бѣгоша людье огня. И повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людех неповинных, и пролья кровь неповинну. Посем же придоста к Володимерю, и затворися Давыдъ в Володимери, и си оступиша град. И *посласта* к володимерцем, глаголя «*Вѣ не приидоховѣ* на град вашь, *ни* на вас, но на врагы своя, *на* Туряка, и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣх есть послушал Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хощете за сих битися, да се мы готови, а любо *выдайте* врагы наша». Гражане же, се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: «Выдай мужи сия, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли,— то отворим врата граду, а сам промышляй *о* собѣ». И неволя бысть выдати я̍. И рече Давыдъ: «Нѣту ихъ здѣ»; бѣ бо я̍ послалъ Лучьску. Онѣм же пошедшим Лучьску,

пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и печенеги, и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: землю Польскую буду завоевывать зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира идти на половцев — да либо славу себе буду иметь, либо голову свою сложу за Русскую землю. Другого замышления в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь богом и его пришествием, что не замышлял я зла братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие низложил меня бог и смирил».

Потом же, с приходом Пасхи, пошел Давыд, собираясь захватить Васильково волость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Божеска. И не посмел Давыд пойти против Василькова брата Володаря и затворился в Божеске, и Володарь осадил его в городе. И стал Володарь говорить: «Почему, сотворив зло, не каешься в нем? Вспомни наконец, сколько зла натворил». Давыд же стал обвинять Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору и подчиниться». И сказал Володарь: «Бог свидетель тому, а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир». И, обрадовавшись, послал Давыд за Васильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теребовле, а Давыд пришел во Владимир. И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожю, а Давыд затворился во Владимире. Стали они около Всеволожя, и взяли город приступом, и запалили его огнем, и побежали люди от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил мщение над людьми неповинными, и пролил кровь невинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: «Мы не пришли на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил это злодейство. А если хотите за них биться, то мы готовы, либо выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди: «Выдай мужей этих, не будем биться из-за них, а за тебя биться можем. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе». И поневоле пришлось выдать их. И сказал Давыд: «Нет их здесь»; ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк,

Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску. И слышаша людье, яко Турийскѣ суть, кликнуша людье на Давыда, и рекоша: «Выдай, кого ти хотят. Аще ли,— то предаемыся». Давыдъ же, пославъ, приведе Василя и Лазаря, и дасть я̑. И створиша миръ в недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша от града. Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити, да бы богъ отместник былъ, и взложити было на бога мщенье свое, якоже рече пророкъ: «И вздам месть врагом, и ненавидящим мя вздам, яко кровь сыновъ своихъ мщаеть и мстить, и вздасть месть врагом и ненавидящим его». Сим же от града отшедшим, сею же *снемше* погребоша я̑.

Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде к Берестью к Ляхом. Се слышавъ Давыдъ, иде в Ляхы к Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривен, рекуще ему: «Поиди с нами Берестью, яко се вабит ны Святополкъ на снем, и ту умирим *тя* с Святополком». И послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью с Володиславом. И ста Святополкъ в градѣ, а ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святополкъ с ляхы, и вдасть дары великы на Давыда. И рече Володиславъ Давыдови: «Не послушаеть мене Святополкъ, да иди опять». И приде Давыдъ Володимерю, и Святополкъ, свѣтъ створи с ляхы, поиде к Пиньску, пославъ по воѣ. И приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися в градѣ, чая помощи в лясѣхъ, бѣша бо ему рекли, яко «Аще придут на тя русскыѣ князи, то мы ти будем помощници»; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи град, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: «Пусти мя из града». Святополкъ же обѣщася ему, и *цѣловаста* крестъ межи собою, и изиде *Давыдъ* из града, и приде в Червенъ, а Святополкъ вниде в град в великую суботу, а Давыдъ бѣжа в Ляхы.

Святополкъ же, *прогнавъ* Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «Се есть волость отца моего *и* брата», и поиде на ня. Се слышавъ Володарь и Василко, поидоста противу, *вземша* крестъ, его же бѣ цѣловалъ к нима на сем, яко «На Давыда пришелъ есмъ, а с вама хочю имѣти миръ и любовь». И преступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко възвыси крестъ, глаголя, яко «Сего еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою. Да буди межи нами крестъ сь». И поидоша к собѣ к боеви, и сступишася полци, и мнози человѣци благовѣрнии видѣша крестъ над Василковы вои

Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск. И услышали люди, что те в Турийске, кликнули люди на Давыда и сказали: «Выдай, кого от тебя хотят! Иначе сдадимся». Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, на рассвете, повесили Василя и Лазаря, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города. Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы бог был только мстителем, и надо было возложить на бога отмщение свое, как сказал пророк: «И воздам месть врагам и ненавидящим меня воздам, ибо за кровь сынов своих мстит бог и воздает отмщение врагам и ненавидящим его». Когда же те ушли от города, сняли тела их и погребли.

Святополк же, обещав прогнать Давыда, пошел к Берестью к полякам. Услышав об этом, Давыд пошел в Польшу к Владиславу, ища помощи. Поляки же обещали ему помогать и взяли у него золота пятьдесят гривен, сказав ему: «Пойди с нами к Берестью, ибо зовет нас Святополк на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополк с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк, иди снова». И пошел Давыд во Владимир, и Святополк, посоветовавшись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь от поляков, ибо сказали ему, что «если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками»; и солгали ему, взяв золото и у Давыда и у Святополка. Святополк же осадил город, и стоял Святополк около города семь недель; и стал Давыд проситься: «Пусти меня из города». Святополк же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен; а Святополк вошел во Владимир в великую субботу, а Давыд бежал в Польшу.

Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них. Услышав это, Володарь и Василько пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочу иметь мир и любовь». И преступил Святополк крест, надеясь на множество своих воинов. И встретились в поле на Рожни, исполчились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!» И двинулись друг на друга в боевом порядке, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко поднятый

възвышься велми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающим от обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже Володимерю. Володарь же и Василко, побѣдивша, стаста ту, *рекуща*: «Довлѣет нама на межи своей стати», и не идоста никаможе. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимь сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина. Святополкъ же посади *сына своего* в Володимери Мстислава, иже бѣ ему от наложницѣ, а Ярослава посла в Угры, вабя угры на Володаря, а сам иде Кыеву. Ярослав же, сынъ Святополчь, приде съ угры, и король *Коломанъ* и 2 пископа, и сташа около Перемышля по Вагру, а Володарь затворися в градѣ. Давыдъ бо в то чинь пришедъ из Ляховъ и посади жену свою у Володаря, а сам иде в Половцѣ. И устрѣте и́ Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на угры. Идущема же има, сташа ночлѣгу, и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха от вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови; яко «Побѣда ны есть на угры заутра». И наутрия Бонякъ исполчи вои своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли *я́* на 3 полкы, и поиде къ угром. И пусти на воропъ Алтунапу въ 50 чади, а Давыда постави подъ стягом, а самъ раздѣлися на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася на заступы, бѣ бо угръ числом 100 тысящь. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ угры, угри же погнаша по них. Яко бѣжаще минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣка в тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху угръ опять, и тако *множицею* убивая, сбиша ѣ в мячь. Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ. И побѣгоша угри, и мнози истопоша в Вягру, а друзии в Сану. *И бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга,* и гнаша по них 2 дни, сѣкуще. Ту же убиша и пископа ихъ Купана и от боляръ многы; глаголаху бо, яко погибло ихъ 40 тысящь.

Ярослав же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску *и* Червенъ, приде внезапу, и зая володимерцѣ, а Мстиславъ затворися в *градѣ* с засадою, иже бѣша у него берестьяне, пиняне, выгошевци. И ста Давыдъ, оступивъ град, и часто приступаше. Единою *подступиша* к граду под *вежами, онѣм* же бьющим с града, и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы акы дождь. Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою на забаролѣхъ, сквозѣ дску скважнею,

над Васильковыми воинами. Во время великого сражения, когда многие падали из обоих войск, Святополк, увидев, какой идет лютый бой, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: «Надлежит нам на своем рубеже стать», и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Ярополчича два, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина. Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, приглашая венгров на Володаря, а сам пошел к Киеву. Ярослав же, сын Святополка, пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Ибо Давыд в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. Когда же они шли, остановились на ночлег; и когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк ответил воем на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что «победа у нас будет над венграми завтра». И наутро Боняк исполчил воинов своих, и было у Давыда воинов сто, а у самого триста; и разделил их на три полка и пошел на венгров. И пустил Алтунопу нападать с пятьюдесятью людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по пятьдесят человек на каждой стороне. Венгры же исполчились в несколько рядов, ибо было их сто тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же погнались за ним. На бегу они промчались мимо Боняка, и Боняк погнался за ними, рубя их с тыла, а Алтунопа возвратился обратно, и не пропустили венгров назад, и так, во множестве избивая их, сбили их в мяч. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана в гору, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из бояр многих, говорили ведь, что погибло их сорок тысяч.
Ярослав же бежал в Польшу и пришел в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червен, пришел внезапно и захватил владимирцев, а Мстислав затворился в городе с засадою из берестьян, пинчан, выгошевцев. И стал Давыд, обступив город, и делал частые приступы. Однажды подступили к городу под башни, те же бились с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы, как дождь. Мстислав же, собираясь выстрелить, внезапно ранен был под пазуху стрелой, стоя на забралах стены, в скважину между досок,

и сведоша и́, и на ту нощь умре. И таиша и́ 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: «Се князь убьенъ; да аще ся вдамы, *Святополкъ* погубит ны вся». И послаша к Святополку, глаголя: «Се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаем гладом. Да аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти». Святополкъ *же* посла Путяту, воеводу своего. Путята же с вои пришедъ к Лучьску к Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша к Давыдови: «Аще поидет на тя Святополкъ, то повѣмь ти». И не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а сам *поиде* на Давыда. И приде Святоша и Путята августа въ 5 день, Давыдовым воем облежащим град, в полуденье, Давыдови спящю, и нападоша на нь, и почаша сѣчи. И горожане скочиша з града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путята пріяста град и посадиста посадника Святополча Василя. И приде Святоша Лучьску, а Путята Кыеву. Давыдъ побѣже в Половцѣ, и усрѣте и́ Бонякъ. И поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошю к Лучьску, и оступиша Святошю в градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша из града, и приде къ отцю своему Чернигову. А Давыдъ перея Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю; посадник же Василь выбѣже, а Давыдъ перея Володимерь и сѣде в нем. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, в нем же и умре. А Святополкъ перея Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава.

В лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, якоже и в прежнее лѣто сказахъ.

В лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы. В се же лѣто побьени угри у Перемышля. В се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь, в Володимери, мѣсяца июня въ 12 день.

В лѣто 6608. *Выиде* Мстиславъ от Давыда на море мѣсяца июня в 10. *В* том же *лѣте* братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичих, мѣсяца августа во 10 день. Того же мѣсяца въ 30, том же мѣстѣ, братья вся *сняшася,* Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, и приде к ним Игоревичь Давыдъ, и рече к ним: «На что мя есте привабили? Осе есмъ. Кому до мене обида?». И отвѣща ему Володимеръ: «Ты еси прислалъ к нам: Хочю, братья, прити к вам, и пожаловатися своея обиды. Да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одином коврѣ: то чему не жалуешься? До кого ти нас жалоба?». И не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на коних;

и свели его вниз, и в ту же ночь умер. И скрывали это три дня, а на четвертый день поведали на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит; и если сдадимся, Святополк погубит нас всех». И послали к Святополку, говоря: «Вот, сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут стерпеть голода». Святополк же послал Путяту, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луцк к Святоше, сыну Давыдову, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если пойдет на тебя Святополк, то поведаю тебе». И не сотворил того Святоша, но похватал мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята, августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины облегли город, а Давыд спал; и напали на них и начали рубить. И горожане выскочили из города и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василя. И пришел Святоша в Луцк, а Путята в Киев. Давыд побежал в Половецкую землю, и встретил его Боняк. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку, и осадили Святошу в городе, и сотворили мир. И вышел Святоша из города и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василь выбежал, а Давыд перехватил Владимир и сел в нем. А на второй год Святополк, Владимир, Давыд и Олег приманили Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк перехватил себе Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

В год 6606 (1098). Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка, и стали у Городца, и сотворили мир, как я сказал уже под предыдущим годом.

В год 6607 (1099). Вышел Святополк на Давыда к Владимиру и прогнал Давыда в Польшу. В этот же год побиты были венгры у Перемышля. В тот же год убит Мстислав, сын Святополков, во Владимире, месяца июня в 12-й день.

В год 6608 (1100). Вышел Мстислав от Давыда на море, месяца июня в 10-й день. В тот же год братья сотворили мир между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья — Святополк, Владимир, Давыд, Олег,— и пришел к ним Игоревич Давыд и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: «Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды». Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?» И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях;

и ста Святополкъ с своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ с своею разно, кромѣ собе. А Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его к собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина. Послании же придоша к Давыдови и рекоша ему: «Се ти молвят братья: «Не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергль еси ножь в ны, его же не было в Русскѣй земли. Да се мы тебе не имемъ, ни *иного ти зла* не створим, но се ти даем: шед, сяди в Бужьскѣмь въ *Острозѣ*, а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ, а се ти даеть Володимеръ 200 гривен, а Давыдъ и Олегъ 200 гривен». И тогда послаша слы своя к Володареви и к Василкови: «Поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль. Да аще *вам* любо, да сѣдита, аще ли ни,— да пусти Василка сѣмо, да его кормим сдѣ. А холопы наша выдайта и смерды». И не послуша сего Володарь, ни Василко. А Давыдъ сѣде Божьскѣмь, и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в нем же *и* умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу.

В лѣто 6609. Преставися Всеславъ, *полоцкий* князь, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду. В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичь Берестьи и иде на нь Святополкъ, и заста й в градѣ, и емъ й, и окова, и приведе й Кыеву. И молися о нем митрополитъ и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша й у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы, и пустиша й. Томь же лѣтѣ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, брат ею, на Золотьчи. И прислаша половци слы от всѣх князий ко всей братьи, просяще мира. И рѣша имъ русскыи князи: «Да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова». И послаша по половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ с половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца семтября въ 15 день, и разидошася разно.

В лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичь ис Кыева, мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ, прелстивъ Ярославъ Святополчичь Ярослава Ярополчича, и ятъ й на Нурѣ, и приведе й къ отцю Святополку, и оковаша й. Том же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с новгородци; бѣ бо Святополкъ с Володимером рядъ *имѣлъ*, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немь, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери. И приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша в-ызбѣ, и рѣша мужи Володимери: «Се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдять *новгородци,* да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мьстиславъ

и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих, Святополк Путяту, Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Так говорят тебе братья: «Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо бросил ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — отправляйся и садись в Божском остроге, а Дубен и Чарторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе двести гривен, и Давыд с Олегом двести гривен». И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость, Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов». И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Божске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер, а город Владимир отдал сыну своему Ярославу.

В год 6609 (1101). Преставился Всеслав, полоцкий князь, месяца апреля в 14-й день, в девять часов дня, в среду. В тот же год поднял войну Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и застал его в городе, и схватил его, и заковал, и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и пустили его. В том же году собрались на Золотче все братья: Святополк, Владимир, и Давыд, и Олег, Ярослав, брат их. И прислали половцы послов от всех князей ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И послали за половцами, и собрались на совет у Сакова, и сотворили мир с половцами, и обменялись заложниками, месяца сентября в 15-й день, и разошлись в разные стороны.

В год 6610 (1102). Выбежал Ярослав Ярополчич из Киева, месяца октября в 1-й день. Того же месяца на исходе обманул Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, схватил его на Нуре и привел его к отцу Святополку, и оковали его. В том же году, месяца декабря в 20-й день, пришел Мстислав, сын Владимира, с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром имел договор, что Новгороду быть за Святополком и посадить там сына своего, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть

да идеть Володимерю». И рѣша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хочем Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и́; *а* сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ от насъ». И Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними, онѣм же не хотѣвшим, поимше Мстислава, придоша Новугороду. В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря от въстока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы от луны полны свѣтящься. В то же лѣто бысть знаменье в лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дугы, и быша другыя *дугы* хребты к собѣ. И сия видяще знаменья благовѣрнии *человѣци* со въздыханьем моляхуся к богу и со слезами, дабы богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро. На придущее лѣто вложи богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ, еже и бысть, яко же скажем послѣже в пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичь, мѣсяца августа въ 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

В лѣто 6611. Богъ вложи в сердце князем руским Святополку и *Володимеру*, и снястася думати на Долобьскѣ. И сѣде Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомь шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко «Негодно нынѣ веснѣ ити, хочем *погубити смерды* и ролью ихъ». И рече Володимеръ: «Дивно *ми*, дружино, оже лошадий жалуете, ею же *кто* ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить и́ стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?» И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: «Се язъ готовъ уже». И вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй». И *посласта* ко Олгови и Давыдови, глаголя: «Поидита на *половци*, да любо будем живи, любо мертви». И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: «Не сдравьлю». Володимеръ же, цѣловавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по нем, и Давыдъ Святославичь, и Давыдъ Всеславичь, и Мстиславъ Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичь, Ярополкъ Володимеричь. И поидоша на конихъ и в лодьях, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчех в Хортичем островѣ. И всѣдоша на конѣ, и *пѣшци* из людей *выседше* идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутѣнь. Половци же, слышавше, яко идеть Русь, собрашася бе-щисла, и начаша думати.

идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: «Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его; а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе князя, а ты ушел от нас». И Святополк много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В тот же год было знаменье в небе, месяца января в 29-й день, и было три дня, стояло точно зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны. В тот же год было знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день было знаменье в солнце: огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой. И, видя эти знамения, благоверные люди с воздыханием молились богу и со слезами, чтобы бог обратил эти знамения к добру: знамения ведь бывают одни к злу, другие же к добру. На следующий год вложил бог мысль добрую русским князьям: задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их, что и сделали, как скажем после, под следующим годом. В этот же год преставился Ярослав Ярополчич, месяца августа в 11-й день. В тот же год повели дочь Святополка Сбыславу в Польшу за Болеслава, месяца ноября в 16-й день.

В год 6611 (1103). Вложил бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что «не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?» И ничего не смогла ответить дружина Святополкова. И сказал Святополк: «Вот я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров». Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли полем четыре дня и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались без числа много и стали совещаться.

И рече Урусоба: «Просим мира у Руси, яко крѣпко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русскѣй земли». И рѣша унѣйшии Урособѣ: «Аще ты боишися Руси, но мя ся не боимъ. Сия бо избивше, поидем в землю ихъ, и приимем грады ихъ, и кто избавить и́ от насъ?» Русскиѣ же князи и вои вси моляхуть бога, и обѣты вздаяху богу и матери его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогым, инии же манастырем требованья. И сице молящимся, поидоша половци и послаша пред собою *в* сторожѣ Алтунопу, иже словяше в них мужеством. Тако же русскиѣ князи послаша сторожѣ своѣ. И устерегоша рускиѣ сторожеве Олтунопу, и обиступивъше и́, и убиша Алтунопу и сущая с ним, и не избысть ни единъ, но *вся* избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ; и русь поидоша противу имъ. И богъ великый вложи ужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепетъ от лица русскых вой, и дрѣмаху сами, и конем ихъ не бѣ спѣха в ногах. Наши же с весельем на конѣх и пѣши поидоша к ним. Половци же, видѣвше устремленье руское на ся, не *доступивше*, побѣгоша пред русскими полки. Наши же погнаша, *секуще* я̀. Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику. И убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кчия, Аръсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочая князий их, а Белдюзя яша. Посем же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, *и* приведоша Белдюзя к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скотъ. Святополкъ же посла и́ к Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: «То вѣдѣ яла вы рота. Многажды бо *ходивше* ротѣ, воевасте Русскую землю. То чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашет кровь хрестьяньску? Да се буди кровь твоя на главѣ твоей». И повелѣ убити и́, и тако расѣкоша и́ на уды. И посем сняшася братья вся, и рече Володимеръ: «Сь день, иже створи господь, възрадуемся и възвеселимся во нь»; яко господь избавилъ ны есть от врагъ наших, и покори врагы наша, и «скруши главы змиевыя, и далъ еси сих брашно людем» русьскым». Взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью, и заяша печенѣгы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великым, и с славою и с побѣдою великою. Сем же лѣтѣ придоша прузи, августа въ 1 день. Того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ, и сруби городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли *половци*. Того же лѣта бися Ярославъ с мордвою, мѣсяца марта в 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будту биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?» Русские же князья и воины все молились богу и обеты давали богу и матери его, кто кутьею, кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в сторóжах Алтунопу, который славился у них мужеством. Также и русские князья послали сторóжей своих. И подстерегли русские сторóжа Алтунопу, и, обступив его, убили Алтунопу и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки как лес, конца им не было видно, и русь пошла против них. И великий бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет от лица русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4-го апреля совершил бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою двадцать князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!» И повелел убить его, и так разрубили его на части. И затем собрались братья все на совет, и сказал Владимир: «Вот день, который сотворил господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и «сокрушил головы змеиные и передал достояние их людям» русским». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою. В том же году пришла саранча, августа в 1-й день. Того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, который сожгли половцы. В том же году бился Ярослав с мордвою, месяца марта в 4-й день, и побежден был Ярослав.

В лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь, Цесарюгороду, мѣсяца иулия въ 20. Томь же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичь, августа въ 21 день. Том же лѣтѣ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабря въ 6 день. Того же мѣсяца преставился Вячеславъ Ярополчичь въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ. Се же скажем: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничтоже и възвратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в крузѣ, а посредѣ круга кресть, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемь, кромѣ круга, дуга рогома на сѣверъ; тако же знаменье и в лунѣ тѣм же образом мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, в дне по 3 дни, а в нощь в лунѣ по 3 нощи.

В лѣто 6613. Постави митрополитъ епископа Анфилофия Володимерю мѣсяца августа въ 27 день. Томь же лѣтѣ постави Лазаря в Переславль ноября въ 12. Томь же лѣтѣ постави Мину Полотьску декабря въ 13 день.

В лѣто 6614. Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по них Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина: и угониша половцѣ и полонъ отяша. В се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣтъ 90, в старости маститѣ; живъ по закону божью, не хужий бѣ первых праведник. От него же и язъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах. Бѣ бо мужь благъ, и кротокъ, и смѣренъ, огрѣбаяся всякоя вещи, его же и гробъ есть въ Печерьском монастыри, в притворѣ, идеже лежить тѣло его, положено мѣсяца иуня въ 24. В се же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи, мѣсяца декабря въ 6. В то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку. В то же лѣто пострижеся Святославь, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, мѣсяца февраля въ 17 день. Том же лѣте побѣдиша зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящь.

В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. В се же лѣто преставися Володимеряя, мѣсяца мая въ 7 день. Того же мѣсяця воева Бонякъ и зая конѣ у Переяславля. Том же лѣтѣ приде Бонякъ, и Шаруканъ старый и ини князи мнози, и сташа около Лубьна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на половци къ Лубну, и въ 6 час дне бродишася чресъ Сулу, и кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша.

В год 6612 (1104). Повели дочь Володареву за царевича Алексинича, в Царьград, месяца июля в 20-й день. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, августа в 21-й день. В том же году пришел митрополит Никифор на Русь, месяца декабря в 6-й день. Того же месяца в 13-й день преставился Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор митрополит посажен на столе. Расскажем же и это: на исходе того же года послал Святополк Путяту на Минск, а Владимир — сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича; и, ничего не успев, возвратились. И родился у Святополка сын, и нарекли имя ему Брячислав. В тот же год было знаменье: стояло солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем вне круга дуга, рогами на север; такое же знаменье было и в луне, такого же вида, месяца февраля в 4-й, 5-й и 6-й день, днем три дня, а ночью, в луне, три ночи.

В год 6613 (1105). Поставил митрополит епископом Анфилофия во Владимир, месяца августа в 27-й день. В том же году поставил Лазаря в Переяславль, ноября в 12-й день. В том же году поставил Мину в Полоцке, декабря в 13-й день.

В год 6614 (1106). Воевали половцы около Зареческа, и послал на них Святополк Яня и Ивана Захарьича, козарина, и прогнали половцев и полон отняли. В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону божию, не хуже был первых праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летописанье этом, от него услышав. Был он муж благ, и кроток, и смирен, избегал всякого зла; гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положенное месяца июня в 24-й день. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца декабря в 6-й день. В тот же год прибежал Избыгнев к Святополку. В тот же год постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святославов, месяца февраля в 17-й день. В тот же год победила зимигола Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила девять тысяч.

В год 6615 (1107), индикта, круга луны 4-й год, а солнечного круга 8-й год. В этот же год преставилась жена Владимирова месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан старый и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие.

Наши же *почаша* сѣчи, женущи я҆, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече. Отбѣгоша же товара своего, еже взяша русскии вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася всвояси с побѣдою великою. Святополкъ же приде в Печерьскый манастырь на заутреню на Успенье святыя богородица, и братья цѣловаша и́ с радостью великою, яко врази наша побѣжени быша, молитвами святыя богородица и святаго отца нашего Феодосья. Такъ бо обычай имѣяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, *оли* поклонивъся у гроба *Феодосиева* и молитву вземъ у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день. Томь же лѣтѣ, мѣсяца того же, иде Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ къ Аепѣ и *ко* другому Аепѣ, и створиша миръ. И поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку мѣсяца генваря 12 день. *А февраля 5 трясеся земля пред зорями в нощи.*

В лѣто 6616. Заложена бысть церкы святаго Михаила, Золотоверхая, Святополком князем, въ 11 иулия мѣсяца. И кончаша тряпезницю Печерьскаго манастыря при *Феоктистѣ* игуменѣ, иже ю҆ и заложи повелѣньемь Глѣбовым, иже ю и стяжа. В се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и в Деснѣ, и въ Припетѣ. В сем же лѣтѣ вложи богъ в сердце *Феоктисту,* игумену печерьскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Феодосья в сѣнаникъ. И радъ бывъ, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати в синодикъ. И повелѣ вписывати по всѣм епископьямъ, и вси же епископи с радостью вписаша, и поминати и́ на всѣх зборѣхъ. В се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца иулия в 11. В се же лѣто кончаша верхъ святыя богородица на Кловѣ, *заложенѣй* Стефаном игуменом печерьскым.

В лѣто 6617. Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца иулия въ 10 день, и положена бысть в Печерском манастырѣ у дверий, яже ко угу. И здѣлаша над нею божонку, идеже лежит тѣло ея. В то же лѣто, мѣсяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичь взя вежѣ половечскыѣ у Дону.

В лѣто 6618. Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, *и* Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася. Том же лѣтѣ бысть знаменье в Печерьстѣм монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ от земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погремѣ в час 1 нощи; и весь миръ видѣ. *Сей* же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста над гробомъ Феодосьевым

Наши же стали рубить, гоня их, а других руками хватать, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра захватили и брата его, а Шарукан едва убежал. Покинули половцы и обоз свой, который взяли русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой богородицы и святого отца нашего Феодосия. Такое обыкновение имел Святополк: когда шел на войну или куда-нибудь, то сперва поклонившись гробу Феодосиеву и молитву взяв у игумена печерского, только тогда уже отправлялся в путь свой. В тот же год преставилась княгиня, мать Святополка, месяца января в 4-й день. В том же году, в том же месяце, пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и ко другому Аепе и сотворили мир. И взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргеневу внучку, месяца января в 12-й день. А февраля 5-го тряслася земля ночью перед рассветом.

В год 6616 (1108). Заложена была церковь святого Михаила, Златоверхая, Святополком князем, 11 июля. И закончили трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба на его пожертвования. В тот же год вода была велика в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В том же году вложил бог в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и стал говорить князю Святополку, чтобы вписал Феодосия в синодик. И тот, обрадовавшись, обещал и исполнил, повелел митрополиту вписать его в синодик. И повелел вписывать его по всем епископиям, и все епископы с радостью вписали, и повелел поминать его на всех соборах. В тот же год преставилась Катерина, дочь Всеволода, месяца июля в 11-й день. В тот же год кончили верх святой Богородицы на Клове, заложенной Стефаном, игуменом Печерским.

В год 6617 (1109). Преставилась Евпраксия, дочь Всеволода, месяца июля в 10-й день, и положена была в Печерском монастыре у дверей, которые к югу. И сделали над ней божницу, там, где лежит тело ее. В тот же год месяца декабря во 2-й день Дмитр Иворович захватил вежи половецкие у Дона.

В год 6618 (1110). По весне ходили на половцев Святополк, и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, воротились. В тот же год было знаменье в Печерском монастыре в 11-й день февраля месяца: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в первый час ночи, и все люди видели это. Этот же столп сперва стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, перешел на церковь, и стал над гробом Феодосиевым,

и потом ступи на верхъ акы ко встоку *лицемь,* и потом невидим бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпом огненым, ово же пламенем. Акоже рече Давыдъ: «Творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящь», и шлеми суть повелѣньем божьимь, амо же хощеть владыка и творець всѣх. Ангелъ бо приходит, кдѣ благая мѣста и молитвении домове, и ту *показаеть* нѣчто мало видѣнья своего яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человѣкомъ естьства ангельскаго, яко и Моиси великый не взможе видѣти ангелскаго естьства: водяшеть бо я̆ въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше пред ними в нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же *бѣ* быти, *еже* и бысть на 2-е бо лѣто не *сь* ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, якоже рече: «Ангелъ пред тобою предъидеть», и пакы: «Ангелъ твой буди с тобою»?

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книгы си Лѣтописець, надѣяся от бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта. А иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ.

и потом перешел на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом стал невидим. Но то был не огненный столп, а явление ангельское: ибо ангел так является — иногда столпом огненным, иногда пламенем. Как сказал Давид: «Обращая ангелов своих в духов и слуг своих в огонь палящий», посылает их повелением божьим, куда хочет владыка и творец всех. Ангел же приходит туда, где есть благие места и молитвенные домы, и тут чуть являет свой вид, чтобы можно было людям увидеть его; ибо людям невозможно видеть естество ангельское, как и Моисей великий не смог видеть ангельского естества: ибо водил его днем столп облачный, а ночью столп огненный, но это не столп водил их, но ангел шел перед ними ночью и днем. Так и это предсказывало некоторое явление, которому предстояло быть и которое сбылось на второй год, ибо не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», и еще: «Ангел твой да будет с тобой».

Игумен Сильвестр святого Михаила написал книгу эту, летописец, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире, когда княжил он в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила в 6624 (1116) году, индикта в 9-й год. А кто читает книги эти — помолись за меня.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

СЪКАЗАНИЕ И СТРАСТЬ И ПОХВАЛА СВЯТЮЮ МУЧЕНИКУ БОРИСА И ГЛѢБА

Древнерусский текст

Господи, благослови, отьче.

«Родъ правыихъ благословиться,— рече пророкъ,— и сѣмя ихъ въ благословлении будеть».

Сице убо бысть малъмь преже сихъ. Сущю самодрьжьцю вьсеи Русьскѣи земли Володимиру сыну Святославлю, вънуку же Игореву, иже и святыимь крьщениемь вьсю просвѣти сию землю Русьску. Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время. А о сихъ по ряду сице есть: сь убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12 не отъ единоя жены, нъ отъ раснъ матеръ ихъ. Въ нихъ же бяше старѣи Вышеславъ, а по немь Изяславъ, 3 — Святопълкъ, иже и убииство се зълое изъобрѣтъ. Сего мати преже бѣ чьрницею, гръкыни сущи, и поялъ ю̀ бѣ Ярополкъ, братъ Володимирь, и ростригъ ю̀ красоты дѣля лица ея. И зача отъ нея сего Святоплъка оканьнааго. Володимиръ же, поганъи еще, убивъ Ярополка и поятъ жену его непраздьну сущю. Отъ нея же родися сии оканьныи Святопълкъ, и бысть отъ дъвою *отьцю* и брату сущю. Тѣмь же и не любляаше его Володимиръ, акы не отъ себе ему сущю. А отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ българынѣ Бориса и Глѣба. И посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инъде съкажемъ, сихъ же съповѣмы убо, о нихъ же и повѣсть си есть.

Посади убо сего оканьнааго Святопълка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава — Новѣгородѣ, а Бориса — Ростовѣ, а Глѣба — Муромѣ. Нъ се остаану много глаголати, да не многописании въ забыть вълѣземъ, нъ о немь же начахъ, си съкажемъ убо сице. Многомъ же уже дьньмъ минувъшемъ, и яко съконьчашася дьние Володимиру, уже минувъшемъ лѣтомъ 28 по святѣмь

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

СКАЗАНИЕ И СТРАДАНИЕ И ПОХВАЛА СВЯТЫМ МУЧЕНИКАМ БОРИСУ И ГЛЕБУ

Перевод

Господи, благослови, отче!

«Род праведных благословится, — говорил пророк, — и потомки их благословенны будут».

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира —

крьщении, въпаде въ недугъ крѣпъкъ. Въ то же время бяше пришелъ Борисъ изд-Ростова, печенегомъ же о онуду пакы идущемъ ратию на Русь, въ велицѣ печали бяаше Володимиръ, зане не можааше изити противу имъ, и много печаляашеся. И призъвавъ Бориса, ему же бѣ имя наречено въ святѣмь крьщении Романъ, блаженааго и скоропослушьливааго, предавъ воѣ мъногы въ руцѣ его, посъла и́ противу безбожьнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостию въставъ иде рекъ: «Се готовъ есмь предъ очима твоима сътворити, елико велить воля сьрдьца твоего». О таковыихъ бо рече Притъчьникъ: «Сынъ быхъ отьцю послушьливъ и любиимъ предъ лицьмь матере своея».

Ошедъшю же ему и не обрѣтъшю супостатъ своихъ, възвратившюся въспять ему. И се приде вѣстьникъ къ нему, повѣдая ему отьчю съмрьть, како преставися отьць его Василии, въ се бо имя бяше нареченъ въ святѣмь крьщении, и како Святопълкъ потаи сьмьрть отьца своего, и ночь проимавъ помостъ на Берестовѣмь и въ ковъръ обьртѣвъше, съвѣсивъше ужи на землю, везъше на саньхъ, поставиша и́ въ цьркви святыя Богородица. И яко услыша святыи Борисъ, начатъ тѣлъмь утърпывати и лице его вьсе сльзъ испълнися, и сльзами разливаяся и не могыи глаголати. Въ сьрдьци си начатъ сицевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очию моею, сияние и заре лица моего, бъздро уности моеѣ, наказание недоразумѣния моего! Увы мнѣ, отьче и господине мои! Къ кому прибѣгну, къ кому възьрю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и наказания разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Како заиде свѣте мои, не сущу ми ту! Да быхъ понѣ самъ чьстьное твое тѣло своима рукама съпрятялъ и гробу предалъ. Нъ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни съподобленъ быхъ цѣловати добролѣпьныхъ твоихъ сѣдинъ. Нъ, о блажениче, помяни мя въ покои твои! Сьрдьце ми горить, душа ми съмыслъ съмущаеть и не вѣмь къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети? Къ брату ли, его же быхъ имѣлъ въ отьца мѣсто? Нъ тъ, мьню, о суетии мирьскыихъ поучаеться и о биении моемь помышляеть. Да аще кръвь мою пролѣеть и на убииство мое потъщиться, мученикъ буду господу моему. Азъ бо не противлюся, зане пишеться: «Господь гърдыимъ противиться, съмѣренымъ же даеть благодать». Апостолъ же: «Иже рече — «Бога люблю», а брата своего ненавидить — лъжь есть». И пакы: «Боязни въ любъви нѣсть, съвьршеная любы вънъ измещеть страхъ». Тѣмь же что реку или чьто сътворю? Се да иду къ брату моему и реку: «Ты ми буди отьць — ты ми братъ и старѣи. Чьто ми велиши, господи мои?»

И си на умѣ си помышляя, идяаше къ брату своему и глаголааше въ сьрдьци своемъ: «То понѣ узьрю ли си лице братьца моего мьньшааго Глѣба, яко же Иосифъ Вениямина?» И та вься полагая въ сьрдьци си: «Воля твоя да будеть, господи мои». Помыш-

впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал тогда он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увы мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честнóе тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа мой разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: «Я люблю бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому, что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?» И решил в сердце своем: «Да будет воля твоя, господи!» Про себя же

ляше же въ умѣ своемь: «Аще поиду въ домъ отьца своего, то языци мнози превратять сърдьце мое, яко прогнати брата моего, яко же и отьць мои преже святаго крещения, славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходить и хуже паучины. То камо имамъ приити по ошьствии моемь отсюду? Какъ ли убо обрящюся тъгда? Кыи ли ми будеть отвѣтъ? Къде ли съкрыю мъножьство грѣха моего? Чьто бо приобрѣтоша преже братия отьца моего или отьць мои? Къде бо ихъ жития и слава мира сего, и багряница и брячины, сребро и золото, вина и медове, брашьна чьстьная и быстрии кони, и домове красьнии и велиции, и имѣния многа, и дани, и чьсти бещисльны, и гърдѣния, яже о болярѣхъ своихъ? Уже все имъ, акы не было николи же: вся съ нимь ищезоша, и нѣсть помощи ни отъ кого же сихъ — ни отъ имѣния, ни отъ множьства рабъ, ни *отъ* славы мира сего. Тѣмь и Соломонъ, все прошьдъ, вься видѣвъ, вся сътяжавъ и съвъкупивъ, рече расмотривъ вьсе: «Суета и суетие суетию буди», тъкмо помощь от добръ дѣлъ, и отъ правовѣрия, и отъ нелицемѣрьныя любъве».

Идыи же путьмь, помышляаше о красотѣ и о доброте телесе своего, и сльзами разливаашеся вьсь. И хотя удрьжатися и не можааше. И вси зьряще его, тако плакаашеся о добродьнѣмь тѣлѣ и чьстьнѣмь разумѣ въздраста его. И къжьдо въ души своеи стонааше горестию сьрдьчьною, и вси съмущаахуся о печали.

Къто бо не въсплачеться съмрьти тоѣ пагубьноѣ, приводя предъ очи сьрдьца своего?

Образъ бо бяаше унылъи его, възоръ и скрушение сьрдьца его святаго, такъ бо бѣ блаженыи тъ правьдивъ и щедръ, тихъ, крътъкъ, съмѣренъ, всѣхъ милуя и вься набъдя.

Помышлять же въ сьрдьци своемь богоблаженыи Борисъ и глаголааше: «Вѣдѣ,— брата моего зълу ради чловѣци понудяти и на убиисство мое, и погубить мя, да аще пролѣеть кръвь мою, то мученикъ буду господу моему, а духъ мои приметь владыка». Таче, забывъ скърбь съмьртьную, тѣшааше *сьрдьце свое о сл*овеси божии, «Иже погубити душю свою мене ради и моихъ словесъ, обрящети ю въ животѣ вѣчьнѣмь съхранить ю». И поиде радъстьнъмь сьрдьцьмь, «не презьри мене, — рекыи, — господи премилостиве, уповающааго на тя, нъ спаси душю мою».

Святопълкъ же, сѣдя Кыевѣ по отьци, призвавъ кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти. Посла же къ Борису, глаголя: «Брате, хочю съ тобою любъвь имѣти и къ отьню ти придамь». Льстьно, а не истину глаголя. Пришедъ Вышегороду ночь, отаи призъва Путьшю и вышегородьскыѣ мужѣ и рече имъ: «Повѣдите ми по истинѣ, приязньство имѣете ли къ мнѣ?» Путьша рече: «Вьси мы можемъ главы своя положити за тя».

думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытав, все видев, всем овладев и все собрав, говорил обо всем: «Суета сует — все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту телесную и духовную. И каждый в душе своей стенал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред господом моим, и примет душу мою владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путьшу и вышегородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путьша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяи добра человѣка, яко вьсю надежю свою на господа положилъ есть святыи Борисъ, начатъ подвижьнѣи бываати, и обрѣтъ, яко же преже Каина на братоубииство горяща, тако же и Святопългъ. По истинѣ въторааго Каина улови мысль его, яко да избиеть вся наслѣдьникы отьца своего, а самъ приимьть единъ вьсю власть.

Тъгда призъва къ себе оканьныи трьклятыи Святопългъ съвѣтьникы всему злу и началникы всеи неправьдѣ, и отъвьрзъ прескврьньная уста рече, испусти зълыи гласъ, Путьшинѣ чади: «Аще убо главы своя обѣщастеся положити за мя, шедъше убо, братия моя, отаи, къде обрящете брата моего Бориса, съмотрьше время убиите й». И обѣщашася ему тако створити.

О таковыихъ бо рече пророкъ: «Скори суть кръвь пролияти бес правьды. Си бо обѣщаваються кръви и събирають себе злая. Сихъ путье суть събирающеи безаконие, нечистиемь свою душю обиемлють».

Блаженыи же Борисъ, яко же ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Льтѣ шатьры. И рѣша къ нему дружина: «Поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отьни, се бо вси вои въ руку твоею суть». Онъ же имъ отъвѣщааваше: «Не буди ми възяти рукы на брата своего и еще же и на старѣиша мене, его же быхъ имѣлъ, акы отьца». Си слышавъше вои разидошася от него, а самъ оста тъкъмо съ отрокы своими. И бяаше въ дьнь суботьныи. Въ тузѣ и печали, удручьнъмь сьрдьцьмь и вълѣзъ въ шатьръ свои, плакашеся съкрушенъмь сьрдьцьмь, а душею радостьною, жалостьно гласъ испущааше: «Сльзъ моихъ не презьри, владыко, да яко же уповаю на тя, тако да с твоими рабы прииму часть и жребии съ вьсѣми святыими твоими, яко ты еси богъ милостивъ, и тебе славу въсылаемъ въ вѣкы. Аминь».

Помышляшеть же мучение и страсть святаго мученика Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему бывъшю убиению, и како святѣи Варварѣ отьць свои убоица бысть. И помышляаше слово премудрааго Соломона: «Правьдьници въ вѣкы живуть и отъ господа мьзда имъ и строение имъ от вышьняаго». И о семь словеси тъчию утѣшаашеся и радоваашеся.

Таче бысть вечеръ и повелѣ пѣти вечерьнюю, а самъ вълѣзъ въ шатьръ свои начатъ молитву творити вечернюю съ сльзами горькыми и частыимь въздыханиемь, и стонаниемь многымь. По сихъ леже съпати, и бяше сънъ его въ мънозѣ мысли и въ печали крѣпъцѣ и тяжьцѣ и страшьнѣ: како предатися на страсть, како пострадати и течение съконьчати и вѣру съблюсти, яко да и щадимыи вѣньць прииметь от рукы вьседьржителевы. И видѣвъ, възбьнувъ рано, яко годъ есть утрьнии. Бѣ же въ святую недѣлю. Рече къ прозвутеру своему: «Въставъ, начьни заутрьнюю». Самъ же, обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое, начатъ молитися къ господу богу.

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк говорил: «Скоры они на подлое убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, — нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, владыка, ибо уповаю я на тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми святыми твоими, ты бог милостивый, и славу тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от господа им награда и украшение им от всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к господу богу.

Посълании же приидоша отъ Святопълка на Льто ночь и подъступиша близъ, и слышаша гласъ блаженааго страстотърпьца поюща Псалтырь заутрьнюю. Бяше же ему и вѣсть о убиении его. И начатъ пѣти: «Господи, чьто ся умножиша сътужающии, мънози въсташа на мя», и прочая псалмы, до коньца. И начатъ пѣти Псалтырь: «Обидоша мя пси мнози и уньци тучьни одьржаша мя». И пакы: «Господи, боже мои! На тя уповахъ, спаси мя». Таже по семь канонъ. И коньчавъшю ему утрьнюю, начатъ молитися зьря къ иконѣ господьни и рече: «Господи, Иисусъ Христе! Иже симь образъмь явися на земли изволивы волею пригвоздитися на крьстѣ и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, съподоби и мя прияти страсть!»

И яко услыша шпътъ зълъ окрьстъ шатьра и трьпьтьнъ бывъ и начатъ сльзы испущати отъ очию своею, и глаголааше: «Слава ти, господи, о вьсемь, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию горькую съмьрть и все престрадати любъве ради словесе твоего. Не въсхотѣхомъ възискати себе самъ; ничто же себе изволихъ по апостолу: «Любы вьсе търпить всему вѣру емлеть и не ищьть своихъ си». И пакы: «Боязнивъ въ любъви нѣсть — съвьршеная бо любы вънъ отъмещеть боязнь». Тѣмь, владыко, душа моя въ руку твоею въину, яко закона твоего не забыхъ. Яко господеви годѣ — бысть». И узьрѣста попинъ его и отрокъ, иже служааше ему, и видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суща зѣло, расплакастася зѣло и глаголаста: «Милыи господине наю и драгыи! Колико благости испълненъ бысть, яко не въсхотѣ противитися любъве ради Христовы, а коликы воѣ дьржа въ руку своею!» И си рекъша умилистася.

И абие узьрѣ текущиихъ къ шатьру, блистание оружия и мечьное оцѣщение. И без милости прободено бысть чьстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженааго Христова страстотьрпьца Бориса. Насунуша копии оканьнии: Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько. Видѣвъ же отрокъ его, вьржеся на тѣло блаженааго, рекыи: «Да не останy тебе, господине мои драгыи, да иде же красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду съконьчати животъ свои!»

Бяше же сь родъмь угринъ, имьньмь же Георгии. И бѣаше възложилъ на нь гривьну злату, и бѣ любимъ Борисъмь паче мѣры. И ту же и́ проньзоша, и яко бысть ураненъ и искочи и-шатьра въ оторопѣ. И нача глаголати стояще округъ его: «Чьто стоите зьряще! Приступивъше сконьчаимъ повелѣное намъ». Си слышавъ блаженыи, начатъ молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя: «Братия моя милая и любимая! Мало ми время отдаите, да понѣ помолюся богу моему». И възрѣвъ на небо съ сльзами и горѣ въздъхнувъ начатъ молитися сицими глаголы: «Господи боже мои многомилостивыи

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня» — и остальные псалмы, до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня», продолжил: «Господи боже мой! На тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!»

И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава тебе, господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим. Не захотел ты сам избегнуть мук, ничего не пожелал себе, последуя заповедям апостола: «Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится». И еще: «В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх». Поэтому, владыка, душа моя в руках твоих всегда, ибо не забыл я твоей заповеди. Как господу угодно — так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благости исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честно́е и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили, и, раненный, выскочил он в оторопе из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться богу». И воззрев на небо со слезами, и вознося вздохи горе́, начал молиться такими словами: «Господи боже мой многомилостивый

и милостивыи и премилостиве! Слава ти, яко съподобилъ мя еси убѣжати отъ прельсти жития сего льстьнааго! Слава ти, прещедрыи живодавьче яко сподоби мя труда святыихъ мученикъ! Слава ти, владыко человѣколюбьче, сподобивыи мя съконьчати хотѣние сьрдьца моего! Слава ти, Христе, мъногому ти милосьрдию, иже направи на правыи путь мирьны ногы моя тещи къ тебе безъ съблазна! Призьри съ высоты святыня твоея, вижь болѣзнь сьрдьца моего, юже прияхъ от сЪродника моего, яко тебе ради умьрщвяемъ есмь вь сь дьнь. Въмѣниша мя, яко овьна на сънѣдь, вѣси бо, господи мои, яко не противлюся ни въпрекы глаголю, а имыи въ руку вься воя отьца моего и вься любимыя отьцемь моимь, и ничьто же умыслихъ противу брату моему. Онъ же елико въздвиже на мя възмогъ, да «аще бы ми врагъ поносилъ, протьрпѣлъ убо быхъ, аще бы ненавидя мене вельречевалъ, укрылъ быхъ ся». Нъ ты, господи, вижь и суди межю мною и межю братъмь моимь и не постави имъ, господи, грѣха сего, нъ приими въ миръ душю мою. Аминь».

И възьрѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемь лицьмь, и вьсь сльзами облиявъся рече: «Братие, приступивъше, съконьчаите служьбу вашю. И буди миръ бр*ат*у моему и вамъ, братие».

Да елико слышаху словеса его, отъ сльзъ не можааху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и мъногыхъ сльзъ. Нъ съ въздыханиемь горькымь жалостьно глаголааху и плакаахуся и къжьдо въ души своеи стонааше: «Увы намъ, къняже нашь милыи и драгыи и блаженыи, водителю слѣпыимъ, одеже нагымъ, старости жьзле, казателю ненаказанымъ! Кто уже си вься исправить? Како не въсхотѣ славы мира сего, како не въсхотѣ веселитися съ чьстьныими вельможами, како не въсхотѣ величия, еже въ житии семь. Къто не почюдиться великууму съмерению, къто ли не съмѣриться, оного съмѣрение видя и слыша?

И абие усъпе, предавъ душю свою въ руцѣ бога жива, мѣсяца июлия въ 24 дьнь, преже 9 каландъ агуста.

Избиша же и отрокы многы. Съ Георгия же не могуще съняти гривьны и отсѣкъше главу, отъвьргоша й кромѣ. Да тѣмь и послѣдь не могоша познати тѣла его.

Блаженааго же Бориса обьртѣвъше въ шатьръ възложивъше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начатъ въсклоняти святую главу свою. И се увѣдѣвъ Святоплъкъ, пославъ два варяга и прободоста й мечьмь въ сьрдьце. И тако съконьчася и въсприятъ неувядаемыи вѣньць. И положиша тѣло его принесъше Вышегороду у цьркве святаага Василия въ земли погребоша.

И не до сего остави убииства оканьныи Святопълкъ, нъ и на большая неистовяся, начатъ простиратися. И яко видѣся

и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава тебе, щедрый даователь жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава тебе, владыка-человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава тебе, Христос, слава безмерному твоему милосердию, ибо направил ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравняли с овном, уготовленным на убой. Ведь ты знаешь, господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же сколько смог воздвиг против меня. «Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы я от него». Но ты, господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И воззрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышали слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими воздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стенал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принесши тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление.

желание сърдьце своего уже улучивъ, абие не въспомяну зълааго своего убииства и многааго убо съблажнения, и ни малы понѣ на покаяние преклонися. Нъ ту абие въниде въ сърдьце его сотона и начаты и́ пострѣкати вящьша и горьша сдѣяти и множаиша убииства. Глаголааше бо въ души своеи оканьнѣи: «Что сътворю? Аще бо до сьде оставлю дѣло убииства моего, то дъвоего имамъ чаяти: яко аще услышать мя братия моя, си же варивъше въздадять ми и горьша сихъ. Аще ли и не сице, то да ижденуть мя и буду чюжь престола отьца моего, и жалость землѣ моея сънѣсть мя, и поношения поносящиихъ нападуть на мя, и къняжение мое прииметь инъ и въ дворѣхъ моихъ не будеть живущааго. Зане его же господь възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо безаконие. Обаче и матере моея грѣхъ да не оцѣститься и съ правьдныими не напишюся, нъ да потреблюся отъ книгъ живущиихъ». Яко же и бысть, еже послѣди съкажемъ. Нынѣ же нѣсть время, нъ на предъележащее възвратимъся.

И си на умѣ си положивъ, зълыи съвѣтьникъ дияволь, посла по блаженааго Глѣба рекъ: «Приди въбързѣ. Отьць зоветь тя и несъдравить ти вельми».

Онъ же въбързѣ, въ мале дружинѣ, въсѣдъ на конь поѣха. И пришедъ на Вългу, на поле потъчеся подъ нимь конь въ ровѣ, и наломи ногу малы. И яко приде Смолиньску и поиде отъ Смолиньска, яко зърѣимъ едино, ста на Смядинѣ въ кораблици. И въ се время пришьла бяаше вѣсть отъ Передъславы къ Ярославу о отьни съмьрти. И присла Ярославъ къ Глѣбу река: «Не ходи, брате! Отьць ти умьрлъ, а братъ ти убиенъ отъ Святопълка».

И си услышавъ блаженыи възъпи плачьмь горькыимь и печалию сърдьчьною и сице глаголааше: «О увы мнѣ, господине мои, отъ двою плачю плачюся и стеню, дъвою сѣтованию сѣтую и тужю. Увы мнѣ, увы мнѣ! Плачю зѣло по отьци, паче же плачюся и отъчаяхъся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободенъ еси, како без милости прочее съмрьти предася, како не отъ врага, нъ отъ своего брата пагубу въсприялъ еси? Увы мнѣ! Уне бы съ тобою умрети ми, неже уединену и усирену отъ тебе въ семь житии пожити. Азъ мнѣхъ въбързѣ узьрѣти лице твое ангельское, ти се селика туга състиже мя и унылъ быхъ съ тобою умрети, господине мои! Нынѣ же что сътворю азъ, умиленыи, очюженыи отъ твоея доброты и отъ отца моего мъногааго разума? О милыи мои брате и господине! Аще еси уполучилъ дрьзновение у господа, моли о моемь унынии, да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмь».

И сице ему стенющю и плачющюся и сльзами землю омачающю съ въздыхании частыими бога призывающю, приспѣша

И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянной: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстерегши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изгложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжко болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и повредил слегка ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до господа, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение восприять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, орошая слезами землю и призывая бога с частыми вздохами, внезапно появились

вънезапу посълании отъ Святопълка зълыя его слугы, немилостивии кръвопиицѣ, братоненавидьници люти зѣло, сверѣпа звѣри, душю изимающе.

Святыи же поиде въ кораблици и сърѣтоша и́ устие Смядины. И яко узьрѣ я̀ святыи, въздрадовася душею, а они узьрѣвъше и омрачаахуся и гребяахуся къ нему, а сь цѣлования чаяяше отъ них приятн. И яко быша равьно пловуще, начаша скакати зълии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльщащася, акы вода. И абие вьсѣмъ весла отъ руку испадоша, и вьси отъ страха омьртвѣша. Си видѣвъ блаженыи, разумѣвъ яко хотять его убити, възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и сльзами лице си умывая, съкрушенъмь срьдьцьмь, съмѣренъмь разумъмь и частыимь въздыханиемь, вьсь сльзами разливаяся, а тѣлъмъ утьрпая, жалостьно гласъ испущааше: «Не дѣите мене, братия моя милая и драгая! Не дѣите мене, ни ничто же вы зъла сътворивъша! Не брезѣте, братие и господье, не брезѣте! Кую обиду сътворихъ брату моему и вамъ, братие и господье мои? Аще ли кая обида, ведѣте мя къ князю вашему, а къ брату моему и господину. Помилуите уности моеѣ, помилуите, господье мои! Вы ми будѣте господие мои, азъ вамъ рабъ. Не пожьнете мене отъ жития не съзьрѣла, не пожьнѣте класа, не уже съзьрѣвъша, нъ млеко безълобия носяща! Не порѣжете лозы не до коньца въздрастъша, а плодъ имуща! Молю вы ся и милъ вы ся дѣю. Убоитеся рекъшааго усты апостольскы: «Не дѣти бываите умы, зълобиемь же младеньствуите, а умы съвьршени бываите». Азъ, братие, и зълобиемь и въздрастъмь еще младеньствую. Се нѣсть убиство, нъ сырорѣзание! Чьто зъло сътворихъ съвѣдѣтельствуите ми, и не жалю си. Аще ли кръви моеѣ насытитися хочете, уже въ руку вы есмь, братие, и брату моему, а вашему князю». И не понѣ единого словесе постыдѣшася, нъ яко же убо сверѣпии звѣрие, тако въсхытиша его. Онъ же видѣвъ, яко не вънемлють словесъ его, начатъ глаголати сице: «Спасися, милыи мои отьче и господине Василие, спасися, мати и госпоже моя, спасися и ты, брате Борисе, старѣишино уности моеея, спасися и ты, брате и поспѣшителю Ярославе, спасися и ты, брате и враже Святопълче, спасетеся и вы, братие и дружино, вьси спасетеся! Уже не имамъ васъ видѣти въ житии семь, зане разлучаемъ есмь отъ васъ съ нужею». И глаголааше плачася: «Василие, Василие, отьче мои и господине! Приклони ухо твое и услыши гласъ мои, и призьри и вижь приключьшаяся чаду твоему, како без вины закалаемъ есмь. Увы мнѣ, увы мнѣ! Слыши небо и вънуши земле. И ты, Борисе брате, услыши гласа моего. Отьца моего Василия призъвахъ и не послуша мене, то ни ты не хочеши мене послушати? Вижь скърбь сьрдьца моего и язву душа моея, вижь течение сльзъ моихъ, яко рѣку! И никто же не вънемлеть ми, нъ ты убо помяни мя

и помолися посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте». Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя». И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись

о мнѣ къ обьщему владыцѣ, яко имѣя дързновение и престоя у престола его».

И начатъ, преклонь колѣнѣ, молитися сице: «Прещедрыи и премилостиве господи! Сльзъ моихъ не премълчи, нъ умилися на мое уныние. Вижь съкрушение сьрдьца моего: се бо закалаемъ есмь, не вѣмь, чьто ради, или за котерую обиду не съвѣдѣ. Ты вѣси, господи, господи мои! Вѣмь тя рекъша къ своимъ апостоломъ, яко: «за имя мое, мене ради възложать на вы рукы, и предани будете родъмь и другы, и братъ брата предасть на съмьрть и умьртвять вы имене моего ради». И пакы: «Въ тьрпѣнии вашемь сътяжите душа ваша». Вижь, господи, и суди: се бо готова есть душа моя предъ тобою, господи! И тебе славу въсылаемъ, отьцю и сыну и святууму духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь».

Таче възьрѣвъ къ нимъ умиленъмь гласъмь и измъклъшьмь грьтаньмь рече: «То уже сътворивъше приступльше сътворите, на не же посълани есте!»

Тъгда оканьныи Горясѣръ повелѣ зарѣзати и́ въбързѣ. Поваръ же глѣбовъ, именьмь Търчинъ, изьмъ ножь и имъ блаженааго и закла и яко агня непорочьно и безлобиво, мѣсяца септября въ 5 дьнь, въ понеделникъ.

И принесеся жьртва чиста господеви и благовоньна, и възиде въ небесныя обители къ господу, и узьрѣ желаемааго си брата *и* въсприяста вѣньца небесныя его же и въжелѣста, и въздрадовастася радостию великою неиздреченьною, юже и улучиста.

Оканьнии же они убоицѣ възвративъшеся къ посълавъшюуму я̀, яко же рече Давыдъ: «Възвратяться грѣшьници въ адъ и вьси забывающии бога». И пакы: «Оружие *и*звлекоша грѣшьници, напрягоша лукъ свои заклати правыя сьрдьцьмь и оружие ихъ вънидеть въ сьрдьца, и луци ихъ съкрушаться, яко грѣшьници погыбънуть». И яко съказаша Святопълку, яко «сътворихомъ повеленое тобою», и си слышавъ, вознесеся срьдьцьмь, и събысться реченое псалмопѣвьцемь Давыдъмь: «Чьто ся хвалиши сильныи о зълобѣ? Безаконие вь сь дьнь неправьду умысли языкъ твои. Възлюбилъ еси зълобу паче благостынѣ, неправьду неже глаголаати правьду. Възлюбилъ еси вься глаголы потопьныя и языкъ льстьвъ. Сего ради раздрушить тя богъ до коньца, въстьргнеть тя и преселить тя отъ села твоего, и корень твои отъ земля живущихъ».

Убиену же Глѣбови и повьржену на пустѣ мѣстѣ межю дъвѣма колодама. И господь не оставляяи своихъ рабъ, яко же рече Давыдъ: «Хранить господь вься кости ихъ, и ни едина отъ нихъ съкрушиться».

И сему убо святууму лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь пребыти неврежену, нъ показа: овогда бо видѣша стълпъ огньнъ, овогда свѣщѣ горущѣ

обо мне перед владыкой всех, ибо ты угоден ему и предстоишь пред престолом его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, господи боже мой! Помню слова, сказанные тобою своим апостолам: «За имя мое, меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени моего». И еще: «Терпением укрепляйте души свои». Смотри, господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред тобою, господи! И тебе славу возносим, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильный? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой льстивый. Поэтому бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы,

и пакы пѣния ангельская слышааху мимоходящии же путьмь гостие, ини же, ловы дѣюще и пасуще. Си же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго, дондеже Ярославъ, не търпя сего зълааго убииства, движеся на братоубиица оного, оканьньнааго Святоплъка и брани мъногы съ нимь съставивъ. И вьсегда пособиемь божиемь и поспѣшениемь святою, побѣдивъ елико брани състави, оканьныи посрамленъ и побѣженъ възвращаашеся.

Прочее же сь трьклятыи прииде съ множьствъмь печенѣгъ, и Ярославъ, съвъкупивъ воя, изиде противу ему на Льто и ста на мѣстѣ, иде же бѣ убиенъ святыи Борисъ. И въздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Се кръвь брата моего въпиеть къ тебе, владыко, яко же и Авелева преже. И ты мьсти его, яко же и на ономь положи стонание и трясение на братоубиици Каинѣ. Еи молю тя, господи, да въсприимуть противу тому. Аще и тѣлъмь ошьла еста, нъ благодатию жива еста и господеви предъстоита и молитвою помозѣта ми!»

И си рекъ, и поидоша противу собѣ и покрыша поле Льтьское множьствъмь вои. И съступишася, въсходящю сълнцю, и бысть сѣча зла отинудь и съступашася тришьды, и бишася чересъ дьнь вьсь, и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ, а сь оканьныии Святопълкъ побѣже. И нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣхъ. И прибѣгоша Берестию съ нимь. Онъ же рече: «Побѣгнѣте, осе женуть по насъ!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женущааго въ слѣдъ его. И, лежа въ немощи, въсхопивъся глаголааше: «Побѣгнѣмы еще, женуть! Охъ мнѣ!» И не можааше тьрпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣже Лядьску землю гонимъ гнѣвъмь божиемь. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы, и ту испроврьже животъ свои зълѣ. И приятъ възмьздие отъ господа, яко же показася посъланая на нь пагубьная рана и по съмьрти муку вѣчьную. И тако обою животу лихованъ бысть: и сьде не тъкъмо княжения, нъ и живота гонезе, и тамо не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития погрѣши, нъ и муцѣ и огню предасться. И есть могыла его и до сего дьне, и исходить отъ неѣ смрадъ зълыи на показание чловѣкомъ. Да аще кто си сътворить слыша таковая, си же прииметь и вящьша сихъ. Яко же Каинъ, не вѣдыи мьсти прияти и едину прия, а Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмь же седмьдесятицею мьстися ему. Така ти суть отъмьстия зълыимъ дѣлателемъ, яко же бо Иулиянъ цесарь, иже мъногы кръви святыихъ мученикъ пролиявъ, горькую и нечеловѣчьную съмьрть прия: не вѣдомо отъ кого *прободенъ* бысть копиемь въ сьрдьце вѣдруженъ. Тако и сь бѣгая не вѣдыися отъ кого зълострастьну съмьрть прия.

И оттолѣ крамола преста въ Русьскѣ земли, а Ярославъ прея вьсю волость Русьскую. И начатъ въпрашати о тѣльсьхъ

охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволеньем божьим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, господи, — да будут отмщены братья мои! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом божьим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит также, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был. Такова месть творящим зло: вот Юлиан цесарь — пролил он много крови святых мучеников, и постигла его страшная и бесчеловечная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался.

И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах

святою, како или кде положена еста. И о святѣмь Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ есть. А о святѣмь Глѣбѣ не вьси съвѣдяаху, яко Смолиньскѣ убиенъ есть. И тъгда съказаша ему, яже слышаша от приходящиихъ отътуду, како видѣша свѣтъ и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ, посъла Смолиньску на възискание презвутеры, рекыи, яко: «То есть братъ мои». И обретоша и́ иде же бѣша видѣли, и шьдъше съ крьсты и съ свѣщами мънозѣми и съ кандилы, и съ чьстию многою, и вложьше въ корабль, и пришедъше положиша и́ Вышегородѣ, иде же лежить и тѣло преблаженааго Бориса и раскопавъше землю, и тако же положиша и недоумѣюще, яко же бѣ лепо пречьстьнѣ.

Се же пречюдьно бысть и дивьно и памяти достоино; како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святаго, то же не врежено пребысть, ни отъ коего же плътоядьца, ни бѣаше почьрнѣло, яко же обычаи имуть телеса мьртвыхъ, нъ свѣтьло и красьно и цѣло и благу воню имущю. Тако богу съхранивъшю своего страстотьрпьца тѣло, и не вѣдяху мнози ту лежащю святою страстотьрпьцю телесу. Нъ яко же рече господь: «Не можеть градъ укрытися врьху горы стоя, ни свѣщѣ вьжьгъше спудъмь покрывають, нъ на свѣтилѣ поставляють, да свѣтить тьмныя». Тако и си святая постави свѣтити въ мирѣ, премногыими чюдесы сияти въ Русьскѣи сторонѣ велицѣи, иде же множьство стражющиихъ съпасени бывають: слѣпии прозирають, хромии быстрѣе сьрны рищуть, сълуции простьрение приемлють.

Нъ или могу вься съповѣдати или съказаати творимая чюдесы, по истинѣ ни вьсь миръ можеть понести, яже дѣються предивьная чюдеса и паче пѣсъка морьскааго. И не ту единде, нъ и по вьсѣмъ сторонамъ и по вьсѣмъ зѣмлямъ преходяща, болѣзни вься и недугы отъгонита, сущиихъ въ тьмьницахъ и въ узахъ посѣщающа. И на мѣстѣхъ иде же мученьчьскыимь вѣньцьмь увязостася, създанѣ быста цьркви въ имя ею. Да и ту тако же многа чюдеса посѣщающа съдѣваета.

Тѣмь же ваю како похвалити не съвѣмъ или чьто рещи недоумѣю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, имь же вьскорѣ обрѣтаетася близъ скърбящиихъ, нъ плътьскы на земли пожила еста въ чловѣчьствѣ. Чловѣка ли ва именую, то паче всего чловѣчьска ума преходита множьствъмь чюдесъ и посѣщениемь немощьныихъ. Цесаря ли князя ли ва проглаголю, нъ паче чловѣка убо проста и съмѣрена съмѣрение бо сътяжала еста, имь же и высокая мѣста и жилища въселистася.

По истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя къняземъ, ибо вою пособиемь и защищениемь князи наши противу въстающая дьржавьно побѣжають, и ваю помощию хваляться. Вы бо тѣмъ и намъ оружие, земля Русьскыя забрала и утвьржение и меча обоюду остра, има же дьрзость поганьскую низълагаемъ и дияволя шатания въ земли попираемъ. По истинѣ

святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как говорил господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину

несумьньнѣ рещи въ змогу: вы убо небесьная чловѣка еста, земльная ангела, стълпа и утвьржение землѣ нашея. Тѣмь же и борета по своемь отьчьствѣ и пособита, яко же и великии Димитрии по своемь отьчьствѣ. Рекъ: «Аще убо и веселящемъся имъ съ ними бѣхъ, тако же и погыбающемъ имъ съ нимь умьру». Нъ обаче сии великыи милъсьрдыи Димитрии о единомь градѣ сице извѣща, а вы не о единомь бо градѣ, ни о дъву, ни о вьси попечение и молитву въздаета, нъ о всеи земли Русьскѣи!

О блаженая убо гроба приимъши телеси ваю чьстьнѣи акы съкровище мъногоцѣньно! Блаженая цьркы, въ неи же положенѣ быста рацѣ ваю святѣи, имущи блаженѣи телеси ваю, о Христова угодьника! Блаженъ по истинѣ и высокъ паче всѣхъ градъ Русьскыихъ и вышии градъ, имыи въ себе таковое скровище. Ему же не тъчьнъ ни вьсь миръ. Поистинѣ Вышегородъ наречеся — вышии и превышии городъ всѣхъ; въторыи Селунь явися въ Русьскѣ земли, имыи въ себе врачьство безмьздьное, не нашему единому языку тъкъмо подано бысть богъмь, нъ и вьсеи земли спасение. Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще туне почьреплють ицѣление, яко же и въ святыихъ евангелиихъ господь рече святымъ апостоломъ, яко: «туне приясте, туне и дадити». О сихъ бо и самъ господь рече: «Вѣруяи въ мя, дѣла, яже азъ творю и тъ сътворитъ и больша тѣхъ».

Нъ о блаженая страстотьрпьца Христова, не забываита отьчьства, иде же пожила еста въ тели, его же всегда посѣтъмь не оставляета. Тако же и въ молитвахъ вьсегда молитася о насъ, да не придеть на ны зъло, и рана да не присту*пи*ть къ телеси рабъ ваю. Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо далъ есть богъ о насъ молящася и ходатая къ богу за ны. Тѣмь же прибѣгаемъ къ вама, и съ сльзами припадающе, молимъся, да не придеть на ны нога гърдыня и рука грѣшьнича не погубить насъ, и вьсяка пагуба да не наидеть на ны, гладъ и озълобление отъ насъ далече отъженѣта и всего меча браньна избавита насъ, и усобичьныя брани чюжа сътворита и вьсего грѣха и нападения заступита насъ, уповающиихъ къ вама. И къ господу богу молитву нашю усьрдьно принесѣта, яко съгрѣшихомъ зѣло и безаконьновахомъ премъного, и бещиньствовахомъ паче мѣры и преизлиха. Нъ ваю молитвы надѣющеся къ Спасу възъпиемъ глаголюще: «Владыко, единыи без грѣха! Призьри съ небесе святаго твоего на насъ убогыхъ, елма же съгрѣшихомъ, нъ ты оцѣсти, и безаконьновахомъ, ослаби, претъкнухомъся по пременении, яко блудьницю оцѣсти ны и яко мытоимьца оправи!

Да придеть на ны милость твоя! Да въсканеть на ны чловѣколюбие твое! И не ослаби ны преданомъ быти грѣхы нашими, ни усънути, ни умрети *горькою* съмьртию, нъ искупи ны отъ настаящааго зла и дажь ны время покаянию, яко многа безакония наша предъ тобою, господи! Сътвори съ нами

и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Дмитрий своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердый Дмитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О блаженны гробы, принявшие ваши честные тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела ваши, о Христовы угодники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышгородом — выше и превыше всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий безвозмездно, с божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых евангелиях господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и сам господь говорил: «Верующий в меня, в дела, которые я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к господу богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Воззри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй, и, впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай!

Да снизойдет на нас милость твоя! Да прольется на нас человеколюбие твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред тобою, господи! Рассуди нас

по милости твоеи, господи, яко имя твое нарицаеться въ насъ, нъ помилуи ны и ущедри и заступи молитвами пречьстьною страстотьрпьцю твоею. И не сътвори насъ въ поносъ, нъ милость твою излѣи на овьца пажити твоея, яко ты еси богъ нашь и тебе славу въсылаемъ отьцю и сыну и святууму духу нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь».

О Борисѣ, какъ бѣ възъръм.

Сь убо благовѣрьныи Борисъ благога корене сыи послушьливъ отцю бѣ, покаряяся при всемь отцю. Тѣлъмь бяше красьнъ, высокъ, лицьмь круглъмь, плечи велицѣ, тънъкъ въ чресла, очима добраама, веселъ лицьмь, рода мала и усъ младъ бо бѣ еще, свѣтяся цесарьскы, крѣпъкъ тѣлъмь, вьсячьскы украшенъ акы цвѣтъ цвьтыи въ уности своеи, в ратьхъ хръбъръ, въ съвѣтѣхъ мудръ и разумьнъ при вьсемь и благодать божия цвьтяаше на немь.

по милости твоей, господи, ибо имя твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость твою на овец стада твоего, ведь ты бог наш и тебе славу воссылаем, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

О Борисе, каков был видом.

Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покоряяся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, возрастом мал и ус молодой еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен — точно цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать божия цвела в нем.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНААГО ОТЬЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО

Древнерусский текст

Господи, *благослови отьче.*

Благодарю тя, владыко мой, господи Иисусе Христе, яко съподобилъ мя еси недостойнааго съповѣдателя быти святыимъ твоимъ въгодьникомъ, се бо испьрва писавъшю ми о житие и о погублении и о чюдесьхъ святою и блаженою страстотрьпьцю Бориса и Глѣба, понудихъ ся и на другое исповѣдание приити, еже выше моея силы, ему же и не бѣхъ достоинъ — грубъ сы и неразумичьнъ. Къ симъ *же яко и* не бѣхъ ученъ *никоеиждо* хытрости, нъ въспомянухъ, господи, слово твое, рекъшее: «Аще имате вѣру яко и зьрно горущьно и речете горѣ сей: преиди и въврьзися въ море, и абие послушаеть васъ». Си на умѣ азъ грѣшьный Нестеръ приимъ и оградивъся вѣрою и упованиемь, яко вься възможьна отъ тебе суть, начатъкъ слову списания положихъ, еже о житии преподобнаага отьца нашего Феодосия, бывъша игумена манастыря сего святыя владычицѣ нашея богородицѣ, его же и день усъпение нынѣ празднующе память творимъ. Се же якоже, о братие, въспоминающю ми житие преподобнааго, не сущю же съписану ни отъ *кого* же, печалию по вься дни съдрьжимъ бѣхъ и *моляхъся богу,* да съподобить мя по ряду съписати о житии богоносьнааго отьца нашего Феодосия. Да и по насъ сущеи чьноризьци, *приимьше писание и почитающе й, тако видяще мужа доблесть, въсхвалять бога, и* въгодника его прославляюще, на прочия подвигы укрѣпляються, наипаче же яко и въ странѣ сей такъ сий мужь явися и угодьникъ божий. О семь бо и самъ господь пророче: «Яко мнози приидуть отъ въстокъ и западъ и възлягуть съ Авраамъмь и съ Исакъмь и Ияковъмь въ царствии небесьнѣмь» и пакы: «Мнози будуть послѣдьнии *пръвии*», ибо сии послѣдьнии вящии прьвыхъ отьць явися, житиемь бо подражая святаага и пьрвааго начальника чьрньчьскуума

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО

Перевод

Господи, благослови, отче!

Благодарю тебя, владыко мой, господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о твоих святых подвижниках; сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба; побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и не достоин я его, ибо невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, господи, слово твое, вещающее: «Если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам». Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то божья воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой владычицы нашей богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братья, вспоминая о жизни преподобного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия. Пусть же и будущие черноризцы, взяв писание мое и прочитав его, также узнают о доблести этого мужа, восхвалят бога и, угодника его прославляя, укрепляют души свои для новых подвигов; ведь именно в нашей земле такой муж явился и угодник божий. Об этом и сам господь возвещал: «Многие придут с востока и с запада и почиют с Авраамом, и с Исааком в царствии небесном», и еще: «Многие из последних да станут первыми», ибо сей Феодосий в наши дни превзошел древних праведников, в жизни своей последуя тому, кто положил начало монашескому

образу, великаага мѣню Антония чьрньчьскууму образу. И се же чюдьнѣе, якоже пишеть въ отьчьскыихъ книгахъ: «Слабу быти послѣдьнюму роду»; сего же Христосъ въ послѣдьниимь родѣ семь такого себе съдѣльника показа и пастуха инокыимъ, бѣ бо измолода житиемь чистъмь украшенъ, добрыими дѣлесы, вѣрою же и съмыслъмь паче. Его же нынѣ отъсюду уже начьну съповѣдати еже отъ уны върсты житие блаженааго *Феодосия.*

Нъ послушайте, братие, съ вьсяцѣмь прилежаниемь, испълнь бо есть пользы слово се вьсѣмъ послушающиимъ. Молю же вы, о възлюблении: да не зазьрите пакы грубости моей, съдрьжимъ бо сый любъвию еже къ преподобьнууму, сего ради окусихъся съписати вься си яже о святѣмь, къ симъ же и блюдый, да не къ мнѣ речено будеть: «Зълый рабе лѣнивый, подобаше ти дати сребро мое тържьникомъ, и азъ *пришед* быхъ съ лихвою истязалъ е». Тѣмьже якоже и нѣсть лѣпо, братие, таити чюдесъ *божиих* наипаче богу рекъшюуму ученикомъ своимъ: «Яко еже глаголю вамъ въ тьмѣ, повѣдите на свѣтѣ и еже въ уши слышасте, проповѣдите въ домъхъ». Си на успѣхъ и на устроение бесѣдующимъ съписати хощю, и о сихъ бога славяще, мьзды отдание приимете. Хотящю же ми исповѣдати начати, преже молюся господеви, глаголя сице: «Владыко мой, господи вьседрьжителю, благымъ подателю, отче господа нашего Исус Христа, прииди на помощь мнѣ и просвѣти сьрдце мое на разумѣние заповѣдий твоихъ и отвьрзи устьнѣ мои на исповѣдание чюдесъ твоихъ и на похваление святааго въгодника твоего, да прославиться имя твое, яко ты еси помощьникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣкы. Амин».

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попьрищь, *именемь Васильевъ.* Въ томь бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крьстияньстѣй живуща и всячьскыимь благочьстиюмь укршена. Родиста же блаженаго дѣтища сего, таче въ осмый дьнь принесоста й къ святителю божию, якоже обычай есть крьстияномъ, да имя дѣтищю нарекуть. Прозвутеръ же, видѣвъ дѣтища и сърьдьчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада богу датися, Феодосиемь того *нарицаеть.* Таче же, яко и минуша 40 дьний дѣтищю, крьщениемь того освятиша. Отроча же ростяше, кърмимъ родителема своима, и благодать божия съ нимь, и духъ святый измлада въселися въ нь.

Къто исповѣсть милосьрьдие божие! Се бо не избьра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градъ пастуха и учителя инокыимъ, нъ — да о семь прославиться имя господне — яко грубъ сы и невѣжа премудрѣй философъ явися. О утаения тайно! Яко отнюдуже не бѣ начаятися, оттудуже въсия намъ деньница пресвѣтла, якоже отъ всѣхъ странъ видѣвъше свьтѣние ея, тещи к ней, вся презрѣвъше, тоя единоя свѣта насытитися. О благости божия! Еже бо испьрва мѣсто назнаменавъ и благословивъ, пажить створи,

бытию — говорю я о великом Антонии. И вот что дивно: ведь как пишется в книгах святых отцов: «Ничтожен будет последний род»; а сего Христос и в последнем роде сделал своим сподвижником и пастырем иноков, ибо с юных лет отличался он безупречной жизнью, добрыми делами, но особенно — верою и разумом. О нем же и начну теперь повествовать — с самых юных лет поведаю жизнь блаженного Феодосия.

Но послушайте, братья, со всяческим вниманием, ибо слово это исполнено пользы для всех слушающих. И молю вас, возлюбленные: не осудите невежества моего, ибо исполнен я любви к преподобному и только потому решился написать все это о святом, к тому же хочу, чтобы не сказали обо мне: «Дурной раб ленивый, подобало тебе отдать серебро мое в рост, и я бы, вернувшись, получил его с прибытком». Поэтому и не следует, братья, скрывать чудеса божьи,— вспомните, как он обратился к ученикам своим: «Все, что говорю вам во тьме, поведайте другим при свете, и все, что войдет в уши ваши — разглашайте по всем домам». Для успеха и блага тех, кто продолжит беседу мою, хочу писать, и, славя за это бога, вы удостоитесь награды. Прежде чем начать повествование, обращаюсь к богу со словами: «Владыка мой, господь вседержитель, щедрый к благочестивым, отец господа нашего Иисуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое, чтобы понял я смысл заповедей твоих, и дай мне силу поведать о чудесах твоих и похвалить святого угодника твоего; да прославится имя твое, ибо ты помощник всем, кто во всякий день надеется на тебя. Аминь».

В пятидесяти поприщах от стольного города Киева есть город по названию Васильев. В нем и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя богу, и назвал его Феодосием. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и дух святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие божье! Вот ведь не избрал он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов! О тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы только светом ее насладиться. О милосердие божие! Сперва место указав

на немь же хотяше паствитися стадо богословесьныхъ овьць, донъдеже пастуха избьра.

Бысть же родителема блаженаго преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшю, паче же реку — богу сице изволивъшю, да и тамо добляаго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть лѣпо, отъ въстока дьньница възидеть, събирающи окрьстъ себе ины многы звѣзды, ожидающи солнца правьдьнааго, Христа бога, и глаголюща: се азъ, владыко, и дѣти яже въспитахъ духовьнымь твоимь брашьнъмь; и се, господи, ученици мои, се бо сия ти приведохъ, иже научихъ вся житийская презрѣти и тебе, единого бога и господа, възлюбити. Се, о владыко, стадо богословесьныхъ твоихъ овьць, и имъ же мя бѣ пастуха створилъ и еже упасохъ на бъжьствьнѣй твоей пажити, и сия ти приведохъ, съблюдъ чисты и непорочьны. Таче господь къ нему: «Рабе благый, верьне умноживый преданый талантъ, тѣмьже приими уготованый тебе вѣньць и вънииди въ радость господа своего». И къ ученикомъ его речеть: «Придѣте, благое стадо, добляаго пастуха богословесьная овьчата, иже мене ради алкавъше и трудивъшеся приимѣте уготованое вамъ царствие от съложения миру».

Тѣмьже и мы, братие, потъщимъся рьвьнителе быти и подражателе житию преподобьнааго Феодосия и ученикомъ его, ихъ же тогда предъ собою къ господу посла, да тако сподобимъся слышати, гласъ он, еже отъ владыкы и вседрьжителя речеться: «Придѣте убо, благословлении отьца моего, приимѣте уготованое вамъ царствие».

Мы же пакы поидемъ на прьвое исповѣдание святааго сего отрока. Растый убо тѣлъмь и душею влекомъ на любъвь божию, и хожаше по вся дьни въ цьркъвь божию, послушая божьствьныхъ книгъ съ всѣмь вниманиемь. Еще же и къ дѣтьмъ играющимъ не приближашеся, якоже обычай есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана. О семь же многашьды родителема его нудящема й облещися въ одежю чисту и на игры съ дѣтьми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ от убогыхъ. Къ симъ же и датися *веля* на учение божьствьныхъ книгъ единому от учитель; якоже и створи. И въскорѣ извыче вся граматикия, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмь его учении. Покорение же его и повиновение къто исповѣсть, еже сътяжа въ учении своемь не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ всѣмъ учащимъся *с ним?*

Въ то же время отьць его житию коньць приятъ. Сущю же тъгда божьствьному Феодосию 13 лѣт. Оттолѣ же начатъ на труды паче подвижьнѣй бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякыимь съмѣрениемь. Мати же его оставляше й, не велящи ему тако творити, моляше й пакы

и благословив, создал бог поле, на котором будет пастись стадо богословесных овец, пока он им пастуха не избрал.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с востока взошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа — и глаголя: «Вот я, владыка, и дети, которых воспитал я духовной твоею пищей; и вот они, господи, ученики мои, привел я их к тебе, научив презреть все мирское и возлюбить одного тебя, бога и господина. Вот, о владыко, стадо богословесных твоих овец, к которому ты приставил меня пастухом, и я взрастил их на божественном твоем поле и к тебе привел, сохранив их чистыми и непорочными». И так ответил господь ему: «Раб достойный, как должно умноживший данный тебе талант, за это прими уготованный тебе венец и приди к радости господа своего». И ученикам его сказал: «Придите, благое стадо, доблестного пастуха богословесные овцы, ради меня терпевшие голод и трудившиеся, примите уготованное вам от сотворения мира царство».

Так и мы, братья, станем следовать и подражать жизни преподобного Феодосия и учеников его, которых он пред собой послал к господу, и да сподобимся услышать слово владыки и вседержителя, вещающее: «Придите, благословенные отцом моим, и примите уготованное вам царство».

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви божьей, и ходил каждый день в церковь божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая работать, снова упрашивала его

облачитися въ одежю свѣтьлу и тако исходити ему съ съвърьстьникы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко, тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши. Оному о томь не послушаюшю ея, и *такоже* многашьды ей отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити й, бѣ бо и тѣлъмь крѣпъка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующю, то начьняше мьнѣти мужа ю суща.

Къ симъ же пакы божьствьный уноша мысляаше, како и кымь образъмь спасеться. Тače слыша пакы о святыхъ мѣстѣхъ, идеже господь нашь Иисусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся богу, глаголя: «Господи Иисусъ Христе мой! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ». И тако многашьды молящюся ему, и се приидоша страньници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я божьствьный уноша и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ, и любьзно цѣлова я, и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмъ, и, аще богу велящю, хощемъ въспять уже ити. Святый же моляше я, да и поимуть въ слѣдъ себе и съпутьника й *сътворяют* съ собою. Они же обѣщашася пояти й съ собою и допровадити й до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ блаженый *Феодосий,* еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде въ домъ свой. И егда хотяху страньнии отъити, възвѣстиша уноши свой отходъ. Онъ же, въставъ нощию и не вѣдущю никомуже, *тай* изиде из дому своего, не имый у себе ничсоже, развѣ одежа, въ ней же хожаше, и та же худа. И тако изиде въ слѣдъ страньныхъ. Благый же богъ не попусти ему отъити отъ страны сея, его же и-щрева матерьня и пастуха быти въ странѣ сей богогласьныихъ овьць назнамена, да не пастуху убо отшьдъшю, да опустѣеть пажить, юже богъ благослови, и търние и вълчьць въздрастеть на ней, и стадо разидеться.

По трьхъ убо дьньхъ увѣдѣвъши мати его, яко съ страньныими отъиде, и абие погъна въ слѣдъ его, тъкъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьний блаженааго Феодосия. Таче же, яко гънаста путь мъногъ, ти тако пристигъша, яста й, и отъ ярости же и гнѣва мати его имъши й за власы, и поврьже й на земли, и своима ногама пъхашети й, и страньныя же много коривъши, възвратися въ домъ свой, яко нѣкоего зълодѣя ведущи съвязана. Тольми же гнѣвъмь одрьжима, яко и въ домъ ей пришьдъши, бити й, дондеже изнеможе. И по сихъ же, въведъши й въ храмъ и ту привяза й, и затворьши, и тако отъиде. Божьствьный же уноша вься си съ радостию приимаше, и бога моля, благодаряше о вьсѣхъ сихъ. Таче пришедъши мати его по двою дьнию отрѣши й и подасть же ему ясти, еще же гнѣвъмь одьржима сущи, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдущи, да не

одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал он как-то о святых местах, где провел свою земную жизнь господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосий радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предначертал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная богом, и зарастет терниeм и бурьяном, и разбредется стадо.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь,

пакы отъбѣжить отъ нея. Тако же сътвори дьни мъногы ходя. По томь же пакы умилосрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати и́, да не отъбѣжить отъ нея, люблящие бо и́ зѣло паче инѣхъ и того ради не тьрпяше без него. Оному же обѣщавъшюся ей не отъити отъ нея, съня желѣза съ ногу его, повелѣвъши же ему по воли творити, еже хощеть. Блаженый же Феодосий на прьвый подвигъ възвратися и хожаше въ цьркъвь божию по вся дьни. Ти видяше, яко многашьды лишаемѣ сущи литургии, проскурьнааго ради непечения, жаляшеси о томь зѣло и умысли же самъ своимь съмѣрениемь отълучитися на то дѣло. Еже и сътвори: начатъ бо пещи проскуры и продаяти, и еже аще прибудяше ему къ цѣнѣ, то дадяше нищимъ. Цѣною же пакы купяше жито и, своима рукама измълъ, пакы проскуры творяше. Се же тако богу изволивъшю, да проскуры чисты приносяться въ цьркъвь божию отъ непорочьнаго и нескврьньнааго отрока. Сице же пребысть двѣнадесяте лѣтѣ или боле творя. Вьси же съврьстьнии отроци его ругающеся ему, укаряхути и́ о таковѣмь дѣлѣ, и тоже врагу научающю я. Блаженый же вься си съ радостию приимаше, съ мълчаниемь и съ съмѣрениемь. Ненавидя же испьрва добра золодѣй врагъ, видя себе побѣжаема съмѣрениемь богословесьнааго отрока, и не почиваше, хотя отъвратити и́ отъ таковаго дѣла. И се начатъ матерь его поущати, да ему възбранить отъ таковаго дѣла. Мати убо, не тьрпящи сына своего въ такой укоризнѣ суща, и начатъ глаголати съ любъвию к нему: «Молю ти ся, чадо, останися таковааго дѣла, хулу бо наносиши на родъ свой, и не трьплю бо слышати отъ вьсѣхъ укаряему ти сущю о таковѣмь дѣлѣ. И нѣсть бо ти лѣпо, отроку сущю, таковааго дѣла дѣлати». Таче съ съмѣрениемь божьствьный уноша отъвѣщавааше матери своей, глаголя: «Послушай, о мати, молю ти ся, послушай! Господь бо Иисусъ Христосъ самъ поубожися и съмѣрися, намъ образъ дая, да и мы его ради съмѣримъся. Пакы же поруганъ бысть и опльванъ и заушаемъ, и вься претьрпѣвъ нашего ради спасения. Кольми паче лѣпо есть намъ трьпѣти, да Христа приобрящемъ. А еже о дѣлѣ моемь, мати моя, то послушай: егда господь нашь Иисусъ Христосъ на вечери възлеже съ ученикы своими, тъгда приимъ хлѣбъ и благословивъ и преломль, даяше ученикомъ своимъ, глаголя: «Приимѣте и ядите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за мъногы въ оставление грѣховъ». Да аще самъ господь нашь плъть свою нарече, то кольми паче лѣпо есть мнѣ радоватися, яко съдѣльника мя съподоби господь плъти своей быти». Си слышавъши мати его и чюдивъшися о премудрости отрока и отътолѣ нача оставатися его. Нъ врагъ не почиваше, остря ю на *възбранение* отрока о таковѣмь его съмѣрении. По лѣтѣ же единомь пакы видѣвъши

как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры, очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молол и снова пек просфоры. Это уж бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг, видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвратить Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не могла смириться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам господь Иисус Христос подал нам пример уничижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирялись. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к богу. А что до дела моего, мати моя, то послушай: когда господь наш Иисус Христос возлег на вечёре с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: «Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов». Если уж сам господь наш хлеб назвал плотью своею, то как же не радоваться мне, что сподобил он меня приобщиться к плоти своей». Услышав это, подивилась мать мудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению сына. И как-то спустя год, снова увидев,

его пекуща проскуры и учьрнивъшася от ожьжения пещьнаго, съжалиси зѣло, пакы начатъ оттолѣ бранити ему овогда ласкою, овогда же грозою, другоици же биющи и́, да ся останеть таковаго дѣла. Божьствьный же уноша въ скърби велицѣ бысть о томь, и недъумѣя, чьто створити. Тъгда же, въставъ нощию отай *изиде* из дому своего, и иде въ инъ градъ, не далече сущь *оттолѣ*, и обита у прозвутера, и дѣлаше по обычаю дѣло свое. Потомь же мати его, яко его искавъши въ градѣ своемь и не обрете его, съжалиси по немь. Таче... по дьньхъ мнозѣхъ слышавъши, къде живеть, и абие устрьмися по нь съ гнѣвъмь великъмь, и пришедъши въ прежереченый градъ и, искавъши, обрете и́ въ дому презвутерове, и имъши, влечаше и́ въ градъ свой биющи. И въ домъ свой приведъши и запрети ему, глаголющи, яко «къ тому не имаши отити мене; елико бо аще камо идеши, азъ, шедъши и обрѣтъши тя, съвязана биющи приведу въ сий градъ». Тъгда же блаженый Феодосий моляшеся богу, по вся дьни ходя въ цьркъвь божию, бѣ же съмѣренъ сьрьдцьмь и покоривъ къ вьсѣмъ.

Якоже и властелинъ града того, видѣвъ отрока въ такомь съмерении и покорении суща, възлюби и́ зѣло и повелѣ же ему, да *пребываеть* у него въ цьркви, *въдасть* же ему и одежю свѣтьлу, да ходить въ ней. Блаженый же Феодосий пребысть въ ней ходя мало дьний, *яко* нѣкую тяжесть на собѣ нося, тако пребываше. Таче съньмъ ю, отдасть ю нищимъ, самъ же въ худыя пърты обълкъся, ти тако хожаше. Властелинъ же, видѣвы и́ тако ходяща, и пакы ину въдасть одежю, вящьшю пьрвыя, моля и́, да ходить въ ней. Онъ же съньмъ и ту отъда. Сице же многашьды сътвори, якоже судии то увѣдѣвъшю, большимь начатъ любити и́, чюдяся съмѣрению его. По сих же божьствьный Феодосий шедъ къ единому от кузньць, повелѣ ему желѣзо съчепито съковати, иже и възьмъ и препоясася имь въ чресла своя, и тако хожаше. Желѣзу же узъку сущю и грызущюся въ тѣло его, онъ же пребываше, яко ничсоже скьрбьна от него приемля тѣлу своему.

Таче, яко ишьдъшемъ дьньмъ мъногомъ и бывъшю дьни праздьничьну, мати его начать велѣти ему облещися въ одежю свѣтьлу на служение вьсѣмъ бо града того вельможамъ, въ тъ дьнь възлежащемъ на обѣдѣ у властелина. И повелѣно бѣ убо блаженууму Феодосию предъстояти и служити. И сего ради поущашети и́ мати его, да облечеться въ одежю чисту, наипаче же якоже и слышала бѣ, еже есть сътворилъ. Якоже ему облачащюся въ одежю чисту, простъ же сы умъмь неже блюдыйся ея. Она же прилѣжьно зьряаше, хотящи истѣе видѣти, и се бо видѣ на срачици его кръвь сущю от въгрызения желѣза. И раждьгъшися гнѣвъмь на нь, и съ яростию въставъши и растързавъши сорочицю на немь, биющи же и́, отъя желѣзо от чреслъ его. Божий же отрокъ, яко

как он, почерневший от печного жара, печет просфоры, опечалилась она и с той поры опять принялась убеждать сына то лаской, то угрозою, а иногда и избивая его, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и не знал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом, ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав его в своем городе и не найдя, горевала о нем. Когда же много дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника, и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня, а если куда уйдешь, то я все равно догоню и разыщу тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться богу и ежедневно ходить в церковь, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин этого города узнал о смирении и послушании отрока, то полюбил его, и повелел постоянно находиться у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носит какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он не раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосий некоторое время спустя пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоясал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли.

Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду, и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок,

ничьсоже зъла приятъ от нея, обълкъся и, шедъ, служаше предъ възлежащими съ вьсякою тихостию.

Таче по времени пакы нѣкоторѣмь слыша въ святѣмь еуангелии господа глаголюща: «Аще кто не оставить отьца или матере и въ слѣдъ мене не идеть, то нѣсть мене достоинъ». И пакы: «Придѣте къ мънѣ вьси тружающиеся и *обременении*, и азъ покою вы. Възьмѣте ярьмъ мой на ся и научитеся от мене, яко крътъкъ есмь и съмѣренъ сьрдьцьмь, и обрящете покой душамъ вашимъ». Си же слышавъ богодъхновеный Феодосий и раждьгъся божьствьною рьвьностию и любъвию, и дышаниемь божиемь, помышляаше, како или кде пострѣщися и утаитися матере своея. По сълучаю же божию отъиде мати его на село, и якоже пребыти ей тамо дьни мъногы. Блаженый же, радъ бывъ, помоливъся богу, и изиде отай из дому, не имый у себя ничьсоже, развѣ одежа, ти мало хлѣба немощи дѣля телесьныя. И тако устрьмися къ Кыеву городу, бѣ бо слышалъ о манастырихъ ту сущиихъ. Не вѣдый же пути, моляшеся богу, да бы обрѣлъ съпутьникы, направляюща й на путь желания. И се по приключаю божию бѣша идуще путьмь *тѣмь* купьци на возѣхъ съ бремены тяжькы. Увѣдѣвъ же я блаженый, яко въ тъ же градъ идуть, прослави бога и идяшеть въ слѣдъ ихъ издалеча, не являяся имъ. И онѣмъ же ставъшемъ на нощьнѣмь становищи, блаженый же не доида, яко и зьрѣимо ихъ, ту же опочивааше, единому богу съблюдающю й. И тако идый трьми недѣлями доиде прежереченаго *града. Егда* же пришедъ и обьходи вся манастыря, хотя быти мнихъ и моляся имъ, да приятъ ими будеть. Они же видѣвъше отрока простость и ризами же худами облечена, не рачиша того прияти. Сице же богу изволивъшю тако, да на мѣсто, идеже бѣ бъгъмь от уности позъванъ, на то же ведешеся.

Тъгда же бо слышавъ о блаженѣмь Антонии, живущиимь въ пещерѣ, и окрилатѣвъ же умъмь устрьмися къ пещерѣ. И пришьдъ къ преподобьнуму Антонию, его же видѣвъ и, падъ, поклонися ему съ сльзами, моляся ему, да бы у него былъ. Великый же Антоний казаше и глаголя: «Чадо, видиши ли пещеру сию, скьрбьно суще мѣсто и тѣснѣйше паче инѣхъ мѣстъ. Ты же унъ сый, якоже мню, и не имаши трьпѣти на мѣстѣ семь скърби». Се же не тъкмо искушая й глаголаше, нъ и прозорочьныма очима прозря, яко тъ хотяше въградити самъ мѣстъ то и манастырь славьнъ сътворити на събьрание множьству чьрньць. Богодъхновеный же Феодосий отвѣща ему съ умилениемь: «Вѣжь, чьстьный отьче, яко проразумьникъ всячьскыихъ богъ приведе мя къ святости твоей и спасти мя веля, тѣмьже, елико ми велиши сътворити, сътворю». Тъгда глагола ему блаженый Антоний: «Благословенъ богъ, чадо, укрѣпивый тя на се тъщание, и се мѣсто — буди въ немь».

словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостоин». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосий, и воспылал рвением и любовью к богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И случилось по воле божьей так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только бог охранял его. И вот после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосий о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и непригляднее всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосий отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!»

Феодосий же, пакы падъ, поклонися ему. Таче благослови и́ старьць и повелѣ великому Никону острѣщи и́, прозвутеру тому сущю и чьрноризьцю искусьну, иже и поимъ блаженаго Феодосиа и по обычаю святыихъ отьць остригы и облече и́ въ мьнишьскую одежю.

Отьць же нашь Феодосий предавъся богу и преподобьнууму Антонию, и оттолѣ подаяшеся на труды телесьныя, и бъдяше по вся нощи въ славословлении божии, съньную тягость *отвръгъ*, къ въздьржанию же и плътию своею тружаяся, рукама дѣло свое дѣлая и въспоминая по вься дьни псалъмьское оно слово: «Вижь съмѣрение мое и трудъ мой и остави вься грѣхы моя». Тѣмь вьсь съ вьсѣмь въздьржаниемь душю съмѣряаше, тѣло же пакы трудъмь и подвизаниемь driручааше, яко дивитися преподобьнууму Антонию и великому Никону съмѣрению его, и покорению, и толику его въ уности благонравьству, и укрѣплению, и бъдрости. И вельми о вьсемь прослависта бога.

Мати же его много искавъши въ градѣ своемь и въ окрьстьнихъ градѣхъ и яко не обрете его, плакаашеся по немь лютѣ, биющи въ пьрси своя яко и по мрьтвѣмь. И заповѣдано же бысть по всей странѣ той, аще къде видѣвъше такого отрока, да пришьдъше възвѣстите матери его и велику мьзду примуть о възвещении его. И се пришьдъше от Кыева и повѣдаша ей, яко преже сихъ 4 лѣт видѣхомы и́ въ нашемь градѣ ходяща и хотяща острѣщися въ единомь от манастыревъ. И то слышавъши она и не облѣнивъшися и тамо ити. И нимало же помьдьливъши, ни дълготы же пути убоявъшися въ прежереченый градъ иде на възискание сына своего. Иже и пришедъши въ градъ тъ, и обьходи вься манастыря, ищющи его. Послѣди же повѣдаша ей, яко въ пещерѣ есть у преподобнааго Антония. Она же и тамо иде, да и́ тамо обрящеть. И се начатъ старьца льстию вызывати, глаголющи, яко даречете преподобьнууму да изидеть. «Се бо многъ путь гънавъши приидохъ, хотящи бесѣдовати къ тебе и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и азъ от тебе». И възвѣщено бысть старьцю о ней, и се изиде къ ней. Его же видѣвъши и поклонися ему. Таче сѣдъшема има, начатъ жена простирати к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, ея же ради прииде. И глаголаше же: «Молю ти ся, отьче, повѣжь ми, аще сде есть сынъ мой. Много же си жалю его ради, не вѣдущи, аще убо живъ есть». Старьць же сый простъ умъмь и, не разумѣвъ льсти ея, глагола ей, яко «сде есть сынъ твой, и не жалиси его ради, се бо живъ есть». То же она къ нему: «То чьто, отьче, оже не вижю его? Многъ бо путь шьствовавъши, придохъ въ сий градъ, тъкмо же да вижю си сына своего. Ти тако възвращюся въ градъ свой». Старьць же к ней отъвѣща: «То аще хощеши видѣти и́ да идеши нынѣ въ домъ, и азъ, шедъ, увѣщаю и́, не бо рачить

Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосий всей душой отдался богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, превозмогая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и такому его — в юные годы — благонравию, твердости духа и бодрости. И неустанно славили за все это бога.

Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И было объявлено по всей той земле, что если кто видел отрока, то пусть придет и сообщит его матери и получит за известие о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его в нашем городе, когда собирался он постричься в одном из монастырей. Услышав об этом, она не поленилась поехать в Киев. И нимало не медля и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Достигнув того города, обошла она в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы он вышел к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот он вышел к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина степенно беседовать с ним и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отче, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же отвечал ей: «Если хочешь повидаться с ним, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет

видѣти кого. Ти въ утрѣй дьнь пришедъши, видиши и́». То же слышавъши, она отъиде, чающи въ приидущий дьнь видѣти и́. Преподобьный же Антоний, въшедъ въ пещеру, възвѣсти вся си блаженууму Феодосию, иже и́ слышавъ, съжалиси зѣло, яко *не* може утаитися ея. Въ другый же дьнь прииде пакы жена, старьць же много увѣщавааше блаженаaго изити и видѣти матерь свою. Онъ же не въсхотѣ. Тъгда же старьць, ишьдъ, глагола ей, яко «много молихы и́, да изидеть къ тебе, и не рачить». Она же к тому уже не съ съмѣрениемь начатъ глаголати къ старьцю, съ гнѣвъмь великъмь въпияаше о нуже старьца сего, яко имый сына моего и съкрывый въ пещерѣ, не рачить ми его явити. «Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижю. И не трьплю бо жива быти, аще не вижю его! Яви ми сына моего, да не зълѣ умьру, се бо сама ся погублю предъ двьрьми печеры сея, аще ми не покажеши его». Тъгда Антоний, въ скърби велицѣ бывъ и въшедъ въ пещеру, моляаше блаженааго Антоний, да изидеть къ ней. Онъ же не хотя ослушатися старьца и изиде къ ней. Она же видѣвъши сына своего въ таковѣй скьрби суща, бѣ бо уже лице его измѣнилося отъ многааго его труда и въздьржания, и охопивъшися емь плакашеся горко. И одъва мало утѣшивъшися, сѣде и начатъ увѣщавати Христова слугу, глаголющи: «Поиди, чадо, въ домъ свой, и еже ти на потребу и на спасение души, да дѣлаеши въ дому си по воли своей, тъкмо же да не отълучайся мене. И егда ти умьру, ты же погребеши тѣло мое, ти тъгда възвратишися въ пещеру сию, якоже хощеши. Не трьплю бо жива быти не видящи тебе». Блаженый же рече къ ней: «То аще хощеши видѣти мя по вся дьни, иди въ сий градъ, и въшьдъши въ единъ манастырь женъ и ту остризися. И тако, приходящи сѣмо, видиши мя. Къ симъ же и спасение души приимеши. Аще ли сего не твориши, то — истину ти глаголю — к тому лица моего не имаши видѣти». Сицѣми же и инѣми многыими наказани пребывааше по вся дьни, увѣщавая матерь свою. Онъй же о томь не хотящи, ни понѣ послушати его. И егда отъхожаше от него, тъгда блаженый, въшедъ въ пещеру, моляшеся богу прилѣжно о спасении матере своея и обращении сърьдьца ея на послушание. Богъ же услыша молитву угодьника своего. О семь бо словеси рече пророкъ: «Близъ господь призывающиимъ въистину и волю боящимъся его творить, и молитву ихъ услышить, и спасеть я». Въ единъ бо дьнь пришьдъши мати ему глаголя: «Се, чадо, велимая вься тобою сътворю, и къ тому не възвращюся въ градъ свой, нъ яко богу *волящю,* да иду въ манастырь женъ, и ту остригъшися прочая пребуду дьни своя. Се бо от твоего учения разумѣхъ, яко ничтоже есть свѣтъ сий маловременьный». Си слышавъ, блаженый Феодосий въздрадовася духъмь

никого видеть. Ты же завтра придешь и повидаешься с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что на следующий день увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой день женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гневе крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере и не хочет его показать. «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверьми вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не посмел тот ослушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, насилу успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, причитая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души — то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня постоянно, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так, и другие доводы приводя, всякий день уговаривал он свою мать. Она же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом господь с теми, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосий

и въшьдъ съповѣда великому Антонию, иже, и услышавъ, прослави бога, обративъшааго сьрьдце ея на такавое покаяние. И шьдъ къ ней и много поучивъ ю, еже на пользу и на спасение души, и, възвѣстивъ о ней княгыни, пусти ю въ манастырь женьскый, именуемъ святааго Николы. И ту постриженѣ ей быти, и въ мьнишьскую одежю облеченѣ ей быти, и поживъши же ей въ добрѣ исповѣдании лѣта многа, съ миръмь усъпе.

Се же житие блаженааго отьца нашего Феодосия отъ уны връсты до сде, дондеже прииде въ пещеру, мати же его съповѣда единому от братия, именьмь Феодору, иже бѣ келарь при отьци нашемь Феодосии. Азъ же от него вся си слышавъ, оному съповѣдающю ми, и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я. Обаче и на прочее съказание отрока исправления поиду, съврьшение же глаголъ ми укажеться благоисправляющю богу и словослову.

Сий убо отьць нашь Феодосий святый побѣдоносьць показася въ пещерѣ на злыя духы. По острижени же матере своея и по отврьжении всякоя мирьскыя печали большими труды паче наченъ подвизатися на рьвение божие. И бѣ видѣти свѣтила три суща въ пещерѣ разгоняща тьму бѣсовьскую молитвою и алканиемь: мѣню же преподобнааго Антония, и блаженааго Феодосия и великааго Никона. Си бѣша въ пещерѣ моляще бога, и богъ же бѣ съ ними; «иде бо,— рече,— 2 или трие съвъкуплени въ имя мое, ту есмь посредѣ ихъ».

Въ то же время иже бѣ прьвый у князя въ болярѣхъ имьньмь Иоан. И того сынъ часто прихожаше къ преподобьнымъ, наслажаяся медоточьныихъ тѣхъ словесъ, иже исхожааху изъ устъ отьць тѣхъ, и възлюби же я зѣло и яко въсхотѣти ему жити съ ними и вься презьрѣти въ житии семь, славу и богатьство ни въ что же положивъ. Прикосну бо ся емь слово господне, рекшее, «яко удобѣе есть вельбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, нежели богату въ царствие небесное вънити». Тъгда же повѣда единому Антонию мысль свою, глаголя: «Хотѣлъ быхъ, отьче, аще богу годьно, мнихъ быти и жити съ вами». Глагола ему старьць: «Благо хотѣние твое, чадо, и помыслъ испълненъ благодати, нъ блюди, чадо, да не богатьство и слава мира сего възврати тя въспять. Господу рекъшю: «Никтоже възложь рукы своея на рало и зря въспять, управленъ есть въ царствии небеснѣмь», тако и мнихъ възвращаяся къ миру мыслию и пекыися о мирьскыхъ не имать управитися въ жизнь вѣчьную». И *ина* многа старьць бесѣдова къ отроку и оному же сьрьдце боле остряшеся на любъвь божию и тъгда отиде въ домъ свой.

И въ другый же дьнь одѣвъся въ одежю свѣтьлу и славьну и тако въсѣдъ на конь поеха къ старцю, и отроци бѣша окрестъ его едуще и другыя коня въ утвари ведуще пред ним, и тако

и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее на пользу и для спасения души ее, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась.

Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия с детских лет и до той поры, когда пришел он в пещеру, поведала мать его одному из братии, именем Федору, который был келарем при отце нашем Феодосии. Я же от него все это услышал — он рассказывал мне — и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия. Однако обращусь я к дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне бог, дарующий благо и славослов.

Тот отец наш святой Феодосий вышел победителем в борьбе со злыми духами в пещере. После пострижения матери своей отвергся он от всего мирского и еще с большим усердием начал отдаваться служению богу. И было тогда три светила в пещере, разгоняющих тьму бесовскую молитвою и постом: говорю я о преподобном Антонии, и блаженном Феодосии, и великом Никоне. Они пребывали в пещере в молитвах богу, и бог был с ними; ибо сказано: «Где двое или трое собрались служить мне, тут и я среди них».

В это же время был некто по имени Иоанн, первый из княжеских бояр. Сын же его часто приходил к преподобным, наслаждаясь медоточивыми речами, истекавшими из уст отцов тех, и полюбил их, и захотел жить с ними, отринув все мирское, славу и богатство ни во что не ставя. Ибо дошло до слуха его слово господне, вещающее: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное». Тогда поведал он одному лишь Антонию о своем желании, сказав ему: «Хотел бы, отец мой, если это угодно богу, стать монахом и поселиться с вами». Отвечал ему старец: «Благое желание твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но остерегайся, чадо, вдруг богатство и слава мира сего позовут тебя назад. Господь говорит: «Никто, возложивший руки свои на плуг и озирающийся, не найдет себе места в царствии небесном»; так же и монах, если помыслы его возвращаются к мирской жизни и печется он о мирских делах, не удостоится жизни вечной». И долго еще беседовал старец с отроком, а сердце того еще более разгоралось любовью к богу, с тем и вернулся он в дом свой.

И на другой же день оделся в праздничные и богатые одежды и, сев на коня, поехал к старцу, и отроки его ехали подле него, а другие вели перед ним коня в богатой упряжи,

въ славѣ велицѣ приеха къ печерѣ отець тѣх. Онѣмь же изшедшим и поклонившимся ему, якоже есть лѣпо велможам, он же пакы поклонися имъ до земля, потомь же снемъ съ себе одежу боляръскую и положи ю пред старцемь, и також коня, сущаа въ ютвари, и постави пред нимь, глаголя: «Се вся, отче, красьнаа прельсть мира сего суть, и якоже хощеши, тако сътвори о них, азъ бо уже вся си прѣзрѣх и хощу мних быти и с вами жити в печерѣ сей, и к тому не имам възвратитися в дом свой». Старець же рече к нему: «Блюди, чадо, къ кому обѣщаваешися и чий въинь хощеши быти, се бо невидимо предстоятъ аггели божии, приемлюще обѣщаниа твоя. Но егда како отець твой пришед съ многою властию и изведет тя отсюду, нам же не могущим помощи ти, ты же пред богом явишися, якож ложь и отмѣтникь его». И глагола ему отрок: «Вѣрую богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнеть отець мой, не имам послушати его, еже възвратити мя къ миру. Молю же ти ся, отче, да въскорѣ острыжеши мя». Тогда повелѣ преподобный Антоние великому Никону, да пострижеть его и обличеть въ мнишескую одежю. Он же, по обычаю, молитвовавь, и остриже его, и въ мнишескыя ризы облече его, Варлаам имя тому нарекь.

Тогда же приде каженикъ нѣкто от княжа дому, иже бѣ любим князем и предръжа у него вся, и моляшеся старцю Антонию, и той хотя быти чръноризець. Его же поучивъ старець еже о спасении души, и предасть его Никону, да того острыжеть. Он же и того остригь, облече его въ мнишескую одеждю и Ефрѣм имя тому нарекъ. Нѣсть же лѣпо таити, еже нанесе врагь скръбь на преподобныя ею ради. Ненавидяй же добра врагь, да диаволъ, видя себе побѣждаема от святаго стада и разумѣвь, яко оттолѣ хотяше прославленно быти мѣсто то, плакашеся своея погыбели. Начат же злыми своими козньми раждизати сердце князю на преподобныя, да поне тако то святое стадо распудить, но ни тако възможе, но сам посрамлень бысть молитвами их и въпадеся въ яму, юже сътвори. «Обратится болѣзнь его на главу его и на верхъ его сниде неправда его».

И увѣдавь убо князь Изяславь бывшее о боляринѣ и о каженицѣ его, разгнѣвався зѣло и повелѣ единого от них привести пред ся, дрързнувша таковаа сътворити. И ту абие, скоро шедше, великаго Никона приведоша предо нь. Князь же, со гнѣвом възрѣв на Никона, глагола ему: «Ты ли еси остригый болярина и каженика без повелѣниа моего?». Никонъ же отвѣща: «Благодатию божиею азъ есмъ остригы их повелѣнием небеснаго царя и призвавшаго их Исуса Христа на таковый подвигь». Князь же рече то: «Или увѣщавь их в дом свой поити, или на заточение послю тя и сущаа с тобою, и печеру вашу раскопаю». К симь же Никонь отвѣща се:

и вот так торжественно подъехал он к пещере тех отцов. Они же вышли и поклонились ему, как подобает кланяться вельможам, а он в ответ поклонился им до земли, потом снял с себя одежду боярскую и положил ее перед старцем, и также коня в богатом убранстве поставил перед ним и сказал: «Все это, отче, — красивые соблазны мира сего, и сделай с ними что хочешь, я же от всего этого уже отрекся, и хочу стать монахом, и с вами поселиться в пещере этой, и поэтому не вернусь в дом свой». Старец же сказал ему: «Помни, чадо, кому обещаешься и чьим воином хочешь стать, ведь невидимо предстоят тебе ангелы божии, принимая обещания твои. А что если отец твой, придя сюда во всей силе власти своей, уведет тебя отсюда? Мы же не сможем тебе помочь, а ты перед богом явишься лжецом и отступником его». И отвечал ему отрок: «Верю богу моему, отче; если даже начнет истязать меня отец мой, не послушаю его и не вернусь к мирской жизни. Молю я тебя, отче, поскорее постриги меня». Тогда велел преподобный Антоний великому Никону постричь отрока и облечь его в монашескую одежду. Тот же, как требует обычай, прочел молитву, постриг его, и одел в монашеское одеяние, и имя нарек ему Варлаам.

В это же время пришел некий скопец из княжеского дома; был он любим князем и всем управлял в его дому; и стал умолять старца Антония, желая стать черноризцем. Старец же, наставив его о спасении души, передал его Никону, чтобы тот постриг его. Никон же и того постриг, облек его в монашескую одежду и нарек имя ему Ефрем. Не следует скрывать, что из-за них двух навлек враг беды на преподобных. Ненавидящий все доброе враг наш, дьявол, видя, что побеждаем он святым стадом, и понимая, что с этих пор прославится то место, оплакивал свою погибель. И начал он злыми кознями разжигать гнев князя на преподобных, чтобы таким образом разогнать святое стадо, но ни в чем не преуспел, и сам был посрамлен молитвами их, и пал в яму, которую сам же выкопал. «На его же голову обратится злоба его, и на темя его обрушатся ухищрения его».

Когда же узнал князь Изяслав, что произошло с боярином и со скопцом его, то страшно разгневался и приказал привести к себе того, кто дерзнул все это сделать. Тотчас же пошли и привели великого Никона к князю. Князь же, в гневе обратившись к Никону, спросил его: «Ты ли тот, кто постриг боярина и скопца без моего повеления?» Никон же отвечал: «По благодати божьей я постриг их, по повелению небесного царя и Иисуса Христа, призвавшего их на такой подвиг». Князь же отвечал так: «Или убеди их вернуться по домам, или же и ты заточен будешь, и те, кто с тобою, а пещеру вашу засыплю». На это Никон отвечал так:

«Еже есть, владыко, угодно пред очима твоима, тако сътвори, мнѣ же нѣсть лѣпо отвратити въинь от царя небеснаго». Антоний же и иже с ним, въземше одежда своа, отъидоша от мѣста своего, хотяще отъити въ ину область. Князю же еще гнѣвающюся и укоряющу Никона, и се единь от отрокь, вшед, поведаше, яко Антоний и иже съ нимь отъходить отъ града сего въ ину область. Тъгда глагола ему жена его: «Послушай, господи, и не гнѣвайся. Яко тако же бысть и въ странѣ нашей, отъбѣжавъшемъ нѣкоея бѣды ради чрьньцемъ, много зъла створися въ земли той ихъ ради, нъ блюди, господи, да не тако въ области твоей будеть». То же слышавъ князь и убоявъся гнѣва божия, отпусти великааго Никона, повелѣвъ ему ити въ пещеру свою. По онѣхъ же посла, рекый, да съ мольбою възвратяться въспять. Иже едва по три дьни увѣщани быша възвратитися въ свою пещеру, яко се нѣкотории храбри от брани, побѣдивъше супостата своего врага. И бѣша въину моляще дьнь и нощь къ господу богу. Нъ ни тако не почиваше врагъ, боряся съ ними. Тъгда бо увѣдѣвъ бояринъ Иоанъ, яко никоегоже имъ зъла не створи христолюбивый князь Изяславъ и раждьгъся на ня гнѣвъмь, сына ради своего, и поимъ отрокы многы, и иде на святое стадо, иже и распудивъ я, и въшедъ въ пещеру, и имъ сына своего божьствьнааго Варлаама извлече и вънъ, таче съньмъ съ него святую мантию, и въврьже ю въ дьбрь, такоже и шлѣмъ спасения, иже бѣ на главѣ его, съньмъ, завьрже и́. И тъгда же и́ облече въ одежю славьну и свѣтьлу, якоже е лѣпо бояромъ. Онъ же съврьже ю долу, не хотя ни видѣти ея, и тако створи многашьды. Тоже повелѣ отьць его съ гнѣвъмь съвязати ему руцѣ и одѣти и́ въ прежереченую одежю, ти тако ити ему сквозѣ градъ въ домъ свой. Онъ же, иже поистинѣ теплый душею на божию любъвь Варламъ, идый путьмь узрѣ распалину, калну сущю, и скоро въшьдъ въ ню и божиею помощию съврьже одежю съ себе, и своима ногама попирашеть ю въ калѣ, попирая съ тѣми и злыя помыслы и лукаваго врага. Таче по сихъ пришедъшемъ имъ въ домъ, повелѣ отець его сѣсти съ нимь на трѣпезѣ. Оному же сѣдъшю, и ничьсоже въкуси отъ брашьна, нъ пребывааше нича и долу зря. По отъядении же отъпусти и́ въ своя храмы, приставивъ отрокы блюсти, да не отъидеть; повелѣ же и женѣ его утворитися въ утварь всякую на прельщение отрока и служити предъ нимь. Рабъ же Христовъ Варламъ въшедъ въ едину клѣть, сѣдѣ в углѣ ея. Жена же его, якоже бѣ ей повелѣно, хожаше предъ нимь и моляшети и́ сѣсти на одрѣ своемь. Видѣвъ же онъ неистовьство жены и разумѣвъ, яко на прельщение ему уготова отьць, моляшесе въ тайнѣ сърьдца своего къ милосьрдууму богу, могущууму спасти отъ прельсти тоя. Пребысть же на мѣстѣ томь сѣдя три дьни, не

«Если, владыка, угодно тебе так поступить — делай, а мне не подобает совращать воинов царя небесного». Антоний же и все, кто были с ним, взяв одеяния свои, покинули свое место, намереваясь уйти в другую землю. В то время, когда разгневанный князь еще укорял Никона, пришел один из его отроков и поведал, что Антоний и все остальные уходят из их города в другую землю. Тогда обратилась к князю жена его: «Послушай, господин, и не гневайся. Вот так же случилось и в нашей стране: когда из-за какой-то беды покинули ее черноризцы, то много напастей претерпела та земля, так остерегайся же, господин, чтобы не случилось того же в твоей земле». Услышав это, князь устрашился гнева божьего и отпустил великого Никона, повелев ему вернуться в свою пещеру. За остальными же послал, передав им, чтобы с молитвами возвращались бы назад. Их же почти три дня убеждали, прежде чем вернулись они в свою пещеру, словно герои после битвы, победив противника своего дьявола. И снова зажили там, молясь день и ночь господу богу. Но не дремал и враг, боровшийся с ними. Ибо как только узнал боярин Иоанн, что никакого зла не причинил монахам христолюбивый князь Изяслав, то воспылал на них гневом из-за сына своего, и, взяв с собой множество отроков, двинулся на святое стадо, и, разогнав монахов, вошел в пещеру, и вывел из нее сына своего, божественного Варлаама, тут же снял с него святую мантию, бросил ее в ров, сорвав, швырнул и шлем спасения, что был на голове у него. И тотчас же одел сына в богатые и красивые одежды, в каковых подобает ходить боярам. Но тот сорвал их с себя и швырнул на землю, не желая и видеть их; и так повторялось не один раз. Тогда отец его, разгневавшись, приказал связать ему руки и одеть в те же одежды и в них провести через весь город до своего дома. Он же — поистине исполненный любви к богу Варлаам — увидев по дороге грязную рытвину, прыгнул в нее, и с божьей помощью сорвал с себя одежду, и стал топтать ее в грязи, вместе с ней попирая и злые помыслы и лукавого врага. Когда же они пришли домой, велел отец ему сесть с ним вместе за трапезу. Тот сел, однако ни крошки не вкусил из яств, а сидел опустив голову и глядя в землю. После обеда отпустил отец сына в его покои, приставив отроков следить, как бы он не ушел; а жене его приказал нарядиться в разные одежды, чтобы прельстить отрока, и во всем угождать ему. Раб же Христов Варлаам, войдя в один из покоев, сел в углу. Жена его, как ей было приказано, расхаживала перед ним и умоляла его сесть на постели своей. Он же, видя неистовство жены и догадавшись, что отец послал ее, чтобы прельстить его, в душе своей молился милосердному богу, могущему спасти от такого искушения. И просидел на одном месте три дня,

въстая от него, ни брашьна же въкушая, ни въ одежю облечеся, нъ въ единой свитѣ си пребывааше. Преподобьный же Антоний и съ сущиими съ нимь и съ блаженыимь Феодосиемь бѣша въ печали мнозѣ его ради моляхуться богу за нь. Богъ же услыша молитву ихъ: «възъваша бо,— рече,— правьдьни, и господь услыша я и от вьсѣхъ печалий ихъ избавить я. Близь господь съкрушеныихъ сьрьдцьмь и съмѣреныя духъмь спасеть».

Видѣвъ убо благый богъ търпѣние и съмѣрение отрока, обрати жестокое сьрьдце отьца его на милость къ сыну своему. Тъгда убо възвѣстиша ему отроци, глаголюще, яко «се уже четвертый дьнь имать не въкушая брашьна, ни въ одежю рачить облѣщися». То же слышавъ, отьць его съжалиси зѣло его ради, блюдый, да не гладъмь и зимою умреть. Призъвавъ же и любьзно цѣловавъ и отпусти й. Бы же тъгда вещь пречюдьна и плачь великъ, яко и по мрьтвѣмь. Рабы и рабыня плакахуться господина своего и яко отъхожааше отъ нихъ, иде жена, мужа лишающися плакашеся, отьць и мати сына своего плакастася, яко отлучашеся отъ нихъ и тако съ плачьмь великъмь проважахути й. Тъгда Христовъ воинъ ишедъ из дому своего, яко птица ис пругла истьргъшися или яко сьрна отъ тенета, тако скоро текый, и доиде пещеры оноя. Его же видѣвъше отьци ти въздрадовашася радостию великою и ставъше прославиша бога, яко услыша молитву ихъ. То уже оттолѣ многыимъ приходящемъ въ пещеру благословления ради еже от отьць тѣхъ и друзии от нихъ бываахути чрьньци божиею благодатию.

Тъгда же великий Никонъ и другый чьрньць святаго Мины манастыря, болярина тако наречемъ, съвѣщавъшася, тако отъидоста, хотяща особѣ сѣсти. И пришьдъша надъ море, ту же и разлучистася отъ себе, якоже се апостола Павьлъ и Варнава на проповѣдание Христово, якоже пишеться въ Дѣяниихъ апостолъ. Болеринъ же идый къ Костянтиню граду обрете островъ средѣ моря и ту въселися въ ньмь. Поживе лѣта *многа,* трьпя зиму и гладъ, и тако успе съ миръмь. Се же и донынѣ островъ тъ зовомъ есть Боляровъ. Великый же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскый, и ту обрѣтъ мѣсто чисто близь града, сѣде на немь. И божиею благодатию въздрасте мѣсто то и цьркъвь святыя богородица възгради на немь, и бысть манастырь славьнъ, иже и донынѣ есть, прикладъ имый въ сий Печерьский манастырь.

По сихъ же пакы Ефремъ каженикъ отиде въ Костянтинь градъ и ту живяше въ единомь манастыри. Послѣже же изведенъ бысть и въ страну сию и поставленъ бысть митрополитъмь въ городѣ Переяславли. Се же уже многыими наказании предъложение слову створихомъ, обаче отъселѣ на предълежащее слово възвратимъся, къде бо се все мину и по отходѣ отьць тѣхъ.

не вставая с него, не беря в рот ни крошки и не одеваясь — так и сидел в одной рубашке. Преподобный же Антоний со всеми бывшими с ним и с блаженным Феодосием очень печалились о Варлааме и молили за него бога. И бог услышал молитву их: «Воззвали — как говорится — праведные, и господь услышал их, и от всех печалей избавит их. Близок господь сокрушенным сердцем и спасет смиренных душой».

Бог же благой, видя терпение и смирение отрока, смягчил жестокое сердце отца его и обратил его на милость к сыну. Тогда как раз сказали ему отроки, что уже четвертый день не принимает он пищи и одежду не хочет одевать. Услышав об этом, сжалился отец его, страшась, как бы он не умер от голода и холода. Призвал его к себе и, облобызав, разрешил ему покинуть дом. И было тогда нечто дивное, и плач стоял словно по мертвом. Слуги и служанки оплакивали господина своего как уходящего от них, с плачем шла следом жена, ибо лишалась мужа, отец и мать рыдали о своем сыне, ибо уходил от них, и так с громкими стенаниями провожали его. Тогда воин Христов вышел из дома своего, словно птица вырвавшаяся из сети или серна из западни, и чуть ли не бегом достиг пещеры. Увидев его, отцы те возрадовались великой радостью и, встав, прославили бога, услышавшего их молитву. И с этого времени многие приходили в пещеру за благословением отцов тех, а другие по божьей благодати становились чернецами.

Тогда великий Никон и другой чернец из монастыря святого Мины, в прошлом боярин, посовещавшись, ушли из пещеры, желая поселиться отдельно от других. И пришли на берег моря, и там разлучились, как прежде апостолы Павел и Варнава разошлись проповедовать слово Христово, как пишется об этом в Деяниях апостольских. Боярин отправился к Константинополю, и по пути встретился ему остров среди моря, на котором он и поселился. Прожил там лет немало, перенося холод и голодая, и почил там же с миром. Сей же остров и доныне называют Бояров. Великий же Никон отправился в остров Тмутороканский, и там нашел место свободное вблизи города, и обосновался здесь. И по божьей благодати прославилось место то, построил он там церковь святой Богородицы и основал монастырь славный, который существует и доныне, почитая за образец себе Печерский монастырь.

После этого и Ефрем скопец отправился в Константинополь и поселился там в одном из монастырей. Впоследствии был он возвращен в страну нашу и поставлен митрополитом в городе Переяславле. Вот уже много сказали мы о том, что случилось в дальнейшем, однако сейчас вернемся к прежнему рассказу — о том, что произошло после ухода тех отцов.

Тъгда же блаженый отьць нашь Феодосий поставленъ бысть презвутеръмь повелѣниемь преподобьнааго Антония и бѣ по вся дьни божьствьную службу съвьршая съ всякыимь съмѣрениемь, бяше бо кротъкъ нравъмь, и тихъ съмыслъмь, и простъ умъмь, и духовьныя всея мудрости испълненъ. Любъвь же непорочьну имѣя къ всей братии, бѣ бо уже съвъкупилося братия яко до пяти-на-десяте. Преподобьный же Антоний, якоже бѣ обыклъ единъ жити и не трьпя всякого мятежа и мълвы, затворися въ единой келии пещеры, поставивъ въ себе мѣсто братии блаженаго Варлаама, сына болярина Иоана. И отътуда пакы преселися на инъ хълмъ Антоний и, ископавъ пещеру, живяше, не излазя из нея, идеже и донынѣ чьстьное тѣло его лежить. Тъгда же божествьный Варламъ постави надъ пещерою малу цьрквицю въ имя святыя богородица, веля, да ту братия събираються на божьствьное словословие. То уже всѣмъ явлено бысть мѣсто то, бѣ бо мнозѣми суще преже не вѣдомо.

А еже испьрва житие ихъ въ пещерѣ, и елико скърби и печали прияша, тѣсноты ради мѣста того, богу единому съвѣдущю, а устомъ человѣчьскомъ не мощьно исповѣдати. Къ симъ же и ядь ихъ бѣ ръжанъ хлѣбъ тъкмо, ти вода. Въ суботу же ти въ недѣлю сочива въкушахуть; многашьды же и въ та дьни не обрѣтъшюся сочиву, зелие съваривъше едино и то ядяху. Еще же и рукама своима дѣлахуть дѣло: ово ли копытьца плетуще и клобукы, и ина ручьная дѣла строяще и тако, носяще въ градъ, продаяху и тѣмь жито купяху, и се раздѣляхуть, да къждо въ нощи свою часть измеляшеть на състроение хлѣбомъ. Таче по томь начатъкъ пѣнию заутрьнюуму творяаху и тако пакы дѣлааху ручьное свое дѣло. Другоици же въ оградѣ копахуть зелиинааго ради растения, дондеже будяше годъ божьствьнууму славословию, и тако вьси въкупѣ съшедъшеся въ цьркъвь, пѣния часомъ творяахуть, таче святую службу съврьшивъше, и тако въкусивъше мало хлѣба и пакы дѣлѣ ся своемь къждо имяшеть. И тако по вся дьни трудящеся, пребывахуть въ любъви божии.

Отьцъ же нашь Феодосий съмѣренъмь съмыслъмь и *послушаниемь* вься преспѣвааше, трудъмь и подвизаниемь и дѣлъмь телесьныимь, бяше бо и тѣлъмь благъ и крѣпъкъ и съ поспѣшьствъмь всѣмъ служаше, и воду нося и дръва из лѣса на своею плещю, бъдя же по вся нощи въ славословлении божии. И братии же на опочители суще, блаженый же възьмъ раздѣленое жито и когождо часть измълъ и поставляше на своемь мѣстѣ. Другоици же, оваду сущу многу и комаромъ, въ нощи излѣзъ надъ пещеру и, обнаживъ тѣло свое до пояса, сядяше, прядый вълну на съплетение копытьцемъ и псалтырь же Давыдову поя. Отъ множьства же овада и комара все тѣло его покръвено будяше, и ядяху пльть его

Тогда блаженный отец наш Феодосий по повелению преподобного Антония был поставлен священником и во все дни со всяческим смирением совершал божественную службу, ибо был кроток и тих, не изощрен умом, но духовной мудрости исполнен. И братию всю любил чистой любовью; собралось уже в то время до пятнадцати монахов. Преподобный же Антоний привык один жить, ибо не любил всяческих ссор и разговоров, и затворился в одной из келий пещеры, а игуменом поставил вместо себя блаженного Варлаама, сына боярина Иоанна. Оттуда впоследствии переселился Антоний на другой холм и, выкопав пещеру, жил в ней, никуда не выходя, и поныне там покоится его честное тело. Тогда же блаженный Варлаам построил над пещерой небольшую церквушку во имя святой Богородицы, чтобы братия собиралась в ней для молитвы. Это место уже всем известно, а до тех пор многие о нем и не ведали.

А какова была сперва их жизнь в пещере, и сколько скорби и печали испытали они из-за всяких невзгод в том месте — это одному богу ведомо, а устами человеческими невозможно и рассказать. К тому же и еда их была — один ржаной хлеб и вода. В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни вареные овощи. При этом и трудились непрестанно: одни обувь плели или шили клобуки, и иным ремеслом занимались, и носили сделанное в город, продавали, и на вырученные деньги покупали зерно, и его делили между собой, чтобы каждый ночью свою долю помолол для печения хлеба. Потом служили заутреню, а затем снова принимались за свое дело. Другие же в огороде копались, выращивая овощи, пока не наставал час новой молитвы, и так все вместе сходились в церковь, отпевали положенные часы и совершали святую службу, а затем, поев немного хлеба, снова обращались каждый к своему делу. И так трудились день за днем в неугасимой любви к богу.

Отец же наш Феодосий смирением и послушанием всех превосходил, и трудолюбием, и подвижничеством, и делами, ибо телом был могуч и крепок и с удовольствием всем помогал, воду нося и дрова из леса на своих плечах, а ночи все бодрствовал, славя в молитвах бога. Когда же братия почивала, блаженный, взяв выделенную каждому часть зерна, молол за них и относил на то место, откуда взял. Иногда же, когда было особенно много оводов и комаров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы. Оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его,

о немь, пиюще кръвь его. Отьць же нашь пребываше неподвижимъ ни въстая от мѣста того, дондеже годъ будяше утрьний, и тако преже всѣхъ обрѣташеся въ цьркви. И ставъ на своемь мѣстѣ непоступьнъ сы, ни мятыйся умъмь, божьствьное славословие съврьшаше, ти тако пакы и-црькве послѣже всѣхъ излажрааше. И сего ради вьси любляхути и́ зѣло и яко отьца имяхути и́, зѣло дивящеся съмѣрению его и покорению.

Таче по сихъ божествьный Варлаамъ, игуменъ сы братии въ пещерѣ, изведенъ бысть княжемь повелѣниемь въ манастырь святаго мученика Димитрия и ту игуменъмь поставленъ. Тъгда же братия ту сущая въ пещерѣ събравъшеся, изволениемь всѣхъ, възвѣстивъше преподобьноуму Антонию, блаженааго отьца нашего Феодосия игумьнъмь себе нарекоша, яко и чьрньчьскую жизнь управивъша и божия извѣсто заповѣди излиха вѣдуща.

Отьць же нашь Феодосий, аще и старѣйшиньство приимъ, не измѣни съмѣрения своего правила, на памяти господа имѣя, рекъша: «Иже аще кто въ васъ хощеть быти старѣй, буди всѣхъ убо мьний и всѣмъ слуга». Тѣмь же съмѣряшеся, мьний всѣхъ ся творя и всѣмъ служа, и собою образъ вьсѣмъ дая, и на дѣло преже всѣхъ исходя и въ чину святыя литургия. И оттолѣ цвьтяше и мъножашеся мѣсто то правьдника молитвою. «Правьдникъ бо, — рече, — яко и финикъсъ процвьтеть и яко и кедръ, иже въ Ливанѣ, умножиться». Умножаху бо ся оттолѣ братия и цвьтяше мѣсто то добрыими нравы и молитвами ихъ и инѣми благочьстивыими нравы. И многымъ отъ вельможь приходити къ нему благословления ради, и от имѣний своихъ малу нѣкаку часть подающи имъ. Преподобьный же отьць нашь, иже поистинѣ земльный ангелъ и небесный человѣкъ, Феодосий видя мѣсто скърбьно суще и тѣсно и еще же и скудно при всѣмь, и братии мъножащися, цьркви же малѣ сущи на съвъкупление имъ, и николиже въпаде о томь въ печаль, ни поскърбе о томь, нъ по вся дьни братию всю утѣшая, учаше и никакоже попечися о плътьнѣмь, но господень гласъ въспоминаше, имъ глаголя: «Не пьцѣтеся, чьто пиемъ, или что ѣмъ, или въ что облечемъся: вѣсть бо отьць вашь небесьный, яко требуеть вься си, обаче ищете цесарьства небеснаго и си вься приложаться вамъ». Блаженый же сице помышляше, богъ же все на потребу нескудьно подаваше ему.

Тъгда бо сий великий Феодосий обрѣтъ мѣсто чисто, недалече от печеры суще, и разумѣвъ, яко довъльно есть на възгражение манастыря, и разбогатѣвъ *благодатию* божиею и оградивъся вѣрою и упованиемь, испълнивъ же ся духа святаго, начатъ подвизатися въселити мѣсто то. И якоже богу помагающю ему, въ мало время възгради цьркъвь на мѣстѣ томь

и пили его кровь. Отец же наш пребывал недвижим, не вставая со своего места, пока не наступал час заутрени, и тогда раньше всех приходил в церковь. И, став на своем месте, не двигался и не предавался праздным мыслям, совершая божественное славословие, и также самым последним выходил из храма. И за это все любили его и чтили, как отца, и не могли надивиться смирению его и покорности.

Вскоре после этого божественный Варлаам, игумен братии той, обитавшей в пещере, по княжескому повелению был поставлен игуменом в монастыре святого мученика Дмитрия. Тогда же монахи, жившие в пещере, собрались и по всеобщему решению возвестили преподобному Антонию, что они поставили себе игуменом блаженного отца нашего Феодосия, ибо он и жизнь монастырскую уставил по чину и божественные заповеди знал, как никто другой.

Отец же наш Феодосий, хотя и стал старшим над всеми, не изменил своего обычного смирения, помня о словах господних, вещающих: «Если кто из вас хочет быть наставником другим, то пусть будет скромнее всех и всем слуга». Поэтому и он оставался смиренным, словно был младше всех и всем услужал, и для всех был образцом, и на всякое дело выходил первым, и на святую литургию. И с той поры стало процветать и умножаться черноризцами место то по молитвам праведника. Ведь говорится: «Праведник, словно пальма, процветет и возрастет, словно кедр ливанский». И с той поры умножалось число братии и процветало место то добронравием их, и молитвами их, и всяческим благочестием. И многие вельможи приходили в монастырь за благословением и отдавали ему какую-то долю своих богатств. Преподобный же отец наш Феодосий — поистине он земной ангел и небесный человек — видя, что место, где жили они, и печально, и тесно, и всем скудно, и возросшей числом братии уже трудно было вмещаться в церкви, никогда из-за этого не печалился и не предавался скорби, но всякий день братию утешал и поучал, чтобы не заботились они о земном, но напоминал им господни слова, говоря: «Не думайте о том, что пьем, или что едим, или во что одеты: ибо знает отец ваш небесный, в чем нуждаетесь вы; но ищите царства небесного, а все прочее придет к вам». Блаженный так думал, а бог щедро давал ему все, в чем была нужда.

В то время великий Феодосий присмотрел свободное место невдалеке от пещеры, и рассчитал, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собрал средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и духом святым исполнившись, начал готовиться к переселению на то место. И с божьей помощью в недолгое время построил на том месте церковь

въ имя святыя и преславьныя богородица и приснодѣвица Мария, и оградивъ и постави келиѣ многы, и тъгда преселися от пещеры съ братиею на мѣсто то въ лѣто 6570. И отътолѣ божиею благодатию въздрасте мѣсто то, и бысть манастырь славьнъ, се же и донынѣ есть Печерьскый наричемъ, иже от святаго отьца нашего Феодосия съставленъ бысть.

По сихъ же посла единого отъ братия въ Костянтинь градъ къ Ефрему скопьцю, да вьсь уставъ Студийскаагo манастыря, испьсавъ, присълеть ему. Онъ же преподобьнааго отьца нашего повелѣная ту абие и створи, и вьсь уставъ манастырьскый испьсавъ, и посъла къ блаженому отьцю нашему Феодосию. И его же приимъ отьць нашь Феодосий, повелѣ почисти предъ братию, и оттолѣ начатъ въ своемь манастыри вся строити по уставу манастыря Студийскаагo, якоже и донынѣ есть, ученикомъ его сице съврьшаемъмъ. Вьсякому же хотящю быти чьрноризьну и приходящему къ нему, не отрѣвааше ни убога, ни богата, нъ вся приимаше съ всякымь усьрдиемь, бѣ бо и самъ въ искушении томь былъ, якоже и выше речеся: егда бо приде отъ града своего, хотя быти мнихъ, якоже обьходящю тому вься манастыря, не рачахуть бо того прияти — богу тако сътворьшю на искушение ему. Се бо си въспоминая благый, какова скьрбь бываеть человѣку, тъгда хотящюуму острѣщися, и сего ради вся съ радостию приходящая приимаше. Нъ не ту абие постригаше его, нъ повелѣваше ему въ своей одежи ходити, дондеже извыкняше вьсь устрой манастырьскый, таче по сихъ облечашети й въ мьнишьскую одежю и тако пакы въ вьсѣхъ службахъ искушашети й, ти тъгда острига, и оболочашети й въ мантию, дондеже пакы будяше чьрньць искусьнъ житиемь чистъмь си, ти тъгда сподобяшети й прияти святую скиму.

По вься же дьни святыихъ мясопущь святый отьць нашь Феодосий отхожаше въ святую свою пещеру, идеже и чьстьное тѣло его положено бысть. Ту же затворяшеся единъ до врьбьныя недѣля, и въ пятъкъ тоя недѣля, въ годъ вечерьняя, прихожааше къ братии и, ставъ въ двьрьхъ цьркъвьныихъ, учааше вься и утѣшая, подвига ради и пощения ихъ. Себе же недостоина творя, якоже ни единоя недѣлѣ, понѣ достигнути противу трудомъ ихъ. Многу же скърбь и мьчатание зълии дуси творяхуть ему въ пещерѣ той; еще же и раны наносяще ему, якоже и о святѣмь и велицѣмь Антонии пишеться. Нъ явивыйся оному, дрьзати веля тъ, и сему невидимо съ небесе силу подасть на побѣду ихъ.

Кто бо не почюдиться убо блаженууму сему, еже въ такой тьмьнѣ пещерѣ пребывая единъ, мъножьства пълковъ невидимыхъ бѣсовъ не убояся, нъ крѣпко стоя, яко храбръ сильнъ, бога моляаше и господа Иисус Христа на помощь себе призывающа,

во имя святой и преславной богородицы и приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 6570 (1062). И с того времени по божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и доныне называем мы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосием.

Некоторое время спустя послал Феодосий одного из братии в Константинополь, к Ефрему скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосий повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и доныне ученики Феодосиевы блюдут. Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать — богом так было задумано для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая с себя мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облекал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина.

На все дни святого мясопуста отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его честное тело. Тут затворялся он один вплоть до вербной недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии, и, остановившись в дверях церковных, поучал всех, и утешал в подвижничестве их и в посте. О себе же говорил, как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться с ними в подвижничестве. И много раз злые духи досаждали ему, являясь в видениях в той пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к Феодосию тот, и велел ему дерзать, и невидимо с небес даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как он, оставаясь один в такой темной пещере, не устрашился множества полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь богу и призывая себе на помощь господа Иисуса Христа.

И тако побѣди я Христовою силою, яко къ тому не съмѣти имъ ни приближитися емь, нъ и еще издалеча мьчьты творящемъ ему. По вечерьниимь убо пѣнии сѣдъшю ему и хотящю опочинути, не бо николиже на ребрѣхъ своихъ ляжашеть, нъ аще коли хотящю ему опочинути, то сѣдъ на столѣ, и тако, мало посъпавъ, въстаняше пакы на нощьное пѣние, и поклонение колѣномъ творя. Сѣдъшю же ему, якоже речеся, и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множьства бѣсовъ, якоже се имъ на колесницахъ ѣдущемъ, другыимъ же въ бубъны биющемъ, и инѣмъ же въ сопѣли сопущемъ, ти тако всѣмъ кличющемъ, якоже трястися пещерѣ отъ множьства плища зълыихъ духовъ. Отьць же нашь Феодосий, вся си слыщавъ, не убояся духъмь, ни ужасеся сърьдцьмь, нъ оградивъся крьстьнымь оружиемь и, въставъ, начатъ пѣти псалтырь Давидову. И ту абие многый трусъ не слышимъ бывааше. Таче по молитвѣ сѣдъшю ему, се пакы бещисльныихъ бѣсовъ глас слышаашеся, якоже и преже. И преподобьнууму же Феодосию ставъшю и начьнъшю оно псалъмьское пѣние, глас онъ абие ищазааше. Сице же по многы дьни и нощи творяхуть ему зълии дуси, яко не дати ему ни мало опочинути, дондеже благодатию Христовою побѣди я, и възятъ от бога власть на нихъ, якоже отътолѣ не съмѣти имъ ни прикоснутися ни къ мѣсту тому, идеже блаженый молитву творяше.

Се бо пакы бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, идеже хлѣбы братия творяаху: овогда муку расыпающе, овогда же положеный квасъ на състроение хлѣбомъ разливааху и ину мъногу пакость творяще бѣша. Тъгда же старѣй пекущимъ, шьдъ, съповѣда блаженууму Феодосию пакости нечистыихъ бѣсовъ. То же сь уповая, яко възятъ власть на нихъ отъ бога, въставъ вечеръ и иде въ храмъ тъ, и затворивъ двьри о себе, ту же пребысть въ немь до утрьняя, молитвы творя. Якоже отъ того часа не явитися бѣсомъ на томь мѣстѣ, ни пакости никоеяже творити имъ, запрещениемь преподобьнааго и молитвою.

Имѣяше же обычай сиць великый отьць нашь Феодосий, якоже по вся нощи обиходити ему келиѣ мниховы вьсѣ, хотя увѣдѣти когождо ихъ како житие. Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тъгда, ставъ, прославяше о немь бога, егда же пакы кого слышааше бесѣдующа дъва ли или трие съшедъшеся въкупѣ, то же ту, ударивъ своею рукою въ двьри ти, тако отхожааше, назнаменавъ тѣмь свой приходъ. Таче въ утрѣй дьнь призъвавъ я, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ якоже издалеча притъчами нагоня, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ богу тъщание ихъ. Аще бо будяше братъ льгъкъмь сърьдьцьмь и теплъ на любъвь божию, то сий въскорѣ разумѣвъ свою вину, падъ, поклоняшеся, прощения просся отъ него прияти. Аще ли будяше пакы братъ *омраченеимь* бѣсовьскымь сърьдьце покръвено имый, то сий станяше, мьня,

И так победил их силой Христовой, что не смели они и приближаться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как мы говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота множества бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не падал духом, не ужасался сердцем, но, оградив себя крестным знамением, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тотчас же страшный шум этот затихал. Но как только, помолившись, он садился, снова, как и прежде, раздавались крики бесчисленных бесов. Тогда снова вставал преподобный Феодосий и снова начинал распевать псалмы, и тотчас же смолкал этот шум. Вот так много дней и ночей вредили ему злые духи, чтобы не дать ни минуты сна, пока не одолел он их с божьей помощью и не приобрел от бога власть над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где блаженный творил молитву.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлебы пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много разных иных пакостей творили. Тогда пришел старший над пекарями и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что приобрел от бога власть над ними, отправился вечером в тот дом и, запершись, остался там до заутрени, творя молитвы. И с того часа не появлялись на том месте бесы и не озорничали, страшась запрещения преподобного и его молитвы.

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издалека, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц, и кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает,

яко о иномь бесѣдують, самъ чистъ ся творя, дондеже блаженый обличашети и́, и епитимиею того утвьрдяше, и отъпустяше. И тако вься прилѣжьно учааше молитися къ господу и не бесѣдовати ни къ кому же по павечерьний молитвѣ, и не преходити отъ келиѣ въ келию, нъ въ своей келии бога молити, якоже кто можеть и рукама же своима дѣлати по вся дьни, псалмы Давыдовы въ устѣхъ своихъ имуще...

Тѣмь же убо слышаще князи и боляре доброе ихъ житие прихожааху къ великууму Феодосию, исповѣдающе тому грѣхы своя, иже велику пользу приимъше бо от того, отъхожааху, ти тако пакы приношааху ему нѣчьто мало отъ имѣний своихъ на утѣшение братии, на състроение манастырю своему. Друзии же и села въдаваюче на попечение имъ. Наипаче же зѣло любляаше блаженаaго христолюбивый князь Изяславъ, предьржай тъгда столъ отьца своего, и часто же и́ призывааше къ собѣ, мъножицею же и самъ прихожааше к нему и тако духовьныихъ тѣхъ словесъ насыщашеся и отъхожааше. Якоже отътолѣ тако богъ възвеличаше мѣсто то, умножая вьсѣхъ благыихъ въ немь молитвами въгодьника своего.

Отьць же нашь Феодосий бѣаше сице запретилъ вратарю, да по отъѣдении обѣда не отврьзаеть вратъ никомуже, и никтоже пакы да не въходить въ манастырь, дондеже будяше годъ вечерьний, яко да полудьнию сущю почиють братия нощьныихъ ради молитвъ и утрьняго пѣния.

И въ единъ дьнь полудьнию сущу прииде по обычаю христолюбьць Изяславъ съ малъмь отрокъ: егда хотяше поѣхати къ блаженууму, тъгда распустяше вся боляры въ домы своя, нъ тъкмо съ шестию или съ пятию отрокъ прихожааше къ нему. Се же, яко рѣкъхъ, приѣхавъ и съсѣде съ коня, ни бо николиже ѣха на дворъ манастырьскый, и приступивъ къ вратомъ повелѣ отъврьсти, вънити хотя. Онъ же отъвѣща ему, яко повелѣние есть великаaго отьца не отъврьзати вратъ никомуже, дондеже годъ вечерьний будеть. Таче пакы христолюбьць възвѣщая ему, да увѣсть, къто есть. И глаголаше: «Се бо азъ есмь, и мнѣ отъврьзи врата единому». Онъ же, не вѣдый, яко князь есть, отъвѣщавааше ему сице: «Рѣхъ ти, яко повелѣно ми есть отъ игумена, яко аще и князь придеть, не отъврьзи вратъ, то уже аще хощеши, потрьпи мало, дондеже годъ будеть вечерьний». Онъ же отъвѣща, яко «Азъ есмь князь, то или мнѣ не отъврьзеши». Тъгда изникъ видѣтъ, и познавъ князя его суща, и въ страсѣ бывъ, не отъврьзе вратъ, нъ блаженууму съповѣдатъ тече, оному же стоящю предъ враты и тьрпящю, о семь подражающю святаго и вьрховьняаго апостола Петра: изведену бо бывъшю тому ангелъмь ис тьмьницѣ и пришьдъшю ему къ дому, идеже бѣша ученици его и тълкънувъшю ему въ врата, и се рабыни изникнувъши, видѣ Петра стояща, и от радости же

что говорят о другом, и не чувствует себя виноватым, пока блаженный не обличит его и не отпустит, укрепив его епитимьей. Вот так постоянно учил он молиться богу, и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться богу, а если кто может — заниматься постоянно каким-либо ремеслом, распевая при этом псалмы Давидовы...

Поэтому, услышав о славном их житии, князья и бояре приходили к великому Феодосию, исповедовались ему в грехах и уходили от него с великой для себя пользой, а также приносили ему что-либо от своих богатств, даря на утешение братии и на устройство монастыря. Другие даже села свои дарили монастырю. Но особенно любил блаженного христолюбивый князь Изяслав, сидевший тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси. С тех пор прославил бог место то, умножая все благое в нем по молитвам своего угодника.

Отец же наш Феодосий повелел привратнику, чтобы после обеда не отворял бы никому ворот и никто бы не входил в монастырь до самой вечерни, так как в полуденные часы братия отдыхает для ночных молитв и утренней службы.

И вот как-то в полуденное время пришел по обыкновению христолюбец князь Изяслав с несколькими отроками: когда собирался ехать к блаженному, то распускал по домам всех бояр своих и отправлялся к нему с пятью или шестью отроками. И вот, как я сказал, приехал он и сошел с коня, ибо никогда не въезжал верхом на двор монастырский, и, подойдя к воротам, приказал открыть их, намереваясь войти. Привратник же отвечал ему, что есть повеление великого отца не отворять ворот никому, пока не наступит час вечерни. Тогда христолюбец снова обратился к нему, чтобы тот понял, с кем говорит. И сказал: «Это же я, и открой мне одному ворота». Тот же, не зная, что перед ним князь, отвечал ему так: «Сказал тебе: повелено мне игуменом, что если и сам князь придет — не отворяй ворот; и если хочешь, то подожди немного, пока не наступит час вечерни». Тот в ответ: «Я же князь, неужели и мне не откроешь?» Тогда привратник выглянул и, узнав князя, испугался, но не открыл ворот, а побежал предупредить блаженного, князь же в то время стоял перед воротами и ожидал, уподобившись святому верховному апостолу Петру: когда извел его ангел из темницы, и пришел он к дому своему, где находились ученики его, и постучался в ворота, рабыня, выглянув, увидела стоящего перед нею Петра и от радости

не отврьзе воротъ, нъ текъши повѣда ученикомъ приходъ его. Тако же и сь от страха не отврьзе вратъ, нъ скоро текъ, повѣда блаженууму христолюбьца. Таче блаженый ишедъ и видѣвъ князя и поклонися ему, и по сихъ начатъ глаголати ему христолюбьць: «О како, отьче, запрещение твое, еже глаголеть чьрноризьць сий, яко, аще и князь придеть, не пустити его». Блаженый же отвѣща: «Сего ради глаголють, владыко благый, повелѣние то, якоже да въ годъ полудьньный не исходять братия из манастыря, нъ починуть въ то время, нощьнааго ради славословия. Твое же богъмь подвижьное тъщание къ святѣй владычици нашей богородици благо и души твоей на успѣхъ. И мы же вельми радуемъся о прихожении твоемь», таче по сихъ шедъшема има въ цьркъвь и сътворивъ молитву сѣдоста. Ти тако христолюбивый князь насыщашеся медоточьныихъ тѣхъ словесъ и иже исхожааху от устъ преподобьнааго отьца нашего Феодосия и велику пользу приимъ отъ него, иде въ домъ свой славя бога. И от того дьне большиими начатъ любити и́, тако имяше его, яко единого отъ прьвыихъ святыихъ отьць и вельми послушааше его и творяаше вся повелѣная ему отъ великааго отьца нашего Феодосия.

Божествьный же Варламий, сынъ Иоана болярина, игуменъ же манастыря святаго мученика Дьмитрия, иже възгради христолюбивый князь Изяславъ, иде въ святый градъ Иерусалимъ. Таче походивъ святая та мѣста, възвратися въ свой манастырь и пакы по времени нѣкоторѣмь иде въ Костянтинь градъ, и ту такоже походи вся манастыря и искупивъ, еже на пользу манастырю своему, и тако поиде на конихъ въ страну свою. Идый же путьмь и уже въ странахъ своихъ си, въпаде въ недугъ лютъ. Таче, яко доиде града Володимиря, въниде въ манастырь, ту сущий близъ города, иже наричюти и Святая гора, ту же усъпе съ миръмь и житию коньць приятъ. И заповѣдавъ сущиимъ с нимь, да доправять тѣло его въ манастырь святааго и блаженааго отьца нашего Феодосия и ту положать е, и вся сущая, яже бѣ искупилъ въ Костянтини градѣ — иконы и ино, еже на потребу, повелѣвъ туда, иде же самъ, ту же и то повелѣ вьдати блаженууму, якоже заповѣда имъ. Ти тако донесъше тѣло его, положиша е въ манастыри блаженаго и преподобьнааго отьца нашего Феодосия на деснѣй странѣ цьркве, идеже и донынѣ есть гробъ его.

Тъгда же христолюбивый князь от манастыря великааго отьца нашего Феодосия избьравъ единого отъ братия, иже въ чьрньчьскѣмь житии просиявъша, Исаию наричемааго, того же изведъ, игумена постави въ манастыри своемь у святааго мученика Димитрия, иже и послѣже добрыхъ ради нравъ его, поставленъ бысть епискупъмь Ростову городу.

не отворила ворот, но побежала сообщить ученикам о его приходе. Так же и привратник от страха не открыл ворот, а побежал и сообщил блаженному о христолюбце; блаженный тотчас же вышел и, увидев князя, поклонился ему, и тогда обратился к нему христолюбец: «Таков ли, отче, запрет твой, как сказал этот черноризец: если и князь придет — не пускать его?» Блаженный же отвечал: «Потому говорят, добрый наш владыка, об этом повелении моем, чтобы в полуденное время не выходили братья из монастыря, но почивали бы в эти часы ради ночных молитв. Но твоя богом подвигаемая забота о святой владычице нашей богородице — благо есть, и твоей душе на пользу. И мы всегда очень рады приходу твоему». И после этого пошли они в церковь и, помолившись, сели. И так христолюбивый князь насладился медоточивыми речами, проистекавшими из уст преподобного отца нашего Феодосия, и великую пользу приобрел от беседы с ним, и отправился в дом свой, славя бога. И с того дня еще больше полюбил его и почитал его, словно одного из святых отцов древности, и всегда слушался его и исполнял все, что повелевал ему великий отец наш Феодосий.

Божественный же Варлаам, сын Иоанна боярина, игумен монастыря святого мученика Дмитрия, построенного христолюбивым князем Изяславом, отправился в святой город Иерусалим. И, обойдя там все святые места, возвратился в свой монастырь, а некоторое время спустя отправился в Константинополь, и там также обошел все монастыри, и, накупив всего, необходимого для своего монастыря, на конях двинулся в свою страну. По пути, уже в пределах земли своей, он тяжело заболел. И, добравшись до города Владимира, остановился в пригородном монастыре, именуемом Святая Гора, и тут почил с миром, придя к концу жизненного пути. И завещал своим спутникам, чтобы тело его перевезли в монастырь святого и блаженного отца нашего Феодосия и там бы положили, и все то, что накупил он в Константинополе — иконы и другую необходимую утварь, — повелел отправить туда же, куда и его самого, и все, как заповедал он, передать блаженному. Спутники тело его доставили в монастырь блаженного и преподобного отца нашего Феодосия, и положено было оно в церкви, по правой стороне, где и доныне находится его гробница.

В то же время христолюбивый князь избрал в монастыре великого отца нашего Феодосия одного из братии, особенно прославленного своей монашеской жизнью, по имени Исайю, и того поставил игуменом в своем монастыре святого мученика Дмитрия; он впоследствии за достоинства свои был поставлен епископом города Ростова.

Тъгда же великий Никонъ, умьръшю Ростиславу князю острова того, умоленъ бысть отъ людий тѣхъ преити къ Святославу князю и молити и́, да пустить къ нимъ сына своего, да сядеть на столѣ томь. Таче яко и пришьдъ, прииде въ манастырь блаженааго отьца нашего Феодосия, и яко видѣста другъ друга, падъша оба въкупѣ, поклонистася, и тако пакы охопистася, и надълзѣ плакастася, якоже много время не видѣвъшася.

По сихъ же моляшети и́ святый Феодосий не отълучитися ему от него, дондеже еста въ плъти. Тъгда же великий Никонъ обѣщася ему, глаголя, якоже «тъкмо дошьдъ тамо и манастырь свой обрядивъ, и ту абие възвращуся въспять»; якоже и сътвори: дошьдъ бо съ князьмь Глѣбъмь острова того, и оному сѣдъшю на столѣ въ градѣ томь, Никонъ же възворотися въспять. Таче пришедъ въ манастырь великааго отьца нашего Феодосия, и вься своя благая предавъ блаженууму, самъ же бѣ съ всякою радостию покаряяся ему, зѣло же любляшети и́ богодъхновеный Феодосий, яко отьца его себе имѣяшеть. Тѣмьже, аще и коли къде отъходя, поручаше тому братию и еже тѣхъ съблюдати же и поучати, якоже старѣйшю тому сущю всѣхъ. И егда же пакы самъ поучаше братию въ цьркъви духовьныими его словесы и повелѣвааше пакы великууму Никону, яко се ис кънигъ почитающе поучение *творити* братии, таче и пакы преподобьнууму отьцю нашему Стефану, ексиарху тъгда сущю, послѣже же игумену сущу того манастыря по съмрьти блаженааго Феодосия, таче по томь епискупу въ Володимирьскую оболость.

Се же и о сихъ съповѣдахъ, таче на послѣдъцѣ о единомь блаженѣмь отьци Феодосии словеси поиду и яже о немь достойна своя ему исправления, божию благодатию исповѣдая свѣтила просвѣщенааго отьца нашего Феодосия.

Бѣаше бо поистинѣ чловѣкъ божий, свѣтило въ вьсемь мирѣ видимое и просиявъшее въ всемь чьрноризьцемъ: съмѣреньмь, съмыслъмь и послушаниемь, и прочиими труды подвизаяся, дѣлая по вся дьни, не дада рукама своима ни ногама покоя. Еще же и въ пещьницю часто исхожааше и съ пекущими веселяшеся духъмь, тѣсто мѣшааше и хлѣбы пека. Бѣаше бо, и преже рѣхъ, крѣпъкъ тѣлъмь и сильнъ. Вься же стражющая бѣ уча и укрѣпляя и утѣшая, никакоже раслабѣти въ дѣлѣхъ своихъ.

Въ единъ же от дьний хотящемъ имъ праздьникъ творити святыя богородица, и водѣ не сущи, преже же намѣненууму Феодору, сущю тъгда келарю, иже и многаа ми съповѣда о преславьнѣмь мужи семь. Тъ же, шедъ, повѣда блаженууму отьцю нашему Феодосию, яко нѣсть къто воды нося. То же блаженый, съ спѣхъмь въставъ, начатъ воду носити отъ кладязя. И се единъ отъ братия видѣвы и́ воду носяща и, скоро щедъ,

Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним и тот бы занял княжеский стол. Придя оттуда, Никон посетил монастырь блаженного отца нашего Феодосия, и когда встретились они, то, оба упав на колени, поклонились друг другу до земли, потом обнялись и долго плакали, ибо давно уже они не видались.

И потом стал умолять Никона святой Феодосий, чтобы не покидал его, пока они оба живы. Тогда великий Никон пообещал ему, сказав: «Только дойду туда, и в монастыре своем все устрою, и тотчас же возвращусь назад»; так и сделал он: доехал с князем Глебом до острова того, и, когда князь сел на столе княжеском в том городе, Никон вернулся назад. Пришел он снова в монастырь великого отца нашего Феодосия и все, что было у него, отдал блаженному, а сам со всей радостью подчинялся ему; очень любил его и боговдохновенный Феодосий, почитая словно отца. Поэтому, если уходил куда из монастыря, то поручал братьев Никону — чтобы заботился о них и поучал их, ибо был он среди них самый старший. И когда сам поучал братию в церкви духовными словами, то просил великого Никона прочесть что-либо из книг в наставление братии; также поручал это и преподобному отцу нашему Стефану, бывшему тогда экзархом, а позднее ставшему игуменом того монастыря после смерти блаженного Феодосия, а затем — епископом во Владимирской земле.

Вот я и об этих поведал, теперь же напоследок поведу речь об одном лишь блаженном отце Феодосии, о достойных его делах, по божественной благодати повествуя о светлом и просвещенном отце нашем Феодосии.

Был же он поистине человек божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Однажды, когда готовились к празднику святой богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упомянутый Федор, который многое поведал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Федор к блаженному отцу нашему Феодосию и сказал, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его, носящего воду, один из братии и поспешил

възвѣсти нѣколику братии, иже и съ тъщаниемь притекъше наносиша воды до избытъка. И се же пакы дръвомъ нѣколи приготованомъ не сущемъ на потребу варения, шедъ же келарь Феодоръ къ блаженууму Феодосию глаголя, яко да повелиши единому от братия, сущюуму праздьну, да, въшедъ, приготовить дръва, еже на потребу. То же блаженый отъвѣща ему: «То се азъ праздьнъ есмь, и се поиду». Таче повелѣ на трапезу братии ити, бѣ бо годъ обѣду, самъ же, възьмъ сѣчиво, нача сѣчи дръва. И се по отъядении излѣзъше братия, ти видѣша преподобьнааго игумена своего сѣкуща дръва и тако тружающася. И възятъ къждо сѣчиво свое, таже тако приготоваша дръва, якоже тѣмъ довольномъ имъ быти на многы дьни.

Сице бо ти бѣ тъщание къ богу блаженааго и духовьнааго отьца нашего Феодосия, имяаше бо съмѣрение и кротость велику, о семь подражая Христоса, истиньнааго бога, глаголавъшааго: «Навыкнѣте отъ мене, яко кротъкъ есмь и съмѣренъ сърьдцьмь». Тѣмьже на таковое подвизание възирая, съмѣряшеся, послѣдьний ся вьсѣхъ творя и служьбьникъ, и собою вьсѣмъ образъ дая. На дѣло же преже вьсѣхъ исходя, и въ цьркви же преже вьсѣхъ обрѣтаяся, и послѣже вьсѣхъ излазя. Мъногашьды же пакы великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книгы, и блаженууму въскраи того сѣдящю и прядущю нити еже на потребу таковууму дѣлу. Таково ти бѣ того мужа съмѣрение и простость. И никтоже его николиже видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаща, ли воду възливающа на тѣло, развѣ тъкмо руцѣ умывающа. А одежа его бѣ свита власяна остра на тѣлѣ, извьну же на ней и ина свита. И та же вельми худа сущи, и тоже сего ради възволочааше на ся, яко да не явитися власяници сущи на *нем*. О сей одежи худѣй мнози несъмысльнии ругахуся ему, укаряюще его. Блаженууму же си съ радостию вься приимающю укоризну ихъ, имѣя убо присно на памяти слово господне и тѣмь утѣшая веселяшеся: «Блажени бо,— рече,— есте, егда укорять вы, егда рекуть всякъ зълъ глаголъ на вы, лъжюще мене ради. Възрадуйтеся въ тъ дьнь и възыграйте, се бо мьзда ваша мънога на небесѣхъ». Си въспоминая блаженый и о сихъ утѣшаяся, трьпяше укоризну и досажение от всѣхъ.

И се въ единъ дьнь шедъшю великууму отьцю нашему Феодосию нѣкоторааго ради орудия къ христолюбьцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града. Таче яко и пришьдъ и до вечера умудивъшю ему орудия ради. И повелѣ христолюбьць, нощьнааго ради посъпания ему, на возѣ допровадити й до манастыря его. И яко бысть идый путьмь и возяй его, видѣвы й въ такой одежи сущааго, и мынѣвъ, яко единъ от убогыхъ есть, глагола ему: «Чьрноризьче! Се бо ты по вься дьни порозданъ еси, азъ же трудьнъ сый. Се не могу на кони ѣхати.

поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Федор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взялся каждый за свой топор, и столько они накололи дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному богу, вещавшему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, взирая на подвижничество такое, смирялся Феодосий, недостойнейшим изо всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех образцом. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет книги, а блаженный, присев с краю, прядет нитки для их переплетания. Вот каковы были смирение и простота этого мужа. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело — разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, сверху же носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И многие неразумные издевались над этой убогой одеждой, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоры, постоянно помня слово божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы, — говорится, — когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клевеща на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Вспоминая эти слова и утешаясь ими, сносил блаженный все упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до позднего вечера. И приказал христолюбец, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довезти его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как он одет, решил, что это простой монах, и сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я устал. Не могу на коне сидеть.

Нъ сице сътворивѣ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же могый на кони ѣхати». То же блаженый съ вьсякыимь съмѣрениемь въставъ, сѣде на кони, а оному же легъшю на возѣ, и идяше путьмь, радуяся и славя бога. И егда же въздрѣмаашеся, тъгда же съсѣдъ, текъ, идяаше въскрай коня, дондеже трудяашеся, ти тако пакы на конь въсядяше. *Таче* же уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ къ князю, и издалеча познавъше блаженааго и съсѣдъше съ конь, покланяахуся убо блаженууму отьцю нашему Феодосию. Тъгда же глагола отроку: «Се уже, чадо, свѣтъ есть! Въсяди на конь свой». Онъ же видѣвъ, еже тако вьси покланяхуться ему, и ужасеся въ умѣ и, *трепетенъ сыи,* въста и въсѣде на конь. Ти тако поиде путьмь, а преподобьнууму Феодосию на возѣ сѣдящю. Вси же боляре, сърѣтъше, покланяхуся ему. Таче дошьдъшю ему манастыря, и се ишедъше вься братия поклонишася ему до земля. То же отрокъ больми ужасеся, помышляя въ себе: кто сь есть, еже тако вьси покланяються ему? И емы й за руку, въведе й въ трапезьницю, таче повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хощеть, еще же и кунами тому давъ, отъпусти й. Си же съповѣда самъ братии повозьникъ тъ, а блаженууму о семь никомуже явивъшю, нъ сице бѣ убо по вся дьни о сихъ уча братию, не възноситися ни о чемь же, нъ съмерену быти мниху, а самому мьньшю всѣхъ творитися и не величатися, нъ къ вьсѣмъ покориву быти. «И ходяще *же* — глаголааше имъ — руцѣ съгъбенѣ на прьсьхъ своихъ къждо да имате, и никтоже васъ да не преходить въ съмѣрении же вашемь, да ся покланяете къждо другъ къ другу, якоже есть лѣпо мьниху, и не преходити же отъ келиѣ въ келию, нъ въ своей келии къждо васъ да молить бога». Сицими же и инѣми словесы по вся дьни не престая ихъ наказааше, и аще пакы слышааше от братия, комуже сущю от мьчьтаний бѣсовьскыихъ, то сия призъвавъ и, яко въ вьсѣхъ искушенихъ бывъ, учааше и наказааше стати крѣпъцѣ противу дияволемъ къзньмъ, никакоже поступати, ни раслабѣтися от мьчьтаний и бѣсовьскыя напасти, не отходити имъ от мѣста того, нъ постъмь и молитвою оградитися и бога часто призывати на побѣду злааго бѣса. Глаголааше же и се къ нимъ, яко тако и мнѣ бѣ испьрва. «Единой бо нощи поющю ми въ кели обычьныя псалъмы, и се пьсъ чьрнъ ста предъ мною, якоже имь мнѣ нельзѣ ни поклонитися. Стоящю же ему на многъ часъ предъ мною, се же азъ постреченъ бывъ, хотѣхъ ударити й, и се невидимъ бысть от мене. Тъгда же страхъ и трепетъ обиятъ мя, якоже хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того, яко аще не бы господь помоглъ ми. Се бо малы въспрянувъ от ужасти, начахъ прилѣжьно бога молити и часто *поклонение* колѣномъ творити, и тако отбеже отъ мене страхъ тъ, якоже отъ того часа не бояти ми ся ихъ, аще предъ очима моима являхуть ми ся».

Но сделаем так: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не уставал, а затем вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали им встречаться в пути вельможи, едущие к князю, и издали узнав блаженного, сойдя с коня, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас и в страхе вскочил и сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все бояре, встречая их, кланялись ему. Так доехал он до монастыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все также постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем. «И когда ходите,— говорил он им,— руки держите скрестив на груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье». Вот такими и иными словами поучал он их каждый день беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то призывал его к себе, и — так как сам испытал все искушения — поучал его, и убеждал противостоять дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей, и не оставлять своей кельи, но ограждать себя постом и молитвой, и призывать бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: «Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью распевал я в келье положенные псалмы, и вдруг встал передо мной черный пес, так что не мог я и поклониться. И долго он так стоял, но как только, им подстрекаемый, хотел я его ударить — тут же стал невидим. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться, часто преклоняя колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, даже если являлись они передо мною».

Къ симъ же и ина многа словеса глаголааше, крѣпя я на зълыя духы. И тако отпущааше я, радующася и славя бога о таковѣмь наказании добляаго наставьника и учителя ихъ.

И се исповѣда ми единъ отъ братия, именьмь Иларионъ, глаголя, яко многу ми пакость творяху въ келии зълии бѣси. Егда бо ему легъшю на ложи своемь, и се множьство бѣсовъ пришьдъше и за власы имъше й, и тако пьхающе, влачахути й, и друзии же, стѣну подъимъше, глаголааху: «Сѣмо да влеченъ будеть, яко стѣною подавленъ». И тако по вся нощи творяхуть ему, и уже не могый тьрпѣти, шедъ, съповѣда преподобьнуму отьцю Феодосию пакость бѣсовьскую. И хотя отъити отъ мѣста того въ ину келию. То же блаженый моляшети й, глаголя: «Ни, брате, не отходи отъ мѣста того, да не *како* похваляться тобою злии дуси, яко побѣдивъше тя и бѣду на тя створьше, и оттолѣ пакы больше зъло начьнути ти *творити*, яко власть приимъше на тя. Нъ се да молишися богу въ келии своей, да и богъ, видя твое трьпѣние, подасть ти побѣду на ня, якоже не съмѣти имъ ни приближитися къ тебе». Онъ же пакы глаголаше ему: «Молю ти ся, отьче, *яко* отселѣ не могу пребывати въ келии множьства ради живущихъ бѣсовъ въ ней». Тъгда же блаженый, прекрестивы й, таче глагола ему: «Иди и буди въ келии своей, и отселѣ не имуть ти никоеяже пакости створити лукавии бѣси, не бо видѣти ихъ имаши». Онъ же вѣру имъ и, поклонивъся святууму, отъиде, и тако въ ту нощь легъ въ келии своей, съпа сладъко. И отътолѣ проныривии бѣси не съмѣша ни приближитися къ мѣсту тому, молитвами бо преподобнаго отьца нашего Феодосия отъгоними суще и бѣжаще отидоша.

И се пакы тъ же чьрньць Иларионъ съповѣда ми. Бяше бо и книгамъ хытръ псати, сий по вся дьни и нощи писааше книгы въ келии у блаженааго отьца нашего Феодосия, оному же псалтырь усты поющю тихо и рукама прядуща вълну, или кое ино дѣло дѣлающа. Тако же въ единъ вечеръ дѣлающема има къжьдо свое дѣло, и се въниде икономъ, глаголя блаженому, яко въ утрий дьнь не имамъ купити, еже на ядь братии и на ину потребу. То же блаженый глагола ему: «Се, якоже видиши, уже вечеръ сущь, и утрьний дьнь далече есть. Тѣмьже иди и потрьпи мало, моляся богу, некъли тъ помилуеть ны и попечеться о насъ, якоже самъ хощеть». И то слышавъ, икономъ отъиде. Таче, *въставъ,* блаженый иде въ келию свою пѣтъ по обычаю обанадесяте псалма. Тако же и по молитвѣ, шьдъ, сѣде дѣлая дѣло свое. И се пакы въниде икономъ, то же глаголя. Тъгда отвѣша ему блаженый: «Рѣхъ ти, иди и помолися богу. Въ утрий дьнь шедъ въ градъ и у продающиихъ да възьмеши възаимъ, иже ти на потребу братии, и послѣдь,

К сказанным словам добавлял он и многие другие, укрепляя братию в борьбе со злыми духами. И так отпускал их, радостно славящих бога за такие наставления доблестного наставника и учителя их.

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своей постели, появлялось множество бесов и, схватив его за волосы, тащили и толкали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел из этого места перейти в другую келью. Но блаженный стал упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя, и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получат власть над тобою. Но молись ты богу в келье своей, и бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Тот же снова обратился к нему: «Молю тебя, отче, не могу больше находиться в келье из-за множества живущих в ней бесов». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келье своей, и отныне не только не причинят тебе никакого зла коварные бесы, но и не увидишь их более». Он поверил, и, поклонившись святому, пошел в свою келью, и лег, и выспался сладко. И с тех пор коварные бесы не смели больше приблизиться к тому месту, ибо были отогнаны молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и прял шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом,

егда *благодѣавшу* богу, отдамы дългъ от бога, таче вѣрьнъ есть глаголай: «Не пьцѣтеся утрѣйшимь, и тъ не имать насъ оставити». Таче отшедъшю иконому, и се вълезе свѣтьлъ отрокъ въ воиньстѣй одении и поклонивъся, и ничьсоже рекый, и положивъ же на стълпѣ гривьну злата и тако пакы мълча излезе вънъ. Тъгда же въставъ блаженый, и възьмъ злато, и съ сльзами помолися въ умѣ своемь. Таче вратаря възъвавъ, пыташе й, еда къто къ воротомъ приходи въ сию нощь. Онъ же съ клятвою извѣщася, яко и еще свѣтѣ затвореномъ сущемъ воротомъ, и оттолѣ нѣсмь ихъ отврьзалъ, и никтоже приходилъ къ нимъ. Тъгда же блаженый, призвавъ иконома, подасть ему гривьну злата глаголя: «Чьто глаголеши, брате Анастасе, яко не имамъ чимь купити братии требования? Нъ сице, шьдъ, купи еже на потребу братии. Въ утрѣй же пакы дьнь богъ да попечеться нами». Тъгда же икономъ, разумѣвъ, падъ, поклонися ему. Блаженый же учааше и глаголя: «Николиже не отъчаися, нъ въ *вѣрѣ* крѣпяся, вьсю печаль свою възвьрзи къ богу, яко тъ попечеться нами, якоже хощеть. И сътвориши братии праздьникъ великъ дьнесь». Богъ же пакы нескудьно подавааше ему еже на потребу божествьнууму тому стаду.

Блаженый же о сихъ всѣхъ по вся нощи бе-съна пребываше, *моля* бога съ плачьмь и часто къ земли колѣнѣ прекланяя, якоже и многашьды слышаша цьркъвьнии строителе, вънегда бо годъ будяше заутрьнюму пѣнию и онѣмъ хотящемъ благословление възяти отъ него. И единъ отъ нихъ тихы шедъ и, ставъ, послушааше, ти слышаше й молящася и вельми плачющася и главою часто о землю биюща, таче мало отъступивъ и се начьняше рамяно шьствовати и, якоже слышааше тутънъ, умълкъняше, творяся, еже мнѣти оному, яко съпить. Оному же тълкнувъшю и рекъшю: «Благословести, отьче!». Блаженый же мълчаше, якоже оному до трий кратъ сице тълкънувъшю и глаголавъшю: «Благослови, отьче!». То же сий, яко от съна въспрянувъ, глаголааше: «Господь нашь Исусъ Христосъ да благословить тя, чадо», и тако же пакы преже всѣхъ обрѣтаашеся въ цьркви. Сице же пакы по вся нощи съповѣдахути й творяща.

И бѣ въ манастыри его единъ нѣкто чьрноризьць, санъмь прозвутеръ, имьньмь Дамианъ, иже *рьвьнием* подражааше житию и съмѣрению преподобнааго своего отьца Феодосия. О немь же мнози съвѣдѣтельствують о добрѣмь его съмѣрении и *о* житии и *послушании* и еже къ вьсѣмъ покорение сътяжа. Наипаче же бывъшеи съ тѣмь въ келии ти видѣвъше кротость его и несъпание по вся нощи, и почитающа съ прилежаниемь святыя книгы, и участяща пакы на молитву; сии же ина многа съповѣдаху о мужи томь. Тому же нѣколи болящю

когда смилуется бог, с его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: «Не заботься о завтрашнем дне, и бог нас не оставит». Как только удалился эконом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию, и, ни слова не говоря, положил на столп золотую гривну, и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с той поры не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду.

Блаженный же все ночи проводил без сна, с плачем молясь богу о братии и часто преклоняя колени, как это не раз слышали служащие в церкви, в тот час, когда перед заутреней приходили они к Феодосию за благословением. Когда кто-нибудь из них тихо подходил к его келье, то слышал, как он молился, и горько плакал, и головой бился о землю; тот же поспешно отходил, а Феодосий, услышав шаги, замолкал, делая вид, будто спит. Пришедший же стучался и восклицал: «Благослови, отче!» Блаженный в ответ молчал, и тому приходилось по три раза стучать и просить: «Благослови, отче!» Только тогда Феодосий, словно бы проснувшись, отвечал: «Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо», и тут же раньше всех оказывался в церкви. Вот так, говорили они, делал он каждую ночь.

Был в монастыре его один черноризец, священник саном, по имени Дамиан, который ревностно подражал житию и смирению преподобного отца своего Феодосия. Многие рассказывали о великом его смирении, и о житии его, и покорности, и о том, как он всех слушался. Особенно те, кто бывал в его келье, видели кротость его и как он бодрствовал целые ночи, как с прилежанием читал святые книги и часто принимался молиться; и многое еще поведали они о муже том. Когда же заболел он

и при коньци уже сый, моляшеся богу съ сльзами, глаголя: «Господи мой, Исус Христе, съподоби мя съобьщьнику быти славы святыихъ твоихъ и съ тѣми причаститися царствию твоему и не отлучи мене, молю ти ся, владыко, отьца и наставьника моего преподобнааго Феодосия, нъ съ тѣмь убо причьти мя въ свѣтѣ томь, еже еси уготовалъ правьдникомъ». Сице же ему пребывающю и молящюся, и се вънезаапу предъста у одра его блаженый Феодосий, иже и падъ на пърсьхъ его и любьзно цѣлуя и глаголааше к нему: «Се, о, чадо, о немь же молися господеви, се нынѣ посла мя извѣстити ти, яко сице по прошению твоему будеть ти, и съ святыми причьтенъ будеши и съ *тѣми* въ царствии у небеснааго владыкы обьщьникъ будеши. И егда пакы господь богъ повелить ми отъ свѣта сего преставитися и прийти ми къ тебе, и тъгда не имавѣ разлучитися от себе, нъ въкупѣ будевѣ въ свѣтѣ ономь». И се рекъ, невидимъ бысть от него. Тъгда же тъ разумѣвъ, яко явление от бога бысть ему, не бо его видѣ дврьми излѣзъша, ни пакы дврми вълѣзъша, нъ на немь же мѣстѣ явивъся, на томь же пакы и невидимъ бысть. И въскорѣ же пригласивъ служащаaго ему и пославъ по блаженаaго Феодосия. Тому же въскорѣ пришедъшю, и глагола ему онъ веселъмь лицьмь: «Се, отьче, буде ли тако, якоже нынѣ явивъся обѣща ми ся». Блаженый же, яко не вѣдый того, отвѣща: «Ни, чадо, яко не вѣмь того, еже глаголеши обѣщание». Тъгда же съповѣда ему, како молися и како явися ему тъ самъ преподобный. То же услышавъ богодъхновеный отьць нашь Феодосий, осклабивъся лицьмь и мало прослъзивъся *глаголеть* тому: «Ей, чадо! Будеть ти, якоже ти ся обѣща ангелъ, явивъся въ образѣ моемь. Азъ же, грѣшьный, како могу обьщьникъ быти славы оноя, еже уготована есть правьдникомъ?». Обаче онъ, слышавъ обѣщание, радъ бысть. И тако братии малу събьравъшюся, цѣлова вься и сице съ миръмь предасть въ руцѣ душю пришедъшимъ по нь ангеломъ. Тъгда блаженый повелѣ ударити въ било, да съберуться братия, и тако съ лѣпотьною чьстию и съ пѣнием погребоша чьстьное тѣло его, идеже и всю братию погрѣбаху.

По сихъ же множащися братии, и нужа бысть славьному отьцю нашему Феодосию распространити манастырь на поставление келий, множьства ради приходящихъ и бывающимъ мнихомъ. И бѣ самъ съ братиею дѣлая и городя дворъ манастырьскый. И се же разгражену бывъшю манастырю и онѣмъ не стрѣгущемъся, и се въ едину нощь, тьмѣ сущи велицѣ, приидоша на ня разбойници. Глаголаху, яко въ полатахъ цьркъвьныихъ, ту есть имѣние ихъ съкрьвено, да того ради не идоша ни къ единой же келии, нъ цьркви устрьмишася. И се услышаша

и настал его смертный час, то обратился к богу, со слезами говоря так: «Господи мой, Иисусе Христе! Сподобь меня приобщиться к славе святых твоих и вместе с ними войти в царство твое, и не разлучи меня, молю тебя, владыка, с отцом и наставником моим преподобным Феодосием, но вместе с тем прими меня на том свете, который уготовал ты для праведников». Во время этой его молитвы вдруг внезапно предстал перед ложем его блаженный Феодосий, припал к груди его и, целуя, сказал ему: «О чадо, господь послал меня ныне поведать тебе, что все, о чем ты молился богу, так и будет исполнено по просьбе твоей, и со святыми принят будешь, и вместе с ними явишься в царство небесного владыки. Когда же господь бог повелит мне покинуть этот свет и прийти к тебе, тогда уже не разлучимся, но вместе пребудем на том свете». И, сказав это, вдруг исчез. Тогда Дамиан понял, что это было явление от бога, ибо не видел, ни как тот выходил в дверь, ни как входил, и на каком месте появился, на том же снова и стал невидимым. Он же, не медля, позвал прислуживавшего ему и послал его за блаженным Феодосием. Когда тот поспешно пришел, то Дамиан, с веселым лицом, обратился к нему и сказал: «Что, отче, будет ли так, как ты, только что приходив, пообещал мне?» Блаженный же, не зная ни о чем, отвечал: «Но, чадо, я не знаю, о каком ты говоришь обещании». Тогда тот рассказал ему, как молился и как явился ему сам преподобный. Услышав об этом, боговдохновенный отец наш Феодосий улыбнулся и, прослезившись, сказал ему: «О чадо! Будет все так, как обещал ангел, явившийся в образе моем. Я же, грешный, как могу разделить ту славу, которая уготована праведникам?» Но Дамиан, услышав то обещание, обрадовался. И когда собрались к нему некоторые из братии, поцеловал их всех и так в мире предал душу в руки пришедшим за ним ангелам. Тогда блаженный приказал ударить в било, чтобы собралась вся братия, и с подобающими почестями и с пением погребли честное его тело там, где погребали и других монахов.

К тому времени возросла числом братия, и стало необходимо отцу нашему Феодосию расширять монастырь и строить новые кельи: слишком много стало монахов и приходящих в монастырь. И он сам с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастырь, однажды, темной ночью, пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское, и потому не пошли по кельям, а устремились к церкви. Но тут услышали

гласъ поющихъ въ цьркви. Си же, мьнѣвъше, яко братии павечерняя молитвы поющимъ, отъидоша. И мало помьдливъше въ лѣсѣ, таче мьнѣша, яко уже коньчану быти пѣнию, пакы придоша къ цьркви. И се услышаша тъ же глас и видѣша свѣтъ пречюдьнъ въ цьркви сущь, и благоухание исхожаше отъ цьркве, ангели бо бѣша поюще въ ней. Онѣмъ мнящемъ, яко братии полунощьное пѣние съвьрьшающемъ, и тако пакы отидоша, чающе, донъдеже сии съконьчають пѣние, и тъгда, вършьдъше въ цьркъвь, поемлють вься сущая въ й. И тако многашьды приходящемъ имъ, и тъ глас аньгельскый слышащемъ. И се годъ бысть утрьнюуму пѣнию, и пономонареви биющю въ било. То же они, отъшьдъше мало въ лѣсъ и сѣдъше, глаголааху: «Чьто сътворимъ? Се бо мьниться намъ, привидѣние бысть въ цьркви? Нъ се да егда съберуться вьси въ цьркъвь, тъгда, шьдъше и от дьврии заступивъше, вься я погубимъ и тако имѣние ихъ възьмемъ». То же тако врагу на то острящю я, хотящю тѣмъ *святое* то стадо искоренити от мѣста того, нъ обаче ни *како* възможе, нъ обаче самъ от нихъ побѣженъ бысть, богу помагающю молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия. Тъгда бо зълии ти человѣци, мало помудивъше, и преподобьнуму тому стаду събьравъшюся въ цьркъвь съ блаженыимь наставьникъмь и пастухъмь своимь Феодосиемь и поющемъ утрьняя псалмы, *устрьмишася* на ня, акы звѣрие дивии. Таче яко придоша, и се вънезаапу чюдо бысть страшьно: отъ земля бо възятъся цьркы и съ сущиими въ ней възиде на въздусѣ, яко не мощи имъ дострѣлити ея. Сущеи же въ цьркви съ блаженыимь не разумѣша, ни чюша того. Они же, видѣвъше чюдо се, ужасошася и, трепетьни бывъше, възвратишася въ домъ свой. И оттолѣ умилишася никомуже зъла сътворити, якоже и старѣйшинѣ ихъ съ инѣми трьми пришьдъшемъ къ блаженому Феодосию покаятися того и исповѣдати ему бывъшее. Блаженый же, то слышавъ, прослави бога, спасъшааго я от таковыя съмьрьти. Онъ же поучивъ я, еже о спасении души, и тако отпусти я, славяща и благодаряща бога о вьсѣхъ сихъ.

Сицево же чюдо о цьркви той и инъгда пакы видѣ единъ от боляръ христолюбьця Изяслава. Яздящю тому нѣколи въ нощи на поли, яко 15 попьрищь от манастыря блаженааго. И се видѣ цьркъвь у облака сущу. И въ ужасти бывъ, погна съ отрокы, хотя видѣти, кая то есть цьркы. И се яко доиде манастыря блаженааго Феодосия, тъгда же, оному зьрящю, съступи цьркы и ста на своемь мѣстѣ. Оному же тълькнувъшю въ врата, и вратарю отвьрьзъшю ему врата, вънииде и повѣда блаженому бывъшее. И оттолѣ часто приходяше къ нему и насыщаяся от него духовьныихъ тѣхъ словесъ, подаваше же и от имѣния своего на състроение манастырю.

голоса поющих в церкви. Разбойники, подумав, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И переждав некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова пошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полунощные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они закончат пение, чтобы тогда войти в церковь и забрать все в ней хранящееся. И так еще не раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил в било. Разбойники же, зайдя немного в глубь леса, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется, видение было в церкви! Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы с их помощью изгнать с этого места святое стадо. Но не только не смог этого совершить, но и сам побежден был братией, ибо бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия. Тогда злодеи, подождав немного, пока преподобное стадо собралось в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и запело утренние псалмы, двинулись на них словно дикие звери. Но едва приблизились, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли церковь и вместе со всеми бывшими в ней вознеслась в воздух, так что и стрела не могла бы до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и в страхе возвратились к себе домой. И с той поры, раскаявшись, никому больше не причиняли зла, и даже главарь их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать обо всем случившемся. Услышав это, блаженный прославил бога, спасшего их от такой смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, так же славящих и благодарящих за все бога.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояр христолюбца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В страхе поскакал он со своими отроками, желая посмотреть, что это за церковь. И когда доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота, и, когда отпер ему привратник, вошел, и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался духовной беседой с ним, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

И се же пакы инъ болярин того же христолюбьця идый нѣколи съ князьмь своимь христолюбьцьмь на ратьныя, хотящемъ имъ брань сътворити, обѣщася въ умѣ своемь, глаголя, яко «аще възвращюся съдравъ въ домъ свой, то дамь святѣй богородици въ манастырь блаженааго Феодосия 2 гривьнѣ золота, еще же и на икону святыя богородиця вѣньць окую». Таче бывъшю сънятию и многомъ от бою оружиемь падъшемъ. Послѣже побѣжени бывъше ратьнии, си же спасени възъвратишася въ домы своя. Болярин же забысть еже дасть святѣй богородици. И се по дьньхъ нѣколицѣхъ, съпящю ему въ полудьне въ храминѣ своей, и се приде ему глас страшьнъ, именьмь того зовущь его: «Клименте!» Онъ же въспрянувъ и сѣде на ложи. Ти видѣ икону святыя богородиця, иже бѣ въ манастыри блаженаго, прѣдъ одръмь его стоящю. И глас от нея исхожaаше сице: «*Почто* се, Клименте, еже обѣща ми ся дати, и нѣси ми далъ? Нъ се нынѣ глаголю ти: потъщися съвьршити обѣщание свое!» Си же рекъши, икона святыя богородиця невидима бысть от него. Тъгда же болярин тъ, въ страсѣ бывъ, таче възьмъ, имь же бѣ обѣщалъся, несъ въ манастырь, блаженому Феодосию въдасть, такоже и вѣньць святыя богородиця на иконѣ окова. И се же пакы по дьньхъ немнозѣхъ умысли тъ же болярин дати еваньгелие въ манастырь блаженааго. Таче, яко приде къ великууму Феодосию въ манастырь, имый подъ пазухою съкръвено святое евангелие, и по молитвѣ хотящема има сѣсти, оному не еще явивъшю еуангелия, глагола тому блаженый: «Пьрьвѣе, брате Клименте, изнеси си святое еуангелие, еже имаши въ пазусѣ своей и еже обѣщалъ еси дати святѣй богородици, ти тъгда сядемъ». Се слышавъ онъ ужасеся о проповѣдании преподобьнааго, не бѣ бо никомуже о томь възвѣстилъ. И тако изнесъ святое то еваньгелие, въдасть блаженому на руцѣ, и тако сѣдъ и духовьныя тоя бесѣды насытивъся, възвратися въ домъ свой. И оттолѣ велику любъвь имяаше къ блаженому Феодосию и часто прихожaаше къ нему, и велику пользу приимаше от него.

И егда же сии прихожaаху къ нему, то же си и тако по божьствьнѣмь томь учении прѣдъставляаше тѣмъ тряпезу от брашьнъ тѣхъ манастырьскыихъ: хлѣбъ, сочиво и мало рыбъ. Мъногашьды же и христолюбьцю Изяславу и таковыихъ брашьнъ въкушающю, якоже и веселяся, глаголаше блаженому Феодосию: «Се, якоже вѣси, отьче, вьсѣхъ благыихъ мира сего испълънися домъ мой, то же нѣсмь тако сладъка брашьна въкушалъ, якоже нынѣ сьде. Многашьды бо рабомъ моимъ *устроившим* различьная и многоцѣньная брашьна, ти не суть така сладъка. Нъ молю ти ся, отьче, повѣжь ми, откуду есть сладость си въ брашьнѣ вашемь?». Тъгда же богодъхновеный отьць Феодосий, хотя увѣрити того на любъвь божию,

А некий другой боярин того же христолюбца Изяслава как-то, отправляясь с князем своим христолюбцем против вражеской рати, уже изготовившейся к битве, пообещал в мыслях своих: «Если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой богородице в монастырь блаженного Феодосия две гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой богородицы». Потом была битва, и многие пали в бою. Но все же враги были побеждены, а наши благополучно вернулись домой. И забыл боярин об обещанном в дар святой богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед ложем своим икону святой богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не даровал ты мне того, что обещал? Но вот теперь говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой богородицы и исчезла. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. Пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, и тот еще не достал Евангелия, как вдруг сказал ему блаженный: «Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие, которое держишь у себя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой богородице, тогда и сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил о своем намерении. И достал то святое Евангелие и отдал блаженному в руки, затем сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и часто приходил к нему, и немалую пользу получал от бесед с ним.

И когда приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из монастырских припасов: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христолюбец Изяслав и, радуясь душой, говорил блаженному Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. И прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосий, желая укрепить благочестие князя,

глагола ему: «То аще, благый владыко, сия увѣдѣти хощеши, послушай насъ, и повѣдѣ ти. Егда бо братии манастыря сего хотящемъ варити, или хлѣбы пещи, или кую ину службьбу творити, тъгда же пьрьвое шьдъ единъ от нихъ възьметь благословление отъ игумена, таче по сихъ поклониться прѣдъ святыимь олътарьмь три краты до земля, ти тако свѣщю въжьжеть от святаго олътаря и отъ того огнь възгнѣтить. И егда пакы воду въливая въ котьлъ, глаголеть старѣйшинѣ: «Благослови, отьче!» И оному рекущю: «Богъ да благословить тя, брате!» И тако вься службьба ихъ съ благословлениемь съвьрьшаеться. Твои же раби, и якоже рече, дѣлають сварящеся и шегающе и кльнуще другъ друга, многашьды же и биеми суть от приставьникъ. И тако же вься службьба ихъ съ грѣхъмь сътваряеться». То же слышавъ, христолюбьць глагола: «Поистинѣ, отьче, тако есть, якоже глагола».

А иже преподобьный отьць нашь Феодосий, иже поистинѣ испълъненъ духа святааго, тѣмьже и божия таланта умъноживъ, иже населивъ мѣсто множьствъмь чьрьноризьць, иже пусто суще, манастырь славьнъ сътвори. Тѣмьже не хотяше никакоже прилога творити въ немь, нъ бѣ вѣрою и надежею къ богу въскланяяся, якоже паче не имѣти упования *имѣнием*. Тѣмьже и тако сего ради многашьды хожаше по келиямъ ученикъ своихъ, и аще чьто обрящааше у кого, ли брашьно снѣдьно, ли одежею лише уставьныя одежа, или от имѣния чьто, сия възьмъ, въ пещь вьмѣташе, якоже вражию часть сущю и прѣслушание грѣху. И сице же глаголаше имъ: «Нѣсть лѣпо намъ, братие, мьнихомъ сущемъ и отвьрьгъшемъся мирьскыихъ, събьрание пакы творити имѣнию въ келию свою. Како же можемъ молитву чисту приносити къ богу, съкровища имѣнию дьрьжаще въ келии своей? О семь слыша господа рекуща, яко «иде съкровища ваша, ту и сьрьдьца ваша», и пакы о събирающиихъ: «Безумьне, въ сию нощь душю твою изьму, а яже събьра — кому будуть?». Тѣмьже, братие, довьльни будѣмъ о уставьныихъ одежахъ нашихъ и о брашьнѣ прѣдъложенѣмь на трапезьници от келаря, а въ келии от сицевыихъ не имуще ничьтоже, да тако съ всякыимь усьрьдиемь и вьсею мыслию молитву свою чисту приносимъ къ богу». И се же и ина многа увѣщаваше я съ всякыимь съмѣрениемь и съ сльзами учаше вься. Не бо николиже бѣ напраснъ, ни гнѣвьливъ, ни ярь очима, нъ милосьрьдъ и тихъ, и милость имѣя къ вьсѣмъ. Тѣмьже и аще къто от святааго стада раслабѣлъ бѣ сьрьдцьмь, отидяше от манастыря, то же блаженый его ради въ велицѣ печали и скърби будяше и моляся къ богу, дабы отблудивъшееся овьча от стада его възвратилъ въспять. И такоже по вься дьни прѣбываше плача и моля бога его ради, донъдеже братъ тъ

сказал ему: «Если хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, что расскажу тебе. Когда братия монастырская хочет варить, или хлебы печь, или другое что-либо делать, то прежде всего идет один из них за благословением игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: «Благослови, отче!» И тот отвечает: «Бог да благословит тебя, брат!» И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз бывают побиты старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушав его, христолюбец промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал».

Преподобный отец наш Феодосий поистине был исполнен святого духа, потому и смог умножить божественное богатство, и, населив прежде пустое место множеством черноризцев, создал славный монастырь. Но никоим образом не хотел собирать в нем сокровищ, но с верою и с надеждой уповал на бога и никогда не придавал значения богатству. Именно поэтому постоянно обходил он кельи учеников своих, и если что-либо находил у кого — или пищу какую, или одежду, помимо предписанной уставом, или имущество какое, то изымал это и бросал в печь, считая за дело рук дьявольских и за повод для греха. И так говорил им: «Не следует, братия, нам, монахам, отвергшимся всего мирского, держать имущество в кельях своих. Как же можем мы с чистой молитвой обращаться к богу, имея в кельях своих сокровища? Послушайте, что об этом говорит господь: «Где сокровища ваши, там и сердца ваши»; и еще о тех, кто собирает их: «Безумный, в эту ночь душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?» Поэтому же, братия, будем довольствоваться одеждами, разрешенными уставом, и пищей, что получаем в трапезной от келаря, а в кельях ничего подобного не будем хранить, и тогда со всем усердием и всей душой устремимся на чистую молитву к богу». И такими и иными словами постоянно убеждал их и поучал их со всем смирением и со слезами. И никогда не бывал он несправедлив, или гневен, не посмотрел ни на кого сердито, но был всегда милосерд, и тих, и жалостлив ко всем. Поэтому, если даже кто-либо из святого стада, ослабев душой, покидал монастырь, блаженный печалился и скорбел о нем и молился богу, чтобы заблудшая овца его стада возвратилась бы назад. И так все дни плакал и молил за него бога, пока тот брат

възвратяшеся въспять. То же того блаженый съ радостию приимъ учаше и́ никакоже раслабѣти вражиями къзньми, ни попустити имъ на ся, нъ крѣпѣ стати. Се бо глаголааше яко «не мужьскыя есть душа, еже раслабѣти печальныими сими напастьми». Си и ина многа глаголавъ, утѣшивъ того, отпустяаше въ келию его съ миръмь.

Бѣ же ту единъ братъ слабъ сы, иже и часто отбѣгаше от блаженаго манастыря, и егда пакы приидяше, то же блаженый съ радостию его приимаше, глаголаше бо, яко не имать бо его оставити тако, да кромѣ манастыря сего съконьчаеться. Се бо аще и многашьды отходя есть от насъ, нъ сь имать въ манастыри семь коньць житию прияти. И *моляше* съ плачьмь бога о немь, прося търьпѣния ему. Таче по мнозѣмь исхожении ему, приде единою къ манастырю, моляся великому Феодосию, дабы приятъ былъ. То же, иже поистинѣ милостивый и, яко овьча от заблуждения пришьдъшее, тако того съ радостию приятъ и причьте къ стаду своему. Тъгда же чьрноризьць тъ, иже бѣ своима рукама дѣлая, сътяжалъ имѣния мало, бѣ бо платьна дѣлая, сия принесъ, прѣдъ блаженыимь положи. То же святый глагола ему: «Аще хощеши чьрноризьць съвьрьшенъ быти, възьмъ сия, яко ослушания дѣло есть, въвьрьзи въ пещь горущу». Онъ же, иже теплъ сый на вѣру, несъ, по повелѣнию блаженаго въвьрьже въ пещь, и тако изгорѣ. Самъ же оттолѣ живяше въ манастыри томь, прочая дьни своя проводя, и тако ту по пророчению блаженаго усъпе съ миръмь. Сицева ти бѣ любы блаженаго, и сицево милосьрьдие къ ученикомъ своимъ имяше, дабы ни единъ от стада его отлучилъся, нъ вься въкупѣ, яко пастухъ добрый, пакы пасяше, уча и утѣшая и словесы увѣщавая душа ихъ, кърьмляше и напаяя не престаяше. Тѣмьже и мъногы на божий разумъ наводяше и къ небесьному царствию направляше. Нъ се пакы на прокое отселѣ съповѣдание отьца нашего Феодосия поидемъ.

Се бо въ единъ от дний приде келарь къ сему блаженому глаголя, яко въ сий дьнь не имамъ, что прѣдъложити на ядь, се бо ни съварити чьто имамъ. Глагола тому блаженый: «Иди, потьрьпи мало, моля бога, некъли тъ попечеться нами. Аще ли же, то да съваривъше пьшеницу, ти ту, съмятъ съ медъмь, прѣдъставиши на тряпезѣ братии, да ѣдять. Обаче же надѣюся на бога, иже въ пустыни людьмъ непокоривыимъ хлѣбъ небесьный одъжди и источи крастѣли. Тъ и намъ дьньсь мощьнъ есть пищю подати». То слышавъ келарь отиде. И блаженый моляше бога о сихъ. И се прѣжереченый онъ боляринъ, богу ему възложьшю на умъ, се бо напълнивъ три возы брашьна: хлѣбъ, и сыръ, и рыбъ, сочиво же и пьшено, еще же и медъ, и то посъла къ блаженому въ манастырь. И еже видѣвъ, блаженый прослави бога и глагола келарю:

не возвращался обратно. Тогда блаженный, с радостью приняв его, наставлял никогда впредь не поддаваться дьявольским козням, не давать им возобладать над собою, но держаться крепко. И говорил, что не мужская та душа, которая может ослабеть от печальных этих напастей. Такими и иными словами утешив брата, отпускал его с миром в келью.

Был же там один брат, слабый духом, который часто покидал монастырь блаженного, а когда снова возвращался, то блаженный встречал его с радостью, говоря при этом, что не может допустить, чтобы тот скончался где-то вне стен монастырских. Хотя и много раз уходил он от нас, но суждено ему в этом монастыре встретить свой последний час. И с плачем молил за него бога, прося снисхождения. И вот как-то, после того как уже не раз покидал монастырь, вернулся тот, умоляя великого Феодосия принять его, Феодосий же — поистине милосердный — словно овцу, заблудшую и вернувшуюся, принял того с радостью и вновь ввел в свое стадо. Тот черноризец своими трудами накопил небольшой достаток, ибо ткал полотно, и тут принес все это и положил перед блаженным. А святой сказал ему: «Если хочешь быть беспорочным черноризцем, возьми все, ибо все это — плод твоего ослушания, и брось в горящую печь». Тот же, горячо веруя в бога, по повелению блаженного отнес и бросил в печь, где все и сгорело. Сам же с тех пор жил в монастыре, все оставшиеся дни свои в нем провел и тут же, как и предвещал ему блаженный, почил с миром. Такова была любовь блаженного, и таково милосердие его к ученикам своим, и забота, чтобы ни один от стада его не отбился, но всех вместе, словно хороший пастух, пас, учил и утешал, успокаивая души их, и насыщая и утоляя духовную жажду. И этим многих приводил к осознанию мудрости божьей и указывал им путь в небесное царство. Но сейчас снова обратимся к дальнейшему рассказу об отце нашем Феодосии.

Как-то в один из дней пришел келарь к блаженному, говоря: «Сегодня нет у меня никакой еды для братии и нечего мне для нее сварить». Отвечал тому блаженный: «Иди, подожди немного, моля бога, чтобы позаботился о нас. Или же, на крайний случай, свари пшеницу и, смешав кашу с медом, предложи братии на трапезе, пусть едят. Но надеюсь я, однако, на бога, который в пустыне на него ропщущим людям хлеб небесный низвел дождем и одарил их перепелами. Тот бог и нам ныне может пищу подать». Услышав это, келарь ушел. И блаженный стал молиться богу о братии. И тут помянутый нами боярин, по наставлению божию, нагрузил три телеги съестным: хлебом и сыром, и рыбой, чечевицей и пшеном, и медом к тому же, и все то послал блаженному в монастырь. И, увидев это, блаженный прославил бога и обратился к келарю:

«Видиши ли, брате Феодоре, яко не имать насъ богъ оставити, аще надѣемъся на нь вьсѣмь сърьдцьмь. Нъ иди и сътвори обѣдъ братии великъ въ сий дьнь, се бо посѣщение божие есть». И тако блаженый възвеселися съ братиею на обѣдѣ веселиемь духовьныимь, бѣ же самъ ѣда хлѣбъ сухъ и зелие варено без масла и воду пия — се же ѣдь его бѣ вьсегда. И николиже его бѣ видѣти дряхла или сънызъшася на обѣдѣ сѣдяща съ братиею, нъ вьсегда весело лице имуща и благодатию божиею бѣ утѣшаяся.

Къ сему же блаженому нѣколи приведоша разбойникы съвязаны, ихъ же бѣша яли въ единомь селѣ манастырьскѣ, хотяща красти. Блаженый же, видѣвъ я съвязаны и въ такой скърби суща, съжалиси зѣло и, прослъзивъся, повелѣ раздрѣшити я и дати же тѣмъ ѣсти и пити. И тако пакы тѣхъ учаше мъного, еже никогоже прѣобидѣти и никомуже зъла сътворити. Подасть же тѣмъ от имѣния довъльное, еже на потрѣбу, и тако тѣхъ съ миръмъ отпусти, славяща бога, якоже оттолѣ тѣмъ умилитися и никомуже зъла сътворити, нъ своими дѣлы довъльномъ быти.

Таково бо бѣ милосьрьдие великааго отьца нашего Феодосия, аще бо видяше нища или убога, въ скърьби суща и въ одежи худѣ, жаляашеси его ради и вельми тужаше о семь и съ плачьмь того миновааше. И сего ради сътвори дворъ близь манастыря своего и цьркъвь възгради въ немь святааго пьрьвомученика Стефана, ту же повелѣ прѣбывати нищимъ и слѣпыимъ и хромыимъ и трудоватыимъ, и от манастыря подавааше имъ еже на потрѣбу и от вьсего сущаго манастырьскааго десятую часть даяше имъ. И еще же и по вься суботы посылаше въ потребу возъ хлѣбъ сущиимъ въ узахъ.

Въ единъ же от дьнии приде къ преподобьнуму Феодосию прозвутеръ от града, прося вина на служьбу святыя литурьгия. И ту абие блаженый, призъвавъ строителя цьркъвьнаго, повелѣ налияти вина, юже ношаше викию, и дати ему. Онъ же глагола, яко «мало имамъ вина, еже тъкъмо довълѣеть на 3, или на 4 дьни святѣй литурьгии». Блаженый же отвѣща ему: «Излѣй вьсе человѣку сему, и нами богъ да попечеться». Онъ же отшьдъ и прѣобидѣвъ святааго повелѣния, вълия ему въ викию мало вина, оставивъ на утрия цьркъвьнѣй служьбѣ. Прозвутеръ же, несъ, еже мало ему въда, показа блаженому Феодосию. И пакы призъвавъ пономонаря, глагола ему: «Рѣхъ ти, излѣй вьсе и о утрѣйшьниимь дьне не пьцися, не бо имать богъ оставити цьркве сея въ утрий дьнь бе-служьбы, нъ се въ сий дьнь подасть намъ вина до избытъка». Тъгда же, шьдъ, пономонарь излия вьсе вино прозвутерови и тако й отъпусти. Таче по отъѣдении къ вечеру сѣдящемъ имъ, и се по проречению блаженаго привезоша 3 возы пълны суще кърчагъ съ винъмь, ихъ же посъла жена нѣкая, иже бѣ

«Вот видишь, брат Федор, что не оставляет нас бог, если надеемся на него всем сердцем. Так иди же и приготовь для братии обед обильный в этот день, ибо это посещение божье». И так блаженный радовался с братией на обеде весельем духовным, сам же ел только хлеб сухой и овощи вареные без масла, запивая водой,— такова была его ежедневная еда. Но никогда не видели его унылым или понурым на трапезе с братией, но всегда сидел с лицом радостным и утешался благодатью божьей.

К тому блаженному как-то привели связанных разбойников, схваченных в одном из сел монастырских, когда они собирались там красть. Блаженный же, увидев их, связанных и в унынии, сжалился над ними и, прослезившись, приказал развязать их и дать им еды и питья. А затем долго поучал их, чтобы никому не причиняли зла. Дал им и немало денег на все необходимое и отпустил их с миром, славящих бога; и с тех пор они раскаялись и никому больше не причиняли зла, но жили своим трудом.

Таково было милосердие великого отца нашего Феодосия, что, когда видел нищего, или калеку, или скорбящего, или бедно одетого, жалел его, и очень печалился о нем, и со слезами проходил мимо. И поэтому построил двор около своего монастыря и церковь там во имя святого первомученика Стефана, и тут велел находиться нищим, и слепым, и хромым, и больным, из монастыря велел приносить им все необходимое — от всего имущества монастырского десятую часть отдавал им. И еще каждую субботу посылал воз хлеба узникам.

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой литургии. Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе, вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведшая все хозяйство

прѣдърьжащи вься въ дому благовѣрьнааго князя Вьсеволода. Си же видѣвъ, парамонарь прослави бога, чюдяся проповѣданию блаженаго Феодосия, еже якоже рече: «Въ сий дьнь вина до избытъка богъ подасть намъ»,— такоже и бысть.

Бывъшю же нѣколи дьни святаго и великаго Димитрия, въ нь же Христа ради мучению коньць приятъ, преподобьному же Феодосию съ братиею идущу въ манастырь святаго Димитрия, и се принесоша ему хлѣбьцѣ нѣ от кыихъ зѣло чисты, ихъ же повелѣ келарю прѣдъложити на ядь оставъшии ту братии. И то же онъ, прѣслушавъся того, помысли въ себѣ, глаголя, яко «въ утрѣй дьнь, пришьдъши вьсей братии, прѣдъложю сия хлѣбы на ѣдь имъ; нынѣ же манастырьскый хлѣбъ и да прѣдъложю сей братии». Якоже помысли, такоже и сътвори. И въ утрѣй дьнь сѣдъшемъ имъ на обѣдѣ, хлѣбомъ же тѣмъ издрѣзаномъ сущемъ, таче блаженый прѣзьрѣвъ и видѣ хлебы такы суща, и, пригласивъ келаря, въпрашаше его, откуду си суть хлѣби. Онъ же отвѣщева, яко «вьчера принесени суть, нъ сего ради вьчера малу сущю братии, помыслихъ въ сий день вьсей братии прѣдъложити на ядь». Тъгда же блаженый глагола ему: «Лѣпо бѣ не пещися о приходящимь дьни, нъ по повелѣнию моему сътворити. И нынѣ бы господь нашь и присно печеться нами, большими попеклъся и подалъ намъ еже на потрѣбу». Таче повелѣ единому от братиѣ събьрати въ кошь укрухы ты и, несъше, посрѣдѣ рѣкы въсыпати ѣ, оного же епитимиею утвьрьди, якоже прѣслушание сътворьша.

Сицимь же образъмь творяаше, еже аще слышаше кое дѣло творимо, благословению пьрвое не възяту бывъшю, не бо хотяаше, да святое стадо того таковааго брашьна въкусити, еже не благословлениемь сътворено и от прѣслушания суще, нъ се яко вражию часть сущю повелѣваше овъгда въ пещь *горущю* въмѣтати, овъгда же въ рѣчьныя струя въврѣщи.

Се же якоже по съмьрьти блаженаго отьца нашего Феодосия сицева нѣкака от прѣслушания вещь бысть, еже аще нѣсть лѣпо сьде съповѣдати ея, имь же на въспомяновение того приидохомъ и сему подобьно слово къ слову приложимъ.

Се бо по изгънании еже от манастыря преподобьнааго нашего игумена Стефана и великому *Никону* игуменьство прѣимъшю, приспѣвъшемъ же дьньмъ святаафо и великаго поста. И въ 1-вую недѣлю таковаго въздьрьжания и яко добрыимъ подвижьникомъ потрудивъшемъся въ ту недѣлю, тѣмьже уставлено бысть преподобьныимь отьцьмь нашимь Феодосиемь, въ пятокъ тоя недѣля да бывають имъ хлѣби чисти зѣло, друзии же от нихъ съ медъмь и съ макъмь творени. То же тако повелѣвъшу Никону по обычаю творити келарю, онъ же прѣслушанию творя, сългa, рекый яко «мукы не имамъ на сътворение такыимъ хлѣбомъ». Нъ обаче богъ не прѣзьрѣ труда

в доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил бога, удивляясь предвидению блаженного Феодосия, ибо как сказал тот: «В этот день подаст нам бог вина до избытка»,— так и случилось.

Как-то в день святого и великого Дмитрия, в который пришел конец мучениям его за Христа, преподобный Феодосий с братией отправились в монастырь святого Дмитрия, а тут принесли от кого-то белые хлебцы, и Феодосий повелел келарю подать их на стол оставшейся братии. Тот же не послушался, решив так: «Завтра, когда придет вся братия, подам им на обед эти хлебы, а сейчас монастырский хлеб предложу братьям». Как решил, так и сделал. И на другой день, когда сели все обедать и те принесенные хлебы были нарезаны, блаженный посмотрел на стол и увидел хлебцы, и, позвав келаря, спросил его, откуда они. Он же отвечал, что они вчера принесены, но из-за того, что вчера оставалось мало братьев, решил он сегодня всей братии подать их на стол. Тогда блаженный сказал ему: «Следовало бы не заботиться о будущем дне, а сделать так, как я повелел. И сегодня бы господь наш, постоянно о нас заботящийся, еще больше бы позаботился и подал бы нам, что потребно». Тут же повелел одному из братии собрать в корзину ломти те и высыпать их в реку, а того келаря наказал епитимьею за непослушание.

Так же поступал он, когда слышал, что какое-либо дело делается без благословения, ибо не хотел, чтобы святое стадо вкусило еды, приготовленной без благословения или без повеления его, и такую еду — как плод дьявольский — повелевал или в печь горящую бросить, или высыпать в струи речные.

Так же и после смерти блаженного отца нашего Феодосия случилось нечто таковое же от непослушания, и хотя не к месту здесь рассказывать об этом, все же вспомним о том и к нашим словам прибавим несколько слов о подобном же.

Итак, после ухода из монастыря преподобного игумена нашего Стефана, когда игуменство принял великий Никон, пришло время святого и великого поста. И было установлено еще преподобным отцом нашим Феодосием, что в пятницу первой недели этого воздержания, когда все потрудятся, как подобает истинным подвижникам, подают им белые хлебы, а другие — испеченные с медом и с маком. Так же повелел и Никон келарю сделать все по обычаю, но тот, ослушавшись его, солгал, говоря, что нет у него муки для печения таких хлебов. Но, однако, бог не оставил труда

и молитвы преподобьныихъ своихъ, и да пакы не разориться уставленое божьствьныимь Феодосиемь. Се бо по святѣй литурьгии идущемъ тѣмъ на постьныя ты обѣды, се отнюду же бѣ не начаятися тоже, тако ти привезоша возъ таковыихъ хлѣбъ. Еже видѣвъше братия прославиша бога, чюдящеся, како присно богъ печеться ими, подавая вься имъ, еже на потрѣбу, молитвами преподобьнааго имъ отьца и наставьника Феодосия. Таже по дъвою дьнью повелѣвъшю келарю, да по обычаю хлѣбы братии испекуть въ муцѣ той, ея же бѣ прѣже реклъ «не имамъ», то же пекущиимъ готовящемъ и тѣсто мѣсящемъ и пакы имъ лѣющемъ укропъ въ не, и се обрѣтеся ту жаба, якоже той варенѣ быти въ таковѣй водѣ и такоже то тѣмъ осквьрьни, иже от прѣслушания твореное дѣло. Богу сице извольшю на съблюдение святаго стада, иже и таковъ подвигъ сътворьше въ святую ту недѣлю, то же да не таковыихъ хлѣбъ въкусять. Нъ се, яко вражию часть сущю, гадъмь осквьрьни сию богъ, якоже на показание тому быти. Еже о семь да не зазьрить ми никътоже от васъ, яко сии сьде въписахъ и прѣсѣчение слову сътворихъ: се бо сего ради си въписахъ, да разумѣете, яко нѣсть лѣпо намъ ни въ чемь же ослушатися наставьника игумена своего, вѣдуще, яко аще чьто утаимъ от него, нъ от бога нѣсть потаено ничьтоже, и тъ имать въскорѣ мьсть сътворити о немь, его же постави намъ старѣйшину и пастуха, яко да вьси послушають его и по повелѣнию его вься сътворимъ.

Обаче же уже на пьрьвое съповѣдание възвратимъся, яже о блаженѣмь Феодосии исповѣдающе.

Се бо приспѣвъшю нѣколи праздьнику Усъпения прѣсвятыя богородиця, бѣша же и цьркви творяще праздьникъ въ тъ дьнь, маслу же не сущю дрѣвяному въ кандила на вълияние въ тъ дьнь. Помысли строитель цьркъвьный въ сѣмени льнянѣмь избити масла, и то, вълиявъше въ кандила, въжещи. И въпросивъ о томь блаженаго Феодосия, и оному повелѣвъшю сътворити тако, якоже помысли. И егда въсхотѣ лияти въ кандило масло то, и се видѣ мышь въпадъшю въ не, мьрътву плавающу въ немь. Таче скоро шьдъ, съповѣда блаженому, глаголя, яко «съ вьсякыимь утвьрьженеемь бѣхъ покрылъ съсудъ тъ съ маслъмь, и не вѣдѣ, откуду вълѣзе гадъ тъ и утопе». То же блаженый помысли, яко божие есть съмотрение се. Похуливъ же свое невѣрьство, глагола тому: «Лѣпо бы *намъ, брате*, надежю *имѣти къ* богу уповающе, яко мощьнъ есть подати намъ на потрѣбу, его же хощемъ. А не тако, невѣрьствовавъше, сътворити, его же не бѣ лѣпо. Нъ иди и пролѣй масло то на землю. И мало потьрьпимъ, моляще бога, и тъ имать намъ дати въ сий дьнь до избытька дрѣвянаго масла». Таче уже бывъшю году вечерьнюму, и се нѣкъто от богатыихъ принесе къръчагу велику зѣло, пълъну

и молитв преподобных своих, чтобы не было попрано установленное божественным Феодосием. После святой литургии все отправились на постный обед, но прежде чем он начался, прислали им воз именно таких хлебов. Видя это, братия прославила бога, удивляясь, как постоянно он заботится о них, подавая им все необходимое по молитвам преподобного отца и наставника их Феодосия. Два дня спустя после этого приказал келарь, чтобы братия, как положено, испекла бы хлебы из той муки, про которую он прежде сказал, что ее нет; когда же пекари приготовились, и уже месили тесто, и заливали его горячей водой, то вдруг увидели жабу, сварившуюся в той воде и осквернившую ее, ибо дело то было плодом ослушания. Случилось же то по изволению божию для спасения святого стада, чтобы после того, как совершили братья подвиг в святую ту неделю, не испробовали бы таковых хлебов. Но как дело дьявольское — гадом осквернил его бог, чтобы указать на это. Пусть никто из вас не осудит меня за то, что я здесь написал об этом и прервал свое повествование: сделал я того ради, чтобы знали вы, как не следует нам ни в чем ослушаться наставника, игумена своего, помня, что если и утаим от него что-либо, то от бога ничего не скроется и он тотчас же заступится за того, кого поставил старшим над нами и пастухом, чтобы все слушались его и творили все по его повелению.

Однако возвратимся к прежнему повествованию о блаженном Феодосии.

Настали как-то дни праздника Успения святой богородицы, и в церкви готовился праздник в тот день, но не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампады. И решил пономарь надавить масла из льняного семени, и, разлив то масло по лампадам, возжечь их. И спросил на это разрешение у блаженного Феодосия, и тот велел ему сделать так, как задумал. И когда уже собрался разливать масло по лампадам, то увидел, что в нем плавает упавшая туда мертвая мышь. Поспешил он к блаженному и сказал: «Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом и не пойму, как пролез этот гад и утонул!» Но блаженный понял, что это — проявление божьей заботы. И, укорив себя за неверие, сказал пономарю: «Следовало бы нам, брате, возложить надежду на бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так как мы, потерявшие веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождем немного, помолимся богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком». Уже настал вечер, когда неожиданно кто-то из богатых принес огромную корчагу, полную

масла дрѣвянаага. Ю же видѣвъ, блаженый прослави бога, яко *тъ* въскорѣ услыша молитву ихъ. И тако налияша кандила вься, и избыся его большая часть. И тако сътвориша на утрѣй дьнь праздьникъ свѣтьлъ святыя богородиця.

Боголюбивый же кънязь Изяславъ, иже поистинѣ бѣ теплъ на вѣру, яже къ господу нашему Исусу *Христу и* къ прѣчистѣй матери *его, иже* послѣже положи душю свою за брата своего по господню гласу, сь любъвь имѣя, якоже речеся, не просту къ отьцю нашему Феодосию, и часто приходя къ нему, и духовьныихъ тѣхъ словесъ насыщаяся от него. И тако въ единъ от дьний пришьдъшю тому, и въ цьркви сѣдящема има на божьствьнѣй тои бесѣдѣ, и годъ бысть вечерьний. Тако же сий христолюбьць обрѣтеся ту съ блаженыимь и съ чьстьною братиею на вечерьниимь славословии. И абие божиею волею дъждю велику лѣющюся, блаженый же, видѣвъ тако належание дъждю, призъвавъ же келаря, глагола ему: «Да приготовиши на вечерю брашьна на ядь кънязю». Тъгда же приступи къ нему ключарь, глаголя: «Господи отьче! Меду не имамъ, еже на потрѣбу пити кънязю и сущиимъ съ нимь». Глагола тому блаженый: «Ни ли мало имаши?» Отвѣща онъ: «Ей, отьче, яко ни мало не имамъ, бѣаше бо, якоже рече, опроворотилъ таковый съсудъ тъщь и ниць положилъ». Глагола тому пакы блаженый: «Иди и съмотри истѣе, еда осталося или мало чьто от него будеть». Онъ же отвѣщаваше рекый: «Ими ми вѣру, отьче, яко и съсудъ тъ, въ немь же бѣ таковое пиво, опровратихъ и тако ниць положихъ». То же блаженый, иже поистинѣ испълъненъ духовьныя благодѣти, глагола тому сь: «Иди по глаголу моему и въ имя господа нашего Исуса Христа обрящеши медъ въ съсудѣ томь». Онъ же, вѣру имъ блаженому, отъиде, и пришьдъ въ храмъ, и по словеси святаага отьца нашего Феодосия обрѣте бъчьвь ту правѣ положену и пълъну сущю меду. Въ страсѣ же бывъ и въскорѣ шьдъ, съповѣда блаженому бывъшее. Глагола тому блаженый: «Мълъчи, чадо, и не рьци никомуже о томь слова, нъ иди и носи, елико ти на трѣбу кънязю и сущиимъ съ нимь; и еще же и братии подай от него, да пиють. Се бо благословление божие есть». Таче пакы дъждю прѣставъшю, отъиде христолюбьць въ домъ свой. Бысть же тако благословление въ дому томь, якоже на мъногы дьни довъльномъ имъ тѣмь быти.

Въ единъ же пакы от дьний от единоя вьси приде мьнихъ манастырьскый къ блаженому отьцю нашему Феодосию, глаголя, яко «въ хлѣвинѣ, идеже скотъ затваряемъ, жилище бѣсомъ есть, тѣмьже и многу пакость ту творять въ немь, якоже не дадуще тому ясти. Многашьды же и прозвутеръ молитву творить и водою святою покрапляя, то же *никако:* осташася зълии ти бѣси, творяще муку и доселѣ скоту». Тъгда же отьць нашь Феодосий

деревянного масла. И, увидев это, прославил блаженный бога, так скоро внявшего его молитвам. И заправили все лампады, и осталось еще много масла. И так справили на следующий день светлый праздник святой богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, который искренне и горячо верил господу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, тот, который сложил впоследствии голову свою за брата по призыву господню, он, как говорили, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о божественном, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христолюбец с блаженным и честной братией на вечерней молитве. И вдруг, по воле божьей, полил сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник со словами: «Господи отче! Нет у меня меда, чтобы предложить князю и спутникам его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Тот ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же, как уже сказал, перевернул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было это питье, перевернул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди, и по слову моему и во имя господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую; и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полон меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение божье». Тем временем дождь перестал и христолюбец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеву, где стоит скот, живут бесы, и немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосий

въоруживъся на ня постъмь и молитвою по господню гласу, еже рече: «Сь родъ изгониться ничимьже, тъкъмо молитвою и постъмь». Тѣмьже уповая блаженый, яко имать прогънати я от мѣста того, якоже дрѣвле от мѣсильниця. И прииде въ село то и вечеръ вънидe единъ въ хлѣвину ту, идеже бѣси жилище имяхуть, и, затворивъ двьри, ту же прѣбысть до утрьняя, молитву творя. Якоже от того часа не явитися бѣсомъ на то мѣсто, се же ни въ дворѣ пакости творити никомуже. Молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия, яко се оружиемь отгънани быша от вьси тоя. И тако пакы блаженый приде въ манастырь свой, яко храбъръ сильнъ, побѣдивъ зълыя духы, пакостьствующа въ области его.

Пакы же нѣколи въ единъ от дьний къ сему блаженому и преподобьному отьцю нашему Феодосию приде старѣй пекущиимъ, глаголя, яко «мукы не имамъ на испечение хлѣбомъ братии». Глагола тому блаженый: «Иди, съглядай въ сусѣцѣ, еда како мало мукы обрящеши въ немь, донъдеже пакы господь попечеться нами». Онъ же вѣдяашеся, яко и помелъ бѣ сусѣкъ тъ и въ единъ угълъ мало отрубъ, яко се съ троѣ или съ четверы пригъръще, тѣмьже глаголааше: «Истину ти вѣщаю, отьче, яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ тъ, и нѣсть въ немь ничьсоже, развѣ мало отрубъ въ угълѣ единомь». Глагола тому отьць: «Вѣру ми ими, чадо, яко мощьнъ есть богъ, и от тѣхъ малыихъ отрубъ напълнить намъ сусѣкъ тъ мукы, иже якоже и при Илии сътвори вьдовици оной, умъноживъ от единѣхъ пригъръщь мукы множьство, якоже прѣпитатися ей съ чады своими въ гладьное врѣмя, донъдеже гобино бысть въ людьхъ. Се бо нынѣ тъ же есть, и мощьнъ есть и такоже и намъ от мала мъного сътворити. Нъ иди и съмотри, еда благословление будеть на сусѣцѣ томь». То же слышавъ, онъ отъиде, и яко вънидe въ храмъ тъ, ти видѣ сусѣкъ тъ, иже бѣ пьрьвѣе тъщь, и молитвами преподобьнаго отьца нашего Феодосиа пълнъ сущь мукы, якоже прѣсыпатися ей чрѣсъ стѣну на землю. Тъгда же въ ужасти бысть, видя таковое прѣславьное чюдо и, въспятивъся, блаженому съповѣда. То же святый къ тому: «Иди, чадо, и не яви никомуже сего, нъ сътвори по обычаю братии хлѣбы. Се бо молитвами преподобьныя братия нашея посъла богъ милость свою къ намъ, подая намъ вься на потрѣбу, его же аще хощемъ».

Тако ти тъщание бѣ къ богу надежа преподобьнаго *Феодосиа* и тако упование имяаше къ господу нашему Исусу Христу, якоже не имѣти надежа о земьныихъ никоеяже, ни уповати же ни о чемь же въ мирѣ семь, нъ бѣ вьсею мыслию и вьсею душею къ богу въскланяяся и на того вьсе упование възложь, никакоже пекыйся о утрьнимь дьне и господень глас по вься дьни имяаше на памяти сьрьдця своего, еже рече: «Не пьцѣтеся ни о чемь же и съмотри же пътиць небесьныихъ, како не сѣють,

вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал господь: «Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, один войдя в хлев, где обитали бесы, запер двери и остался там до утра, творя молитвы. И с тех пор они больше там не появлялись, и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из того села. И снова возвратился блаженный в свой монастырь, точно могучий воин, победив злых духов, вредивших в области его.

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, для того чтобы испечь братии хлебы. Ответил ему блаженный: «Пойди, посмотри в сусеке, а ну, как найдется в нем немного муки на то время, пока господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного — с три или четыре пригоршни,— и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосий: «Поверь мне, чадо, что велик бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как сделал и при Илье, превратив одну пригоршню муки в множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не пришла пора собирать урожай. Вот так и ныне, может бог также из малого многое сотворить. Так пойди же и посмотри: вдруг осенило благословение и тот сусек». Услышав эти слова, вышел пекарь, а когда вошел в дом тот, то увидел, что сусек, прежде пустой, по молитвам преподобного отца нашего Феодосия, наполнен мукой, так что даже пересыпается она через стенку на землю. Пришел он в ужас, видя такое преславное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же в ответ: «Иди, чадо, и, никому не говоря, испеки, как обычно, хлебы для братии. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам бог свою милость, подав нам все, чего ни пожелаем».

Такова была искренняя надежда на бога у преподобного Феодосия, так уповал он на господа нашего Иисуса Христа, что никаких надежд не возлагал на мирское, не рассчитывал ни на что в мире этом, но всеми мыслями и всей душой устремлялся к богу, и, на того все надежды возложив, совершенно не заботился о завтрашнем дне, и постоянно держал в памяти сердца своего глас господень, вещающий: «Не заботьтесь ни о чем, посмотрите на птиц небесных, как они не сеют,

ни жьнють, ниже събирають въ житьниця своя, нъ отьць небесьный питаеть я, кольми паче тѣхъ уньше есте вы». Тѣмьже по вься нощи моляшеся къ богу съ сльзами о стадѣ своемь глаголя: «Яко ты нынѣ еси, владыко, съвъкупилъ въ мѣсто се, и аще годѣ ти есть жити намъ въ немь, буди намъ помощьникъ и податель вьсѣмъ благыимъ. Се бо въ имя прѣсвятыя матере твоея възграженъ бысть домъ сий. Мы же пакы въ твое имя събьраны въ нь, и ты съблюди ны и съхрани от вьсякого съвѣта вьселукавааго врага и съподоби ны получити вѣчьную жизнь. Присно же вълагай въ сьрьдьця наша страхъ твой, яко да тѣмь причастимъ благая она, яже уготова правьдникомъ». И тако пакы по вься дьни прѣбывааше, братию уча, и утѣшая, и запрѣщая же никакоже раслабѣти, нъ крѣпѣ быти на вься труды чьрньчьскыя. И тако прилежаниемь стадо свое пасяаше, блюды и́, еда нѣкако зълокъзньный вълькъ, въшьдъ, распудить божьствьное то стадо.
Тѣмьже о семь, якоже и человѣку нѣкоему христолюбиву и боящюся бога явлениемь открыся еже о блаженѣмь и преподобьнѣмь отьци нашемь Феодосии и о прѣчистѣй того и непорочьнѣй молитвѣ, еще же и о святѣмь того манастыри, и от того пакы показуя ино мѣсто, якоже тѣмъ ту прѣселитися.
Есть бо мала гора, надълежащи надъ манастырьмь тѣмь, и человѣку тому туда вь нощи по ней ѣдущю, и се видѣти тому чюдо испълнь ужасти. Нощи бо сущи тьмьнѣ, свѣтъ же прѣчюдьнъ тъкъмо надъ манастырьмь блаженааго, и се, яко възърѣвъ, видѣ прѣподобьнааго Феодосия въ свѣтѣ томь, посрѣдѣ манастыря прѣдъ цьрквию стояща, руцѣ же на небо въздѣвъшю и молитву къ богу прилѣжьно творяща. Таче тому зьрящю и чюдящюся о томь, и се ино чюдо явльшеся тому: пламень великъ зѣло от вьрьха цьркъвьнааго ишьдъ и, акы комара сътворивъся, прѣиде на другый хълъмъ, и ту тѣмь коньцьмь ста, идеже блаженый отьць нашь Феодосий цьркъвь назнамена, начатъ зьдати послѣже. Се же якоже и донынѣ есть на мѣстѣ томь манастырь славьнъ. Сий же тако пламень тъ являшеся тому, яко дуга стоя единѣмь коньцьмь на вьрьху цьркъвьнѣмь, таче и другыимь на нареченѣмь мѣстѣ, донъдеже тому заѣхавъшю за гору не видѣти того. Се же якоже то самъ видѣвъ, исповѣда единому от братия въ манастыри блаженааго, иже истиньна суть. Тѣмьже есть лѣпо намъ съ божьствьныимь Ияковъмь рещи, яко есть господь на мѣстѣ семь и есть свято мѣсто се и нѣсть ино, нъ се домъ божий и си врата небесьная.
И се же пакы подобьно есть рещи, еже яко пишеться таково о святѣмь и велицѣмь Савѣ. Се бо въ едину нощь такоже тому шьдъшю ис келия своея и молящюся, и се показася тому стълъпъ огньнъ до небесе сущь. Таче потомь, якоже дошьдъ мѣста того, и обрѣте въ немь пещеру и ту тако въ мало дьний

не жнут, не собирают в житницы свои, но отец небесный питает их, насколько же вы лучше их». Поэтому он еженощно со слезами молил бога о стаде своем, говоря: «Как уже ныне, владыка, собрал ты нас в месте этом, и если угодно, чтобы мы жили здесь, то будь нам помощник и податель всех благ. Ведь во имя пресвятой матери твоей возведен дом этот. И мы тоже во имя твое собраны в нем, и сбереги и сохрани нас от всяческих козней лукавейшего врага и сподобь нас обрести вечную жизнь. Постоянно внушай сердцам нашим трепет перед тобой, ибо только этим удостоимся мы благ, уготованных праведникам». И так день за днем учил он братию, и утешал, и удерживал их, чтобы не ослабели духом, но твердыми были бы во всех подвигах монашеских. И так прилежно пас стадо свое и берег его, чтобы злокозненный волк, напав, не разогнал бы божественное то стадо.

А теперь о том, как человеку некоему, христолюбивому и боящемуся бога, было видение о блаженном и преподобном отце нашем Феодосии и о пречистой и непорочной его молитве, а еще и о святом монастыре его — и так указано было то место, куда суждено будет братии переселиться.

Есть над монастырем невысокая горка, и тот человек ехал по ней ночью и вдруг увидел чудо, повергшее его в ужас. Ночь была темной, но над монастырем блаженного сиял чудесный свет, и вот, присмотревшись, увидел тот человек в сиянии этом преподобного Феодосия, стоящего посередине монастыря перед церковью, воздев руки к небу и прилежно молящегося богу. Пока смотрел тот, дивясь увиденному, явилось ему и другое чудо: из купола церкви поднялся огненный столб и, изогнувшись наподобие свода, достиг другого холма, и на том месте оказался конец его, где блаженный отец наш Феодосий указал место для церкви, которую и начал строить впоследствии. Вот и доныне на этом месте стоит славный монастырь. И этот пламень, словно дуга, стоявшая одним концом на куполе церковном, а другим на описанном выше месте, виден был человеку тому, пока не заехал тот за гору. Обо всем этом, что он видел, поведал тот одному из братьев в монастыре блаженного как истинную правду. Поэтому и нам следует возгласить вместе с божественным Иаковом, что сам господь пребывает на месте том, и свято место то, и нет другого подобного, но здесь и есть дом божий и врата небесные.

И стоит еще сказать, что такое же чудо упоминается и в житии святого и великого Саввы. Однажды ночью он также вышел из кельи своей помолиться, и вдруг предстал перед ним огненный столп до самого неба. Когда же он дошел до места того, то обнаружил там пещеру и в скором времени

сътвори манастырь славьнъ. Такоже и сьде разумѣвати есть, богу назнаменавъшю мѣсто то, еже яко видѣти есть манастырь славьнъ сущь на мѣстѣ томь, иже и донынѣ есть молитвами его цвьтущь.

Сицева ти бѣ блаженаго отьця нашего Феодосия молитва еже къ богу о стадѣ своемь и о мѣстѣ томь, и сицево бъдѣние и несъпание по вься нощи, и тако сияше яко свѣтило прѣсвѣтьло въ манастыри томь.

Тѣмьже тако того молитвами благый богъ ино пакы чюдо показа о святѣмь томь мѣстѣ человѣкомъ близь ту *живущемъ*, иже якоже и послѣже съповѣдаша вьсей братии бывъшее. Въ едину бо нощь слышаша гласъ бещисльно поющиихъ. То же яко ти слышаша глас тъ, въсташа от ложь своихъ и, ишьдъше исъ храмъ и на высоцѣ мѣстѣ ставъше, съмотряху гласа того. Сияше бо и свѣтъ великъ надъ манастырьмь блаженаго, и се видѣша мъножьство чьрноризьць исходящь отъ ветъхыя цьркве и бяхуть грядуще на нареченое мѣсто, носяху же прѣди икону святыя богородиця. Вьси иже ти въ слѣдъ идуще, пояху, и вьси въ рукахъ свѣщѣ горущѣ имяхуть, прѣдъ ними же идяше преподобьный отьць ихъ и наставьникъ Феодосий. Таче дошьдъше мѣста того, ту же пѣние и молитву сътворьше, възвращахуся въспять. И, якоже тѣмъ зьрящемъ, вънидоша пакы поюще въ ветъхую цьркъвь. Се же не единъ, ни дъва видѣста, нъ мънози людие, видѣвъше сия, съповѣдааху. Си же, якоже разумѣти есть, аньгеломъ сице явльшимъся быти, имь же от братия ни единому же сихъ чювъшю, богу сице извольшю и съкрывъшю отъ нихъ тайну сию. И якоже послѣже слышавъше, прославиша бога, творящаго чюдеса велика и прославляющаго мѣсто то и освящающа е молитвами преподобьнаго отьца нашего Феодосия.

Нъ се пакы лѣпо есть намъ сия съповѣдавъше на прокое похваление блаженааго съказание поити и яже о немь достойная съ истиною исповѣдающе, еже по господи нашемь Исусѣ Христѣ того рьвьние. Се бо и сиць обычай имяше блаженый, якоже многашьды въ нощи въстая и отай вьсѣхъ исхожааше къ жидомъ, и тѣхъ еже о Христѣ прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отметьникы и безаконьникы тѣхъ нарицая, жьдаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиенъ быти.

И се же якоже бѣ отъходя въ постьныя дьни въ прѣжѣреченую пещеру и оттуду пакы многашьды, якоже того не вѣдущю никомуже, въ нощи въставъ и, богу того съблюдающю, отходяаше единъ на село манастырьско, и ту уготованѣ сущи пещерѣ въ съкръвенѣ мѣстѣ, и никомуже того вѣдущю, прѣбываше въ ней единъ до вьрьбьныя недѣля, и такоже пакы прѣидяше пакы въ нощи въ прѣжереченую пещеру, и оттуда въ пятъкъ вьрьбьныя недѣля къ братии излазяаше, якоже тѣмъ мьнѣти, ту ему прѣбывъшю въ постьныя дьни. И тако

построил там славный монастырь. Так и здесь следует понимать, что бог указал то место, на котором находится монастырь славный, и по сей день цветущий по молитвам Феодосия.

Такова молитва к богу блаженного отца нашего Феодосия о стаде своем и о месте том, и таково его бдение и бодрствование во все ночи, и так сиял он, как светило пресветлое, в монастыре том.

Его же молитвами благой бог и иное чудо показал близ живущим людям, знаменуя святое то место, а они уже после рассказали обо всем братии. В одну из ночей услышали они множество поющих голосов. Услышав это пение, встали люди с постелей своих и, выйдя из домов и взойдя на высокое место, стали смотреть оттуда в сторону поющих. И видели сияющий яркий свет над монастырем блаженного и множество черноризцев, выходящих из старой церкви и направляющихся к тому месту, о котором шла речь, а впереди них несли икону святой богородицы. Все же, кто шли следом за ней, пели, и все держали в руках по горящей свече, а перед ними шел преподобный отец их и наставник Феодосий. Дойдя до места того, постояли там с песнопениями и молитвами и вернулись назад. И на глазах у тех людей снова вошли с пением в старую церковь. И это видел не один, и не двое, но многие люди, видевшие это, рассказывали. Как мы думаем, это являлись ангелы, но из братии никто не знал о случившемся, так уж по воле божьей скрыта была от них эта тайна. Когда же впоследствии узнали они обо всем, то прославили бога, творящего великие чудеса, и прославляющего место то, и освящающего его по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Но теперь, рассказав об этом, подобает нам снова вернуться к дальнейшему повествованию о блаженном, прославляя его, о достойных делах его правдиво повествуя и о рвении его за господа нашего Иисуса Христа. Еще и такой обычай имел блаженный: нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям, спорил с ними о Христе, укоряя их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит.

А еще, когда уходил он в дни поста в упоминавшуюся ранее пещеру, то часто втайне от всех вставал ночью и уходил оттуда, хранимый богом, в село монастырское, где была у него в скрытном месте вырыта пещера, и, втайне от всех, пребывал в ней до вербной недели, а затем снова возвращался ночью в упомянутую ранее пещеру и оттуда — в пятницу вербной недели — выходил к братии, так что они думали, будто он провел здесь все дни поста. И так пребывал

прѣбывааше, не дадый себѣ покоя бъдѣниемь и молитвами вьсѣми нощьныими о стадѣ своемь, моля бога и того призывая помощьника имъ быти о вьсякомь подвизѣ ихъ, и по вься нощи обиходя дворъ манастырьскый и молитву творя, и тою огражая и яко градъмь твьрдъмь стрѣгый, яко да не въшьдъ змий лукавый плѣнить кого от ученикъ его. И тако бѣ оградилъ вься области его манастырьскыя.

Се бо нѣколи ятомъ бывъшемъ мужемъ разбой творящемъ от нѣкыихъ стрѣгущиихъ дому своего, и бысть съвязаномъ имъ сущемъ и ведомомъ въ градъ къ судии. И се по изволению божию сълучися имъ миновати мимо едино село манастырьское, и единъ от зълодѣй тѣхъ съвязаныихъ, покывавъ главою на село то, глаголааше якоже «нѣколи въ едину нощь приидохомъ къ двору тому, разбой хотяще творити и поимати вься сущая, и видѣхомъ градъ сущь высокъ зѣло, яко не мощи намъ приближитися емь». Сице бо бѣ благый богъ оградилъ невидимо вься та съдьрьжания молитвами правьдьнаaго и преподобьнааго сего мужа. Тѣмьже и божьствьный Давыдъ о семь прѣдъизвѣща, рекый: «Очи господьни на правьдьныя и уши его въ молитву ихъ». Присно бо владыка, съзьдавый ны, прикладаеть слуха своя на послушание призывающимъ и въистину, и такоже молитву ихъ услышавъ, спасе я. Сьде же по воли ихъ и прошению вься творить, имъ же упъвающиимъ на нь.

Сицево преподобьному и прѣблаженому отьцю нашему Феодосию пасущю стадо свое съ вьсякыимь благочьстиемь и чистотою и еще же и житие свое съ въздьрьжаниемь и подвигъмь исправляющю, бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако от вьселукавааго врага въ трьхъ кънязьхъ, братии сущемъ по плъти, якоже дъвѣма брань сътворити на единого старѣйшааго си брата, христолюбьца, иже поистинѣ боголюбьця Изяслава. То же тако тъ прогънанъ бысть от града стольнааго, и онѣма, пришьдъшема въ градъ тъ, посылаета же по блаженааго отьца нашего Феодосия, бѣдяща того прити къ тѣма на обѣдъ и причетатися неправьдьнѣмь томь съвѣтѣ. То же, иже бѣ испълъненъ духа святого, преподобьный же Феодосий разумѣвь, еже неправьдьно суще изгънание, еже о христолюбьци, глаголеть посъланому, яко не имамъ ити на тряпезу Вельзавелину и причаститися брашьна того, испълнь суща кръви и убийства. И ина же многа укоризьна глаголавъ, отпусти того, рекый, яко да възвѣстиши вься си посълавъшимъ тя.

Нъ обаче она, аще и слышаста си, нъ не възмогоста прогнѣватися на нь, видяста бо правьдьна суща человѣка божия, ни пакы же послушаста того, нъ устрьмистася на прогънание брата своего, иже от вьсея тоя области отъгънаста того, и тако възвратистася въспять. И единому сѣдъшю на столѣ томь брата и отьца своего, другому же възвративъшюся въ область свою,

он, изнуряя себя бодрствованием и ночными молитвами о стаде своем, моля бога и призывая его помочь им в их подвигах; и каждую ночь обходил двор монастырский, и творил молитву, и ею ограждал, и, словно стеною твердой, оберегал монастырь, чтобы не проник змий лукавый прельстить кого-либо из учеников его. И так же ограждал и все земли монастырские.

Как-то однажды были схвачены во время грабежа некие люди стерегущими дома свои, и повели их связанных в город к судье. И так случилось по воле божьей, что проводили их мимо одного из сел монастырских, и один из тех связанных злодеев, показав кивком головы на село, промолвил: «Как-то ночью пришел я к тому двору, собираясь вынести все имущество из него, и увидел стену высокую, так что невозможно было нам и приблизиться к нему». Это ведь благой бог невидимо оградил все находившееся там по молитвам праведного и преподобного сего мужа. Потому и божественный Давид об этом вещал: «Очи господни устремлены на праведных, и уши его внимают молитвам их». Постоянно ведь владыка, создавший нас, склоняет слух свой, внимая искренне призывающим его, и, услышав молитву их, спасет их. Здесь же по желаниям и по просьбам братии, уповающей на него, все творит.

В то время, когда преподобный и преблаженный отец наш Феодосий пас стадо свое со всяческим благочестием и чистотою и свою жизнь проводил в воздержании и подвигах, начался раздор — по наущению лукавого врага — среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего брата, христолюбца и поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосием, приглашая его прийти к ним на обед и приобщиться к неправедному их союзу. Но тот, исполненный духа святого, преподобный Феодосий, видя, что несправедливо изгнан христолюбец, ответил посланному, что не пойдет на пир Иезавелин и не прикоснется к яствам, пропитанным кровью убиенных. И долго еще укорял и, отпуская посланного, наказал ему: «Передай мои слова пославшим тебя».

Они же, хотя и выслушали его и не посмели прогневаться на него, ибо правду сказал человек божий, не вняли ему, а двинулись на брата своего, изгнали его из его земли и вернулись назад. Один из них сел на престоле брата и отца своего, а другой отправился в свой удел.

Тъгда же отьць нашь Феодосий, напълнивъся святаго духа, начатъ того обличати, яко неправьдьно сътворивъша и не по закону сѣдъша на столѣ томь, и яко отьця си и брата старѣйшаго прогънавъша. То же тако обличаше того, овъгда епистолия пиша, посылааше тому, овъгда же вельможамъ его, приходящемъ къ нему, обличааше того о неправьдьнѣмь прогънании брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Се же и послѣже въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: «Глас кръве брата твоего въпиеть на тя къ богу, яко Авелева на Каина». И инѣхъ многыихъ дрѣвьниихъ гонитель, и убойникъ, и братоненавидьникъ приводя, и притъчами тому вься еже о немь указавъ и тако въписавъ, посъла. И яко тъ прочьте епистолию ту, разгнѣвася зѣло, и яко львъ рикнувъ на правьдьнааго, и удари тою о землю. И якоже отътолѣ промъчеся вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженому. Тоже братия въ велицѣ печали быша и моляаху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже такоже и от боляръ мънози приходяще повѣдахуть ему гнѣвъ княжь на того сущь и моляхуть и́ не супротивитися ему. «Се бо,— глаголааху,— на заточение хочеть тя посълати». Си же слышавъ блаженый, яко о заточении его рѣша, въздрадовася духъмь и рече къ тѣмъ: «Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсоже ми блаже въ житии семь: еда благодатьство имѣнию лишение нудить мя? Или дѣтий отлучению и селъ опечалуеть мя? Ничьсоже от таковыихъ принесохомъ въ миръ сь, нъ нази родихомъся, такоже подобаеть намъ нагомъ прийти от свѣта сего. Тѣмьже готовъ есмь или на съмьрьть». И оттолѣ начатъ того укаряти о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти.

Нъ обаче *онъ,* аще и вельми разгнѣвалъся бѣ на блаженааго, нъ не дьрьзну ни единого же зъла и скърьбьна сътворити тому, видяаше бо мужа преподобьна и правьдьна суща его. Якоже прѣже многашьды его ради завидяаше брату своему, еже такого свѣтильника имать въ области своей, якоже съповѣдаше, слышавъ от того, чьрноризьць Павьлъ, игуменъ сый от единого манастыря, сущиихъ въ области его.

Блаженый же отьць нашь Феодосий, много молимъ бывъ от братьѣ и от вельможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничьсоже успѣшьно сими словесы тому, остася его, и оттолѣ не укаряаше его о томь, помысливъ же въ себѣ, яко унѣ есть мольбою того молити, да бы възвратилъ брата си въ область свою.

Не по мнозѣхъ же дьньхъ разумѣвъ благый князь тъ прѣложение блаженааго Феодосия от гнѣва и утѣшение, еже от обличения того, въздрадовася зѣло, издавьна бо жадааше бесѣдовати съ нимь и духовьныихъ словесъ его насытитися. Таче посылаеть къ блаженому, аще повелить тому прити въ манастырь свой или ни? Оному же повелѣвъшу тому прийти. То же сий,

Тогда же отец наш Феодосий, исполнившись духа святого, стал укорять князя, что несправедливо он поступил и не по закону сел на престоле, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждая беззаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и веля им передать слова его князю. А после написал ему большое послание, осуждая его в таких словах: «Голос крови брата твоего взывает к богу, как крови Авелевой на Каина!» И приведя в пример многих других притеснителей, убийц и братоненавистников прежних времен и в притчах поступок его изобличив, обо всем этом написал и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступиться и больше не обличать князя. И многие из приходивших к нему бояр говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться князю. «Он ведь, — говорили, — хочет заточить тебя». Услышав речи о своем заточении, блаженный воспрянул духом и сказал: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я принять смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая оказаться в заточении.

Однако князь, как сильно ни гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, чтя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему, что есть такой светоч в земле Изяславовой, как рассказывал об этом слышавший такие слова от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отец наш Феодосий после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно когда понял, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое и с тех пор уже более не укорял его, решив про себя, что лучше будет со слезами умолять князя, чтобы тот возвратил своего брата в принадлежавшую ему область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев блаженного Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной беседой. Тогда посылает он к блаженному, вопрошая, не разрешит ли тот прийти к себе в монастырь? Феодосий же велел ему прийти. Обрадовался

съ радостию въставъ, приде съ боляры въ манастырь его. И великому Феодосию съ братиею ишьдъшу ис цьркве и по обычаю сърѣтъшю того и поклоньшемася, якоже е лѣпо кънязю, и тому же цѣловавъшю блаженаго. Таче глаголааше се: «Отьче, не дьрьзняхъ приити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя и не въпустиши насъ въ манастырь». То же блаженый отвѣща: «Чьто бо, благый владыко, успѣеть гнѣвъ нашь еже на дьржаву твою. Нъ се намъ подобаеть обличити и глаголати вамъ еже на спасение души. И вамъ лѣпо есть послушати того». И тако же въшьдъшема въ цьркъвь и бывъши молитвѣ сѣдоста, и блаженому Феодосию начьнъшю глаголати тому отъ святыихъ кънигъ, и много указавъшю ему о любъви брата. И оному пакы многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому съ тѣмь мира сътворити. И такоже пакы по мнозѣй той беседѣ отъиде князь въ домъ свой, славя бога, яко съподобися съ таковыимь мужьмь бесѣдовати, и оттолѣ часто приходяше къ нему и духовьнаго того брашьна насыщаяся паче меду и съта: се же суть словеса блаженааго, яже исходяахуть от медоточьныихъ устъ тѣхъ. Многашьды же великый Феодосий къ тому хожаше и тако въспоминаше тому страхъ божий и любъвь еже къ брату.

И въ единъ от дьний шьдъшю къ тому благому и богоносьному отьцю нашему Феодосию, и яко въниде въ храмъ, идеже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыя играюща прѣдъ нимь: овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже обычай есть прѣдъ князьмь. Блаженый же, бѣ въскрай его сѣдя и долу нича и яко малы въсклонивъся, рече къ тому: «То будеть ли сице на ономь свѣтѣ?» То же ту абие онъ съ словъмь блаженааго умилися и малы просльзиси, повелѣ тѣмъ прѣстати. И оттолѣ, аще коли приставяше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдъша, то повелѣвааше тѣмъ прѣстати от таковыя игры.

Многашьды же пакы, егда възвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, то же, тако ишьдъ, того сърѣташе, радуяся, прѣдъ двьрьми храму, и тако вънидоста оба в храмъ. Се же, якоже веселяся, глаголаше преподобьному: «Се, отьче, истину ти глаголю: яко аще быша ми възвѣстили отьця въставъша от мьртвыихъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемь. И не быхъ ся того тако боялъ или сумьнѣлъ, яко же преподобьныя твоея душа». Блаженый же тоже: «Аще тако боишися мене, то да сътвори волю мою и възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрьный отьць *твой* прѣдасть». Онъ же о семь умълъче, не могый чьто отвѣщати къ симъ, тольми бо бѣ и́ врагъ раждьглъ гнѣвъмь на брата своего, яко ни слухъмь хотяше того слышати. Отьць же нашь Феодосий бѣ по вься дьни и нощи моля бога о христолюбьци Изиславѣ, и еще же и въ ектении

князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосий с братией вышел из церкви и по обычаю встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и не впустишь нас в монастырь». Блаженный же отвечал: «А что может, благой владыка, гнев наш против власти твоей? Но подобает нам обличать вас и поучать о спасении души. А вам следует выслушивать это». И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосий приводить примеры из Священного писания и много говорил князю о братолюбии. Но тот снова возлагал вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, славя бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем; и с тех пор часто приходил к нему и насыщался духовной пищей более, чем медом и сытой, таковы были слова блаженного, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и великий Феодосий посещал князя и напоминал ему о страхе божьем и о любви к брату.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в княжеские палаты, где находился князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни бренчали на гуслях, другие били в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, склонившись к нему, спросил: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же растрогался от слов блаженного, и прослезился, и велел прекратить музыку. И с тех пор, если приглашал к себе музыкантов, то, узнав о приходе блаженного, приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: «Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался перед ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же возразил: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который поручил ему твой благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел. А отец наш Феодосий дни и ночи молил бога за христолюбца Изяслава и в ектении

веля того поминати, яко стольному тому князю и старѣйшю вьсѣхъ, сего же, якоже рече, чрѣсъ законъ сѣдъшю на столѣ томь, не веляше поминати въ своемь манастыри. О семь же едъва умоленъ бывъ от братиѣ, повелѣ и того съ нимь поминати, обаче же пьрьвое христолюбьца, ти тъгда сего благаго.

Великый же Никонъ, видѣвъ таковое съмятение въ князихъ суще, отъиде съ инѣма дъвѣма чьрьноризьцема въ прѣжереченый островъ, идеже бѣ манастырь съставилъ, и блаженому Феодосию мъного того моливъшю, яко да не разлучитися има, донъдеже еста въ плъти, и не отходити ему от него. Обаче онъ не послушавъ его о томь, нъ, якоже рече, отъиде въ свое мѣсто.

Тъгда же отьць нашь Феодосий, напълнивъся духа святаасо, начатъ благодатию божиею подвизатися, якоже въселити тому въ другое мѣсто, помагающу тому святому духу, и цьркъвь же велику камениемь възградити въ имя святыя богородиця и приснодѣвыя Мария, пьрьвѣй бо цьркви древянѣ сущи и малѣ на приятие братии.

Въ начатъкъ же таковааго дѣла събьрася множьство людий, и мѣсто на възгражение овѣмъ ова кажющемъ, инѣмъ же ино, и вьсѣхъ не бѣ подобьно мѣсто княжю полю, близь прилежащю. И се по строю божию бѣ благый князь Святославъ туда минуя и, видѣвъ многъ народъ, въпроси, чьто творять ту. И якоже увѣдѣвъ, и съвративъ коня, приѣха къ нимъ, и, яко от бога подвиженъ, показа тѣмъ мѣсто на своемь поли, веля ту възградити ту таковую цьркъвь. Се же якоже и по молитвѣ тому самому начатъкъ копанию положити. Бѣаше же и самъ блаженый Феодосий по вься дьни съ братиею подвизаяся и тружая о възгражении таковаго дому. Обаче аще *и не* съвьрьши его живъ сы, нъ се и по съмьрьти того, Стефану приимъшю игуменьство и богу помагающю тому молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия, съвьрьшено дѣло и домъ съграженъ. Ту же братии преселивъшемъся, и онъдеже малу ихъ оставъшю, и съ тѣми прозвутеру и диякону, якоже по вься дьни и ту святая литурьгия съвьрьшаеться.

Се же житие преподобьнааго и блаженааго отьца нашего Феодосия, еже от уны вьрьсты до сьде от многаго мало въписахъ. Къто бо довъльнъ вся по ряду съписати добрая управления сего блаженааго мужа, къто же възможеть по достоянию его похвалити! Аще бо искушюся того достойно противу исправлению его похвалити, нъ не възмогу — грубъ сы и неразумичьнъ.

Многашьды же сего блаженаго князи и епископи хотѣша того искусити, осиляюще словесы, нъ не възмогоша и акы о камыкъ бо приразивъшеся *отскакаху,* ограженъ бо бѣ вѣрою и надежею, еже къ господу нашему Иисусу Христу, и въ себе

велел упоминать его как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава — как мы говорили, против закона севшего на престол — не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братия, и тогда повелел поминать обоих, однако же первым — христолюбца, потом же и этого, благого.

А великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноризцами на упомянутый выше остров, где в прошлом основал монастырь, хотя много раз умолял его блаженный Феодосий не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как я сказал, отправился в свой монастырь.

Тогда же отец наш Феодосий, исполненный духа святого, задумал по благодати божьей перенести монастырь на новое место и, с помощью святого духа, построить большую каменную церковь во имя святой богородицы и приснодевы Марии, ибо старая церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Начать же таковое дело собралось множество людей, и одни указывали одно место, где построить церковь, другие — другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле божьей, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь происходит. А когда узнал, то повернул коня, и подъехал к ним, и, словно богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосий каждый день трудился с братией, возводя храм. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с божьей помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними — священник и дьякон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую — от юных лет и до старости — описал я, поведав из многого малое. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не могу — невежда я и неразумен.

Много раз князья и епископы хотели искусить того блаженного, в словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на господа нашего Иисуса Христа и святой дух

жилище святааго духа сътвори. И бысть въдовицямъ заступьникъ и сирыимъ помощьникъ и убогыимъ заступьникъ и, съпроста рещи, вься приходящая, уча и утѣшая, отпущааше, убогыимъ же подавая, еже на потрѣбу и на пищю тѣм.

Мънози же того от несъмысльныихъ укаряхуть, то же сий съ радостию та приимааше, се же якоже и от ученикъ своихъ многашьды укоризны и досажения тому приимати, нъ обаче онъ, бога моля за вься, прѣбываше. И еще же и о худости ризьнѣй мнози от невѣглас, усмихающеся тому, ругахуться. Онъ же и о томь не поскърьбѣ, нъ бѣ радуяся о поругании своемь и о укоризнѣ и вельми веселяся, бога о томь прославляше. Якоже бо аще къто не зная того, ти видяше и́ въ такой одежи суща, то не мьняаше того самого суща блаженааго игумена, нъ яко единого от варящиихъ. Се бо и въ единъ дьнь идущю тому къ дѣлателемъ, идеже бѣша цьркъвь зижющеи, сърѣте и того убога въдовиця, яже бѣ от судии обидима, и глагола тому самому блаженому: «Чьрьноризьче, повѣжь ми, аще дома есть иуменъ вашь?» Глагола той блаженый: «Чьто трѣбуеши от него, яко тъ человѣкъ есть грѣшьнъ?». Глагола тому жена: «Аще грѣшьнъ есть, не вѣмь, тъкъмо се вѣмь, яко многы избави от печали и напасти, и сего ради и азъ придохъ, яко да и мнѣ поможеть, обидимѣ сущи бес правьды от судии». Таче блаженый увѣдѣвъ, яже о ней, съжалиси, глагола той: «Жено! Нынѣ иди въ домъ свой, и се, егда придеть игуменъ нашь, то же азъ възвѣщю ему, еже о тебѣ, и тъ избавить тя от печали тоя». То же слышавъши жена отъиде въ домъ свой, и блаженый иде къ судии и еже о ней глаголавъ тому, избави ту от насилия того, якоже тому посълавъшю възвратити той, имь же бѣ обидя ю.

Тако же сий блаженый отьць нашь Феодосий многыимъ заступьникъ бысть прѣдъ судиями и князи, избавляя тѣхъ, не бо можахуть ни въ чемь прѣслушати его, вѣдуще и́ правьдьна и свята. Не бо его чьстяху чьстьныихъ ради пърътъ, или свѣтьлыя одежа, или имѣния ради мъногаго, нъ чистаго его ради жития и свѣтьлыя душа, и поучение того многыихъ, яже кыпяхуть святымь духъмь от устъ его. Козьлины бо тому бѣахуть, яко многоцѣньная и свѣтьлая одежа, власяниця же, яко се чьстьная и цесарьская багъряниця, и тако, тѣмь величаяся, ходяше и житиемь богоугодно поживъ.

И уже на коньць жития прѣшьдъ, прѣже увѣдѣвъ, еже къ богу свое отшьствие и дьнь покоя своего: правьдьныимъ бо съмьрьть покой есть.

Тъгда же уже повелѣ събьрати вьсю братию и еже въ селѣхъ или на ину кую потрѣбу шьли и, вься съзъвавъ, начатъ казати тиуны, и приставьникы и слугы, еже прѣбывати комужьдо въ порученѣй ему службѣ съ вьсякыимь прилежаниемь и съ страхъмь божиемь, въ покорении и любъви. И тако

пребывал в нем. И был он заступник вдовиц, и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они, и на пропитание.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех богу. И еще, насмехаясь над ветхой одеждой его, издевались над ним невежды. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам и в веселье великом славил за это бога. Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за одного из поваров. Так, однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради и я пришла за помощью, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди, женщина, сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам вернул ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его ослушаться, зная праведность его и святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд, и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь и за светлую душу, и за многие поучения, святым духом кипящие в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница — почетной багряницей царской, и в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом божьим, с покорностью и любовью. И опять

пакы вься съ сльзами учааше, еже о спасении души и богоугодьнѣмь житии и о пощении, и еже къ цьркви тъщание, и въ той съ страхъмь стояние, и о братолюбии, и о покорении, еже не тъкъмо къ старѣйшинамъ, нъ и къ съвьрьстьныимъ себѣ любъвь и покорение имѣти. Глаголавъ, отъпусти я, самъ же, вълѣзъ въ келию, начатъ плакатися, бия въ пьрьси своя, припадая къ богу и моляся ему о спасении души, и о стадѣ своемь и о мѣстѣ томь. Братия же, ишьдъше вънъ, глаголаху къ себѣ: «Чьто убо сий сицево глаголеть? Еда, къде отшьдъ, съкрытися хощеть въ тайнѣ мѣстѣ, ти жити единъ и намъ не вѣдущемъ его»,— якоже многашьды въсхотѣ тако сътворити, нъ умоленъ бывааше о томь от князя и от вельможь, братии о томь паче молящися. И такоже и ту тако тѣмъ мьнящемъ.

Таче по сихъ блаженаго зимѣ възгрозивъши и огню уже лютѣ распальшу й, и не могый къ тому ничьтоже, възлеже на одрѣ, рекъ: «Воля божия да будеть, и якоже изволися ему о мънѣ, тако да сътворить! Нъ обаче молю ти ся, владыко мой, милостивъ буди души моей, да не сърящеть ея противьныихъ лукавьство, нъ да приимуть ю ангели твои, проводяще ю сквозѣ проныръство тьмьныихъ тѣхъ *мытарствъ*, приводяще ю къ твоего милосьрьдия свѣту». И си рекъ, умълъче, къ тому не могый ничьтоже.

Братии же въ велицѣ скърьби и печали сущемъ его ради. Потомь онъ 3 дьни не може ни глаголати къ кому, ниже очию провести, яко многыимъ мьнѣти, якоже уже умрѣтъ, тъкъмо же малы видяхуть и еже сущю душю въ немь. Таче по трьхъ дьньхъ въставъ, и братии же вьсей събьравъшися, глагола имъ: «Братие моя и отьци! Се, яко уже вѣмь, врѣмя житию моему коньчаваеться, якоже яви ми господь въ постьное врѣмя, сущю ми въ пещерѣ, изити от свѣта сего. Вы же помыслите въ себѣ, кого хощете, да азъ поставлю й вамъ въ себе мѣсто игумена». То же слышавъше, братия въ велику печаль и плачь въпадоша, и по сихъ излѣзъше вънъ и сами въ себѣ съвѣтъ сътвориша, и якоже съ съвѣта вьсѣхъ Стефана игумена въ себѣ нарекоша быти, деместика суща цьркъвьнааго.

Таче пакы въ другый дьнь блаженый отьць нашь Феодосий, призъвавъ вьсю братию, глагола имъ: «Чьто, чада, помыслисте ли въ себѣ, еже достойну быти въ вас игумену?». Они же вьси рекоша, яко Стефану достойну быти по тебѣ игуменьство прияти. Блаженый же, того призъвавъ и благословивъ, игумена имъ въ себе мѣсто нарече. Оны же много поучивъ, еже покарятися тому, и тако отпусти я, нарекъ имъ дьнь прѣставления своего, яко «въ суботу, по възитии сълньця, душа моя отлучиться от тѣлесе моего». И пакы же призъвавъ Стефана единого, учааше й, еже о паствѣ святааго того стада,

поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорности, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать, и бить себя в грудь, кланяясь богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братья же, выйдя от него, стали говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или, уйдя куда-нибудь, хочет скрыться от нас в неизвестном месте и жить один?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе, и пылал в жару, и, уже совсем обессилев, лег на постели своей, и промолвил: «Да будет воля божья, что угодно ему, то пусть то и сделает со мной! Но, однако, молю тебя, владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия». И, сказав это, замолк, ибо оставили его силы.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие уже подумали, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не покинула его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том господь во время поста, когда был я в пещере, и настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой, кого поставить вместо меня игуменом». Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, потом, выйдя на двор, стали совещаться и по общему согласию порешили, что быть игуменом у них Стефану, начальнику хора церковного.

На другой день блаженный отец наш Феодосий, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто же достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвечали, что Стефан достоин принять после него игуменство. И блаженный, призвав к себе Стефана и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал, слушаться его веля, и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнечного, оставит душа моя тело мое». И снова, призвав к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже

се бо и не отлучашеся от него, служа тому съ съмѣрениемь, бѣ бо уже болѣзнию лютою одьрьжимъ.

И якоже пришьдъши суботѣ и дьни освитающу, посълавъ, блаженый призъва вьсю братию, и тако по единому вься цѣлова, плачющася и кричаща о разлучении таковааго имъ пастуха. Блаженый же глагола имъ сице: «Чада моя любимая и братия! Се бо и утробою вься вы цѣлую, яко отхожю къ владыцѣ, господу нашему Исус Христу. И се вамъ игуменъ, его же сами изволисте. Того послушайте, и отьця того духовьнааго себѣ имѣйте, и того бойтеся, и по повелѣнию его вься творите. Богъ же, иже вься словъмь и прѣмудростию сътвори, тъ васъ благослови и сънабъди от пронырливаго без бѣды, и неподвижиму и твьрьду яже къ тому вѣру вашю да съблюдеть въ единоумии и въ единой любъви до послѣдьняаго издыхания въкупѣ суще. Дай же вамъ благодать, еже работати тому бес прирока, и быти вамъ въ единомь тѣлѣ и единѣмь духъмь въ съмѣрении сущемъ и въ послушании. Да будете съвьршени, якоже и отьць вашь небесьный съвьршенъ есть. Господь же буди съ вами! И о семь же молю вы и заклинаю: да въ ней же есмь одежи нынѣ, въ той да положите мя тако въ пещерѣ, идеже постьныя дьни прѣбываахъ, ниже омывайте убогаго моего тѣла, и да никътоже от людий мене, нъ вы едини сами да погребете въ прѣжереченѣмь мѣстѣ тѣло се». Си же слышавъше братия от устъ святаго отьца плачь и сльзы изъ очию испущааху.

Блаженый же пакы утѣшая глаголааше: «Се обѣщаюся вамъ, братия и отьци, аще и тѣлъмь отхожю от васъ, нъ духъмь присно буду съ вами. И се, елико же васъ въ манастыри семь умьреть, или игуменъмь къде отсъланъ, аще и грѣхы будеть къто сътворилъ, азъ имамъ о томь прѣдъ богъмь отвѣщати. А иже отъидеть къто о себѣ от сего мѣста, то же азъ о томь орудия не имамъ. Обаче о семь разумѣйте дьрьзновение мое, еже къ богу: егда видите вься благая умножающаяся въ манастыри семь, вѣдите, яко близь владыкы небесьнааго ми сущю. Егда ли видите скудѣние суще и вьсѣмь умаляющеся, тъгда разумѣйте, яко далече ми бога быти и не имуща дьрьзновения молитися къ нему».

Таче по глаголѣхъ сихъ отпусти я вънъ вься, ни единого же у себе оставивъ. Единъ же от братиѣ, иже вьсегда служааше ему, малу сътворь скважьню, съмотряше ею. И се блаженый въставъ и ниць легъ на колѣну, моляше съ сльзами милостивааго бога о спасении душа своея, вься святыя призывая на помощь и наипаче же — святую владычицю нашю богородицю, и тою господа бога спаса нашего Исус Христа моля о стадѣ своемь, и о мѣстѣ томь. И тако пакы по молитвѣ възлеже на мѣстѣ своемь и, мало полежавъ, таче възьрѣвъ на небо, и великъмь гласмь, лице весело имый, рече:

больше не отлучался от него и смиренно прислуживал ему, ибо был он уже тяжело болен.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих о разлучении с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу я к владыке, господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого вы сами пожелали. Так повинуйтесь же ему и пусть будет он вам отцом духовным, бойтесь его и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушимой и твердой, в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего вздоха вы были вместе. Да будет на вас благодать — служить безупречно богу, и быть всем, как одно тело и одна душа, в смирении и послушании. И будьте же вы совершенны, как совершенен и ваш отец небесный. Да пребывает господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде я сейчас, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте, которое я вам указал». Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь игуменом, то, если даже и согрешит в чем, все равно буду я за того отвечать перед богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И так вы узнаете о дерзновении моем перед богом: если увидите, что процветает монастырь наш — знайте, что я возле владыки небесного; если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он, то знайте, что далек я от бога и не имею дерзновенья ему молиться».

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда прислуживал ему, проделав небольшую дырочку в двери, смотрел в нее. И вот встал блаженный, и преклонил колени, и пал ниц, молясь со слезами к милостивому богу о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святую владычицу нашу богородицу, и молил ее именем господа бога, спасителя нашего Иисуса Христа, о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою, и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко и радостно:

«Благословленъ богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нъ паче радуяся отхожю свѣта сего!». Се же, якоже разумѣти есть, яко обавление нѣкое видѣвъ, сице издрече. Яко по томь опрятавъся, и нозѣ простьръ, и руцѣ на пьрсьхъ крьстообразьнѣ положь, прѣдасть святую ту душю въ руцѣ божии и прѣложися къ святыимъ отьцемъ.

Тъгда же братия сътвориша надъ нимь плачь великъ и тако, възьмъше того, несоша въ цьркъвь, и по обычаю святое пѣние сътвориша. Тъгда же, акы нѣ от коего божьствьнааго явления, подвижеся вѣрьныихъ множьство, и съ усьрьдиемь сами придоша и бѣша прѣдъ враты сѣдяще и ожидающе, донъдеже блаженааго изнесуть. Благовѣрьный же князь Святославъ бѣ не далече от манастыря блаженааго стоя, и се видѣ стълъпъ огньнъ, до небесе сущь надъ манастырьмь тѣмь. Сего же инъ никътоже видѣ, нъ тъкъмо князь единъ, и якоже от того разумѣти прѣставление блаженаго, и глагола сущимъ съ нимь: «Се, якоже мьню, дьньсь блаженый Феодосий умьре». Бѣ бо прѣже того дьне былъ у него и видѣлъ болесть его тяжьку сущю. Таче посълавъ и увѣдѣвъ истѣе прѣставление, плакася по томь много.

Братии же врата затворивъшемъ и никогоже пустящемъ по повелѣнию блаженааго, и бѣша присѣдяще надъ нимь и ожидающе, донъдеже разидуться людие, и тако того погребуть, якоже самъ повелѣ. Бѣша же и боляре мнози пришьли, и ти прѣдъ враты стояще. И се по съмотрению божию пооблачилося небо, и сниде дъждъ. То же ти тако разбѣгошася. И абие пакы дъждь прѣста и сълньце въсия. И тако того несъше въ прѣжереченую пещеру, положиша й, и запечатьлѣвъше и отъидоша, и без брашьна вьсь дьнь прѣбыша.

Умрѣтъ же отьць нашь Феодосий въ лѣто 6 и 582, мѣсяца маия въ 3, въ суботу, якоже прорече самъ, въсиявъшю сълньцю.

«Благословен бог, что так свершилось, вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он это, увидев явление некое. Ибо потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал свою святую душу в руки божьи, и приобщился к святым отцам.

Тогда горько заплакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели как подобает. И тут же, словно повинуясь божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых людей, все с готовностью сами пришли и уселись перед воротами монастырскими, ожидая, когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, находившийся недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел огненный столп, поднявшийся над тем монастырем до самого неба. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что умер блаженный, и сказал окружавшим его: «Вот сейчас, кажется мне, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжело больным. Тогда, послав и услышав, что и вправду умер Феодосий, горько заплакал о нем князь.

Братья же заперли ворота и никого не впускали, как повелел блаженный, и сидели возле тела его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по воле божьей затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разошлись люди. И тотчас же перестал дождь, и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой мы говорили прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосий в год 6582 (1074) — месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказал, после восхода солнечного.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНЬЕ

Древнерусский текст

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, *нареченый* въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы... и хрестьяных людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣх бѣдъ! Сѣдя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сихъ днев грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но *ему* же *люб*а дѣтий моихъ, а приметь ѐ в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, тако же и тружатися.

Первое, бога дѣля и душа своея, страх имѣйте божий в сердци своемь и милостыню творя неоскуду, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы от братья моея на Волзѣ, рѣша: «Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и *гнѣваете,* не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я̀, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я́, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах: Аще вы послѣдняя не люба, а передняя примайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? *Уповаи* на бога, яко исповѣмся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ,

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНИЕ

Перевод

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми,

ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же господа,— ти обладають землею. — И еще мало,— И не будеть грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же наслѣдять землю, насладяться на множьствѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; господь же посмѣется ему и прозрить, яко придеть день его. Оружья извлекоша грѣшьници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь. Оружье ихъ внидеть в сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшных многа. Яко мышца грѣшных скрушится, утвержаеть же праведныя господь. Яко се грѣшници погыбнут; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии его наслѣдят землю, кленущии же его потребятся. От господа стопы человѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьеться, яко господь подъемлеть руку его. Унъ бѣх, и состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милует и в заимъ даеть праведный, и племя его благословлено будет. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка».

«Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».

«Помилуй мя, боже, яко попра мя человѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози *борющиися* со мною свыше». «Возвеселится праведник, и егда видить месть; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судяй земли». «Измий мя от врагъ моихъ, боже, и от встающих на мя отьими мя. Избави мя от творящих безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душю мою». «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость». «Яко лучьши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. *Тако* благословю тя в животѣ моемь, и о имени твоемь въздѣю руцѣ мои». «Покры мя от соньма лукаваго и от множьства дѣлающих неправду». «Възвеселитеся вси праведнии сердцемь. Благословлю господа на всяко время, воину хваля его», и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собрав ту уноша, душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово господне: «Яди *и* питью бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомь, ни хулити бесѣдою,

не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет господь. Как грешники погибнут,— праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то вóды бы потопили нас».

«Помилуй меня, боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику, значит есть бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепоавать словом, не хулить в беседе,

не обило смѣятися, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легких власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ можеть инѣмъ услѣти, от бога мьзды да чаеть и вѣчных благъ насладится». «О Владычице богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего»; в пустошнѣмь семь житьи.

Научися, вѣрный человѣче, быти *благочестию* дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, господа ради; лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ — *люби*, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сожжемъся, глаголеть господь. Аще будут грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я̀», и прочее. «Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ собе, братья, от всякоя крови плотьскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: Слава тобѣ, человѣколюбче!».

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ и́ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего. Яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить ѐ к собѣ, тако же и господь нашь показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко инии добрии терпять, но малым дѣломь улучити милость божью.

«Что есть человѣкъ, яко помниши и́?» «Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдес твоихъ; — и пакы речемъ: велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и там и свѣт, и земля на водах положена, господи, твоимъ промыслом! Звѣрье розноличнии, и птица и рыбы

не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит господь. Если будут грехи ваши как обагренные,— как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои»,— и снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы

украшено твоимъ промысломъ, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человѣка, како образи розноличнии въ человѣчьскыхъ лицих,— аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лиць образом, по божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идут, и первѣе, *въ* наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идут по всѣмъ землямъ, божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, *иже* та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи; егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тобе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, господи, и хваленъ зѣло!» всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, «Да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣм сердцемь и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будеть проклятъ».

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите бога, давшаго нам милость свою: *а* се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего приимете, то половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и нас грѣшных помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночным поклоном и пѣньем человѣкъ побѣжает дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кым орудья, аще инѣх молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будеть повиненъ смерти, а душа не *погубляйте* никакояже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся богомь, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силѣ любите и набдите, да приимете от них молитву... от бога. Паче всего гордости не имѣйте

украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи,— если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше,— нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте

в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробъ; се все, *что ны* еси вдалъ, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам *ни* дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашном и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣм землям любо добрым, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ божий имѣйте выше всего.

Аще забываете *сего*, а часто прочитайте: и мнѣ будеть бе-сорома, и вамъ будеть добро.

Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшет блаженый и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи *мои*, Христе боже, *иже* далъ ми еси свѣтъ твой красный! И еще: господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявъся, оправдивъ животъ», тако похвалю бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци.

в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком,— то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы *с* 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отец, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь с *Гордятичемъ*, той пакы и отъиде к Берестию со Изяславомь, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху *ляхове* пожгли, той ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творитъ с ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь. А на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ,— *ожьгъше* Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ, воюя, та Чернигову. И пакы и-Смолиньска къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах й к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И пакы идохом Переяславлю, и стахом во Обровѣ.

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изьимахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечи и полонъ весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму. И пакы по Изяславичихъ

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили

за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды.

Том же лѣтѣ гонихом по половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъѣхахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой. И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу половечьскыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша одиного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изьимаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи, и богъ ны поможе и святая богородица: *избихом* 900 половець, и два князя *яхом*, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомь на Святославль гонихом по половцих, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ по половцих. И пакы на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомь с Ростиславом же у Варина вежѣ взяхом. И потом ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.

И пакы по отни смерти и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, *бихом* — у Халѣпа, и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечьскими; и у *Глѣбовы* чади пояхом дружину свою всю.

И потом Олегъ на мя приде с Половьчьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимь 8 дний о малу *греблю,* и не вдадуче *внити* имъ въ острогъ; *съжаливъси* хрестьяных душь и селъ горящих и манастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!». И вдахъ брату отца *его* мѣсто, а самъ идох на отця своего мѣсто Переяславлю. И *выидохом* на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхахом сквозѣ полкы половьчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ, богъ и святый Борисъ не да имъ мене в користь,— невредими доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды приях от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе — *избихом я̀,* а другия *поимахом.*

мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах,— бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к половцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолиньску идохом, с Давыдомь смирившеся. Паки, идохом другое с Вороницѣ.

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець Читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. *И-Смолиньска* идох Ростову.

И пакы, с Святополком гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша, и не постигохом ихъ. И потом по Боняцѣ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох; и Гюргева мати умре.

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изьимахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ *Аепою*, и поимъ у него дчерь, идохом Смоленьску. И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на *Урусобу* с Святополком, и богъ ны поможе.

И потом паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потом ходихом *к Воиню* с Святополком; и потом пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и́, ко Ромну идох со Олгомь и з дѣтми на нь, и они *очутивше* бѣжаша.

И потом к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его.

А и-Щернигова до Кыева *нестишьды* ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путий 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половечскых князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня* братьѣ 4, а всѣх лѣпших князий инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Акланъ, Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметах в ту

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусобу со Святополком, и бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и

рѣчку въ *Салню*. По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и *до сего* лѣта по сту *уганивал* и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, *идѣже* со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь диких своима руками связалъ есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того *же* по *ровни* ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже. И богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то я творилъ *есмь*. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь державъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмъ призиралъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, *ни* инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославьляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будет смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти, но *аче* добро есть блюсти, божие блюденье лѣплѣѣ есть человѣчьскаго.

бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божие обережение лучше человеческого.

О многострастный и печалны азъ! Много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати пред страшным судьею, каянья и смѣренья не приимшим межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть». И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить отець вашь небесный». Пророкъ глаголеть: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье». «Что есть добро и красно, *но еже жити* братья вкупѣ!» Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных *дѣдѣх* наших, при добрых и при блаженыхъ отцихъ наших. Дьяволъ бо не *хочет* добра роду человѣчскому, *сваживает* ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ *мой*, его же еси хрстилъ, иже то сѣдить близь тобе, прислалъ ко мнѣ *мужь свой* и грамоту, река: «Ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на бога, а станутъ си пред богомь; а Русьскы земли не погубим». И азъ видѣх смѣренье сына своего, сжалихси, и бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряеться — на бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣх человѣкъ.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоем писаньи. Сими бо словесы варих тя переди, его же почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаяньем, хотя от бога ветхыхъ своихъ грѣховъ *оставления*. Господь бо нашь не человѣкъ есть, но богъ всей *вселенѣи*, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть, то сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владѣя и смертью. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чим има *порты?* но токмо оже еста створила души *своей*. Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи *въ* помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину». Не крове дѣля пролитья,— помазаникъ божий Давыдъ, прелюбодѣянье *створивъ* посыпа главу свою и плакася горко;

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю»,— ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут перед богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но бог всей вселенной,— что захочет, во мгновение ока все сотворит,— и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты,— другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник божий Давид посыпал главу

во тъ час отда ему согрѣшенья его богъ. А к богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя! А бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым *сломь*, да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ.

Тѣм бо путем шли *дѣди и* отци *наши:* судъ от бога ему пришелъ, а *не* от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», *десятью* я есмъ послалъ.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего,— ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и́ паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже* начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья *твоего*, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, *а* того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и пакы е повѣдах, зане человѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь... али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А его же то и хощеши насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и *милосердуюча* по тебѣ, очину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

На страшнѣй при бе-суперник обличаюся. И прочее.

свою и плакал горько,— в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне,— ибо нет в ней ни зла, ни добра,— чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

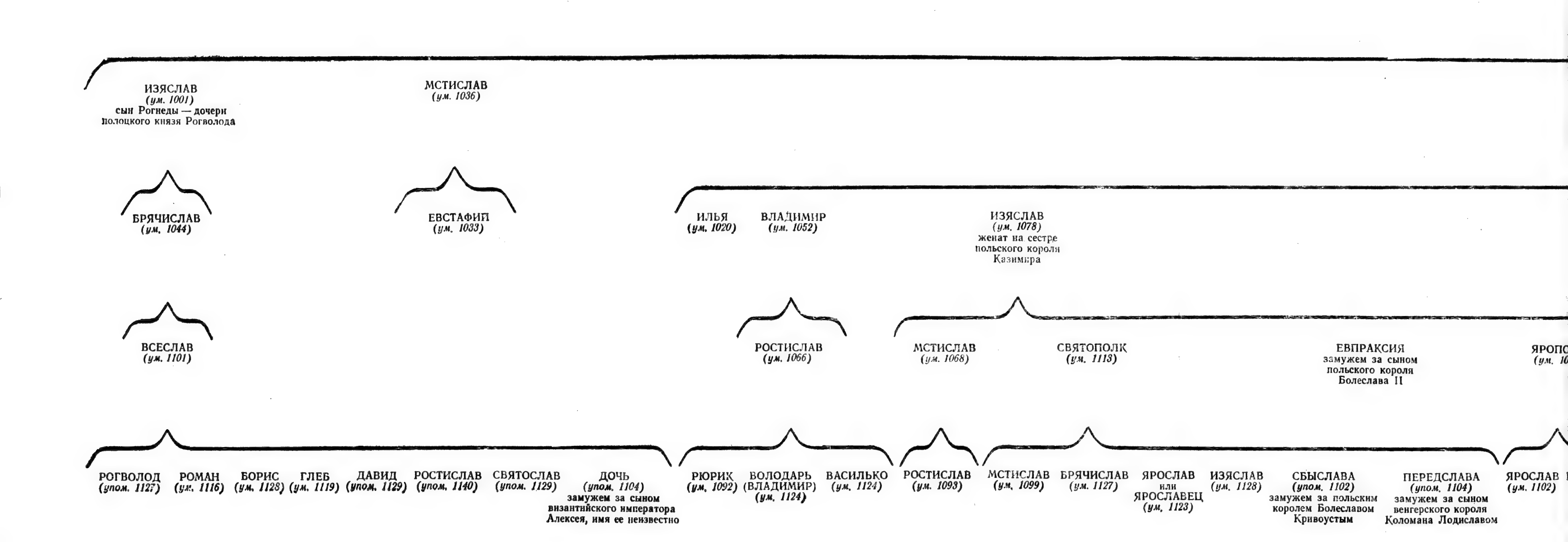
Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее,

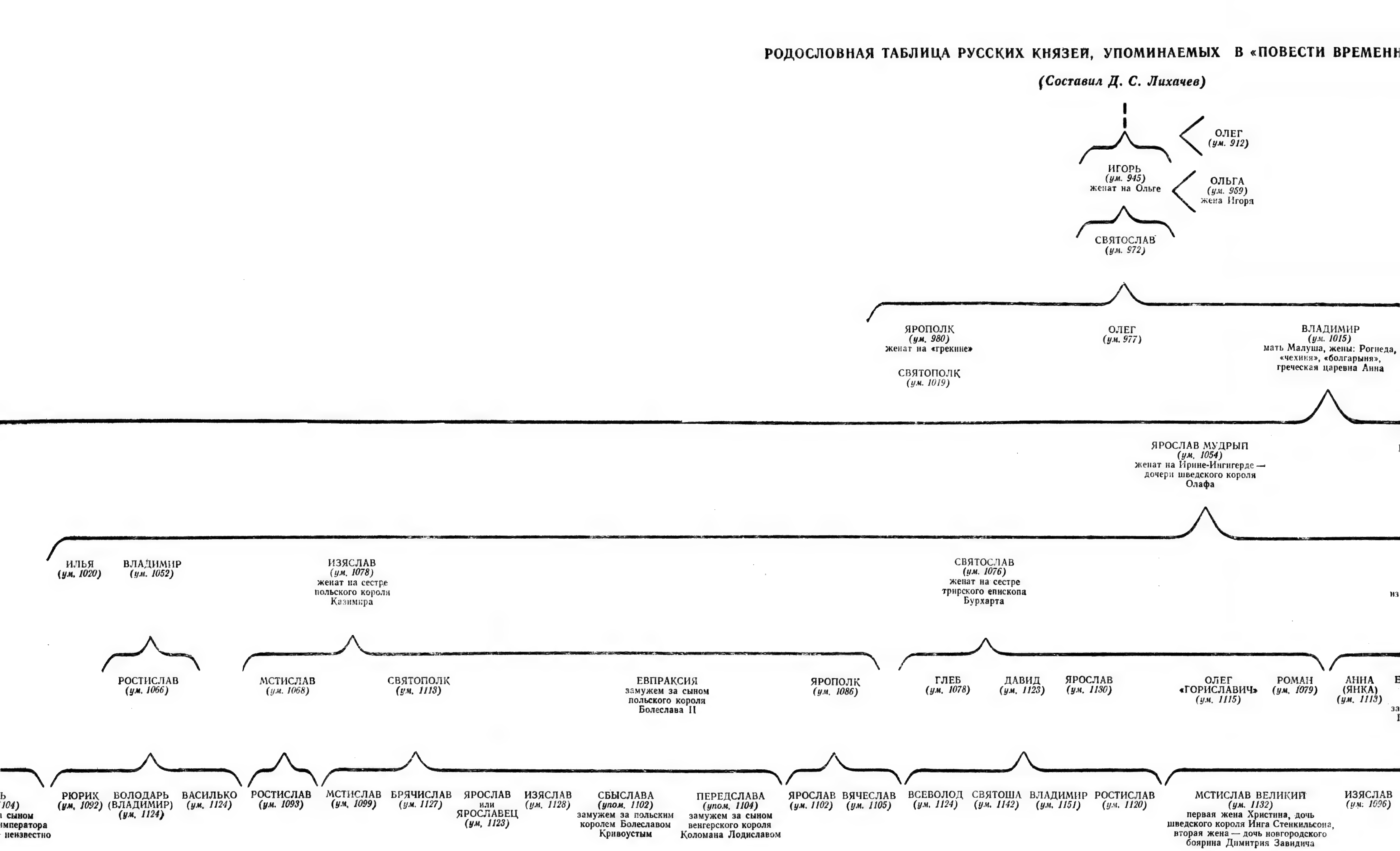
РОДОСЛОВ



ИЗЯСЛАВ
(ум. 1001)
сын Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода
МСТИСЛАВ
(ум. 1036)
БРЯЧИСЛАВ
(ум. 1044)
ЕВСТАФИЙ
(ум. 1033)
ИЛЬЯ
(ум. 1020)
ВЛАДИМИР
(ум. 1052)
ИЗЯСЛАВ
(ум. 1078)
женат на сестре польского короля Казимира
ВСЕСЛАВ
(ум. 1101)
РОСТИСЛАВ
(ум. 1066)
МСТИСЛАВ
(ум. 1068)
СВЯТОПОЛК
(ум. 1113)
ЕВПРАКСИЯ
замужем за сыном польского короля Болеслава II
ЯРОПО
(ум. 1
РОГВОЛОД
(упом. 1127)
РОМАН
(ум. 1116)
БОРИС
(ум. 1128)
ГЛЕБ
(ум. 1119)
ДАВИД
(упом. 1129)
РОСТИСЛАВ
(упом. 1140)
СВЯТОСЛАВ
(упом. 1129)
ДОЧЬ
(упом. 1104)
замужем за сыном византийского императора Алексея, имя ее неизвестно
РЮРИК
(ум. 1092)
ВОЛОДАРЬ (ВЛАДИМИР)
(ум. 1124)
ВАСИЛЬКО
(ум. 1124)
РОСТИСЛАВ
(ум. 1093)
МСТИСЛАВ
(ум. 1099)
БРЯЧИСЛАВ
(ум. 1127)
ЯРОСЛАВ
или
ЯРОСЛАВЕЦ
(ум. 1123)
ИЗЯСЛАВ
(ум. 1128)
СБЫСЛАВА
(упом. 1102)
замужем за польским королем Болеславом Кривоустым
ПЕРЕДСЛАВА
(упом. 1104)
замужем за сыном венгерского короля Коломана Лодиславом
ЯРОСЛАВ
(ум. 1102)

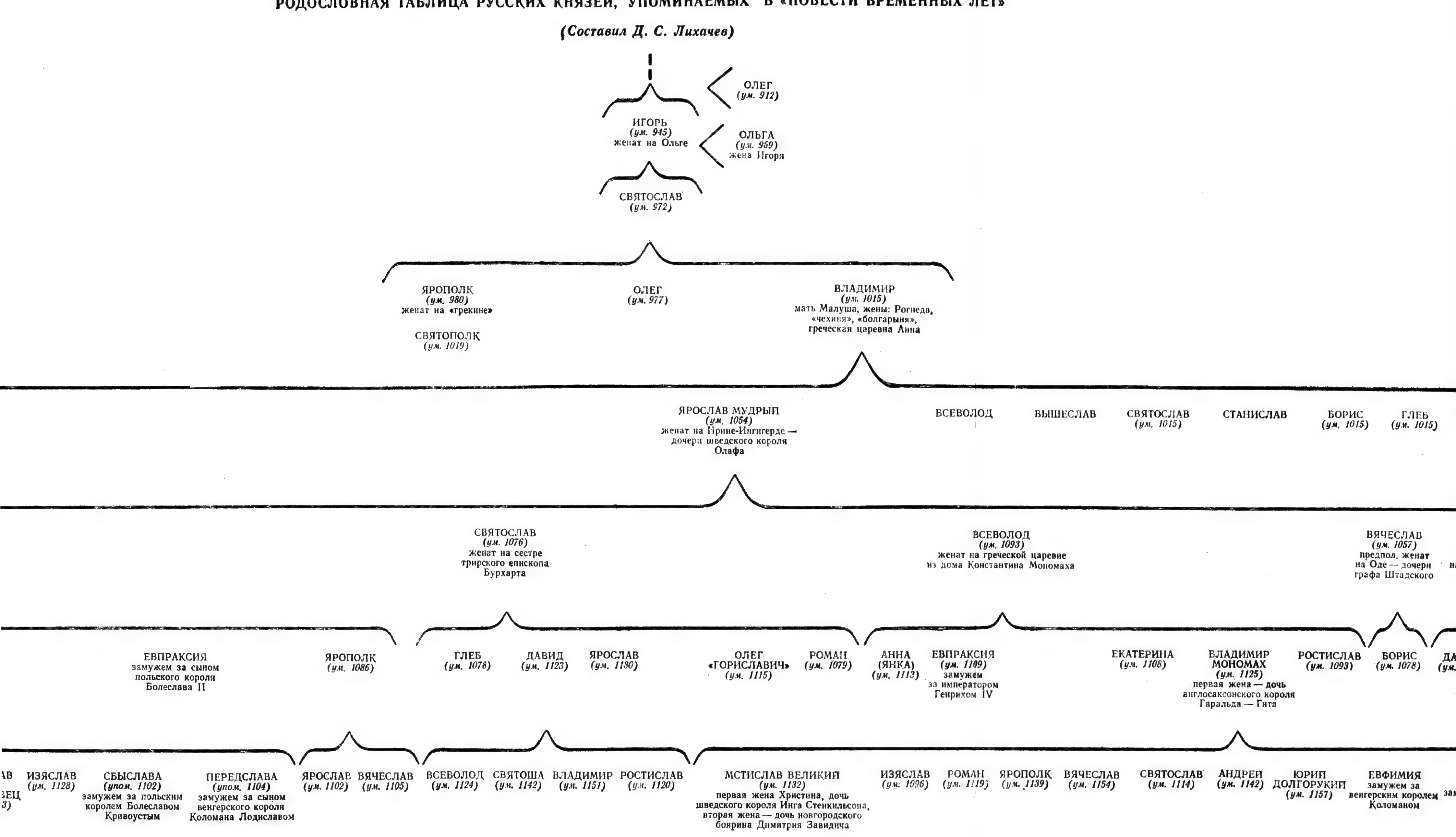
РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА РУССКИХ КНЯЗЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕНН

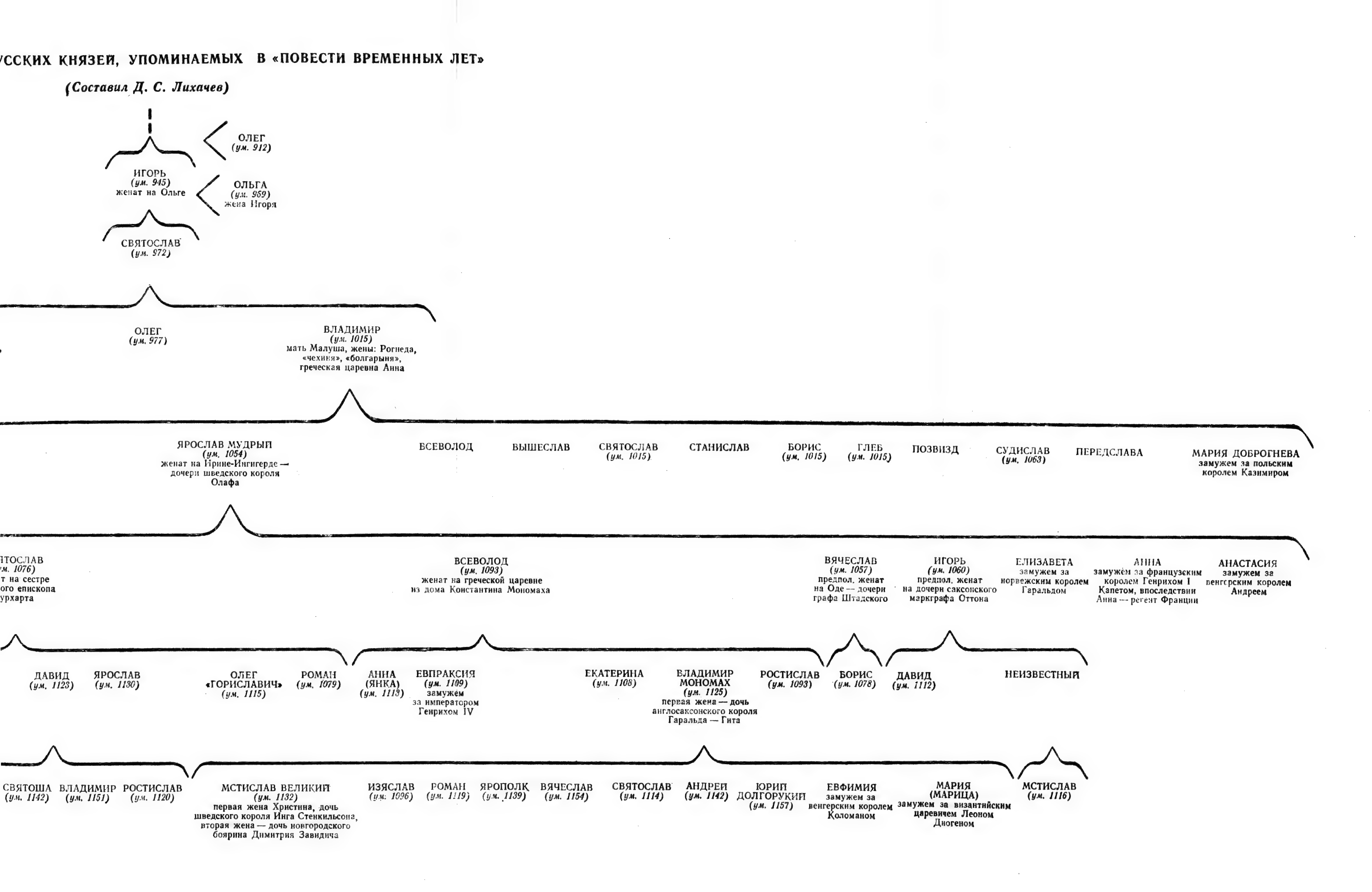
(Составил Д. С. Лихачев)

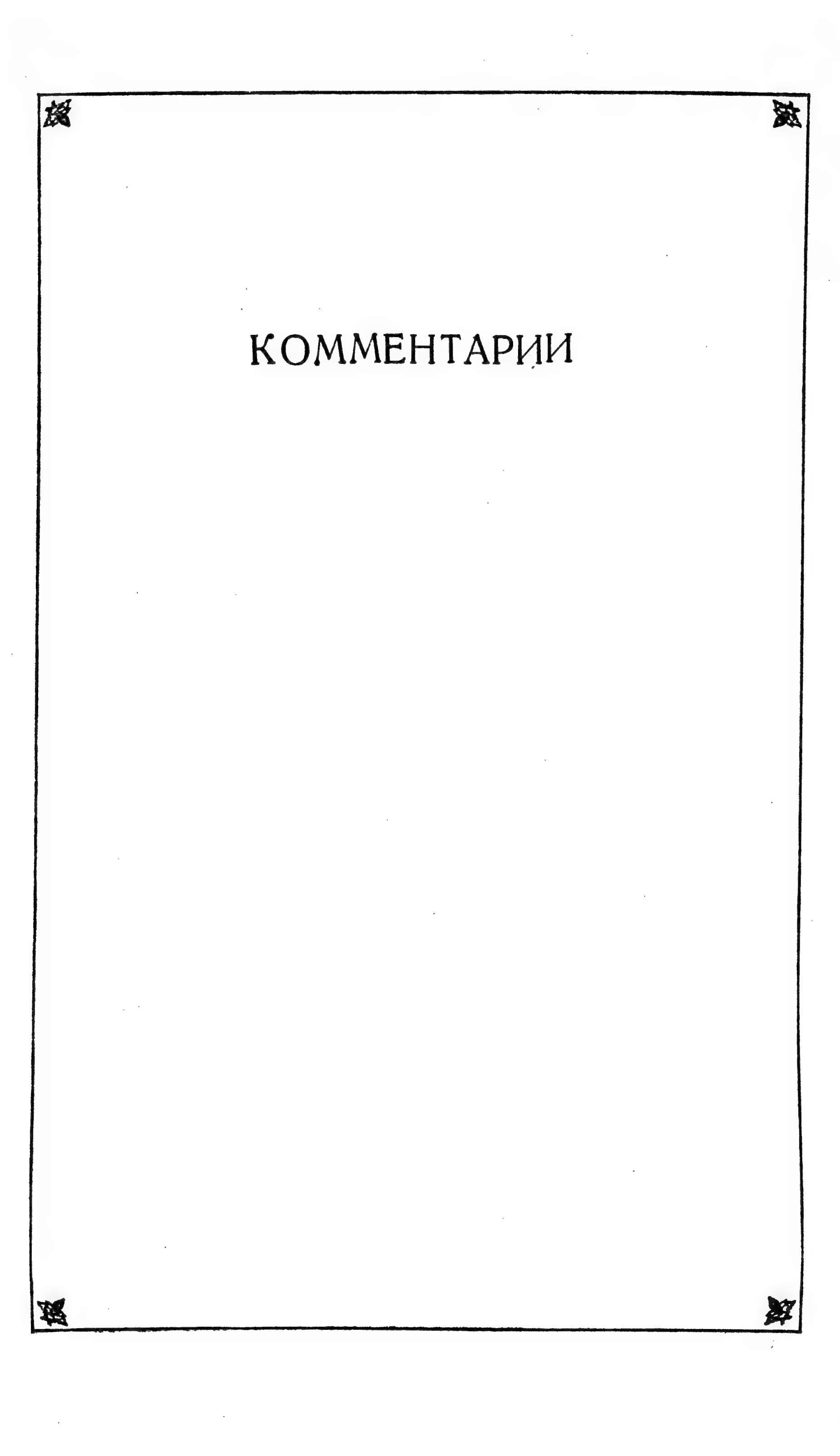


РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА РУССКИХ КНЯЗЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

(Составил Д. С. Лихачев)




УССКИХ КНЯЗЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
(Составил Д. С. Лихачев)
ОЛЕГ (ум. 912)
ИГОРЬ (ум. 945) женат на Ольге
ОЛЬГА (ум. 969) жена Игоря
СВЯТОСЛАВ (ум. 972)
ОЛЕГ (ум. 977)
ВЛАДИМИР (ум. 1015) мать Малуша, жены: Рогнеда, «чехиня», «болгарыня», греческая царевна Анна
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ (ум. 1054) женат на Ирине-Ингигерде — дочери шведского короля Олафа
ВСЕВОЛОД
ВЫШЕСЛАВ
СВЯТОСЛАВ (ум. 1015)
СТАНИСЛАВ
БОРИС (ум. 1015)
ГЛЕБ (ум. 1015)
ПОЗВИЗД
СУДИСЛАВ (ум. 1063)
ПЕРЕДСЛАВА
МАРИЯ ДОБРОГНЕВА замужем за польским королем Казимиром
ЯТОСЛАВ
м. 1076)
т на сестре
ого епископа
урхарта
ВСЕВОЛОД (ум. 1093) женат на греческой царевне из дома Константина Мономаха
ВЯЧЕСЛАВ (ум. 1057) предпол. женат на Оде — дочери графа Штадского
ИГОРЬ (ум. 1060) предпол. женат на дочери саксонского маркграфа Оттона
ЕЛИЗАВЕТА замужем за норвежским королем Гаральдом
АННА замужем за французским королем Генрихом I Капетом, впоследствии Анна — регент Франции
АНАСТАСИЯ замужем за венгерским королем Андреем
ДАВИД (ум. 1123)
ЯРОСЛАВ (ум. 1130)
ОЛЕГ «ГОРИСЛАВИЧ» (ум. 1115)
РОМАН (ум. 1079)
АННА (ЯНКА) (ум. 1113)
ЕВПРАКСИЯ (ум. 1109) замужем за императором Генрихом IV
ЕКАТЕРИНА (ум. 1108)
ВЛАДИМИР МОНОМАХ (ум. 1125) первая жена — дочь англосаксонского короля Гаральда — Гита
РОСТИСЛАВ (ум. 1093)
БОРИС (ум. 1078)
ДАВИД (ум. 1112)
НЕИЗВЕСТНЫЙ
СВЯТОША (ум. 1142)
ВЛАДИМИР (ум. 1151)
РОСТИСЛАВ (ум. 1120)
МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ (ум. 1132) первая жена Христина, дочь шведского короля Инга Стенкильсона, вторая жена — дочь новгородского боярина Димитрия Завидича
ИЗЯСЛАВ (ум. 1096)
РОМАН (ум. 1119)
ЯРОПОЛК (ум. 1139)
ВЯЧЕСЛАВ (ум. 1154)
СВЯТОСЛАВ (ум. 1114)
АНДРЕЙ (ум. 1142)
ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ (ум. 1157)
ЕВФИМИЯ замужем за венгерским королем Коломаном
МАРИЯ (МАРИЦА) замужем за византийским царевичем Леоном Диогеном
МСТИСЛАВ (ум. 1116)



КОММЕНТАРИИ

Публикуемые в этой книге произведения были созданы в Киевской Руси во второй половине XI — начале XII в. В то же время именно эти произведения — и особенно «Повесть временных лет»— являются основными историческими источниками, из которых мы узнаем о событиях первых веков существования древнерусского государства.

История Руси до конца X в. известна нам по поздним преданиям, записанным летописцами в середине XI — начале XII в. Поэтому очень сложно отделить в этих преданиях следы действительных событий от легендарных сюжетов. Легендарный элемент, несомненно, значителен в рассказах об Олеге, Игоре, Ольге. Тем не менее реальность новгородского князя Рюрика и киевских князей Олега, Игоря, княгини Ольги, Святослава не вызывает сомнений; походы Олега, Игоря и Святослава на Константинополь, так же как и поездка туда русского посольства во главе с Ольгой,— факты, засвидетельствованные также и византийскими источниками. После гибели Святослава, сына Игоря, между его сыновьями разразилась междоусобная война, победителем вышел Владимир, объединивший в своих руках все русские земли. При Владимире Русь официально принимает христианство, оно становится теперь государственной религией. Брак Владимира с царевной Анной — сестрой византийских императоров-соправителей Василия II и Константина — еще более укрепил связи Руси с этой могущественной европейской державой. Принятие христианства имело немалые благотворные последствия для русской культуры — на Русь пришла из Болгарии славянская письменность, начинают активно переписываться и переводиться книги — не только богослужебные, но и литературные произведения, исторические хроники, естественнонаучные сочинения, жития святых, сборники изречений и т. д. В короткий период — во времена Владимира и особенно его сына Ярослава — Русь приобщается к высокой книжной культуре Болгарии и Византии. Одновременно возникает и начинает бурно развиваться и оригинальная русская литература.

После смерти Владимира Святославича в 1015 г. Русь, разделенная им на уделы, отданные двенадцати его сыновьям, вновь становится ареной междоусобиц. Приемный сын Владимира Святополк убивает своих сводных братьев Бориса, Глеба и Святослава. Против Святополка выступает новгородский князь Ярослав Владимирович; в 1019 г. он одолевает Святополка и занимает киевский стол. Однако «тишина велика» настает на Руси лишь в 1026 г., когда Ярослав заключает мир со своим братом Мстиславом, князем тмутороканским: правобережье Днепра признается владением Ярослава, а левобережье — Мстислава. После смерти брата в 1036 г. Ярослав

становится единоличным правителем Руси. По завещанию Ярослава (он умер в 1054 г.) Русь снова дробится на уделы между пятью его сыновьями. Киевским князем становится старший из них — Изяслав. В 1073 г. его изгоняют из Киева братья — Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. Святослав княжит в Киеве до своей смерти в 1076 г., затем киевский стол ненадолго переходит ко Всеволоду, но тот возвращает его Изяславу. После гибели Изяслава в 1078 г. Всеволод становится киевским князем. Но междоусобные распри не прекращаются: их участниками являются внуки Ярослава — Олег Святославич («Олег Гориславич» «Слова о полку Игореве»), Ярополк Изяславич, Владимир Всеволодович (Мономах). После смерти Всеволода престол переходит к Святополку Изяславичу, сыну старшего из Ярославичей. В 1097 г. князья, собравшись на очередной съезд в г. Любече, устанавливают новый принцип наследования: «кождо да держит отчину свою», то есть власть в Киевской земле, как и в любом другом уделе, переходит не к старшему в роде Ярославичей, а от отца к сыну. Так признается автономность феодальных центров, ослабевает централизующая роль киевского князя. Но и новый порядок не избавил страну от феодальных раздоров: сразу же после Любечского съезда Святополк Изяславич и Давыд, князь Владимира Волынского, схватили и ослепили теребовльского князя Василька Ростиславича. В эти события оказываются втянутыми почти все князья Правобережья Днепра, а также Венгрия и Польша. Большая роль в попытках умиротворить княжеские раздоры принадлежит в эти годы Владимиру Всеволодовичу Мономаху, сыну Всеволода Ярославича. После смерти в 1113 г. киевского князя Святополка Изяславича в городе происходит восстание. Киевская знать обращается за помощью к Владимиру Мономаху; он путем разного рода экономических и социальных уступок успокаивает восставших и по просьбе киевлян остается у них князем. На киевском столе Мономах находится до своей смерти в 1125 г.

Такова в самых общих чертах канва исторических событий, отразившихся в «Повести временных лет», «Сказании о Борисе и Глебе», «Житии Феодосия Печерского», «Поучении» Владимира Мономаха.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

«Повесть временных лет» — летопись, рассказывающая о происхождении Русской земли, о первых русских князьях и о событиях X — начала XII в., — впервые начала изучаться еще в XVIII в. Долгое время ученые полагали, что «Летопись Нестора», как называли тогда «Повесть временных лет», — древнейший памятник русского летописания, и лишь значительно позднее, в конце XIX в., в результате исследований академика А. А. Шахматова было установлено, что русское летописание возникло еще в XI в. и что «Повести временных лет» предшествовали другие, не дошедшие до нашего времени летописные своды:[1] Древнейший свод (конца 30-х гг. IX в.),

[1] Летопись, как правило, является «сводом», так как в ней соединяется текст предшествующей летописи (или нескольких летописей), а также других произведений (документов, повестей, житий святых и т. д.) с текстом, принадлежащим самому летописцу.

Свод Никона (70-х гг. XI в.), Начальный свод (1093—1095), отразившийся в Новгородской первой летописи. Сама же «Повесть временных лет» была написана Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря, около 1113 г. В основу «Повести временных лет» Нестор положил Начальный свод, но значительно переработал его и дополнил. Летописец предпослал рассказу о истории Руси обширное историко-географическое введение, в котором изложил существовавшие тогда взгляды на происхождение славян, на место русских среди других славянских народов; он описал территорию Руси, быт и нравы населявших ее племен. Помимо летописных источников Нестор использовал переводную византийскую хронику — Хронику Георгия Амартола [1], включил в «Повесть временных лет» тексты договоров русских князей с Византией; он пересказал в своей летописи некоторые народные предания — о сожжении Ольгой древлянского города Искоростеня, о победе юноши-кожемяки над печенежским богатырем, об осаде печенегами Белгорода. Наконец Нестор продолжил повествование Начального свода описанием событий конца XI — начала XII в. Именно под пером Нестора «Повесть временных лет» превратилась в стройное, подчиненное единой концепции и литературно совершенное произведение о первых веках русской истории.

Текст Нестора в своем первоначальном виде до нас не дошел: в 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром, при этом переделке подверглась, видимо, лишь заключительная часть «Повести». Так возникла вторая редакция «Повести временных лет», которая читается в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., а также в составе Радзивиловской и Московско-Академической летописей XV в. В 1118 г. создается еще одна — третья редакция «Повести временных лет». Она дошла до нас в составе списков Ипатьевской летописи, старший из которых — Ипатьевский, датируется первой четвертью XV в., а остальные XVI—XVII вв.

«Повесть временных лет» не только ценнейший источник по истории Руси, но и блестящее литературное произведение. И сам Нестор и его предшественники — летописец Никон и создатель Начального свода (имени его мы не знаем) были высоко образованными людьми, прекрасными стилистами, они стремились не только изложить суть исторических событий, но и рассказать о них живо и интересно; поэтический колорит придают «Повести временных лет» и вошедшие в нее пересказы эпических преданий. «Повесть временных лет» занимает почетное место в ряду лучших памятников древнерусской литературы [2].

---

[1] Георгий Амартол изложил в своей Хронике события от «сотворения мира» до 864 г.; позднее Хроника была дополнена изложением событий с 864 по 948 г. (эта часть Хроники принадлежала Симеону Логофету). Однако мы далее во всех случаях говорим о Хронике Амартола, не различая в ней основного и дополнительного текстов.

[2] Подробней о «Повести временных лет» см.: Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, с. 22—111.

* * *

Текст «Повести временных лет» второй редакции издается по Лаврентьевской летописи (рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр. F. п. № 2). В этой летописи из-за утраты листов пропущен текст, начиная с середины статьи 898 г. и до статьи 921 г. включительно. Этот пропуск восполняется по Радзивиловской летописи (рукопись Библиотеки Академии наук СССР, шифр. 34.5.30), отражающей, как сказано выше, ту же вторую редакцию «Повести временных лет». Многочисленные пропуски и ошибки в тексте Лаврентьевской летописи восполняются по той же Радзивиловской летописи, а в исключительных случаях и по другим летописным сводам. Все добавленные или исправленные слова выделяются курсивом. Пропущенные слова (в основном это слова ошибочно повторенные писцом) не оговариваются. Сведения об источниках исправлений читатель может получить в издании «Повести временных лет» в серии «Литературные памятники»[1]. Смысловые исправления, впервые внесенные в нашем издании, оговариваются в примечаниях. Текст передан с орфографическими упрощениями: полностью воспроизведены слова, которые в рукописи написаны с сокращениями, не употребляемые сейчас буквы («юс малый», «фита», «ижица» и др.) заменены соответствующими им буквами современного алфавита, буквы «ъ», «ь» и «ѣ» во всех случаях сохраняются[2].

В примечаниях к тексту «Повести временных лет» приняты следующие условные сокращения:

Новгород. перв. лет. — Новгородская первая летопись младшего извода. В кн.: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М. — Л., 1950.

ПВЛ, ч. 1 — «Повесть временных лет». Ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова (серия «Литературные памятники»). М. — Л., 1950.

ПВЛ, ч. 2 — «Повесть временных лет». Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева (серия «Литературные памятники»). М. — Л., 1950.

Хроника Амартола — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I. Текст. Пг., 1920.

Стр. 22. *По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ.* — О разделе земли после потопа рассказывается в Библии (книга Бытия). Следующий далее перечень «земель» и островов в большей своей части заимствован Нестором у Амартола (см. *Хроника Амартола,* с. 58—59). Упоминаемые области и страны по преимуществу расположены по берегам Средиземного моря, а также на территории современных Ирака, Ирана и советских среднеазиатских республик.

---

[1] «Повесть временных лет». Ч. 2. М.— Л., 1950, с. 182—202.

[2] С более точным воспроизведением текста «Повести временных лет» можно познакомиться по изданию его в Полном собрании русских летописей (т. I, вып. I, изд. 2-е. Л., 1926; это издание фототипически воспроизведено в 1962 г.) или по фототипическому воспроизведению летописного текста в кн.: «Повесть временных лет» по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1872.

Словѣне. — Упоминание о славянах добавлено Нестором (в тексте Амартола оно отсутствует); из статьи 898 г. летописец сделал вывод, что славяне обитали в районе Иллирии (здесь — Илюрик), на северо-восточном побережье Адриатического моря, поэтому он вставил упоминание о славянах именно в данном месте.

...до Понетьского моря... — Понетьское море (Понт) — греческое название Черного моря. С этих слов начинается другой источник, описывающий земли, заселенные славянами и сопредельными с ними народами и племенами. Возможно, что это остаток текста Начального свода.

...Кавкаисинския горы, рекше Угорьски... — Имеются в виду Карпаты.

Стр. 24. *...чюдь и вси языци: меря, мурома... любь.* — Перечисляются финские и балтийские племена, населявшие районы от Балтийского моря на западе до верхнего Поволжья на востоке.

Пруси — балтийское племя пруссов, обитавшее на юго-восточном берегу Варяжского (Балтийского) моря.

...до Волошьски... — Волохами древние славяне называли романские народы; возможно, что здесь имеется в виду Италия.

И умножившемъся человѣкомъ на земли.... — Далее следует пересказ библейской легенды о вавилонском «столпотворении», с помощью которой в средневековье объясняли возникновение различных языков.

...въ дни Нектана и Фалека. — Нектан (Иоктан) и Фалек упоминаются в Библии — это братья, сыновья Евера, потомка Сима.

...5433 локти... — Локоть — древнерусская мера длины (около 46 см).

...нарци, еже суть словѣне. — Нарци (норики) — жители римской провинции Норик, расположенной по течению Дуная. Кем-то из древнерусских книжников они были отождествлены со славянами.

...хровате бѣлии, и серебь и хорутане. — Белые хорваты обитали к востоку от Карпат; серебь и хорутане — предки современных сербов и словенцев.

Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския... — Речь идет, вероятно, о римлянах (см. прим. к с. 40).

...а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне... ини поморяне. — Здесь речь идет не о поднепровских полянах, а о западнославянском племени полян, занимавшем территорию по среднему течению Одры и Варты. Упомянутые далее лютичи обитали западнее Одры, мазовшане — по берегам Вислы, поморяне — на южном берегу Балтийского моря.

Стр. 26. *сдѣлаша градъ и нарекоша й Новъгородъ.* — По современным данным славянские поселения на месте будущего Новгорода возникли в IX—X вв., новгородский «детинец» (кремль) упоминается в летописи впервые под 989 г.

...и нарекошася сѣверъ. — Существует гипотеза, что «север» («северо») — это название племенного союза восточных славян, из которого впоследствии выделились поляне, деревляне, дреговичи и т. д. Оно восходит к названию территории, на которой обитало одноименное племенное объединение сармато-алан, вытесненное славянами на юго-восток в нач. VIII в. н. э.

...в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское. — Имеется в виду Ладожское озеро и Балтийское море.

...в море Хвалисьское — в Каспийское море.

...в Болгары и въ Хвалисы... — Имеются в виду волжские болгары (тюрки по происхождению), обитавшие в районе впадения Камы в Волгу; хвалисы — жители Хорезма, государства, расположенного в нижнем течении Амударьи. В XI—XII вв. между Хорезмом и Русью поддерживались торговые и политические контакты.

Оньдрѣю учащю въ Синопии... поиде по Днѣпру горѣ. — В средневековых византийских легендах рассказывалось, как апостол Андрей проповедовал в землях по берегам Черного моря и, в частности, в Скифии. Видимо, эти апокрифические предания получили дальнейшее развитие на Руси: апостолу было приписано путешествие из Синопа (город на северном берегу Малой Азии) в Рим, по Днепру, Волхову, Балтийскому морю и далее — вокруг Европы. Каким-то образом к этой легенде был присоединен и рассказ о новгородских банях. Когда легенда об апостоле Андрее была вставлена в текст летописи, сказать трудно: полагают, что это было сделано кем-то из последующих редакторов «Повести временных лет», так как сообщение о посещении апостолом Руси (вернее — земель, на которых впоследствии возникнет Русское государство) противоречит утверждению из статьи 983 г., что в Киеве «и тѣлом апостоли не суть... были».

...ис Корсуня... — из Херсонеса; см. прим. к с. 64.

...одва вылезут лѣ живи... — В Лаврентьевской летописи «егда влѣзуть ли живи»; исправлено по Московско-Академической летописи.

Стр. 28. *И быша 3 братья... и сестра ихъ Лыбедь.* — Легенды о наименовании городов по имени их основателей широко распространены в античной и средневековой историографии. Эта традиция отразилась, в частности, во введении к Начальному своду: «Якоже древле царь Римъ, назвася и во имя его город Римъ; и паки Антиохъ, и бысть Антиохиа великаа; и паки Селевки, и бысть Селевкиа; и паки Александри, и бысть въ имя его Александриа; и по многая мѣста тако прозвани быша грады в имена царев тѣхъ и князей тѣхъ: тако жъ и в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия» (*Новгород. перв. лет.*, с. 103). Легенда об основании Киева тремя братьями весьма древняя: она зафиксирована армянским историком VII в. Зенобом Глаком. Он рассказывает об основании Куара (Киева) Куаром, Ментеем и Хереаном; имена Куара и Хереана явно напоминают имена Кия и Хорива. Археологи подтверждают, что на месте Киева до конца X в. действительно существовало три поселения, названия которых, вероятно, соотносились с именами их легендарных основателей; впоследствии это явилось поводом для возникновения легенды о трех братьях. Имя сестры их соотносится с названием речки Лыбедь, протекавшей по территории древнего Киева.

...увозъ Боричевъ... — дорога, спускавшаяся с горы, где расположена центральная часть Киева, к Подолу, на низменном берегу Днепра.

...на Клещинѣ озѣре... — на Переяславском озере — ныне озеро Плещеево на юге Ярославской области.

...от скуфъ, рекше от козаръ... — Произвольное отождествление скифов, государство которых прекратило свое существование в III в. н. э., и хазар (см. ниже прим. к с. 32) восходит к византийским источникам.

Посемь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣньску. — Исследователи спорят о том, какой народ имеется здесь в виду. По мнению венгерского ученого Й. Перени, речь идет о тюркском племени «оногуров», в VI—VII вв. вторгшемся на Балканский полуостров. Именно этих «угров» — «оногуров» византийский император Ираклий (610—641) использовал в войне с иранским царем Хосровом II (590—628).

Стр. 28—30. *Въ си же времяна быша и обри... мало его не яша.* — Авары (по-древнерусски — «обры») — союз племен, преимущественно тюркоязычных, образовавших в VI в. так называемый Аварский каганат, пределы которого простирались от Дона на востоке до Эльбы и Адриатического моря на западе; центром каганата была Паннония (территория современной Венгрии). Сведения о борьбе византийцев с аварами летописец почерпнул из *Хроники Амартола* (см. с. 434).

Стр. 30. *...и примучиша дулѣбы, сущая словѣны...* — Полагают, что речь идет о дулебах — славянском племени, обитавшем в Паннонии, где гнет авар был особенно значительным.

Печенѣзи — союз тюркских племен. В конце IX в. печенеги заняли Северное Причерноморье от Дона до Дуная.

...угри черниии... — В отличие от «белых угров» («оногуров») здесь упоминаются собственно угры (венгры), в конце IX в. вытесненные на территорию современной Венгрии из Северного Причерноморья печенегами.

Бяста бо 2 брата в лясѣх,— Радимъ, а другий Вятко... — Вероятно, эти легендарные имена приводятся летописцем для объяснения происхождения названий племен (см. выше, о именовании городов по их основателям; далее название туровцев возводится к легендарному Туры); археологический материал не подтверждает близости радимичей к западным славянам.

...и възложахуть й на кладу... — Возможно, следует читать как в Радзивиловском списке — «на краду». Судя по греческому эквиваленту, это слово могло обозначать «погребальный костер», но этот редкий термин в некоторых списках летописи заменили на слово «клада», созвучное и подходившее по смыслу. «Клада» — это гроб, выдолбленный из ствола дерева.

Стр. 32. *Глаголеть Георгий в лѣтописаньи.* — Далее следует фрагмент из византийской *Хроники Георгия Амартола* (IX в.), излагавшей всемирную историю от «сотворения мира» до середины IX в., а с дополнением, сделанным еще на греческой почве,— до середины X в. Древнерусским переводом этой Хроники не раз пользуется составитель «Повести временных лет».

...у вактриянъ, глаголеми врахмане и островьници... — Вактриане — жители Бактрии (государства, существовавшего в Средней Азии); здесь они отождествлены с рахманами — легендарным народом праведников, обитающим на «островах блаженных». О посещении земли рахманов Александром Македонским рассказывалось в эллинистическом романе об Александре (так называемой «Александрии»).

...халдѣемъ... — Халдеи — племя, обитавшее в низовьях Тигра и Евфрата.

Инъ же законъ гилиомь... — Возможно, что имеются в виду гелы — скифское племя, обитавшее юго-западнее Каспийского моря.

Амазоне — амазонки, легендарный народ женщин-воительниц.

Ятрови. — Ятровь — сноха, невестка.

...по смерти братьѣ сея... — Кия, Щека и Хорива.

И наидоша я̌ козарѣ... — Государство хазар (хазарский каганат) в VII—X вв. располагалось между Доном и нижним течением Волги и южнее, на территории вплоть до северных отрогов Кавказских гор. Приведенная далее легенда, по мнению летописца, свидетельствует, что по божественному предопределению славянские племена не только перестанут в скором времени платить дань хазарам, но и сами станут облагать их данью. Эта же идея побудила летописца привести и историческую параллель — библейскую легенду о Моисее, которому с божественной помощью удалось покарать египетского фараона.

Стр. 34. *Въ лѣто 6360...* — Летоисчисление в Древней Руси велось от «сотворения мира»; для перевода на современное летоисчисление требуется отнять от древнерусской даты 5507 или 5508 лет.

...индикта 15... — В «Повести временных лет» после слова «индикта» ошибочно добавлено слово «день»; речь должна идти именно о 15-м индикте; индикты — пятнадцатилетние циклы, применявшиеся в византийском летоисчислении.

...начешію Михаилу царствовати... — Фактически византийский император Михаил III вступил на престол не в 852 (6360) г., а в 842 г.

«От Адама до потопа лѣт 2242... до Михаила сего лѣт 542». — Подобные краткие хронологические выкладки широко распространены как в византийской, так и в древнерусской письменности. Временные дистанции в них порой значительно различаются. В данном перечне упомянуты библейские персонажи — Адам, праотец Авраам; «исход» евреев, возглавляемых Моисеем, из Египта; цари Израильско-Иудейского царства — Давид (1004—965 гг. до н. э.) и Соломон (965—928 гг. до н. э.); захват Иерусалима Навуходоносором (597 г. до н. э.); Александр Македонский (336—323 гг. до н. э.), римский император Константин Великий (с 306 г. н. э. — «август», в 324—337 гг. — император) и византийский император Михаил III (842—867). Согласно «Повести временных лет» упоминаемые далее русские князья вступили на великокняжеский стол: Олег в 879 г., Игорь в 913 г., Святослав в 946 г., Ярополк в 973 г., Владимир в 980 г., Ярослав в 1019 г. (или в 1016 г.). Как видим, расчеты хронологической выкладки и летописи не совпадают.

...от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60. — Святополк Изяславич умер в 1113 г. Следовательно, данное место в летописи написано не ранее этого года; полагают, что в 1113 г. и была составлена первая редакция «Повести временных лет».

Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на болгары. — По предположению Э. Г. Зыкова, здесь использован какой-то болгарский летописный источник. Во-первых, текст фрагмента значительно отличается от соответствующего рассказа *Хроники Амартола* (см. с. 508), тогда как в прочих случаях летописец строго следует тексту Хроники, а во-вторых, ошибка в датировке (крещение Бориса произошло не в 857/858 г., а в 865/866 г.) может быть объяснена тем, что в болгарском источнике применялась иная система летоисчисления (так называемая «александрийская эра», отличающаяся от традиционной византийской системы летоисчисления на 8 лет).

Стр. 36. *И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».* — Легенда о призвании трех братьев-варягов (Рюрика, Синеуса и Трувора), приход которых на Русь будто бы положил начало государственности, порождена несколькими факторами. Во-первых, для античной и средневековой историографии было характерно возводить правящую династию к мифическому персонажу или к иноземцу: тем самым устранялась возможность соперничества местных знатных родов. Летописцы, возводя род киевских князей к варягу Рюрику, с одной стороны, укрепляли права потомков Игоря (который по этой версии объявлялся сыном Рюрика), а во-вторых, лишний раз оберегали свои политические права от посягательств Византии. Норманны же, от которых, согласно легенде, ведет начало великокняжеская династия, в XI—XII вв. не представляли какой-либо политической угрозы для Русского государства.

Легенда о призвании варягов возникла сравнительно поздно, видимо, в Своде Никона (полагают, что он услышал ее от новгородца Вышаты). Характерно, что «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и «Память и похвала князю русскому Владимиру» — памятники первой половины XI в. — возводят киевскую княжескую династию к Игорю. Д. С. Лихачев и Л. В. Черепнин предполагают новгородское происхождение легенды о призвании варягов: именно в Новгороде существовала практика «приглашать» князей. Подробнее см.: *ПВЛ, ч. 2,* с. 234—244.

...ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. — Как полагает Д. С. Лихачев, речь идет здесь о родовой принадлежности, а не родовом происхождении: новгородские славяне этнически таковыми и остались, но теперь во главе их стал варяжский род.

И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина... — Говоря об Аскольде и Дире, летописец специально подчеркивает, что князья, захватившие Киев, всего лишь приближенные Рюрика, но «не племени его». Это должно оправдать убийство Аскольда и Дира Олегом, который действовал от имени Игоря, согласно летописной версии — сына Рюрика.

«...и мы сѣдимъ, родъ ихъ, платяче дань козаромъ». — В Лаврентьевской и Троицкой летописях читается: «а мы сѣдимъ платяче дань родомъ их козаромъ». Совершенно очевидно, что текст здесь испорчен (в Радзивиловской и Московско-Академической летописях слова «родом их» пропущены): в «Повести временных лет» выше говорится, что Кий, Щек и Хорив происходили из рода полян, и после смерти их «род их» продолжал княжить полянами; следовательно, и в данном случае речь идет о потомках («роде») основателей Киева. Поэтому текст исправлен по смыслу на основании Ипатьевской летописи, где говорится: «сѣдимъ, роды ихъ и платимы дань козаром».

Иде Асколдъ и Диръ на греки, и прииде въ 14 лѣто Михаила царя. — Согласно византийским источникам, русские корабли появились под стенами Константинополя в июне 860 г. Имена предводителей похода не указываются, скорее всего Аскольд и Дир были объявлены руководителями похода лишь в «Повести временных лет»: в Начальном своде (см. *Новгород. перв. лет.,* с. 105) эти князья в рассказе о походе не называются.

Царю же отшедшю на огаряны... вратися царь. — Агарянами называли восточные народы, считая, что они происходят от Агари — наложницы Измаила, сына Авраама. Черная река — вероятно, река Мавропотамон, в центральной части полуострова Малая Азия. Эпарх — правитель города (имеется в виду эпарх Константинополя).

...внутрь Суду вшедше... — Константинополь расположен на полуострове, омываемом с юга Мраморным морем, а с северо-востока — заливом Золотой рог (Суд); поэтому и говорится, что русские корабли «оступили», то есть окружили Константинополь.

...съ патреярхомъ съ Фотьемъ... — Фотий — константинопольский патриарх в 858—867 гг.

...къ сущей церкви святѣй богородицѣ Влахѣрнѣ... — В храме Богоматери во Влахерне (район Константинополя) находилась чудотворная икона, к заступничеству которой и обратился, согласно византийской легенде, патриарх.

Стр. 38. *Поча царствовати Василий.* — Василий I Македонянин вступил на престол в 867 г.

Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови... — Предшествующий «Повести временных лет» Начальный свод именует Олега воеводой Игоря (см. *Новгород. перв. лет.*, с. 107), а литературные источники XI в. называют его князем. Видимо, Олег не был родственником Игоря; поэтому составитель Начального свода, стремясь укрепить версию династической преемственности русских князей (согласно которой Игорь — сын Рюрика), низводит князя Олега в ранг воеводы. Нестор же, убедившись на основании текста договора с Византией, что Олег являлся полноправным князем, возвращает ему княжеское достоинство, но считает его регентом при малолетнем Игоре. Но и это построение летописца мало убедительно: даже если мы учтем, что в год смерти Рюрика Игорь был «дѣтескъ вельми», все равно окажется слишком продолжительным регентство Олега — в год смерти последнего Игорю было бы более тридцати лет.

...и взя Любець... — В Начальном своде Любеч не упомянут. Нестор вставил его, вероятно, на основании текста договоров с греками, где Любеч упомянут среди главных городов Руси. Город этот расположен на берегу Днепра, к западу от Чернигова.

И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. — Летописец пытается объяснить, почему различные восточнославянские племена, а также наемные дружины варягов, все в совокупности стали именоваться «русью» (именно это собирательное наименование мы встречаем в тексте договоров с Византией). В данном случае возникновение такого собирательного наименования подданных Олега приурочено ко времени перенесения им столицы государства в Киев. О термине «русь» см. подробнее: *ПВЛ, ч. 2,* с. 238—244, 253.

Стр. 40. *...по щьлягу...* — Происхождение и характер этой денежной единицы не выяснены.

И бѣ обладая Олегъ поляны, и деревляны, и сѣверяны, и радимичи, а съ уличи и тѣверци имяше рать. — Летописец пытается очертить пределы подвластных Олегу земель: они простираются от Новгорода до Киева; только уличи

и тиверцы, обитавшие к западу от Южного Буга и Днестра, не покорились киевскому князю.

Левонъ царствова, сынъ Васильевъ... царствоваста лѣтъ 20 и 6. — Речь идет о византийских императорах: Льве VI (886—912) и соправителе его и преемнике Александре (912—913).

Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское... — Неизвестно, действительно ли угры (венгры), проходившие в X в. через степи Северного Причерноморья на запад, оказались в непосредственной близости от Киева; возможно, что поводом для этого сообщения явилось наименование горы под Киевом «Угорской».

Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словѣны, покоривше я́ подъ ся... — Венгры заняли территорию в бассейне Дуная, вытеснив оттуда авар. Но полагают, что здесь отразились представления средневековья, согласно которым славянские земли по Дунаю и на побережье Адриатики (Иллирия) были заняты римлянами (волохами), а затем уже в Паннонию вторглись венгры. Таким образом славяне оказывались причастными римской культуре (ср. далее утверждение, что апостол Павел проповедовал в Иллирии, где прежде жили славяне). В действительности славянские племена проникли в бассейн Дуная лишь в V в. н. э.

...Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу... — Ростислав — князь Великоморавского государства (846—870), Святополк (870—894) — его преемник, Коцел — князь Блатенского княжества (в районе оз. Балатон). Посольство в Византию было отправлено одним Ростиславом в 863 г.

...Мефодия и Костянтина... — Создатели славянской азбуки Мефодий (820—885) и Константин Философ (827—869), принявший монашеское имя Кирилл, были сыновьями военачальника из г. Фессалоники (Солунь). Приглашенный Ростиславом в Моравию для проповеди христианства на славянском языке, Кирилл создал азбуку. Большинство исследователей полагает, что это был глаголический алфавит, кириллица же, употребимая сейчас у многих славянских народов, создана позднее. Кирилл совместно с Мефодием перевел на славянский язык ряд богослужебных книг, положив таким образом начало славянской письменности.

Стр. 42. *...Се же слышавъ папежь римьский... на книги словѣньския.* — Папа Адриан II поддержал деятельность Кирилла и Мефодия.

Посем же Коцелъ князь постави Мефодья епископа въ Пании... — Мефодий с начала 70-х гг. был архиепископом Моравии и Паннонии (Блатенского княжества).

...на столѣ святого Онъдроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла. — Апостолами именовались как 12 учеников Христа, так и 70 первоначальных проповедников христианства, в числе которых был и Андроник.

...ту бо есть Илюрикъ... — На этих словах заканчивается л. 9 Лаврентьевского списка, после которого утрачено 6 листов. Находившийся на них текст «Повести временных лет» приводится далее по Радзивиловской летописи XV в., сохранившей ту же (вторую) редакцию «Повести временных лет», что и Лаврентьевская летопись.

Семионъ — болгарский царь (893—927). Война Симеона с Византией происходила в 894—896 гг.

Стр. 44. *Иде Олегъ на Грекы...* — В истории походов Олега на Константинополь много неясного: в летописи это место существенно перерабатывалось в связи с попытками соотнести князя Олега с династией Рюриковичей (см. об этом выше), а в византийских источниках, вообще скупо отражающих этот период, сведений о походе Олега нет. А. А. Шахматов полагал, что договор 907 г. искусственно воссоздан Нестором на основе договора 911 (912) г. В настоящее время большинство исследователей считает, что существовало предварительное соглашение 907 г., закрепленное затем договором 911 г.

...и греци замкоша Суд... — Византийцы перегораживали вход в залив Золотой рог (Суд) из Мраморного моря цепями. Осаждающие могли, однако, перетаскивать корабли через узкий перешеек и спускать на воду залива, непосредственно у стен города. Так поступили, например, турки при осаде Константинополя в 1453 г., так же поступил, по рассказу летописи, и Олег. Но насколько этот рассказ соответствует действительности, сказать трудно.

...святый Дмитрей... — Вероятно, имеется в виду Дмитрий Солунский.

...по 12 гривен на ключь... — Гривна — древнерусская денежная единица. Для сравнения укажем, что за убийство свободного мужа налагался штраф 40 гривен, боевой конь стоил 2—3 гривны. По мнению исследователей, величина обложения (12 гривен на человека) может соответствовать действительности, но, вероятно, преувеличено число кораблей.

...слюбное емлют... емлют мѣсячину... — Речь идет об обещании Византии содержать русских послов и купцов (последних в течение 6 месяцев).

Стр. 46. *...по Рускому закону, кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ...* — О древнерусском языческом пантеоне мы знаем крайне мало: летопись лишь упоминает, что кумиры (идолы) Перуна, верховного божества славян, и Велеса — бога скота и, вероятно, покровителя торговли — стояли в Киеве и в Новгороде.

«Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ паволочиты». — Последнее слово добавлено по смыслу. Но суть всего эпизода не ясна из-за спорного значения термина «кропинные». Ясно лишь, что новгородцы *(словене)* оскорблены тем, что им не дали для парусов дорогой шелковой материи («паволок») и они вынуждены довольствоваться своими «толстинами» — парусами из грубого полотна.

Явися звѣзда велика на западе копейным образом. — Комета Галлея, которая в июле 912 г. была наиболее близка к Земле.

В лѣто 6420. — Как следует из даты, указанной в конце текста договора, он был заключен 2 сентября 15 индикта 6420 г., т. е. в сентябре 911 г. Косвенное подтверждение этой даты следует и из упоминания византийских императоров — Льва, Александра и Константина: совместное их правление продолжалось с 9 июля 911 г. до 11 мая 912 г.

Равно другаго свещания... — Из этих слов исследователи заключают, что данный договор подтверждает какое-то прежнее соглашение (возможно, предварительный договор 907 г.). Подробный комментарий к тексту договора 911 (912) г. см.: *ПВЛ, ч. 2,* с. 272—279.

...межи хрестианы и Русью... — Здесь и далее под «христианами» подразумеваются византийцы.

Стр. 52. *...бывший миръ сотворихом Ивановым написанием...* — Существует предположение, что здесь упомянут некий Иван — писец или переводчик договора.

...на двою харатью, царя вашего и своею рукою... — При заключении договоров между Византией и другими государствами текст изготовлялся в двух экземплярах — от лица императора на греческом языке и на языке народа, с которым велись переговоры от лица его правителя. При этом, разумеется, для каждой стороны местоимения «наш» и «ваш» имели противоположный смысл: в одном случае они обозначали византийцев, в другом — представителей договаривающейся стороны. Переводчики иногда забывали изменить местоимения, отсюда в тексте договоров в летописи ряд ошибочных употреблений местоимений, которые приходится исправлять по смыслу. Харатья — грамота на пергамене.

...паволоками и фофудьями... — Паволоки и фофудьи (последнее слово значит то же, что «аксамит») — шелковые ткани.

Стр. 54. *...и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица...* — На легендарность рассказа о смерти Олега указывает, в частности, тот факт, что в Начальном своде местом захоронения Олега названа Старая Ладога, предание о княжеском коне вообще отсутствует, а версия о смерти от укуса змеи дается с оговоркой: «Друзии же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре» (см. *Новгород. перв. лет.*, с. 109).

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается чародѣйство. — Нестор стремится оправдать приведенную им легенду о смерти князя, в которой волхвы-язычники оказались правы, предсказав смерть Олега от его коня. Поэтому летописец приводит далее пространную выдержку из *Хроники Амартола* (с. 305—306), из которой следует, что пророческим даром могли обладать и нехристиане.

...во царство Доментианово, нѣкий волхвъ, именем Аполоний, Тиянинъ... — Аполлоний Тианский, греческий философ пифагорейской школы и «чародей», живший во времена римского императора Домициана (81—96).

...во Антиохию... — Антиохия, город на берегу реки Оронт, в северной части современной Сирии.

...великий Настасий... — Анастасий Синаит, византийский богослов, патриарх Антиохии в 561—563 гг.

Стр. 56. *...Валам, и Саулъ, и Каиафа...* — Здесь упомянуты библейские персонажи: прорицатель Валаам, иудейский царь Саул и первосвященник Каиафа.

...сынове Скевавли. — В Библии рассказывалось, как сыновья иудейского первосвященника Скевы безуспешно пытались исцелять заклинаниями «бесноватых».

Фараонъ. — Имеется в виду один из египетских фараонов, при котором, согласно Библии, Моисей «вывел» евреев из Египта.

...Навходоновсоръ... — вавилонский царь Навуходоносор II. По библейской легенде, он видел вещие сны, истолкованные пророком Даниилом.

...Симонъ волхвъ... — философ-гностик I в. н. э., персонаж апокрифических легенд, в которых рассказывалось о его спорах с апостолами Петром и Павлом; при этом Симон творил различные чудеса (о них говорится и в «Повести временных лет» в статье 1071 г.).

...Менандръ... — философ-гностик I в. н. э., последователь Симона.

В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. — Константин VII, византийский император (913—959).

В то же лѣто прииде Семионъ Болгарьский на Царьград... — Война Византии с Болгарией длилась с 913 по 917 г. Эти события и отразились в статьях 914 и 915 гг.

...град Ондрѣнь... — Адрианополь. Прежде город именовался Орестейя, по имени Ореста, сына Агамемнона (Агамемнон — аргосский царь, предводитель греков в Троянской войне). Город был перестроен и укреплен римским императором Адрианом (117—138).

Поставленъ царь Романъ въ Грекох. — Византийский император Роман I Лакапин вступил на престол в 920 г.

В лѣто 6430. — С этих слов продолжается текст в Лаврентьевском списке.

Стр. 58. *Иде Игорь на Греки.* — Рассказ о походе Игоря на Византию составлен на основе *Хроники Амартола* (через посредство «Хронографа по великому изложению» — сокращенного пересказа византийских хроник), и Жития Василия Нового.

...скѣдий 10 тысящь. — «Скедия», по-гречески — «наскоро построенная лодка, плот»; у Амартола этот термин применен, возможно, для уничижительной характеристики русского флота.

...почаша воевати Вифиньскиа страны... страну Никомидийскую поплѣнивше... — Нападению руси подверглось северное побережье Малой Азии — провинции Вифиния и Пафлагония. Ираклий — город Ираклия Понтийская, Никомидия — город на восточном берегу Мраморного моря (ныне Измит).

...Памъфиръ деместикъ — Панфирий, «доместик схол востока», командующий императорскими войсками.

...Фока патрекий... — Варда Фока — знатный сановник, стратиг (полководец).

...Федоръ же стратилатъ съ фраки... — Стратилат — военачальник; фраки — фракийцы или жители Фракии, провинции в юго-восточной части Балканского полуострова.

Феофанъ... — патрикий, командовавший флотом, действовавшим против Игоря.

...пущати нача трубами огнь на лодьѣ руския. — «Греческий огонь» — горючая смесь, состоявшая из смолы, серы, селитры и нефти; ее метали из сифонов, установленных на носу корабля. Сифоны изготавливались из золоченой бронзы и имели вид головы льва.

Семеонъ иде на храваты... и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, болъгаромъ. — Симеон умер в 927 г., известие помещено под 942 г. ошибочно; Петр болгарский царь (927—969).

Игорь же... поиде на Греки в лодьях и на конихъ, хотя мьстити себе. — Существуют различные мнения о том, состоялся ли этот второй поход Игоря. Но договор с Византией достаточно выгоден для русской стороны. Это

позволяет допускать, что после поражения в 941 г. Игорь предпринял какие-то действия, приведшие к заключению такого договора.

Стр. 60. *...бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ...*— Роман назначил в 924 г. соправителями своих сыновей — Константина и Стефана. В декабре 944 г. Роман был ими свергнут, следовательно, договор был подписан до этого времени. Подробный комментарий к его тексту см.: *ПВЛ, ч. 2,* с. 289—293.

Стр. 64. *А о Корсуньстѣй странѣ.* — О византийской колонии в Крыму, центром которой являлся г. Херсонес (Корсунь); в настоящее время на этом месте расположен Севастополь. Основанный в 422—421 гг. до н. э. Херсонес просуществовал до середины XV в.

Стр. 66. *...написахомъ на двою харатью...* — См. прим. к с. 52.

...обручѣ своѣ... — Слово «обручь» обычно значит «украшение, запястье»; в данном случае обручи названы среди оружия. Однако при описании присяги Игоря и его мужей в Киеве сказано, что русские «покладоша оружье свое, и щиты и золото». «Золото» соответствует упомянутым выше «обручам». Быть может, при подобном церемониале вместе с оружием на землю клали и золотые украшения, как символ достатка, которого лишен будет нарушивший клятву. Ср. в связи с этим предположением неясную по смыслу фразу из статьи 971 г., где также описываются переговоры с греками: «и да будемъ колоти (исправляют: «золоти»), яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ».

Стр. 68. *И приспѣ осень и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань.*— Осенью князья с дружиной выходили на «полюдье» — собирали дань с подвластных им племен.

...отроци Свѣньлъжи... — младшая дружина, вооруженная свита княжеского воеводы Свенельда.

...изъ града Изъкоръстѣня... — Искоростень, главный город древлянской земли (современный Коростень Житомирской обл.).

...кормилець его Асмудъ... — дядька, воспитатель княжича.

...перевѣсище бѣ внѣ града... — Перевесище — место для ловли птиц с помощью больших сетей — «перевесов». В древнем Киеве перевесище располагалось, вероятно, в районе нынешнего Крещатика.

Стр. 70. *...вы же рьцѣте: не едемъ на конѣх, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ...* — Три мести Ольги как бы отражают элементы похоронного обряда: покойника несли в лодке, затем сжигали (этому соответствует сожжение древлянских послов в бане), а после погребения совершалась тризна и, вероятно, исполнялись ритуальные танцы, имитировавшие битву. Здесь же, на тризне по Игорю, Ольга превращает ритуальные военные игры в действительное избиение древлянских воинов.

...надъ гробомъ его... — Имеется в виду могила, курган, насыпанный над могилой. Ср. выше: «И есть могила его (Игоря. — *О. Т.*) у Искоръстѣня града — в Деревѣхъ и до сего дне»; далее сказано, что Ольга «повелѣ людемъ своимъ съсути (насыпати) могилу велику».

Стр. 72. *...суну копьемъ Святославъ на деревляны...* — По обычаю бой начинал сам князь; юный Святослав также бросает копье (хотя брошенное детской

рукой оно падает у ног его собственного коня); но ритуал соблюден, и начинается битва.

Стр. 74. *...Вышегородъ...* — Вышгород — загородная резиденция киевских князей.

...уставляющи уставы и уроки... — Видимо, определяя размеры податей в пользу киевских князей.

Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. — В сочинении византийского императора Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» подробно описывается прием Ольги в Константинополе. 9 сентября 957 г. (а не 955 г., как сказано в летописи) император принял ее в Магнавре — тронном зале, а затем императрица Елена — в роскошном зале императора Юстиниана. Ольга была приглашена и во внутренние покои императрицы, куда явился также Константин с детьми. В честь Ольги был дан обед. Второй раз Ольга была принята императором 18 октября. Источники по-разному говорят о месте крещения Ольги: крестилась ли она в Константинополе или же приехала туда уже будучи христианкой.

...Олена, якоже и древняя царицѧ, мати Великаго Костянтина. — Елена — мать римского императора Константина I (324—337).

И по крещеньи возва ю царь, и рече ей... — Рассказ о сватовстве императора к Ольге легендарен.

Стр. 76. *...Еноха в первыя роды... Давыда от Саула...* — Перечисляются персонажи библейских легенд, избежавшие опасности с божественной помощью.

...3 отроци от пещи, Данила от звѣрий... — В Библии, в Книге пророка Даниила, рассказывается о чудесном спасении трех юношей, ввергнутых в горящую печь, и о том, как сам пророк остался невредим, проведя ночь во рву с голодными львами.

Се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица ефиопьская к Соломану... — Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (X в. до н. э.), сын и преемник Давида. По библейской традиции славился особой мудростью, ему приписывается авторство нескольких библейских и апокрифических книг. В Библии (3-я книга Царств, гл. X) рассказывается, как к царю Соломону приходила Савская царица (из южной части Аравии). Сын ее от Соломона считался в средневековье родоначальником эфиопских (абиссинских) царей, и сама царица Савская часто именовалась эфиопской царицей.

«Аще ты, рьци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ти дамь». — Почайна — речка под Киевом. Видимо, Ольга не была удовлетворена приемом, оказанным ей в Царьграде, что и нашло отражение в предании о ее ответе византийским послам.

Стр. 78. *...и легъко ходя, аки пардусъ...* — Пардус — гепард. Охотничьих гепардов держали в средние века при княжеских и царских дворах. Гепард отличается выносливостью и быстротою бега, отсюда и сравнение с ним Святослава.

Иде Святославъ на козары... — Арабский писатель Ибн-Хаукаль сообщает дополнительные подробности о походе Святослава. Через землю вятичей он дошел до столицы волжских болгар Булгара, разрушил город, затем

двинулся на юг, к Итилю (в устье Волги), затем — морем — к Семендеру (в сев. части Дагестана); взяв город, Святослав двинулся на запад, одолев по пути ясов (аланов) и касогов (адыге), вышел к побережью Азовского моря, овладел Тмутороканью и, поднявшись вверх по Дону, захватил хазарскую крепость Саркел (Белую Вежу).

Иде Святославъ на Дунай на Болгары. — Первый поход Святослава в Болгарию в 968 г., как полагают, был инспирирован императором Никифором Фокой.

...сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцѣх. — Переяславец — город; ныне это село Преслав (возле города Тулча в Румынии), южнее Дуная. Под данью имеется в виду, вероятно, та сумма, которую византийцы выплатили Святославу за поход на болгар. В дальнейшем расстановка сил изменилась: часть болгар выступила на стороне Святослава, а между ним и Византией начался военный конфликт.

Придоша печенѣзи на Руску землю первое... — Имеется в виду первое нападение печенегов на Киев.

Стр. 82. *Володимеръ бо бѣ отъ Малуши... и бѣ Добрына уй Володимеру.* — Летопись объясняет нам происхождение излюбленного персонажа русских былин — Добрыни (в былинах, обычно,— Добрыни Никитича): он приходился Владимиру дядей и, видимо, являлся дядькой княжича, а затем его воеводой (см. статьи 980 и 985 гг.).

Стр. 84. *Приде Святославъ в Переяславець, и затворишася болгаре въ градѣ.* — Следовательно, пока Святослав освобождал Киев от печенежской осады, болгары вновь захватили Переяславец.

И поиде Святославъ ко граду... — т. е. к Константинополю: византийцы называли свою столицу просто «город». Здесь повествуется о событиях лета 978 г., когда Святослав дошел до Аркадиополя (ныне — Люлебургаз, город в 150 км северо-западнее Константинополя). Чтобы выиграть время и собрать силы для отпора руси, византийцы выплатили Святославу выкуп («дань»), и он вернулся в Переяславец. К тому же в боях под Аркадиополем войска Святослава понесли большой урон.

Стр. 86. *...со всякимъ великимь царемъ гречьскимъ...* — «Всякимъ», вероятно,— описка; речь должна идти об императоре Иоанне Цимисхии (969—976) и сыновьях императора Романа II — Василии и Константине (будущих императорах Василии II и Константине VIII).

Стр. 88. *...градъ, рекомый Вручий...* — ныне это г. Овруч, в северной части Житомирской области.

Стр. 90. *«Не хочю розути робичича...»* — Намек на то, что Владимир был сыном Святослава от Малуши, ключницы княгини Ольги; разувание мужа было частью древнерусского свадебного обряда.

...стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи... — Дорогожич — урочище между Киевом и Вышгородом.

Стр. 94. *Перуна древяна... Симарьгла, и Мокошь.* — Перун — бог грома и молнии. Хорс часто упоминается вместе с Перуном, но его функции в мифологии восточных славян не ясны; возможно даже, что Хорс был важнейшим из славянских богов. Дажь-бог — божество солнца. Стрибог, судя по тексту «Слова о полку Игореве», был богом ветра. Место Симаргла

в языческом пантеоне не ясно. Мокошь — вероятно, божество женского пола; судя по поздним источникам, именно к Мокоши обращались «идоломолицы» (жрицы, колдуньи). Сведения о славянских языческих божествах крайне скудны, и предположения о их функциях в высшей степени гипотетичны.

Зло бо есть женьская прелесть, якоже рече Соломанъ... — Далее следуют фрагменты из книги «Притч Соломоних», автором которой считался царь Соломон.

Стр. 96. *...и посѣкоша сѣни под нима...* — Сени представляли собой крытую галерею на уровне второго этажа. Столбы, которые поддерживали сени, и «посекли» киевляне.

Стр. 98. *Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею...* — Полагают, что имеется в виду поход Владимира на волжских болгар. «Торками», как можно думать, названы здесь нанятые Владимиром отряды печенегов, так как тюркское племя торков появилось в южнорусских степях позднее — в середине XI в.

Придоша болъгары вѣры бохъмичѣ... — последователи Магомета, мусульмане.

Стр. 100. *...жидове козарьстии...* — В Хазарском каганате жили евреи, изгнанные из Ирана и Византии.

«...и предана бысть земля наша хрестеяномъ...» — Речь идет о Палестине. Иерусалим был взят крестоносцами в 1099 г., следовательно, рассказ этот не мог появиться ранее конца XI в.

...уподоблешеся Содому и Гомору, на ня же пусти господь каменье горюще... — По библейской легенде бог покарал пять палестинских городов (среди них — Содом и Гоморру) за безнравственность их жителей: города были сожжены небесным огнем и провалились в бездну.

Стр. 102. *И нача философъ глаголати сице...* — С этих слов начинается так называемая «Речь философа» — краткое изложение истории человечества в интерпретации средневековой христианской историографии. В ряде случаев повествование отступает от канонических библейских сюжетов, вместо них приводятся различные апокрифические легенды. Вопрос о происхождении «Речи философа» остается спорным.

...створи твердь, яже есть посреди воды. — Твердь, по средневековым христианским представлениям, это твердое небо, небесный свод.

Стр. 112. *...и покланятися Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣй...* — Ваал — языческое божество древних семитов, однако Ваал не был богом войны, и сближение его с Аресом (Ареем) — богом войны у древних греков — произвольно.

«Прорицайте о отверженьи жидовьстѣ и о призваньи странъ». — Далее следуют выписки из библейских книг: изречения пророков Осии, Иеремии, Иезикииля, Малахии, Исаии, Амоса, Давида, Михея, Захарии, Моисея и Ездры, в которых, как полагали христианские богословы, уже предсказывалось явление Христа.

Стр. 116. *...до Ирода иноплеменьника, иже облада ими.* — Ирод I, царь Иудеи (37 г. до н. э. — 4 г. до н. э.).

Стр. 118. *...ведоша къ гѣмону Пилату.* — Пилат — римский наместник в Иудее, которая с 6 г. н. э. являлась провинцией Римской империи.

Стр. 122. *И призваша я царя Василий и Костянтинъ...* — императоры-соправители — Василий II Болгаробойца (976—1025) и Константин VIII (976—1028).

Стр. 124. *...иде Володимеръ съ вои на Корсунь...* — В 986 или 987 г. византийский император Василий II обратился к Руси за военной помощью: Владимир обещал прислать в Константинополь 6000 воинов, а император отдавал ему в жены свою сестру Анну; Владимир перед браком с греческой царевной должен был креститься. В 988 г. с помощью русского корпуса Василий разгромил войска мятежного вельможи Варды Фоки; опасность миновала, и Анну не спешили отправлять на Русь. Видимо, это и явилось поводом для похода Владимира на византийскую колонию в Крыму — Херсонес (Корсунь). После брака с Анной Владимир возвратил Херсонес Византии.

...в лимени... — в лимане, херсонесской гавани.

...стрѣлище... — расстояние, равное полету стрелы (приблизительно 60—70 м).

Стр. 126. *...в кубару...* — в корабль.

Се же не свѣдуще право, глаголють... друзии же инако скажють. — Эта фраза читается и в Начальном своде (см. *Новгород. перв. лет.*, с. 152); следовательно, уже в XI в. существовали различные версии о том, где крестился Владимир: в Киеве, в Васильеве или в Корсуни. Васильев — город югозападнее Киева, на берегу реки Стугны.

Стр. 128. *Вѣрую же и седму сборъ святыхъ отець...* — Далее перечисляются церковные соборы, происходившие в 325, 381, 431, 451, 553, 680 и 787 гг. На соборах обсуждались различные догматические вопросы, в частности, с ортодоксальных позиций осуждалось учение Ария, Македония, Нестория и других богословов-еретиков.

Не преимай же ученья от латынъ, ихъ же ученье разъвращено... — Эта статья могла появиться только после 1054 г., после разделения церквей на православную и католическую, но не позднее 1059 г., когда было введено безбрачие католического духовенства, так как в ней осуждается многобрачие «латинян».

Стр. 130. *...Петръ Гугнивый...* — это не реальное лицо, а символический образ папы-отступника.

Стр. 132. *Рѣнь* — песчаная отмель.

Стр. 136. *Бѣ бо у него сыновъ 12...* — В летописи упоминаются далее лишь Вышеслав (ниже сказано о его смерти), Изяслав (ум. в 1001 г.), Ярослав (ум. в 1054 г.; с 1028 по 1054 г. — великий князь Киевский), Святополк — убийца Бориса и Глеба, Мстислав (ум. в 1036 г.), Судислав (ум. в 1063 г.), а также Борис и Глеб, убитые Святополком в 1015 г.

...помысли создати церковь пресвятыя богородица... — Десятинную церковь, остатки которой обнаружены археологами.

...заложи градъ Бѣлгородъ... — Город на берегу р. Ирпень, южнее Киева, одна из крупнейших русских крепостей с княжеским замком. В дальнейшем Белгород являлся центром епископии.

...кде нынѣ Переяславль. — Рассказ о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем вставлен в летопись Нестором. В позднейших летописях юноша именуется Яном (Ян Усмошвец). Отмечали, что Переяславль упо-

минается еще в договоре Олега с Византией и, следовательно, существовал задолго до описываемого события. Однако археологи подтверждают, что крепостные сооружения Переяславля датируются концом X в.

Стр. 140. *...бѣ бо въ тъ день Преображенье господне...* — Преображение — церковный праздник, в память о изменении своего вида Иисусом Христом на Фаворской горе.

...300 проваръ меду. — «Провара», возможно,— количество напитка, которое может быть сварено за один раз.

...въ гридьницѣ пиръ творити... — Гридница — парадное помещение в княжеском дворце; гриди — дружинники князя.

...съ Болеславомъ Лядьскымь, и съ Стефаномь Угрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь. — Здесь упоминаются польский князь Болеслав I Храбрый (992—1025; в 1025 г. — король); Стефан (Иштван) — венгерский князь (997—1001) и король (1001—1038), Андрих (Олдржих) — чешский князь (1012—1034).

Стр. 142. *Володимеръ же отвергъ виры...* — Вира — штраф, которым облагался совершивший преступление.

...по верховьниѣ воѣ... — за воинами из новгородской или смоленской земли.

...створити цѣжь... — Для приготовления цежа овсяную муку заливали водой, давали ей закиснуть, затем процеживали.

...лукно... — посудина из гнутого луба; здесь употреблено как мера объема («меду лукно»).

Стр. 144. *...латки.* — Латок — глиняная посуда (типа сковороды или горшка).

...корчагу... — глиняный сосуд, употреблявшийся для хранения и переноски вина или масла.

Преставися Малъфрѣдь. — Полагают, что это имя матери Владимира — Малуши.

Умре же на Берестовѣмь, и потаиша й, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ.— Берестово — княжеское село под Киевом. Как полагают, смерть Владимира хранили в тайне, ожидая возвращения Бориса и опасаясь, что находящийся в Киеве Святополк захватит власть.

Ночью же межю двема клѣтми проимавше помостъ... възложьше й на сани... — Вынос тела через пролом и перевозка покойника на санях (в любое время года) — элементы древнерусского похоронного обряда.

Стр. 146. *Се есть новый Костянтинъ великого Рима...* — Владимир сравнивается с римским императором Константином Великим, при котором христианство стало государственной религией. Константин крестился перед самой смертью, однако средневековая историография традиционно изображает его ревностным христианином.

...ста на Льтѣ... — Льто (Альта), река, впадающая в р. Трубеж (к юго-востоку от Киева).

Стр. 150. *...и ста на Смядинѣ в насадѣ.* — Смядынь — река в Смоленской земле. Насад — боевое судно с приподнятой носовой частью корпуса.

Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ... — Имя повара, вероятно, указывает на его национальность: торки — кочевое племя тюркского происхождения, обитавшее на границах Киевского и Переяславского княжеств.

Стр. 154. *Тако бо Исаия рече...* — Цитируется «Книга пророка Исаии», входящая в Библию.

...и шедъ на Рокомъ... — Ракомо — село Ярослава под Новгородом.

Стр. 156. *И събра Ярославъ варягъ тысячю, а прочих вой 40 000...* — В *Новгород. перв. лет.* (см. с. 175) иные и, видимо, более правильные сведения: «и собра вои 4000: варягъ бяшеть тысяща, а новгородцовъ 3000».

...изыде противу ему к Любичю об онъ полъ Днѣпра... — Любеч — город на левом берегу Днепра, западнее Чернигова.

Приде Болеславъ съ Святополкомь на Ярослава с ляхы... — Святополк был женат на дочери Болеслава и находился с ним в дружественных отношениях; по сведениям саксонского хрониста Титмара Мерзебургского (975—1018), Святополк еще при жизни Владимира готовил против него заговор с помощью Болеслава.

Стр. 158. *Принесоша й къ Берестью...* — Берестье — ныне г. Брест.

Его же по правдѣ, яко неправедна... — Здесь цитируется текст *Хроники Амартола* (с. 215—216); в Хронике рассказывается о страшной болезни царя Иудеи — Ирода, тело которого покрылось гнойными язвами.

Стр. 160. *...новый Авимелехъ...* — В Библии рассказывается, как Авимелех, сын еврейского правителя Гедеона, убил 70 своих братьев.

Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани, поиде на касогы. — Касоги — предки современных черкесов. Поединок Мстислава с Редедей нашел отражение в «Слове о полку Игореве»: Боян пел славу «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскыми».

Стр. 162. *В се же лѣто въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь...* — Хотя инициаторами восстания названы волхвы — жрецы языческого культа, но то, что истреблялась именно «старая чадь», т. е. зажиточные слои населения, указывает на социально-экономические причины восстания.

И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ сь лѣпъ, и луда бѣ у него золотомь истъкана. — Полагают, что упоминаемый здесь Якун — это предводитель варяжского отряда Хакон; его знают и Эймундова сага и Киево-Печерский патерик, причем в последнем говорится о князе Африкане, что он был «брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златыа луды, биася поском по Ярославе с лютым Мьстиславом». Мог ли, однако, военачальник, к тому же специально приглашенный с отрядом наемников, быть слепым? Видимо, еще в древности написание «сь лѣпъ» («лѣпъ» — «красив») прочли как «сьлѣпъ»—«слепой». И не случайно, видимо, после указания на «лепоту» Якуна говорится о его расшитом золотом плаще: летописец иронически подчеркивает контраст между красотой и богатством одеяния Якуна и его позорным бегством с поля боя.

...к Листвену. — Листвен — урочище недалеко от Чернигова.

Стр. 164. *Знаменье змиево явися на небеси...* — Видимо, речь идет о крупном метеоре, после падения которого на небе остается огненный змеевидный след.

...Белзы... — Белз — город на р. Сороке, притоке Западного Буга.

...и постави градъ Юрьевъ. — Город Юрьев, названный в честь самого Ярослава; Георгий (Юрий) — христианское имя князя. Теперь этот город называется Тарту.

В се же время умре Болеславъ Великый в Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьскѣ... — Летописец ошибочно соотнес два факта. Болеслав Великий умер в 1025 г., а восстание, здесь описанное,— это либо восстание 1031 г., либо, как полагает В. Д. Королюк,— восстание 1037—1038 гг.

...грады червеньскыя... — Речь идет о пограничном районе между Русью и Польшей, о городах Червен, Луческ, Сутейск, Броды и др. Ныне эти города расположены на территории Польши.

Ярославъ поча ставити городы по Рѫси. — Рось — правый приток Днепра, впадающий в него южнее Киева; на этой пограничной со степью реке строились городки-крепости.

...епископа постави Жидяту. — Лука Жидята (сокращенное имя от Жидислав), новгородский епископ, предполагаемый автор «Поучения к братии»— одного из древнейших литературных произведений Киевской Руси.

Заложи Ярославъ городъ великый... — Здесь подводится итог строительной деятельности Ярослава. При нем создается «Ярославов город»; территория Киева, окруженная гигантскими земляными валами с деревянными укреплениями, расширяется в восемь раз сравнительно с «городом Владимира». При Ярославе воздвигается сохранившийся до нашего времени Софийский собор, сооружаются Золотые ворота (главные ворота города) с надвратной церковью Благовещения. Церковь Ирины (Ирина — христианское имя жены Ярослава) и церковь Георгия (Георгий — христианское имя Ярослава) не сохранились.

Стр. 166. *И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо.* — Сейчас трудно определить, какие именно переводы были осуществлены при Ярославе, но несомненно, что в XI — начале XII в. были переведены исторические сочинения (Хроника Георгия Амартола, Хроника Иоанна Синкелла, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), повесть об Акире Премудром, повесть о Варлааме и Иоасафе, ряд житий и другие памятники византийской литературы.

Ярославъ иде на ятвягы. — Ятвяги — древнепрусское племя, обитавшее в районе восточнее современного города Белосток. Этнически ятвяги были близки литовцам.

Стр. 168. *Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы...* — И летописный рассказ об этом походе, и византийские источники содержат немало противоречий. Представляется, что военный конфликт разразился после неудавшихся переговоров Владимира Ярославича с императором Константином Мономахом (1042—1055). Русский флот появился у стен Константинополя в июле. Значительный урон ему был нанесен внезапно разразившимся штормом. Битва с византийскими триерами (здесь они названы «оляди») происходила, видимо, в Босфорском проливе у входа в Мраморное море.

...вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира... — Казимир I (ок. 1037—1058), польский князь, женился на дочери Ярослава Марии Добронеге.

...Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вълхвованья. — Всеслав, князь Полоцкий, один из героев «Слова о полку Игореве». Характерно, что и летопись и «Слово» связывают Всеслава с потусторонними силами: он рожден от «волхвования», у него «вѣща душа», он за ночь «изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя».

Заложи Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ. — Софийский собор в Новгороде, построенный на месте сгоревшей деревянной церкви. Считается более точным известие Софийской первой и Новгородской четвертой летописей, согласно которым каменный Софийский собор был заложен в 1049 г.

Преставися жена Ярославля княгыни. — Жена Ярослава — Ирина-Ингигерда, дочь шведского короля Олафа.

Постави Ярославъ Лариона митрополитомь русина... — В 1051 г. собором русских епископов был поставлен в митрополиты не грек (все предшествующие митрополиты были выходцами из Византии), а «русин» Иларион, бывший до этого священником придворной церкви Ярослава в Берестове. Иларион был выдающимся проповедником; ему принадлежит знаменитое «Слово о законе и благодати», в котором подчеркивается равноправие всех христианских народов и особо выделяется мысль о том, что Владимир, крестивший Русь, столь же достоин почитания, как и император Константин Великий, признавший христианство государственной религией Римской империи.

Стр. 170. *...нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь...* — Полагают, что здесь пропущено имя мирское Антония; видимо, оно не было известно летописцу.

...в Святую Гору... — на Афон. Афонские монастыри располагались на восточном мысе Халкидонского полуострова (в северной части Эгейского моря). На Афоне с начала XI в. имелся и русский монастырь.

Стр. 172. *...не выходя ис печеры лѣт 40...* — Этот расчет лет ошибочен: из сказанного выше следует, что Антоний уединился в пещере уже при князе Изяславе (1054—1073), а умер в 1072—1073 гг.

...Феодосий... — Феодосий Печерский, церковный деятель и писатель, автор нескольких слов и поучений. Нестором было написано пространное «Житие Феодосия Печерского»— один из лучших памятников литературы Киевского периода.

Стр. 174. *...искати устава чернець студийскых.* — Устав Студийского монастыря в Константинополе отличался суровыми правилами монашеского быта, восходившими к установлениям основоположников монашества.

...и азъ придохъ худый и недостойный рабъ... — Полагали, что Нестор пишет о самом себе. Однако исследователей смущают некоторые противоречия между летописным текстом и написанным Нестором «Житием Феодосия Печерского»; так возникает гипотеза о двух Несторах — агиографе и летописце.

Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зоветься Печерьскый. — Почему рассказ помещен в статье 1051 г. — не совсем ясно; видимо, в этом году, по мнению Нестора, поселился в пещере Антоний — основатель монастыря. Между летописным рассказом и «Житием Феодосия» есть противоречие: в последнем строительство келий, церкви и ограды монастыря отнесено к 1062 г. и приписано Феодосию, тогда как, по летописи, еще при Варлааме «братья заложиша церковь велику, и манастырь огородиша столпьемь, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша» (см. с. 172). Но, быть может, в этой фразе объединены события разных лет: разрешение Изяслава Варлааму занять под монастырь гору над Днепром, начало строительства монастыря

и наконец — возведение главного собора монастыря — Успенского, построенного в 1073—1077 гг. Возможно и другое: события, имевшие место при Варлааме, в «Житии Феодосия» искусственно отнесены ко времени игуменства Феодосия.

У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царицѣ грькынѣ. — Речь идет о Владимире Мономахе; жена Всеволода, как полагают В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин, была дочерью византийского императора Константина Мономаха (1042—1055).

«Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему...» — В этих словах Ярослава провозглашен принцип, согласно которому киевский князь является старшим среди остальных удельных князей.

«...а Игорю Володимерь...» — Эти слова опущены в Лаврентьевской, Радзивиловской и Ипатьевской летописи, но читались в Начальном своде (см. *Новгор. перв. лет.,* с. 182); впрочем, далее и в Лаврентьевском списке Игорь назван князем Владимира Волынского.

Стр. 176. *...в суботу 1 поста святаго Феодора.* — Первая неделя Великого поста именовалась Федоровой.

...положиша й в рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софьѣ. — Саркофаг Ярослава сохранился в Софийском соборе в Киеве до настоящего времени.

...к Воиню... — Воинь — город близ устья Сулы.

В семь же лѣтѣ приходи Болушь с половьци... — Это первое военное столкновение Руси с половцами, предводительствуемыми ханом Блушем (Болушем). Половцы — народность тюркской группы. Занимая территорию южнорусских степей от Дуная до Волги (так называемые западные половцы), они активно участвовали в политической и военной жизни русских княжеств, то нападая на Русь, то выступая в качестве союзников одной из сторон в междукняжеских распрях, то заключая союзы с теми или иными князьями (весьма частыми были браки русских князей на половчанках).

Побѣди Изяславъ голяди. — Какая народность именовалась «голядью»— неизвестно.

В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5. — Обратное течение Волхова возможно в засушливые годы, когда уровень воды в Ильмене низок.

...Вышата, сынь Остромирь, воеводы Новгородьского. — Вышата — киевский воевода, сын Остромира, новгородского посадника, по заказу которого в 1056—1057 гг. было переписано Евангелие — древнейшая рукописная книга, сохранившаяся до нашего времени.

Стр. 178. *В си же времена бысть знаменье... и пребысть за 7 дний.* — Описано появление кометы Галлея (она была наиболее близка к Земле 27 марта 1066 г.).

Пред симь же временемь и солнце премѣнися... — Упоминается затмение солнца 19 апреля 1064 г.

...якоже древле, при Антиосѣ... — С этих слов начинается подборка известий о недобрых знамениях, извлеченная летописцем не из самой *Хроники Амартола,* к которой в конечном счете восходят все эти отрывки (см. с. 200, 262, 421, 428 и 479), а из использовавшего ее «Хронографа по великому

изложению». Летописный рассказ текстуально ближе к рассказу Хронографа, чем к повествованию Амартола. Упомянутый здесь Антиох — Антиох IV Эпифан, царь государства Селевкидов (175—163 гг. до н. э.); в 168 г. он разграбил Иерусалимский храм.

...при Неронѣ цесари... — Нерон — римский император (54—68), во время его правления началась Иудейская война (66—73), завершившаяся взятием и разрушением Иерусалима римлянами.

...при Устиньянѣ цесари... — при византийском императоре Юстиниане (527—565).

...при Маврикии цесари... — при византийском императоре Маврикии (582—602). Чтение «въ Африкии» в летописи ошибочно; следует — «во Фракии».

...при Костянтинѣ иконоборци цари... — при византийском императоре Константине V Копрониме (741—775), он, как и отец его Лев III Исавр, поддерживал движение иконоборцев, отвергавших почитание икон.

...трий поприщь... — Поприще — мера длины, равная приблизительно 700 м.

...наидоша бо срацини на Палестиньскую землю. — Эти слова добавлены летописцем. В действительности арабы завоевали Палестину не во времена Константина V, а столетием раньше — к 640 г.

Стр. 180. *...послаша с лестью котопана.* — Котопан — «глава, руководитель»; видимо, речь идет о каком-то византийском должностном лице.

Заратися Всеславъ... и зая Новъгородъ. — Именно этот исторический факт вспоминает автор «Слова о полку Игореве»: Всеслав «отвори врата Новуграду».

...ко Мѣньску... — ныне г. Минск.

И совокупишася обои на Немизѣ... — Немига, речка, на которой стоял Минск, ныне пересохшая. Эта битва описывается в «Слове о полку Игореве»: «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными...»

Стр. 184. *...русальи.* — Здесь имеется в виду или сам весенний языческий праздник, или обрядовые игры, или пляски на нем. В описании русалий упоминаются и «бесчинный говор», и «бесовские песни», и «плясания»; а наутро участники празднества «падают аки мертвии от великаго клоптания (шума, гама. — *О. Т.*)».

...сташа у двора Брячиславля... — Можно предположить, что речь идет о усадьбе, принадлежавшей ранее Брячиславу, отцу Всеслава (умершему в 1044 г.).

...ко Сновьску. — Сновск — город в Черниговском княжестве на р. Снов; ныне г. Седнев.

Стр. 186. *Поиде Изяславъ с Болеславомь на Всеслава...* — Изяслав был женат на Гертруде, тетке польского князя Болеслава II (1058—1077; в 1077—1079 гг. — король). В 1073 г. Изяслава снова свергнут с киевского стола его братья Святослав и Всеволод, и снова он обратится за помощью к Болеславу и с польской помощью вернет себе Киев в 1077 г.

И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. — Белгород — городок возле Киева. Этот эпизод отразился в «Слове о полку Игореве»: Всеслав «скочи... лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ».

Изяславъ же възгна торгъ на гору... — Полагают, что напуганный восстанием киевлян, Изяслав переместил «торг» с Подола в пределы города с тем, чтобы легче было контролировать настроения народа.

Стр. 188. *...в монастыре Всеволожи.* — В Выдубицком монастыре.

Воеваша половци у Растовьця и у Неятина. — Ростовец и Неятин — города к юго-западу от Киева.

...у Голотичьска. — Голотичьск — город в Полоцком княжестве.

...в Ростовьстѣй области... — Ростов упомянут здесь как центр удела. Волхвы из Ярославля отправились вверх по Волге и далее по Шексне, до озера Белого, где их встретил Янь Вышатич.

...в мечтѣ прорѣзавше за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу... — Об этом ритуальном действе волхвов может дать представление этнографический материал: съестные припасы, предназначенные для жертвоприношения, кладутся в мешочки, которые прикрепляются к тесьме и свешиваются за спину. Волхв (или исполняющий его функции) подходит сзади и срезает мешочки. Подробнее см.: *ПВЛ, ч. 2,* с. 402—403.

Стр. 192. *...Симонъ волхвъ...* — см. прим. к с. 56.

...Аньний и Мамъврий... — египетские волхвы; они упоминаются в апокрифических сказаниях о Моисее.

Стр. 194. *...при Глѣбѣ...* — Глеб Святославич до 1064 г. княжил в Тмуторокани, с 1068 или 1069 г. — новгородский князь.

...Германъ игуменъ святаго Спаса... — Вероятно, имеется в виду монастырь Спасо-Берестовский (в селе Берестове).

Стр. 196. *...исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову...* — Вспоминается библейская легенда о сыновьях Ноя Симе, Хаме и Иафете (см. прим. к с. 22). Сиф — третий сын Адама — считался в средневековой историографии изобретателем «еврейской грамоты»; поэтому евреи названы здесь потомками Сифа.

...избивше Хананѣйско племя, вприяша свой жребий и свою землю. — Имеется в виду библейская легенда о том, как евреи, предводительствуемые Иисусом Навином, отвоевали Палестину у хананеян, потомков Хама.

...преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прия убийство... — В Библии рассказывается, как Исав пошел войной на брата своего — Иакова, но был убит им.

...в недѣлю Масленую... — воскресенье, предшествующее Великому посту.

Стр. 198. *Пощенье бо исперва прооображено бысть...* — Далее упоминаются библейские персонажи: Адам, нарушивший завет не «вкушати» от древа добра и зла; Моисей, беседовавший с богом на Синайской горе; Самуил — один из «судей» (правителей) Израиля; жители Ниневии (бывшей столицы Ассирии); пророк Даниил, который «сподобился» видений, смог объяснить вещие сны вавилонских царей и предсказать будущее; пророк Илья, который был живым взят на небо; три отрока, брошенные по приказу Навуходоносора в горящую печь, но спасенные заступничеством ангела.

...великый Антоний, и Еуфимий, и Сава и прочии отци... — Христианские подвижники — Антоний Великий, Савва Освященный и Евфимий Великий.

...в пятокъ на канунъ Лазаревъ... — в пятницу, накануне Лазаревой субботы, последней субботы Великого поста.

...Феодоровы недѣли... — первой недели Великого поста.

...недѣлю Цвѣтную... — Вербное воскресенье — воскресенье, предшествующее Пасхе.

...велика дне Вскресенья... — Пасхи.

...удариваше в било... — Било — медная доска, заменявшая колокол.

Стр. 200. *...Стефана деместника...* — Доместик — руководитель церковного хора.

Стефану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий... — Эта фраза явно оборвана. Следующий далее текст не может быть ее продолжением и потому, что в нем речь идет о монахах, живших еще во времена Феодосия, а не при его преемнике — Стефане. В то же время эпизод с Матфеем произошел уже при игуменстве Никона (преемника Стефана), а записан скорее всего после смерти Никона.

Стр. 202. *...епитемью единого брата раздѣляху 3 ли, 4...* — Епитимья — наказание, налагавшееся в монастыре игуменом и состоявшее в каких-либо благочестивых деяниях — усердной молитве, строгом посте, воздержании от сна и т. д.

Яко се первый Демьянъ презвутеръ... — В Киево-Печерском патерике указывается, что «блаженный Нестер в Летописце написа о блаженых отцех: о Дамияне, Иеремии, и Матфеи, и Исакыи». В том же порядке следуют рассказы об этих подвижниках и в «Повести временных лет», следовательно, Патерик свидетельствует, что Летописец и, в частности, летописный рассказ о печерских подвижниках в XIII в. приписывали Нестору.

Стр. 204. *...и по Стефанѣ Никонъ...* — Никон — монах Киево-Печерского монастыря, в последние годы жизни (ум. в 1088 г.) — игумен. Как полагают, Никон был составителем летописного свода 70-х гг. XI в. (предшествовавшего Начальному своду). В «Житии Феодосия» Никон обычно именуется «Великим» и изображен постоянно «делающим книги».

...родом торопечанинь... — Из г. Торопца. Сам город упоминается в Лаврентьевской летописи впервые в статье 1209 г.

...во власяницю... — Власяница — грубая шерстяная одежда, которую носили монахи.

...проскура едина... — Просфора — хлебец, употребляемый при совершении церковного обряда евхаристии.

Стр. 206. *...и нача гнѣватися Изяславъ на Антонья за Всеслава.* — Видимо, Антоний поддерживал Всеслава, которого в 1068 г. киевляне провозгласили князем.

...Болдины горы... — холмы в западной части Чернигова.

Стр. 208. *...свиту вотоляну...* — рубашку из грубой льняной ткани.

Стр. 210. *Почата бысть церкы Печерьская... и кончана бысть на третьее лѣто, мѣсяца иуля 11 день.* — Существуют различные понимания этого текста: большинство исследователей считает, что три года следует отсчитывать от продолжения строительных работ при Стефане. Тогда окажется, что Успенский собор Киево-Печерского монастыря строился с 1073 по 1077 или 1078 г.

В се же лѣто придоша сли из нѣмець къ Святославу... — Изгнанный с киевского княжеского стола Изяслав обратился за поддержкой к императору Священной Римской империи Генриху IV. Посольство Генриха, во главе с Бурхардом Трирским, отправилось в Киев и вернулось оттуда в Германию с богатыми дарами Святослава. По словам немецкого хрониста Ламберта

Херсфельдского, «Бурхард привез королю столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнит, чтобы когда-либо такое богатство привозилось в немецкое государство». Этой платой был куплен нейтралитет Генриха в междукняжеской борьбе за киевский престол. Что касается слов, будто бы сказанных немецкими послами — «Сего суть кметье луче», то, как полагают, они передают смысл требований Генриха; император угрожал, что Святославу «придется познакомиться с властью и военной мощью немецкого государства». Из этой речи, возможно, проникло в летописный рассказ и слово «кметье» (нем. Kmetier — «дружинники»).

Сице ся похвали Иезекий, царь июдѣйскъ, къ посломъ царя асурийска... — Летописец, пересказывая библейский текст, ошибся: Иезекия показывал свои богатства послам вавилонского, а не ассирийского царя.

Сѣде Борисъ Черниговѣ... — Борис Вячеславич, сын Вячеслава Ярославича, сидевшего после смерти Ярослава Мудрого в Смоленске.

Стр. 210—212. *...убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, в Заволочии.* — Речь идет о Глебе — тмутороканском, затем новгородском князе; Заволочие — новгородские владения в бассейне р. Северная Двина.

Стр. 212. *...на Съжицѣ...* — Сожица — приток Сулы, полагают, что теперь эта речка именуется Оржица.

...от Стрежени... — Стрижень — река, протекающая возле Чернигова.

...и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ нивѣ... — Нежатина нива была расположена где-то в районе Чернигова. Эта битва описана в «Слове о полку Игореве».

Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми. — «Слово о полку Игореве» также рассматривает гибель Бориса как возмездие за похвальбу («Бориса же Вячеславича слава на судь приведе»). Чей сын был Борис? Почему он заявлял свои права на Чернигов? На эти вопросы попытался дать ответ Б. И. Яценко. Согласно его гипотезе, Борис — сын не Вячеслава Ярославича, а сын Вячеслава Владимировича, внук Владимира I Святославича, его отец был князем в Чернигове (см.: «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 31. Л., 1976).

Стр. 214. *...и поставиша противу Городьцю...* — Городець — город на левом берегу Днепра, напротив Киева.

И, принесше, положиша тѣло его в церкви святыя Богородица... — Следовательно, князь был погребен в Десятинной церкви. Но в Софийской первой летописи говорится: «положиша Изяслава въ святѣи Софии въ Киевѣ»; то же чтение и в Новгородской четвертой летописи. Заметим, что в «Слове о полку Игореве» также говорится, что тело Изяслава везли «ко святѣи Софии къ Кыеву».

Стр. 216. *А Олга емше козаре поточиша й за море Цесарюграду.* — В «Хождении Даниила игумена» — описании путешествия в Палестину в начале XII в. — имеются сведения, что Олег Святославич «два лета и две зимы» провел на острове Родос, куда был, видимо, выслан из Константинополя. Возможно, что это было сделано по просьбе Всеволода, опасавшегося своего воинственного племянника. На Родосе Олег женился на знатной гречанке Феофано Музалон, что, очевидно, и дало ему возможность уже в 1083 г. вернуться на Русь и захватить Тмуторокань.

Бѣжа Игоревичь Давыдъ с Володаремь Ростиславичемь... — Оба эти князя — заметные фигуры в политической жизни конца XI в. Давыд Игоревич — сын Игоря Ярославича, внук Ярослава Мудрого и племянник Всеволода; Володарь Ростиславич — сын Ростислава Владимировича, правнук Ярослава Мудрого.

Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороконю... — Олег останется в Тмуторокани вплоть до 1094 г., когда он с половецкими отрядами появляется под стенами Чернигова, где сидел Владимир Мономах. После этого в летописи Тмуторокань уже не упоминается. В связи с этим высказывалось предположение, что Олег передал город византийцам за помощь, которую они оказали ему в 1083 г., когда он, вернувшись из изгнания, овладел городом, изгнав поставленного Всеволодом посадника Ратибора.

...на убьенье брата его... — Романа Святославича, убитого половцами в 1079 г.

...Давыдъ зая грькы въ Олешьи, и зая у них имѣнье. — В Воскресенской летописи вместо «грькы» сказано «гречникы», что понимают как наименование купцов, ведших торговлю с Византией. Во всяком случае ясно, что Давыд Игоревич захватил и разграбил купеческое поселение в устье Днепра.

...посла Всеволодъ Володимера, сына своего... — Владимир, постоянно упоминаемый в последующих статьях — Владимир Всеволодович Мономах.

Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода... — Ярополк Изяславич — племянник Всеволода. Возможно, его, а также Олега Святославича и Давыда Игоревича и имеет в виду летописец, когда в некрологической похвале Всеволоду (в статье 1093 г.), вспоминает, как «печаль бысть ему от сыновець (племянников. — *О. Т.*) своих».

...иде Звенигороду. — Имеется в виду, вероятно, Звенигород в Галицкой земле.

Стр. 218. *Бѣжа Нерадець треклятый Перемышлю к Рюрикови...* — Рюрик Ростиславич — брат Василька и Володаря. Возможно, что Ростиславичами и был подослан убийца Ярополка.

...проводиша й до святаго Дмитрея... — до Дмитриевского монастыря в Киеве.

Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своея... — Следующая далее пышная некрологическая похвала Ярополку объяснима, как полагает Д. С. Лихачев, тем, что Ярополк, его жена и дочь были крупными жертвователями в Печерский монастырь, где и велось летописание.

...церкы святаго Михаила манастыря Всеволожа... — Имеется в виду Михайловский Выдубицкий монастырь, основанный Всеволодом Ярославичем.

Стр. 218—220. *В се лѣто иде Янъка в Грекы, дщи Всеволожа, реченая преже.* — В Лаврентьевской летописи Янка (Анна) упоминается впервые, но в Ипатьевской летописи, в начале статьи 1086 г., говорится: «Всеволодъ заложи церковь святаго Андрея, при Иване преподобномь митрополитѣ; створи у церкви тоя манастырь, в нем же пострижеся дщи его дѣвою, именемь Янька. Сия же Янка совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину». Во второй редакции «Повести временных лет» это известие опущено.

Стр. 220. *Игуменъ и черноризци свѣтъ створше...* — Рассказ о перенесении мощей Феодосия Печерского находится и в составе Киево-Печерского патерика, при этом там он приписывается Нестору летописцу. Большинство исследователей считает Нестора автором данного рассказа.

Стр. 220—222. *...Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игуменъ,— в се же время бысть епископъ,— видѣ въ своемь манастыри чрес поле зарю велику...* — Где находился в это время Стефан? Пояснение находим в рассказе о перенесении мощей Феодосия, читающемся в Киево-Печерском патерике. Там говорится: «Стефан... иже бысть в него мѣсто игумень, пакы по отшествии изъ манастыря състави на Кловѣ свой манастырь и посем, благоволением божиим бысть епископъ града Владимеря, и в то время бывь въ своем манастыри...» Следовательно, Стефан, в то время уже епископ Владимирский, в дни перенесения мощей оказался во Влахернском монастыре, в котором прежде был игуменом. Клов — урочище между Киевом и Киево-Печерским монастырем.

Стр. 224. *Паче же ревноваше великому Феодосью нравомь и житьемь...* — Феодосию Великому (424—529), одному из основоположников монашества.

В се же лѣто бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему... — В 1091 г. было кольцеобразное солнечное затмение.

...спаде превеликъ змий от небесе... — См. прим. к с. 164.

Стр. 224—226. *...от Дрютьска...* — Друцк (Дрютеск) — город, западнее г. Орши в верховьях реки Друть.

...взяша 3 грады: Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ... — города на границе с половецкой степью по берегам Днепра в Переяславском княжестве.

...от Филипова дне до мясопуста... — Филиппов день (14 ноября) — канун рождественского поста, мясопуст — неделя перед Великим постом.

Стр. 228. *...в день антипаскы...* — Антипасха — воскресенье, следующее за Пасхой.

«...земля оскудѣла есть от рати и от продажь». — Продажи — денежные штрафы за различные преступления; видимо, сбор продаж на деле превращался в произвольные поборы.

...у святаго Михаила... — у Выдубицкого монастыря под Киевом.

...къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ... — Стугна — правый приток Днепра южнее Киева; Треполь — город у устья Стугны.

Стр. 230. *...минувше Треполь, проидоша валъ.* — Имеются в виду оборонительные валы, воздвигнутые на южной границе Киевского княжества.

И утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. — Гибель Ростислава описана и в «Слове о полку Игореве». Характерно, что и в «Слове» и в летописи одинаково отмечается необычный уровень воды в Стугне. В летописи говорится, что река «наводнилася велми тогда», а в «Слове», что Стугна, поглотив ручьи и потоки («стругы»), разлилась у устья («рострена к усту»). Следовательно, в тот год «широкая заболоченная пойма Стугны» (как характеризуют ее современные исследователи) представляла особенную опасность. Владимир Мономах, однако, смог переправиться на северный берег Стугны, а затем — на восточный берег Днепра: в районе устья Стугны через Днепр был брод.

...и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради. — В «Слове о полку Игореве» также говорится: «плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ». Ростиславу в момент гибели было 23 года.

Стр. 234. *Се бо азъ грѣшный и много и часто бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни.* — Полагают, что этими словами завершался текст Начального свода.

Стр. 236. *Се уже третьее наведе поганыя на землю Русьскую, его же грѣха дабы й богъ простилъ, зане же много хрестьянъ изгублено бысть...* — Эта оценка действий Олега Святославича напоминает характеристику, данную ему в «Слове о полку Игореве»: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Даждь-Божа внука...»

Идоша половци на Грькы с Девгеневичемъ... — По сообщению Анны Комниной в ее «Алексиаде» — историческом сочинении, посвященном деятельности ее отца, императора Алексея I Комнина (1081—1118),— «Девгеневич» был самозванцем, выдававшим себя за Леона (Льва), сына императора Романа Диогена (1068—1071). Сосланный в Херсонес, он бежал оттуда к половцам и с половецкими отрядами напал на Византию. В битве под Адрианополем Девгеневич был взят в плен и ослеплен.

Стр. 238. *...к Гургеву...* — к Юрьеву, городу на реке Роси.

...на Вытечевѣ холму... — На холме, возвышавшемся на 70 м над уровнем Днепра, археологами обнаружено два городища: северное — на месте города Витичева и южное — на месте новой крепости, «Святополча-града».

...въ Стародубъ... — город в Черниговской земле; ныне это одноименный город Брянской области.

Стр. 240. *...и въжгоша Стефановъ манастырь, и деревнѣ, и Герьманы.* — Фраза не достаточно ясна; возможно, что речь идет о Влахернском монастыре на Клове, игуменом в котором был одно время Стефан (см. прим. к с. 220—222), и Спасо-Берестовском монастыре, где игуменом был Герман (см. прим. к с. 194).

...сынове Измаилеви... — см. прим. к с. 36.

Стр. 242. *Ищьли бо суть си от пустыня Етривьскыя...* — Следующее далее рассуждение основано на тексте «Откровения Мефодия Патарского», анонимного произведения, приписывавшегося Мефодию, епископу города Патар в Малой Азии, жившему в III—IV вв. Сочинение Псевдо-Мефодия использовано для объяснения происхождения кочевых народов, при этом летописец привлекает также и Хронику Георгия Амартола, однако и этот источник существенно дополняет своими собственными рассуждениями. Так, в *Хронике Амартола* (с. 88) сыновья Моава — моавитяне, а Амона — аманитяне; по летописи же сыновья Моава — это «хвалисы» (хорезмийцы), а сыновья Амона — болгары (видимо, болгары волжские). Не упоминаются, разумеется, в византийских источниках торкмены, печенеги, торки и половцы; сведения о их происхождении отражают представления самого летописца.

...заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы. — Далее в Лаврентьевской летописи следует текст «Поучения Владимира Мономаха» (см. с. 392—414).

Се же хощю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣт... — Этот фрагмент (до слов «в горах полунощных, по повелѣнью божию») принадлежит составителю третьей редакции «Повести временных лет».

Стр. 244. *«Си суть людье заклепении Александром, Македоньскым цесаремь», якоже сказаеть о них Мефоди Патарийскый...* — Легендарный рассказ об Александре Македонском извлечен из того же «Откровения Мефодия Патарского», но передан в летописи в свободном и сокращенном пересказе.

...вещь бо сунклитова сица есть... — Сунклит — легендарное вещество, предохраняющее от сгорания и разрушения.

И убиша Изяслава, сына Володимеря... — О гибели своего сына Изяслава Мономах пишет в своем письме к Олегу (см. с. 410—414). Как сказано в летописи, Олег «надеяся на правду свою»: Муром действительно был его уделом, незаконно захваченным Изяславом Владимировичем, сидевшим в Курске. Олег же, победив Изяслава, в свою очередь овладел Ростовом и Суздалем, принадлежавшими другому сыну Мономаха — Мстиславу, и помышлял захватить Новгород. Борьбе Мстислава и Олега и посвящена в основном статья 1096 г.

Стр. 246. *...изъима даньникы.* — Вероятно, речь идет о вооруженных отрядах сборщиков дани.

...на Медвѣдици... — Медведица — приток Волги (протекает на территории современной Калининской области).

Стр. 248. *...и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убояся...* — Стяг Владимира Мономаха, вероятно, привез с собой присланный им Вячеслав; Олег же, видимо, подумал, что в битве участвует и сам князь Мономах.

...на Кулачьцѣ... — Кулачьца, по-видимому,— река Колокша, приток Клязьмы; битва происходила в этом случае где-то западнее Суздаля.

Придоша Святополкъ и Володимеръ... — Исследователи полагают, что следующий далее рассказ об ослеплении Теребовльского князя Василька Ростиславича — отдельное произведение, вставленное, вероятно, при создании второй редакции «Повести временных лет». Одной из несомненных тенденций составителя этой редакции было прославление Владимира Мономаха и защита выдвигаемых им принципов княжеских взаимоотношений. Действительно, именно Владимир Мономах выступает в этом рассказе как решительный противник княжеских раздоров и выразитель общерусских интересов. Именно Мономаху приписывается высказывание, что если «начнеть брат брата закалати», то «погибнет земля Руская». Повесть включена в статью 1097 г., но создана, несомненно, не ранее 1112 г. На эту дату указывает упоминание в повести смерти Давыда Игоревича (он умер 25 мая 1112 г.). Автором повести был Василий — вероятно, «муж» князя Давыда Игоревича.

...сняшася Любячи на устроенье мира... — Княжеский съезд в Любиче был одним из нескольких подобных же съездов (в Городце в том же 1097 г., в Витичеве в 1100 г., на Золотчи в 1101 г., на Долобском озере в 1103 г.), на которых князья тщетно пытались укрепить принцип удельной системы «каждый да держит отчину свою», хорошо понимая, какую опасность несут им междоусобные войны перед лицом половецкой опасности; однако эти съезды не достигали своей цели, после краткого замирения феодальные распри вспыхивали с новой силой. Упоминаемый здесь Любич, как полагают, не город в Черниговском княжестве, а село близ Киева, на левом берегу Днепра.

...*Давыдъ и Олегъ и Ярославъ... Давыду Володимерь...* — Здесь речь идет о двух Давыдах — Давыде Святославиче, брате Олега, и о Давыде Игоревиче, уделом которого стал Владимир-Волынский.

...*Ростиславичема — Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови.* — Перемышль — город на р. Сан, ныне г. Пшемысль, на территории Польши; Теребовль — на р. Гнезне, левом притоке Серета, ныне г. Теребовля Тернопольской области.

И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву... — Речь идет о киевском князе Святополке Изяславиче и князе Давыде Игоревиче.

«Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя». — «Мужи» говорят о Владимире Мономахе и Васильке Ростиславиче, князе Теребовльском.

Стр. 250. ...*и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу в манастырь.* — Выдубицкий монастырь в окрестностях Киева.

...*Турова, и Пиньска...* — Туров и Пинск — города по среднему течению р. Припять, на крайнем северо-западе Киевской земли.

Стр. 252. ...*перешедше мостъ Звиженьскый...* — Ослепленного Василька везут из Киева во Владимир-Волынский, стольный город Давыда Игоревича. Звиждень (видимо, Въздвижень) — город западнее Киева, в верхнем течении р. Здвиж (притока р. Тетерев).

Стр. 254. *«Сего не было в родѣ нашемь».* — На первый взгляд странно, что эта реплика вложена в уста воинственного Олега Святославича и его брата. Но если смерть в бою считалась чем-то обычным («Дивно ли оже мужь умерлъ в полку ти?» — пишет Мономах Олегу, убившему его сына Изяслава), то ослепление представлялось неоправданной жестокостью. Впрочем, в Византии того времени весьма часто прибегали к ослеплению политических противников.

Стр. 254—256. *И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего.* — На основании этих слов исследователи заключают, что Всеволод был женат вторично и речь идет здесь о мачехе Владимира. Это предположение косвенно подтверждается и следующим фактом: Мономах родился в 1053 г., а вдова Всеволода умерла в 1111 г., т. е. в весьма преклонном возрасте, если считать ее матерью Мономаха. К тому же во всех трех упоминаниях «княгини Всеволожей» (в Лаврентьевской летописи, в статье 1097 г. и в статье 1111 г. в Ипатьевской летописи) она уже не называется «царицей грекиней», как в записи о рождении Мономаха (см. прим. к с. 174).

Стр. 256. ...*и мнѣ ту сущю, Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ.* — Эти слова указывают на рассказчика, а несколько далее названо и имя его — Василий («Да се, Василю, шлю тя...»).

Стр. 258. ...*берендичи...* — берендеи, тюркское племя, обитавшее на южных границах Киевского и Переяславского княжеств.

...*у Божьска...* — Божескъ (Бужьскъ) — город в верховьях р. Западный Буг.

Стр. 258—260. ...*послалъ Лучьску... воротистася Турийску.* — Лучьск (Луцк) и Турийск — города в Волынской области.

Стр. 260. ...*иде в Ляхы к Володиславу...* — Владислав — польский князь (1079—1102).

И приде Дорогобужю... — Дорогобуж — город на р. Горыни, восточнее г. Ровно.

...на поли на Рожни... — Рожне поле — урочище в верховьях Западного Буга.

Стр. 262. *Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимь сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича...* — Здесь упомянуты киевский князь Святополк, его сыновья (видимо, Мстислав и Ярослав), два сына его брата Ярополка (Ярослав и Вячеслав) и Святослав (Святоша), сын Давыда Святославича.

...король Коломанъ... — венгерский король Коломан (1095—1114).

Давыдъ бо в то чинь пришедъ из Ляхов... и воротися Давыдъ, и поидоста на угры. — Здесь описана расстановка сил перед битвой, в которой с одной стороны выступают Святополк Изяславич и союзные ему венгры, во главе с королем Коломаном, а с другой — Давыд Игоревич с наемными половецкими полками, возглавляемыми Боняком. Исследователи полагают, что в основе этого рассказа о битве лежит устное предание: на это указывает и эпизод с гаданием Боняка, и явное преувеличение сил противника: против 400 воинов Давыда и Боняка выступает стотысячное венгерское войско, и тем не менее венгры терпят поражение и теряют в бою 40 тысяч.

...сбиша угры акы в мячь... — Видимо, окружив, согнали в тесную толпу.

...ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею... — По верху городской стены устраивался деревянный помост, огражденный дощатым бруствером (забороло), через щель бруствера и пролетела стрела, ранившая Мстислава.

Стр. 264. *А Святополкъ перея Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава.* — Этими словами заканчивается повесть об ослеплении Василька Теребовльского.

В лѣто 6606. — В этой статье, а также в статьях 6607 и 6608 гг. рассказывается о тех же событиях, которые были изложены выше, в статье 6605 (1097) г., в повести об ослеплении Василька Теребовльского.

Стр. 268. *...ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава...* — Речь идет о браке русской княжны и польского князя Болеслава III Кривоустого (с 1097 г. князь Силезии и Малой Польши, с 1106 по 1138 г. — всей Польши).

...придоша на Сутѣнь. — По предположению К. В. Кудряшева, Сутень — это река Молочная, впадающая в Азовское море (на территории современной Запорожской области).

Стр. 270. *...и сруби городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли половци.* — Город Юрьев на реке Рось был сожжен в 1095 г.

Стр. 272. *Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь, Цесарюгороду...* — Ирина, дочь Володаря Ростиславича, князя Перемышльского, была выдана, вероятно, за Исаака, сына византийского императора Алексея I (1081—1118).

В се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣтъ 90... — Речь идет о Яне Вышатиче, киевском воеводе, из бесед с которым Нестор почерпнул многие сведения, введенные им в летопись (подробнее см.: *ПВЛ, ч. 2,* с. 469—470).

В се же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи... — О судьбе Евпраксии мы узнаем главным образом из западных источников. Она была обручена

с маркграфом Генрихом Шаденским, но вскоре после свадьбы овдовела. В 1088 г. Евпраксия стала женой императора (с 1084 г.) Священной Римской империи Генриха IV, получив при коронации имя Адельгейды. Она принимала активное участие в политической жизни, но в начале 90-х гг. оставила мужа, отличавшегося крайней безнравственностью, и перешла в стан его противников, выступала с обличениями Генриха на церковных соборах в Констанце и Пьяченце. Затем Евпраксия возвращается в Киев. После смерти Генриха в 1106 г. она постригается в монахини; умерла в 1109 г.

...прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку. — Избыгнев (Збигнев) — брат Болеслава Кривоустого; в 1106 г. был побежден им, и Болеслав объединил под своей властью всю страну.

В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. — То есть 4 год в 19-летнем лунном цикле и 8 год в 28-летнем солнечном цикле — системах летоисчисления, подобных византийским индиктам.

В се же лѣто преставися Володимеряя... — жена Владимира Мономаха — Гита, дочь английского короля Гаральда.

Стр. 274. *И поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь...* — за Юрия Долгорукого.

...в сѣнаникъ... — в синодик, в книгу для поминовения во время богослужения умерших.

...святыя богородица на Кловѣ... — см. прим. к с. 220—222 и 240.

Стр. 276. *«Ангел твой буди с тобою».* — Продолжение этого текста читается в Ипатьевской летописи. Там приводится выдержка из сочинения Епифания Кипрского (IV в.), в которой перечисляются различные ангелы («ангелъ облакомъ и мьгламъ, и снѣгу, и граду, и мразу...»), а затем приводится выдержка из средневековой хронографической компиляции «Иосиппона», в которой повествуется о том, как ангел явился Александру Македонскому и повелел ему отдать почести иерусалимским священникам. Завершается статья рассказом о знамении в Киево-Печерском монастыре, которое свершилось «месяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18 (т. е. 6618. — *О. Т.*)».

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книгы си Лѣтописець... — Приписка Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря. Исследователи считают его не простым переписчиком, а составителем второй редакции «Повести временных лет».

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

В 1015 г. умер киевский князь Владимир I Святославич. Киевский великокняжеский стол занял Святополк. По старшинству он имел право претендовать на это, но обстоятельства рождения Святополка и характер отношения к нему Владимира заставляли его опасаться за прочность своего положения. За 35 лет до этих событий, в 980 г., Владимир, убив своего старшего брата Ярополка, княжившего в Киеве, взял себе в жены его беременную жену «грекиню» (гречанку). Таким образом, хотя Святополк родился, когда его мать являлась женой Владимира I, он был сыном не Вла-

димира, а Ярополка. Поэтому-то, как говорит «Сказание о Борисе и Глебе»,— «и не любляаше его Владимир». Стремясь утвердиться на киевском великокняжеском престоле, Святополк стал уничтожать своих возможных соперников. Были убиты по его приказанию сыновья Владимира Святослав, Борис и Глеб. В борьбу за киевский княжеский стол вступил княживший в Новгороде сын Владимира от Рогнеды Ярослав, прозванный впоследствии Мудрым. В результате упорной и длительной борьбы, продолжавшейся до 1019 г. и окончившейся поражением и гибелью Святополка, Ярослав утвердился на киевском престоле (княжил до 1054 г.). Деятельность Ярослава была направлена на усиление могущества и самостоятельности Руси. Важное государственное и политическое значение в этом процессе приобретало положение русской церкви. Стремясь укрепить независимость русской церкви от Византии, Ярослав добивался канонизации (признания святыми) русских государственных и церковных деятелей. Такими первыми, официально признанными Византией русскими святыми стали погибшие в межкняжеских распрях Борис и Глеб. В честь Бориса и Глеба был установлен церковный праздник (24 июля), причисленный к великим годовым праздникам русской церкви.

Культ Бориса и Глеба имел важное государственно-политическое значение. Поведением Бориса и Глеба, не поднявших руки на старшего брата даже в защиту своей жизни, освящалась идея родового старшинства в системе княжеской иерархии: князья, не нарушившие этой заповеди, стали святыми. Политическая тенденция почитания первых русских святых заключалась в осуждении княжеских распрь, в стремлении укрепить государственное единство Руси на основе строгого соблюдения феодальных взаимоотношений между князьями: все князья — братья, но старшие обязаны защищать младших и покровительствовать им, а младшие беззаветно покоряться старшим.

Государственное, церковное и политическое значение культа Бориса и Глеба способствовало созданию и широкому распространению в древнерусской письменности многочисленных произведений о них. Им посвящена летописная повесть (под 1015 г.) «О убиении Борисове» (см. с. 146—156), «Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба», написанное неизвестным автором, «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», автором которого был Нестор, проложные сказания (краткие рассказы в Прологах — особом виде древнерусских литературных сборников), паремийное чтение (текст, включенный в богослужебные книги — Паремийники и Служебные Минеи). Вопрос о взаимоотношении всех этих текстов и их хронологии весьма сложен и до настоящего времени не может считаться разрешенным. По мнению большинства ученых в основе и «Сказания» и «Чтения» лежит летописная повесть (есть, правда, и гипотеза о первичности «Сказания» по отношению к летописной повести). По вопросу о взаимоотношении «Сказания» и «Чтения» в науке существуют две противоположных точки зрения.

С. А. Бугославский на основе текстологического изучения 255 списков всего цикла памятников о Борисе и Глебе пришел к заключению, что «Сказание» возникло в последние годы княжения Ярослава Мудрого (т. е. в середине

XI в.). Позже к «Сказанию о Борисе и Глебе» было присоединено «Сказание о чудесах», составлявшееся последовательно тремя авторами на протяжении 1089—1115 гг. Наиболее ранний список «Сказания» (в Успенском сборнике конца XII — нач. XIII вв.) дошел до нас уже в таком виде (т. е. текст «Сказания о Борисе и Глебе», дополненный «Сказанием о чудесах»). На основе «Сказания о Борисе и Глебе», дополненного рассказами о чудесах в редакции второго автора, скорее всего около 1108 г., Нестором было составлено «Чтение». Противоположная точка зрения, обоснованная А. А. Шахматовым, поддержанная и развитая Н. Серебрянским, Д. И. Абрамовичем, Н. Н. Ворониным (мы называем имена тех исследователей, которые специально занимались этой проблемой), сводится к следующему. Сначала, в 80-х гг. XI в., было написано «Чтение» Нестором. На основе Несторового «Чтения» и летописной повести после 1115 г. было создано «Сказание», с самого начала включавшее в свой состав и рассказы о чудесах. Гипотетичность обеих точек зрения требует дальнейшей разработки данного вопроса.

«Чтение» Нестора, по сравнению со «Сказанием», носит более «правильный», с точки зрения агиографического жанра, характер. В «Чтении» сильнее проявляется церковная назидательность, изложение событий носит более отвлеченный характер. Нестор вносит в свой рассказ традиционные житийные мотивы. У него, в соответствии с житийным этикетом, рассказывается о детстве и юности Бориса, который с увлечением читает Священное писание и Жития святых, мечтает принять мучение за христианскую веру. В «Сказании», по сравнению с «Чтением», гораздо драматичнее и динамичнее изображены описываемые события, сильнее показаны эмоциональные переживания героев. Сочетание в «Сказании» патетичности с лиричностью, риторичности с лаконизмом, близким к летописному стилю повествования, делают этот памятник самого раннего периода древнерусской литературы одним из наиболее ярких произведений Древней Руси. Примечательно, что у древнерусских читателей «Сказание» пользовалось значительно большей популярностью, чем «Чтение»: списков первого произведения гораздо больше, чем второго.

Образ Бориса и Глеба, как святых-воинов, покровителей и защитников Русской земли и русских князей, неоднократно использовался в древнерусской литературе, особенно в произведениях, посвященных воинским темам. В течение нескольких веков древнерусские писатели обращались к литературным памятникам о Борисе и Глебе, преимущественно к «Сказанию», заимствуя из этих источников сюжетные ситуации, поэтические формулы, отдельные обороты и целые отрывки текста. Столь же популярны Борис и Глеб, как святые князья-воины, были и в древнерусском изобразительном искусстве.

* * *

Летописная повесть о Борисе и Глебе неоднократно издавалась в составе «Повести временных лет». Научное издание текстов «Сказания», «Чтения» и других памятников этого цикла см.: «Жития святых мучеников Бориса и

Глеба и службы им». Подготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916; С. А. Бугославский. Украiно-руськи пам'ятки XI—XVIII вв. про князив Бориса та Глiба. У Київi, 1928.

Мы публикуем текст «Сказания о Борисе и Глебе» по списку Успенского сборника (по изд.: «Успенский сборник XII—XIII вв.». Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971), но в том составе, который, по гипотезе С. А. Бугославского, это произведение имело в своем первоначальном виде, т. е. без «Сказания о чудесах», но сохраняя приложенную после похвалы Борису и Глебу, перед «Сказанием о чудесах», статью «О Борисѣ, какъ бѣ възъръм». Исправления ошибок и восполнение пропусков делаются по спискам «Сказания», входящим в редакцию Успенского сборника (по изд. Бугославского). Исправления и дополнения набраны курсивом.

Стр. 278. *...Володимиру сыну Святославлю...* — О княжении Владимира I Святославича в «Повести временных лет» рассказывается под 980—1015 гг. (см. с. 94—144).

Сего мати преже бѣ чьрницею, гръкыни сущи, и поялъ ю бѣ Ярополкъ... — О княжении Ярополка, его женитьбе и гибели в «Повести временных лет» рассказано под 973—980 гг. (см. с. 88—92).

А отъ Рогнѣди... — О Рогнеде Рогволодовне, полоцкой княжне, в «Повести временных лет» говорится под 980 и 1000 гг. (см. с. 90 и 144). В статье 980 г. рассказывается также о женах Владимира и его детях от них (см. с. 94).

Стр. 280. *И призъвавъ Бориса, ему же бѣ имя наречено въ святѣмь крьщении Романъ...* — В древности был распространен обычай давать два имени — одно «русское», «мирское», «княжеское», а второе христианское, «крестное». Крестное имя Бориса — Роман, Глеба — Давыд.

О таковыихъ бо рече Притъчьникъ... — Приточник — составитель книги притчей — царь Соломон (см. прим. к с. 76). Книга притчей Соломона входит в состав Библии.

...како преставися отьць его Василии... — Василий — крестное имя Владимира I.

...и ночь проимавъ помостъ на Берестовѣмь... везъше на саньхъ... — см. прим. к с. 144.

Апостолъ же: «Иже рече...» — Здесь имеется в виду 1-е послание апостола Иоанна, входящее в состав Евангелия (Нового завета). Апостолом также называется книга, состоящая из деяний и посланий апостолов.

«То понѣ узьрю ли си лице братьца... яко же Иосифъ Вениямина?» — Иосиф и Вениамин — библейские персонажи: самые младшие дети Иакова от Рахили. Иосиф встречается со своим младшим братом Вениамином после длительной разлуки, виновниками которой являлись старшие их братья от других жен Иакова.

Стр. 282. *Багряница* — царское, княжеское одеяние, порфира.

Соломон — см. о нем. прим. к с. 76. В «Сказании» приводится изречение из библейской книги «Екклезиаст», связываемой с именем Соломона.

Пришедъ Вышегороду... — см. прим. к с. 74.

Стр. 284. *...яко же преже Каина на братоубиство горяща...* — Каин — библейский персонаж. Каин и Авель — дети Адама и Евы. Каин из зависти к младшему брату убил его.

...и сталъ бѣ на Льтѣ шатьры. — См. прим к с. 146.

Помышляшеть же мучение... мученика Никиты и святаго Вячеслава... и како святѣи Варварѣ отьць свои убоица бысть. — Борис вспоминает имена тех святых, которые погибли за верность христианству от руки своих ближайших родственников: Никита, царский сын, был мучим и казнен отцом, не признававшим христианство; Вячеслав (Вацлав) чешский князь (921—929), объявленный церковью святым, был убит братом Болеславом I; Варвара за исповедание христианской веры была казнена отцом-язычником.

«Въставъ, начьни заутрьнюю». — Заутреня — утреннее богослужение, совершаемое как в праздничные, так и в будние дни.

Стр. 286. *...поюща Псалтырь заутрьнюю.* — Псалтырь — одна из книг Библии, представляющая собой собрание псалмов (хвалебных песнопений). Библейская традиция приписывает создание Псалтыри Давиду, полулегендарному царю Израильско-Иудейского государства (конец XI — начало X в. до н. э.). На самом же деле псалмы — произведения древнееврейского народного творчества, создававшиеся в течение длительного времени, позже объединенные в единую книгу.

Канон — церковное песнопение.

...възложилъ на нь гривьну злату... — Здесь гривна — шейный обруч, ожерелье, как знак отличия, награда.

Стр. 288. *...мѣсяца июлия въ 24 дьнь, преже 9 каландъ агуста.* — В древнеримском календаре первый день каждого месяца назывался календами, 5-е или 7-е число месяца (день первой четверти луны) — нонами, 13-е или 15-е число (день полнолуния) — идами. От этих трех моментов дни отсчитывались назад (исходная дата включалась в счет дней). Поэтому, в счете по календам, 24 июля соответствовало девятому дню перед августовскими календами. Календарный счет с упоминанием календ встречается в древнерусских текстах редко и параллельно с указанием дат и дней недели согласно юлианскому календарю, принятому на Руси вместе с христианством.

Стр. 290. *...ста на Смядинѣ...* — см. прим. к с. 150.

...пришьла бяаше вѣсть отъ Передъславы... — Предслава — дочь Владимира I от Рогнеды, родная сестра Ярослава.

Стр. 294. *...яко же рече Давыдъ...* — см. прим. к с. 286.

...поврьжену на пустѣ мѣстѣ межю дъвѣма колодама. — Здесь либо имеется в виду колода — ствол упавшего дерева, либо колода — гроб, выдолбленный из двух половин цельного ствола дерева.

Стр. 296. *...яко же и Авелева преже.* — См. прим. к с. 284.

...яко же и на ономь положи стонание и трясение... — Наказывая Каина за братоубийство, бог сказал: «Стеня и трясыйся будеши на земли» (книга Бытия, гл. IV, 13).

И прибѣгоша Берестию съ нимь. — См. прим. к с. 158.

И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы... — Существует гипотеза, что выражение «между Чехами и Ляхами» — древняя поговорка в смысле «где-то далеко».

...Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмь же седмьдесятицею мьстися ему. — Ламех — один из потомков Каина, также совершивший убийство. В Библии сказано: «Яко седмицею отмстися от Каина, от Ламеха же седмьдесят седмицею» (книга Бытия, гл. IV).

...яко же бо Иулиянъ цесарь... — Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан) римский император (361—363). Восстановил в Римской империи язычество как официальную религию и выступил против христианства. Имя Юлиана в христианской литературе стало нарицательным именем гонителя православия. Погиб от вражеской стрелы во время похода против персов в 363 г.

Стр. 298. *...и въложьше въ корабль...* — В древних погребальных обычаях покойника либо везли на санях (независимо от времени года), либо несли в ладье.

Стр. 300. *...яко же и великии Димитрии...* — Дмитрий Солунский, сын солунского воеводы, проконсул Солуни (совр. Салоники), был убит в 306 г. и признан христианской церковью святым. Почитался как покровитель и защитник Солуни. Пользовался особой популярностью как святой-воин не только в Солуни, но на Афоне, в Балканских странах и в Древней Руси.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

«Житие Феодосия» — инока, а затем игумена Киево-Печерского монастыря — написано в 80-х гг. XI в. монахом той же обители — Нестором. Жизнеописание святого, как того требовал жанр произведения, должно было содержать ряд традиционных сюжетных мотивов: будущий святой рождается от благочестивых родителей, с детства отличается «прилежанием» к церкви, бежит от радостей и соблазнов «мирской жизни», а став монахом, являет собой образец аскета и подвижника, успешно борется с кознями дьявола, творит чудеса. Все эти мотивы встречаются и в «Житии Феодосия». Но в то же время это житие привлекает нас обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. Сам Феодосий, в прошлом смиренный нравом отрок, терпеливо сносивший побои матери и издевательства сверстников, становится деловитым хозяином монастыря и смело вмешивается в политическую жизнь страны. Мать Феодосия, вопреки христианскому благочестию, которым, по агиографическому канону, наделил ее Нестор, упорно борется со стремлением сына «датися» богу. Монахи Киево-Печерского монастыря, те, о ком летописец говорит, что они «сияют и по смерти яко светила», предстают перед нами вполне земными людьми: они с трудом примиряются с суровым монастырским уставом, далеко уступают своему игумену в трудолюбии, смирении и благочестии. В описании чудес и видений Нестор проявляет удивительное писательское мастерство: он умеет найти и подать такие выразительные детали, которые создают иллюзию достоверности даже в самых фантастических эпизодах. В то же время, если не считать традиционного для житий вступления, где автор молит бога помочь в написании произведения и сетует на свое «невежество», и некоторых молитв Феодосия, житие лишено риторических рассуждений, оно сюжетно и динамично.

* * *

«Житие Феодосия» публикуется по списку в составе Успенского сборника (рукопись Государственного Исторического музея в Москве, Синодальное собр. № 1063/4), изданному в кн.: «Успенский сборник XII—XIII вв.». Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Исправления и дополнения внесены по списку «Жития» в составе Киево-Печерского патерика, изданного в кн.: Дмитро Абрамович. Киево-Печерський патерик. У Києві, 1930. Все исправленные слова выделены курсивом, дополнение оговорено.

Стр. 304. *...писавъшю ми о житие... Бориса и Глѣба...* — Нестором написано также «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба». Позднее, в начале XII в., тот же Нестор создал новую редакцию русской летописи — «Повесть временных лет». Сведения о Киево-Печерском монастыре и о Феодосии в «Повести временных лет» (в статьях 1051, 1074 и 1091 гг.) дополняют рассказ «Жития», но в ряде случаев и противоречат ему.

Стр. 306. *...великаарo мѣню Антония...* — Антоний Великий (III—IV вв.) — отшельник, признаваемый церковью как основоположник монашества.

Градъ есть... именемь Васильевъ. — Город юго-западнее Киева на реке Стугне; поприще — древнерусская мера длины, в данном случае близка по значению к версте.

...Феодосиемь того нарицаеть. — В переводе с греческого «Феодосий» означает — «данный, посвященный богу».

Стр. 308. *...стадо богословесьныхъ овьць, донъдеже пастуха избьра.* — Традиционные в древнерусской книжности метафоры: «пастух», «пастырь» — священник или игумен, «овцы», «стадо» — прихожане или монахи, «волк» — дьявол.

«Рабе благый, верьне умноживый преданый талантъ...» — В данном месте, а также в тексте на с. 306 и 358 имеется в виду евангельская притча о рабах, которым господин, уезжая, оставил на сохранение свои сокровища («талант» — денежная единица в Древнем Востоке). Один раб закопал деньги в землю, а другие пустили их в оборот и вернули господину с прибылью. Здесь речь идет о том, что данный тебе талант (способность) не следует скрывать, его нужно развивать в деле.

Стр. 310. *...о святыхъ мѣстѣхъ...* — о Палестине, куда в средневековье часто отправлялись паломники.

Стр. 312. *...золодѣй врагъ...* — Здесь и в дальнейшем словом «враг» обозначается дьявол.

Стр. 316. *...о блаженѣмь Антонии...* — см. о нем в «Повести временных лет», с. 170—172.

Стр. 318. *...великому Никону...* — Никон — монах, а позднее игумен Киево-Печерского монастыря; он был составителем летописного свода, предшествовавшего «Повести временных лет» (см. прим. к с. 204).

Стр. 322—326. *...на конь поеха къ старцю... яко Антоний и иже...* — Этот текст восполняется по Киево-Печерскому патерику; в Успенском сборнике утрачен лист с этим текстом.

Стр. 324. *Князь Изяслав* — старший сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский с 1054 по 1073 г. (с перерывом в 1068—1069 гг., когда княжил Всеслав).

Стр. 326. *Тъгда глагола ему жена его...* — Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского князя Мешко II; события, о которых говорит Гертруда, быть может,— восстание 1037—1038 гг. См. прим. к с. 164.

Стр. 328. *..якоже се апостола Павьлъ и Варнава... въ Дѣянихъ апостолъ.* — О проповеди христианства апостолами Павлом и Варнавой рассказывается в Новом завете (Деяния святых апостолов, гл. XI—XIV).

...островъ Тьмутороканьскый... — Имеется в виду Тмутороканское княжество, располагавшееся на Таманском полуострове.

Стр. 332. *...въ манастырь святаго мученика Димитрия и ту игуменъмь поставленъ.* — Речь идет о Дмитриевском монастыре (Дмитрия Солунского, см. о нем прим. к с. 300), построенном киевским князем Изяславом Ярославичем. Монастырь находился в Киеве, вероятно, на Михайловской горе, невдалеке от Киево-Печерского монастыря.

Стр. 334. *...уставъ Студийскааго манастыря...* — см. прим. к с. 174.

...святыихъ мясопущь... — см. прим. к с. 226.

...до врьбьныя недѣля... — см. прим. к с. 198.

Стр. 338. *...псалмы Давыдовы въ устѣхъ своихъ имуще.* — Далее нами опущен текст пространной молитвы Феодосия.

Стр. 342. *...умьрътшю Ростиславу князю острова того...* — О смерти Ростислава Владимировича см. в «Повести временных лет» под 1066 г.

...съ князьмь Глѣбъмь... — Глеб, сын Святослава Ярославича, княжил в Тмуторокани в начале 60-х гг., в 1064 г. был изгнан Ростиславом; после его смерти в 1066 г. тмутороканцы вновь попросили Глеба стать их князем.

Стр. 350. *...гривьну злата...* — Гривна — денежная единица; здесь, возможно, речь идет о золотом слитке достоинством в гривну.

...единъ нѣкто чьрноризьць... имьньмь Дамианъ... — О Дамиане (Демьяне) см. в «Повести временных лет», в статье 1074 г.

Стр. 360. *...въ пустыни людьмъ непокоривыимъ хлѣбъ небесьный одъжди и источи крастѣли.* — В Библии рассказывается, как бог ниспослал с неба манну и перепелов блуждавшим по пустыне евреям.

Стр. 362. *...святааго пьрьвомученика Стефана...* — Согласно библейскому преданию (см. Деяния святых апостолов, гл. VI—VII), Стефан — дьякон, который был первым казнен за проповедь христианства во времена римского императора Гая Юлия Цезаря Калигулы (12—41).

Стр. 364. *Бывъшю же нѣколи дьни святаго и великаго Димитрия...* — День памяти святого Дмитрия Солунского; в честь его и был основан князем Изяславом монастырь, не раз упоминаемый в «Житии Феодосия».

...епитимиею утвьрьди... — см. прим. к с. 202.

Стр. 368. *Боголюбивый же кънязь Изяславъ... послѣже положи душю свою за брата своего...* — О гибели Изяслава рассказывается в «Повести временных лет», в статье 1078 г.

Стр. 372. *...о святѣмь и велицѣмь Савѣ.* — О Савве Освященном, византийском святом.

Стр. 376. *...бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако...* — Речь идет о событиях 1073 г., когда киевский князь Изяслав Ярославич был изгнан из своего

удела братьями — Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским. Киевским князем стал Святослав и оставался им до своей смерти в 1076 г.

...на тряпезу Вельзавелину... — т. е. на пир, устраиваемый Святославом, грубо нарушившим заповедь своего отца Ярослава. Иезавель — жестокая и коварная жена царя Ахава, о которой повествуется в Библии.

Стр. 380. *...паче меду и съта...* — Сыта — сладкий напиток на меду.

...другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ... — Органы и замры (?) — ударные и духовые музыкальные инструменты.

Стр. 380—382. *...въ ектении веля того поминати...* — Ектения — заздравная молитва.

Стр. 384. *...тиуны, и приставьникы...* — Тиун, приставник — эконом, управляющий хозяйством, дворецкий.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Прозвание Мономаха получил по матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г. — киевским. Всю жизнь он провел в борьбе с половцами и с их обычным союзником — князем Олегом Святославичем (в «Слове о полку Игореве» он упоминается с иронической переделкой его отчества как Олег «Гориславич»). Против половцев Мономах организовал несколько походов объединенных сил русских князей. Стремясь предотвратить распад русского государства на ряд самостоятельных княжеств и вместе с тем придерживаясь принципа, что каждый князь должен наследовать владения своего отца, он придавал огромное значение идеологической пропаганде единства Русской земли. С этой целью он организовывал съезды русских князей, поддерживал культ «святых братьев» Бориса и Глеба, жизнь которых должна была подать пример послушания младших князей старшим, покровительствовал летописанию, напоминавшему об историческом единстве Руси и всего княжеского рода («все князья — братья») и писал сам произведения, в которых выражал те же идеи единства Руси и необходимости бескорыстного служения родине. В собственной деятельности Владимир Мономах не всегда выдерживал изложенные им принципы, но все же законодательным путем он несколько смягчил положение низов, покровительствовал духовенству, в целом ряде случаев добивался прекращения княжеских усобиц и добился прекращения на некоторое время половецких набегов, совершив успешные походы в глубь степей. Княжение Владимира — это время усиления Руси и эпоха расцвета русской литературы (времени Владимира Мономаха принадлежат «Жития Бориса и Глеба», «Повесть временных лет», «Хождение во святую землю» игумена Даниила и ряд других произведений).

«Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. В ней оно искусственно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой

Роговичем. В других летописях (Ипатьевской, Радзивиловской и др.) текст, разделенный в Лаврентьевской летописи «Поучением», читается без всякого разрыва и «Поучение» отсутствует. «Поучение» — одно из выдающихся произведений древнерусской литературы. По поводу того, когда оно было написано, существует большая литература и большие расхождения во взглядах (обзор взглядов см. в кн. А. С. Орлова «Владимир Мономах», М. — Л., 1946, с. 66—70). Вероятнее всего, оно написано в 1117 г. Печатается по Лаврентьевской летописи (ГПБ, F. п. № 2) с незначительными исправлениями описок. Все добавленные или исправленные слова выделены курсивом. Текст воспроизводится по тем же правилам, что и текст «Повести временных лет». Ниже дается самый сжатый комментарий к «Поучению». Подробный комментарий см. в *ПВЛ, ч. 2,* с. 425—457.

Стр. 392. *...нареченый въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ...* — Два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское»,— обычны в среде русских князей XI—XIII вв., а отчасти и позднее.

...Мьномахы... — Вслед за этим словом в Лаврентьевской летописи следует пробел в четыре с половиной строки.

Сѣдя на санех... — Это образное выражение следует понимать как «в преклонных годах», «на краю смерти». Значение его основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая.

...дѣти мои, или инъ кто... — Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.

...братья моея... — Здесь разумеются двоюродные братья Мономаха князья Святополк Изяславич и Святослав Давыдович (по прозвищу «Святоша»).

...Ростиславича... — Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Теребовльский.

...598емъ Псалтырю, в печали разгнухъ я́, и то ми ся выня... — Псалтырью называется одна из книг Библии, представляющая собой собрание ста пятидесяти псалмов: песнопений, исполнявшихся в библейские времена под аккомпанемент струнного музыкального инструмента псалтыри, по имени которого и получила свое название эта книга Библии. Основная часть Псалтыри приписывается библейскому царю Давиду. Псалтырью часто пользовались в Древней Руси для гаданий. Существовали даже особые гадательные псалтыри, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтырного текста. Гадающий раскрывал наугад Псалтырь и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были.

Стр. 394. *Якоже бо Василий учаше...* — Василий Великий (Кесарийский; ок. 330—379). «Поучение» Василия Великого было известно на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г.

Стр. 398. *...како птица небесныя изъ ирья идут...* — По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа.

...Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от них благословленье... — Здесь текст, по-видимому, испорчен.

Стр. 400. *...якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ...* — Какие именно языки знал отец Мономаха — Всеволод Ярославич,— мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков. Об этом помнили и этим восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.

Стр. 402. *Вятичи* — жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. немалую опасность.

...со Ставкомь с Гордятичемъ... — Нигде в других случаях этот Ставко более в летописях не упоминается.

Берестье — ныне Брест.

...идохъ Володимерю. — Город Владимир-Волынский.

...идохъ Переяславлю отцю... — К отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха — Всеволода).

Сутейск. — Где был Сутейск — неясно. Урочищ со сходными названиями имеется несколько.

...за Глоговы до Чешьскаго лѣса... — Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. Глогова — Глогув на р. Одре.

...дѣтя.., старѣйшее новгородьское. — Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

...таже Турову. — Туров был городом Владимира Мономаха; ныне небольшое местечко в Белоруссии.

И Святославъ умре... — Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.

...Глѣбови в помочь. — В помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г.

...Одрьскъ... — Где был город Одреск — неясно.

...на Краснѣмь дворѣ... — Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.

...и побѣдихомъ Бориса и Олга. — Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича («Гориславича») (см. также прим. к с. 212). Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговцами».

Обровъ — урочище в Переяславском княжестве, но неясно, где именно.

...до Лукамля и до Логожьска... — Города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

...князи Асадука и Саука... — Асадук — это, возможно, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке.

...за Новымъ Городом... — За Новгородом-Северским.

...силны вои Белкатгина... — Кто такой Белкатгин — неизвестно.

...а семечи и полонъ весь отяхом. — Кто такие «семичи» — неизвестно (жители по реке Семи?).

...на Ходоту... — Ходота — князь вятичей. Более о нем ничего не известно.

...ко Корьдну... — Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно.

...по Изяславичихъ... — По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке — сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Васильке Ростиславиче Теребовльском).

Стр. 404. *Микулинъ* — город в Галицкой области на р. Серете.

Броды — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле. Здесь состоялось свидание Мономаха с Ярополком и заключен с ним мир.

Хоролъ — приток Псела.

Горошинъ — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке на юго-запад от Хорола.

Супой — левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра — Сула. Супой и Сула — пограничные с половецкой степью реки.

Прилукъ — город в Переяславском княжестве. В некоторых списках «Повести временных лет» Прилуком называется г. Переволочна.

...толко семцю яша одиного живого... — Что означает слово «семца» — неясно (может быть, младший член семьи, слуга).

...к Бѣлѣ Вежи... — Здесь, очевидно, имеется в виду г. Белая Вежа на р. Остре.

Святославль. — Местоположение Святославля неясно.

Гюргевъ — город Юрьев на р. Роси.

Ростиславъ — Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.

Варинъ. — Где находился Варин — неясно.

Володимерь — Владимир-Волынский.

...и Ярополкъ умре. — Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.

...по отни смерти... — Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

Халѣп — село Халепье недалеко от Стугны.

...у Глѣбовы чади... — Интересно, что знатный половец носит русское имя; русские имена у половцев встречаются неоднократно.

...на святаго Бориса день.... — Память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля.

Римовъ — город на Суле.

Стр. 406. *Голтавъ* — город в Переяславском княжестве при впадении р. Голтавы в Псел.

...Вороницѣ. — Местоположение Вороницы неясно.

...гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша... — Место это испорчено в тексте и неясно.

...Гюргева мати умре. — Жена Мономаха. Она названа так по имени младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого в 1066 г. в сражении с норманнами Вильгельма Завоевателя при Гастингсе. Дочь Гаральда

Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г.

Кснятинъ — город на правом берегу Сулы.

Урусоба — половецкий князь.

...ходихом к Воиню... — Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.

И к Выреви... — Выра — селение на р. Выре.

Ромен — город на р. Суле.

...на Ярославця... — Речь идет о походе на Ярославца Святополковича во Владимир-Волынский.

А всѣх путий 80 и 3 великих... — В своем «Поучении» Мономах перечислил не все восемьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять. О том, сколько было меньших «путей» (походов), дает отчасти представление упоминание Мономаха о ста своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями.

Таревьскый князь Азгулуй... — Что такое «таревский» — неизвестно.

Стр. 408. *...лютый звѣрь...* — Что такое этот «лютый зверь» — неясно.

Бирич — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

ПИСЬМО К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

Стр. 410. *О многострастный...* — Этими словами открывается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу «Гориславичу» из «Слова о полку Игореве»), написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха — Изяслава в битве с Олегом. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения. См. также прим. к с. 244 «Повести временных лет».

...дѣтя мое и твое... — По-видимому, Изяслав был, так же, как и Мстислав, крестным сыном Олега.

Стр. 412. *...а сноху мою послати ко мнѣ...* — Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава — неизвестно.

...сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь... — Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

...хлѣбъ ѣдучи дѣдень... — Феодальный термин, означающий: «сидеть в своем родовом уделе»; в данном случае этот последний — Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

...а ты сѣдиши в своемъ... — В уделе Муромо-Рязанском.

Стр. 414. *...обличаюся. И прочее.* — Далее в Лаврентьевской летописи следует молитвенный текст, который до недавнего времени ошибочно приписывался Мономаху.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Подбор иллюстраций
О. А. Белобровой

Софийский собор в Новгороде. 1045—1050 гг. Фотография 1900-х гг. *(Фотоархив ЛОИА)*

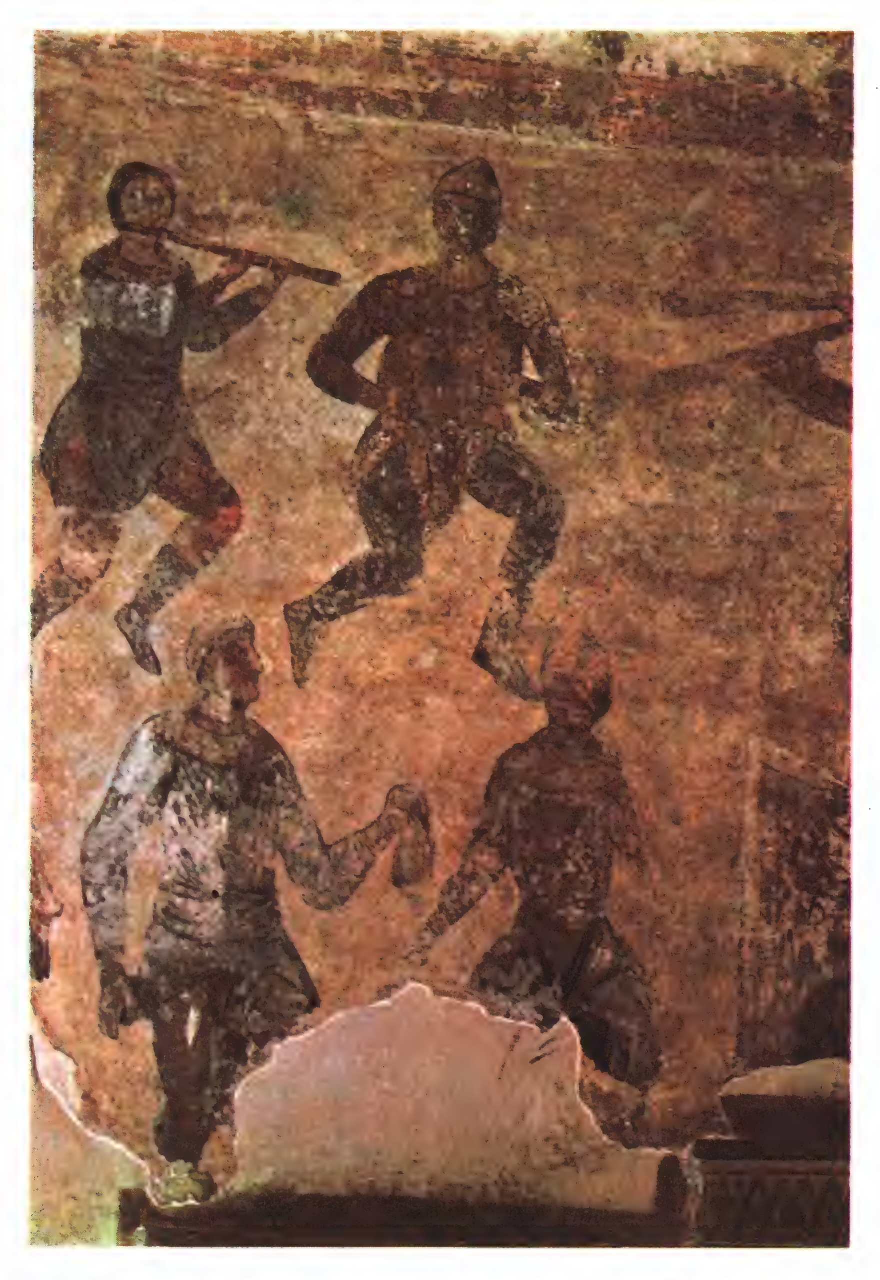
Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде. 1119 г.
Фотография 1925 г. *(Фотоархив ЛОИА)*

Спасо-Преображенский собор в Чернигове. Около 1036 г.
Фотография 1920-х гг. *(Фотоархив ЛОИА)*

Дмитрий Солунский. Мозаика Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. XI в. *(Москва, ГТГ)*

Св. Лаврентий и Василий Великий. Мозаика Софийского собора в Киеве. XI в.

Музыкант. Фреска лестницы Софийского собора в Киеве. XI в.



Скоморохи. Фреска лестницы Софийского собора в Киеве. XI в.

Св. Пантелеймон. Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.

Апостолы Петр и Павел. Икона Софийского собора в Новгороде. XI в. *(Новгородский государственный музей-заповедник)*

Георгий воин. Икона Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XII в. *(Музеи Московского Кремля)*

Святослав с женой и сыновьями. Миниатюра. Изборник Святослава 1073 г. *(Москва, ГИМ)*

Лист с заставкой. Изборник Святослава 1073 г.
(Москва, ГИМ)

Собор святых отец. Миниатюра. Изборник Святослава 1073 г.
(Москва, ГИМ)

Ярополк с женой и с матерью. Деталь миниатюры. Трирская псалтырь (Кодекс Гертруды). XI в. *(Италия, Чивидале)*

Св. Борис и Глеб. Икона. XIV в. *(Ленинград, ГРМ)*

Сказание о Борисе и Глебе.
1. Владимир посылает Бориса против печенегов.
2. Смерть Владимира. Миниатюры. Сильвестровский сборник.
XIV в. *(Москва, ЦГАДА)*

Сказание о Борисе и Глебе.
1. Борис и Глеб, удостоенные мученических венцов. 2. Борис идет на печенегов. Миниатюры. Сильвестровский сборник. XIV в.
(Москва, ЦГАДА)

Сказание о Борисе и Глебе
1. Убийцы Бориса находят его в шатре. 2. Убиение Бориса.
Миниатюры. Сильвестровский сборник. XIV в. *(Москва, ЦГАДА)*

Сказание о Борисе и Глебе.
1. Убийцы настигают Глеба. 2. Убиение Глеба. Миниатюры.
Сильвестровский сборник. XIV в. *(Москва, ЦГАДА)*

Сказание о Борисе и Глебе.
1. Тело убитого Глеба везут в насаде. 2. Глеб, поверженный меж двух колод. Миниатюры. Сильвестровский сборник. XIV в.
(Москва, ЦГАДА)

И иже приидоша ко царю · созва царь бояры · рекоша послании
яко приидохом к нему · и дахом дары · и не возре
на на · и повеле схранити · и рече един · искуси еще · по
сли ему оружье · они же послушаша его · и послаша ему
и ино оружье · и принесоша ему · он же приим
нача хвалити и любити · и целовати царя ·
Приидоша опять к царю · и поведаша ему вся бывшая ·
и реша бояре · лют муж се хощет быти · яко имения
небрежет · а оружие емлет · имися по дань · и посла царь гла
сице · не ходи к граду · но возми дань еже хощеши · за ма
лом бо бе не дошел Царяграда · и даша ему дань · и
маше же и за убьеныя · глаголя · яко род его возмет ·
взя же и дары многы · и возвратися в Переясла
вець · с похвалою великою ·

Повесть временных лет (971 г.)
1. Византийский император с вельможами. Греческие послы подносят меч в дар Святославу. 2. Принесение греками даров Святославу. Миниатюры. Радзивиловская летопись. XV в.
(Ленинград, БАН)

Повесть временных лет (996 г.)
1. По Киеву развозят съестное и раздают нищим и больным.
2. Пир у Владимира. Миниатюры. Радзивиловская летопись. XV в.
(Ленинград, БАН)

Повесть временных лет (1016 г.)
Битва Ярослава со Святополком. Миниатюра. Радзивиловская летопись. XV в. *(Ленинград, БАН)*

Повесть временных лет (1071 г.)
Избиение волхвов Яном Вышатичем. Миниатюра. Радзивиловская летопись. XV в. *(Ленинград, БАН)*

Повесть временных лет. (1078 г.)
1. Битва под Черниговом. 2. Примирение Всеволода с Изяславом.
Миниатюры. Радзивиловская летопись. XV в. *(Ленинград, БАН)*

Повесть временных лет (1078 г.).
Осада Чернигова. Миниатюра. Радзивиловская летопись. XV в.
(Ленинград, БАН)

Повесть временных лет (1092 г.)
Засуха. Миниатюра. Радзивиловская летопись. XV в.
(Ленинград, БАН)

Повесть временных лет (1092 г.).
Моровое поветрие в Полоцке. Миниатюра. Радзивиловская летопись. XV в. *(Ленинград, БАН)*

Повесть временных лет (1097 г.).
Ослепление Василька Теребовльского. Миниатюра. Радзивиловская летопись. XV в. *(Ленинград, БАН)*

Листы рукописи. Изборник 1076 г. *(Ленинград, ГПБ)*

Лист рукописи. Изборник 1076 г.
(Ленинград, ГПБ)

СОДЕРЖАНИЕ

П15 **Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века.** Вступит. статья Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М., «Худож. лит.», 1978. 413 с.

В первую книгу серии «Памятники литературы Древней Руси» вошли произведения, созданные в XI — начале XII в.: «Повесть временных лет», охватывающая период истории от зарождения славянских племен до похода князя Святополка на половцев в 1110 году; «Житие Феодосия Печерского»; «Сказание о Борисе и Глебе» — о вероломном убийстве князей Бориса и Глеба их сводным братом; «Поучение Владимира Мономаха».

П $\frac{70301\text{-}434}{028(01)\text{-}78}$ 61-78

РІ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
НАЧАЛО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XI — начало XII ВЕКА

Редактор
Г. Бажанова

Художественный редактор
Г. Масляненко

Технический редактор
О. Ярославцева

Корректор
Л. Коншина

ИБ № 419

Сдано в набор 07.06.77. Подписано к печати 30.01.78. Бумага типогр. № 1. Формат 60×90 1/16. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». 29 усл. печ. л. 31,295+вкл.+альбом-33,261 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 843. Цена 3 р. 40 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26
Иллюстрации и форзац отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1, ул. Мира, 3.

ЕВА · ѿ ИОАНА · ГЛА · А
ИСКОНИ БѢ СЛОВО
И СЛОВО БѢ ОТЪ
БА · И БЪ БѢ
СЛОВО СЕ БѢ
ИСКОНИ ОУ
ЖИВОТЪ БѢ СВѢТЪ
ЧЛОВѢКОМЪ И СВѢ
ТЪ ВЪ ТЬМѢ СВЬТИ
ТЬСѦ · И ТЬМА ЕГО
НЕ ОБѦТЪ БЫСТЬ

3р. 40 к.

ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ
XI—
НАЧАЛО
XII
ВЕКА